
Особые полномочия

Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1976

СЕРИЯ • ПЛАМЕННЫЕ ПР РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ •

Михаил Барышев

ОСОБЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ

ПОВЕСТЬ
О ВЯЧЕСЛАВЕ МЕНЖИНСКОМ

Р2
Б26

Писатель Михаил Барышев известен читателям по книгам об Отечественной войне (романы «Листья на скалах», «Потом была победа»), о Севере (сборники рассказов).

В 1974 году М. Барышев стал лауреатом Всесоюзного конкурса ВЦСПС и СП СССР на лучшее произведение о современном рабочем классе (роман «Вторая половина года»).

В художественно-документальной повести «Особые полномочия» писатель впервые обратился к историко-революционной теме. На обширном документальном материале автор воссоздает картину первых лет Советской власти. Главный герой повести — Вячеслав Рудольфович Менжинский, профессиональный революционер ленинской школы, видный деятель Советского государства.

$Б\frac{10202-024}{079(02)-76}256-76$

ПОСТАВИТЬ НА СЛУЖБУ СОВЕТАМ...

Глава 1

Октябрьская промозглая ночь наполняла дегтярной темнотой все пространство от земли до невидимых туч. С Финского залива, как из открытого погреба, тянуло сырым холодом. По Неве катились волны, с утробным хлюпаньем бились об опоры мостов, о гранит набережных и пенными языками распластывались под стенами Петропавловской крепости.

Ветер, потеряв в путанице улиц главное направление, тянул верхом. Трогал на крышах ржавое железо, подвывал в провалах чердачных окон, побренькивал расшатанными водосточными трубами.

Зябко поводя плечами, часовой прохаживался возле литой ограды, оберегающей трехэтажное, с просторным двором, здание Государственного банка России. Холод насквозь прошибал изношенную шинель, винтовка грузно оттягивала немеющее плечо.

Лампочка над чугунным плетением массивных, наглухо сомкнутых ворот разливала тоскливый колеблющийся свет. Желтые блики его отражались в воде Екатерининского канала, чернильной полоской

уходящего в темноту. Там неожиданно возник и стал приближаться к воротам банка звук слаженных, ритмичных шагов.

Часовой вскинул винтовку и передернул затвор:

— Стой! Кто идет?

— Свои идут, браток! — совсем не по-уставному ответил молодой голос.— Советская власть топает... Слыхал про такую?

— Чево? — растерянно спросил часовой, но тут же путающимися пальцами схватил свисток и пронзительно заверещал, вызывая караульное начальство.

Вступив в желтое пятно света, отряд остановился.

По двору уже бежал с вооруженным нарядом седоусый прапорщик, начальник караульной команды из охраны Государственного банка.

— Кто такие? По какой надобности?

— Именем Военно-революционного комитета! — вздрагивающим от возбуждения баском отчеканил человек в бушлате.— Приказано взять под охрану Государственный банк... Вот мандат! Прошу пропустить караул!

Хрисанф Башмаков, выслужившийся за полтора десятка лет в подофицерский чин прапорщика, взял поданную сквозь решетку бумагу.

— Что ж, мандат по всей форме,— уклончиво сказал прапорщик, разглядывая подписи и печать.— Только у меня свой приказ имеется, и отступить от него я не могу.

— И не надо! — согласился командир отряда.— Мы полюбовно сделаем. Я твоего приказа не отменяю, и ты мне мой приказ выполнить не мешай.

— Ну и голова, как расплановал! — удивился Хрисанф Башмаков, и с морщинистого лица его исчезло

 настороженное выражение. Он повернулся к своим

солдатам.— А что? На том можно и сойтись, ребятушки.

К шести часам утра Государственный банк России оказался под двойным караулом. На посты, рядом с часовыми из охраны банка, встали матросы большевистского гвардейского флотского экипажа... Под двойной караул были взяты Государственное казначейство, Экспедиция заготовления государственных бумаг и сберегательные кассы.

Хмурое небо ватным пологом нависало над крышами домов, над взлохмаченной Невой, над мостами, каналами, скверами, проспектами и глухими боковыми улочками, в которых порой трещали выстрелы и слышался топот убегающих людей.

На площадях холодели под ветром гранитные особы низвергнутой династии Романовых. Двуглавые остроклювые орлы были скинуты с привычных мест. Там, где сбить гербы с вековых подпор не удалось, их прикрыли брезентом и рогожами, наскоро заставили щитами с облупившейся краской.

Прогрохотал броневик с флагом из яркого, хрусткого кумача. На башне броневика, из которой выглядывал настороженный сосок пулеметного дула, поверх замалеванного названия было написано: «РСДРП».

На стенах домов, на заборах, уличных тумбах и фонарных столбах белели, желтели, синели наклеенные друг на друга прокламации, листовки, призывы и лозунги. Буквы и строки налезали одна на другую, косо перечеркивались, вырывались из сумятицы типографских шрифтов.

«Вся власть Учредительному собранию!»

«Братья-казаки!.. Покажите черной сотне...»

«...а тем временем европейский контрреволюционер Вильгельм Второй...»

«Вся власть Советам!»

С рекламы кинематографа таращилась пышногрудая брюнетка, сжимавшая в руке кинжал, с острия которого щедро лилась карминовая кровь. Солдат в вытертой папахе с восторгом и удивлением глядел на писанную яркими красками кинозлодейку.

На углу послышались выкрики мальчишки-газетчика и тотчас же сбилась толпа. К газетным листам, взлетавшим над головами, тянулись нетерпеливые руки. За газету сейчас платили и пять рублей, и десять.

Со стороны Литейного показался грузовик. С него бросали листовки. Бумажная пороша белым летучим следом колыхалась в воздухе. К ней торопились люди. Ловили листы и жадно пробегали глазами строки, еще пахнущие типографской краской.

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета...»

За воротами казарм Менжинский перечитал бумагу, полученную в полковом комитете.

«ПРОПУСК

Дан сей комиссару Военно-революционного комитета при Министерстве финансов на право свободного и беспрепятственного следования по городу».

Внизу стояла подпись председателя комитета Павловского резервного полка, секретаря и была пришлепнута печать.

А вот фамилию комиссара забыли написать в выданном пропуске.

Так-то, господин бывший частный поверенный, извольте внимательно читать документы, которые получаете. Чувство досады подстегнуло, помогло внутренне собраться.

На углу Морской и Невского стоял отряд моряков. Блестели жала примкнутых штыков и на лентах бескозырок золотилась свежим тиснением горделивая надпись — «Заря свободы».

— Кронштадтцы порядок наведут,— громко сказали в очереди, хвостом тянущейся к булочной.

«Наведут»,— мысленно согласился Вячеслав Рудольфович, приметив, как из очереди недружелюбно царапнули взглядами его фетровую шляпу и ладное пальто, в котором он приехал из эмиграции.

Пальто было жидковато для петербургской осени. Надо раздобыть хотя бы теплый шарф и шапку. Хорошо бы меховую.

Вглядываясь в человеческую суматоху Невского, Вячеслав Рудольфович почти физически ощущал, как с хрустом, со скрежетом история открывала новую страницу времени.

На этой странице написано пока лишь несколько первых строк. Со временем появятся и другие, продиктованные революцией слова. А с ними — по опыту прожитого Менжинский это знал — вылезут и невнятная скоропись, и помарки, и перечеркивания, и кляксы.

Любой человек опутан сотнями нитей обыденности, привычек, условностей. Каждая из этих нитей кажется слабой, не стоящей внимания. Собранные вместе, они прочны, как якорная цепь.

Предстояла тяжелая ломка сложившейся жизни миллионоз людей.

Глава 2

Гранитная набережная Мойки плавно заворачивала в ту сторону, где находился дом под номером сорок три, массивный особняк с нарядными колоннами, затейливой лепкой по просторному фронтону и зеркальными стеклами парадного входа — министерство финансов несуществующей Российской империи.

Швейцар в теплой, с рысьим воротником ливрее бесстрастно взирал с высоты парадного на человека, одиноко приближавшегося к входу.

«Похоже, к нам... В неприсутственные часы... Видать, по важному делу. Пальтецо-то знатного пошиву...»

Взглянув на швейцара, бородатым монументом застывшего возле дверей, Менжинский опустил воротник пальто, поправил шляпу и не спеша стал подниматься по ступенькам.

Швейцар привычно склонил голову и заторопился открыть дверь.

Чиновники министерства финансов собирались не торопясь. Одни входили в комнату надутые, с брезгливо оттопыренными губами. Другие проскальзывали боком, ощупывали Менжинского цепким взглядом и сразу же отступали, терялись среди темных костюмов, форменных мундиров с петлицами и звездами, визиток и модных, дорогого сукна курток. Третьи входили просто, смотрели с откровенным любопытством.

В комнате с резными панелями и шелковыми драпировками на окнах постепенно устанавливалась выжидательная тишина.

Ее нарушил негромкий голос.

— Позвольте представиться, господа... Менжинский. Решением Военно-революционного комитета назначен комиссаром при министерстве финансов... Вот мой мандат.

Вячеслав Рудольфович поднял руку с документом Военно-революционного комитета. Мандатом никто не заинтересовался.

Молчание затягивалось, становилось отчужденным и откровенно враждебным.

Менжинский на минуту смешался. Кажется, он допустил ошибку, не продумав во всех мелочах четкой и деловитой линии разговора, не предусмотрел возможности такого вот тягостного молчания. На миг возникла мысль о силе, уме и опыте этих уверенных в себе людей.

Да, взять в руки революции государственную казну будет не так легко, как это представлялось ему еще сегодня утром.

Оглядывая собравшихся, Менжинский задержал взгляд на крепкотелом, с розовой бритой головой чиновнике, который стоял впереди других, посверкивая массивной золотой цепочкой на животе. В круглом, холеном лице его со щегольскими нафабренными усами он увидел страх. Чиновник изо всех сил удерживал его, но вздрагивающий, как у перепуганного мальчишки, подбородок и бисеринки пота на лбу выдавали его.

Они глядели друг на друга всего одно мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы Вячеслав Рудольфович понял, что страх сейчас разъединил их всех, рассыпал песчинками. Каждый в первую очередь боялся за себя и хотел в одиночку юркнуть в собственную норку, исчезнуть с глаз непонятного комиссара, пересидеть, переждать, спрятаться от веж-

ливого и страшного человека, у которого была бумага с пугающим, непривычным названием — мандат.

Гранит можно одолеть силой взрыва, с сыпучим песком можно справиться только умением. Поспешные действия таят здесь опасность.

Чиновник с золотой цепочкой на животе первым одолел навалившийся испуг.

— Позвольте! — истерически вскрикнул он.— Как вы смеете! У нас министр!.. У нас законное правительство!

Выкрик сразу сбил тишину.

— Это насилие!

— Военно-революционного комитета не признаем!

— Комиссарам не подчиняемся!

Чинные, выхоленные господа кричали, перебивая друг друга, как базарные торговки. Потрясали рыхлыми кулаками, таращили глаза и задирали ухоженные бороды.

Поблескивая стеклами пенсне, Менжинский ждал, пока утихнет бестолковый шум.

— Мы служим закону и порядку! — подскочил к нему бритоголовый с золотой цепочкой на животе.

— Я это понимаю,— ответил Вячеслав Рудольфович, и его голос неожиданно отчетливо прозвучал в комнате.— С вашего позволения, я окончил Петербургский университет по юридическому факультету. И в банке тоже имел удовольствие служить.

— В каком, если не секрет, изволили?

— В «Лионском кредите», в Париже...

Услышав такое, чиновники заметно стушевались.

— Но мы должны связаться с господином министром,— сказал крепкотелый.— Он заседает в Зимнем дворце... Мы не уполномочены...

— Вот именно,— перебил Менжинский.— Полагаю, что мой разговор с министром окажется более

результативным. Сделайте одолжение, свяжитесь по телефону с господином Бернацким.

Министр ответил, что прибыть не имеет возможности, но немедленно посылает товарища министра, чтобы устранить вопиющее недоразумение.

— Это революция, господин Бернацкий,— уточнил Менжинский.— Неужели вы еще не понимаете?

Министр замолчал. В трубке слышалось его прерывистое дыхание. Потом он посоветовал комиссару беречь Экспедицию заготовления государственных бумаг, где печатаются денежные знаки...

— Прошу не беспокоиться,— улыбнулся Менжинский.— Экспедицию побережем. Мы берем власть не на один день.

Товарищ министра Хрущев вошел в комнату шагами уверенного в себе человека.

— Что происходит здесь, господа?

— Изволил прибыть комиссар по министерству финансов,— торопливо сказал крепкотелый, оказавшийся управляющим делами...— Заявляет, что власть принадлежит рабочим и солдатам, и желает...

— Власть принадлежит Временному правительству, законно действующему до созыва Учредительного собрания органу,— сухо перебил Хрущев и повернулся к Менжинскому.— Я только что прибыл из Зимнего дворца с заседания правительства.

— А я прибыл из Смольного и уполномочен Военно-революционным комитетом.

— Я не знаю никаких военно-революционных комитетов,— взвинченным тоном возразил Хрущев.— Здесь не место для политических митингов. Здесь финансы, государственная казна. Здесь должен быть

закон и порядок. Временное правительство существует, и мы обязаны выполнять его распоряжения.

— Временное правительство сейчас командует только Зимним дворцом, господин Хрущев. Финансист должен реально смотреть на вещи. Вы правильно изволили заметить, что финансы требуют порядка и законности. За тем, имею честь сообщить вам, я и прибыл в министерство, чтобы не допустить анархии и злоупотреблений...

— Господа, никаких распоряжений этого самозванного комиссара не выполнять!..— перебил Хрущев.— Прошу возвратиться на служебные места, сохранять спокойствие и проявлять твердость духа... Твердость духа, господа! Вас, гражданин Менжинский, прошу освободить помещение. В неприсутственные часы посторонним здесь быть не полагается!

— Напрасно кипятитесь, господин Хрущев,— ответил Менжинский и взял шляпу.— Я уйду. Но вы же отлично знаете, что я вернусь.

Смешно было бы полагать, что чиновники встретят аплодисментами комиссара ВРК. Слушая озлобленные выкрики, Вячеслав Рудольфович определял меру возможного сопротивления, угадывал в истерических словах степень реальной опасности, с которой ему придется встретиться.

Внутренне усмехнувшись, Вячеслав Рудольфович подумал также, что если откровенно признаться, так в нем теплилась наивная надежда, что образованные, деловые люди, финансисты трезво оценят происходящее, осознают и поймут развитие событий. Теперь эта крохотная и, как оказалось, иллюзорная надежда окончательно исчезла.

Отряды красногвардейцев, революционных солдат и матросов окружили Зимний дворец. Временное правительство отказалось подчиниться требованию Военно-революционного комитета о передаче всей власти Советам.

Зимний был взят. Временное правительство арестовано. «Что теперь скажет господин товарищ министра финансов?» — подумал Менжинский, прибыв в Смольный на заседание Второго съезда Советов. Вячеслав Рудольфович слушал гул переполненного зала, видел, как в едином порыве взметнулся лес рук, когда принималось обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам!», написанное Лениным.

С особым вниманием Вячеслав Рудольфович воспринял слова, предписывающие «обеспечить подлинный революционный порядок».

Вспомнил истеричные выкрики чиновников в министерстве финансов и подумал, что революции предстоит еще сделать многое и очень трудное.

Смольный бурлил как вешняя вода на перекате. Вячеслав Рудольфович осторожно пробирался сквозь людскую толчею в сводчатом коридоре. Прижавшись к стенке, пропустил двух рослых матросов, кативших пулемет, едва отбился от настырного представителя какого-то непонятного комитета, назойливо совавшего проходящим мандат с расплывчатой фиолетовой печатью, растолковал уполномоченной женсовета Обуховского завода, стеснительной пожилой женщине в клетчатой шали и ватном куцем жакетике, где найти коменданта Смольного.

Примериваясь, как деликатнее перешагнуть через ноги солдата, хозяйственно устроившегося возле выступа стены, Вячеслав Рудольфович на секунду за-

мешкался. От шинели солдата остро пахло грязью и потом. Барашковая, с разрезами по бокам папаха была в желтых подпалинах. Придерживая локтем левой руки винтовку, прислоненную к стене, солдат аккуратно присыпал солью из разложенной на коленях тряпицы краюху черствого хлеба.

Увидев Менжинского, солдат поднял голову. На широком лице его с твердо очерченными скулами бугрился багровый шрам. Глаза блестели такой доверчивостью, голубизной и простодушием, что Вячеслав Рудольфович невольно улыбнулся в ответ.

— Проходи, товарищ, не стесняйся,— сказал солдат.— Теперь все торопятся.

— Спасибо,— ответил Вячеслав Рудольфович, перешагнул через вытянутые ноги солдата в заляпанных глиной сапогах и вдруг почувствовал себя нераздельно слитым со всеми, кто сейчас находился в Смольном.

В просторной комнате с настежь распахнутыми дверями шел митинг. Там было тесно от людей, душно от запаха распаренных шинелей, ватников и засоленных папах, от растоптанных сапог и нещадного дыма махорочных самокруток.

Охрипший оратор говорил о земельной программе революции.

Возле окна пожилой, густо заросший щетиной солдат, прислушиваясь к словам оратора, тут же комментировал их.

— Вы, землячки, хлебальники на каждого говоруна не разевайте,— втолковывал он двум солдатам помоложе.— Революция революцией, а нам главней всего крестьянскую линию держать... Чтобы земли́ хорошие наделы отвалили и после рождества чтобы по домам. Три года с винтовками мотаемся, бабы в

 струночку жилы вытянули, а земля пустошится...

Мало ли кто на митингах горло дерет, а весной сеять надо. Словами-то ребятишек не накормишь. Время такое теперь подступает, что у кого хлеб, тот и верх будет держать. Пусть новая власть скорее землю крестьянам отмеряет. Кто скорее отмерит, того нам и держаться надо...

— Так ведь все крестьянам землю сулят, дядя Антип... Большевики сулят, эсеры сулят тоже, анархисты на каждом митинге обещают... И эти самые... как их... Максималисты... Кого же нам держаться-то?

— Большевиков держитесь, товарищи, не прогадаете,— сказал Менжинский, проходя мимо.

— Ладно, господин хороший, сами смекнем,— недружелюбно откликнулся пожилой.— Много больно советчиков развелось...

Вячеслав Рудольфович поднялся на третий этаж. Здесь было тише, малолюднее, ощущалась собранность и деловитость. Часовые строго спрашивали пропуска.

Отчетливо и редко стучала пишущая машинка. Менжинский подумал, что секретарь Совнаркома Горбунов, видно, так и не нашел машинистки и мается, выстукивая одним пальцем по клавишам ремингтона.

Министерство финансов, пожалуй, не первоочередная забота. Там бумаги: ассигновки, лимиты, сметы, которыми не выплатишь заработную плату, на которые не купишь ни хлеба, ни одежды, ни топлива. Главное — Государственный банк, где в сейфах и кладовых хранятся денежные знаки, казна.

Задача предельно ясна и трудна до чрезвычайности.

Вспомнился утренний разговор с Ладыженским, которого Вячеслав Рудольфович знал еще по Ярославлю.

Длинный, с острым кадыком на жилистой шее и пронзительными глазами, одетый в хламиду — гибрид пиджака и чуйки, он высмотрел Вячеслава Рудольфовича в сутолоке Смольного и кинулся к нему с поздравлениями по поводу свершившейся революции. Эсер демонстративно ощерял рот, показывая провал в челюсти, оставленный кулаком дюжего приказчика из «Союза Михаила Архангела», сыпал именами и фамилиями, вспоминал подпольную работу в Ярославле.

В те давние годы ярославские эсеры сотрудничали с социал-демократами, и Менжинский однажды получил задание передать им листовки. Было названо время, пароль и место — на улице против пивной лавки «Северная Бавария». Каково же было его удивление, когда на условленном месте он увидел Ладыженского, суматошно вышагивавшего возле фонарного столба. Элементарные правила подпольной работы требовали, чтобы при любой встрече открыто никто никого не ждал.

Уроки конспирации Менжинскому давала Елена Стасова, которую он знал с самого раннего детства. Маленького Вячеслава Елена учила плавать, взрослого Вячеслава Рудольфовича она наставляла на первых шагах его нелегальной деятельности. Настойчиво, с присущей ей требовательностью и категоричностью, вразумляла, что подпольщику не следует знать лишних конспиративных тайн, что он должен хорошо владеть лицом, потому что в охранном допрашиваемого всегда усаживают к свету. Не раз она устраивала Вячеславу Рудольфовичу наглядные уроки столь нужной при нелегальной работе наблюдательности.

 «Отвернись и скажи, что ты видел?» И необходимо

было перечислить все, что заметил, едва войдя в комнату.

Вячеслав Рудольфович был благодарен строгой наставнице, крепко усвоил ее уроки и старался до педантизма, до мелочей соблюдать их в нелегальной работе.

А тут эсер, похоже, уже с четверть часа маячит на оживленном перекрестке.

«Идиотизм!— сердито подумал Менжинский.— Какой же идиотизм!» Он перешел на другую сторону улицы и свернул в ближайшую бакалейную лавку. Предосторожность оказалась не лишней. Выходя из магазина с покупками, чутким ухом подпольщика Вячеслав Рудольфович уловил сиплый шепоток густобородого дворника.

— «Трепанный», ваше благородие... С полчаса уже толчется. Не иначе, как ждет кого-то.

Потом в комитете Менжинский высказал свое мнение о незадачливом конспираторе.

...И вот теперь этот «старый борец за революцию» требует:

— Два миллиона! И немедленно, товарищ Менжинский... Свободный народ, разорвавший цепи эксплуатации, имеет право на богатства деспотов... Два миллиона!

— Два миллиона? — удивленно переспросил Менжинский, внутренне возмущаясь наглому требованию эсера. Вспыхнуло желание оборвать разглагольствования Ладыженского. Но Вячеслав Рудольфович сдержался, освободил лацкан пиджака из пальцев эсера и поинтересовался, почему он должен выдать два миллиона, да еще немедленно.

— Распоряжение товарища Троцкого,— важно сказал Ладыженский и дернул головой, как неловко взнузданная лошадь.

«Так вот кто тебя, оказывается, пригрел, «Трепанный»,— подумал Вячеслав Рудольфович и ответил, что два миллиона он выдать не может.

— То есть как не можете? — простодушно удивился Ладыженский.— Вы же комиссар по финансам.

— Во-первых, я не имею миллионов. Пока они лежат в банковских сейфах...

— Взорвать!

— Что взорвать?

— Сейфы... Немедленно взорвать. Динамитом. Я сейчас же найду подрывников.

От подрывников и динамита Менжинский решительно отказался. Объяснил эсеру, что при взрыве, чего доброго, пострадают те самые миллионы, которые так нужны «героическому борцу». Усмехнулся и добавил, что прежде, чем прибегать к динамиту, разумнее использовать менее разрушительные средства.

Революции требовались деньги. Много денег. Рабочим нужно было выплачивать заработную плату, солдатам и красногвардейцам выдавать положенное содержание. Надо было платить за хлеб, за дрова, за транспорт, платить пособия вдовам и инвалидам, содержать школы и больницы, выдавать жалованье служащим.

Предстояло идти в банк, и Вячеслав Рудольфович тщательно обдумывал план своих действий. Посещение министерства финансов подсказывало, что распутать замысловатый банковский узелок будет нелегко.

Само собой напрашивалось ясное, казалось бы, решение — не мудрствовать, взять с собой военный отряд, арестовать банковскую верхушку, отобрать ключи и получить доступ к банковским сейфам и хранилищам. А что дальше?

Государственный банк требовалось не только захватить. Надо было заставить его работать на революцию, обеспечить функционирование в интересах победивших рабочих и крестьян сложнейшего механизма, охватывающего всю Россию. Мало было овладеть деньгами. Их нужно было уметь расходовать, учитывать, транспортировать, контролировать выдачу каждого рубля, обеспечивать возврат денег в кассы банка. Вспоминались строгие залы «Лионского кредита». Двойные, броневой стали, двери хранилищ, ордера, чеки, образцы подписей, секретные системы условных символов, благоговейный порядок передачи денег из кладовых в главную кассу, из главной кассы — в расходную, система охраны, сигнальные звонки. Вспоминались переплетенные в кожу тома финансовых законов, строжайшие банковские инструкции.

Да, финансовые тузы из «Лионского кредита» умели хранить и считать деньги. Еще лучше и строже обязан делать это комиссар Менжинский, которому партия доверила народную казну. В последние дни он несколько раз ловил себя на том, что в сознании исподволь выплывают затверженные когда-то юридические постулаты: «Переат мундус, фиат юстиция» ...Пусть погибает мир, но должны торжествовать законы — так вдалбливали в головы студентам велеречивые профессора.

А ведь подобные этому постулаты остановили парижских коммунаров перед воротами национального банка. И деньги из банка тайком потекли к версальцам. На них были куплены ружья и пушки, убившие коммунаров.

Революция разрушила враждебные законы. Свои она еще не создала. Декреты Советов предписывали руководствоваться революционным сознанием. Сознание же подсказывало комиссару Менжинскому, что в

Государственном банке в первую очередь должен быть сохранен строгий порядок. Только при этом условии можно решить все остальные задачи, поставленные партией перед коммунистом Менжинским.

Он понимал, что в ходе революции теоретические выводы и положения потребуют уточнений, корректировки практикой.

Но именно практика требовала сиюминутных решений, а они-то и оказывались самым трудным и сложным делом.

Время торопило, а план овладения Государственным банком так и не складывался во всех деталях.

Глава 3

Портсигар был с монограммой и крупным рубином. Вынимая ароматную папиросу, предложенную Леонидом Юлиановичем, Ауров вспомнил ювелирный магазин на Невском, где он в прошлом году отвалил за него почти тысячу рублей.

Леонид Юлианович Сакони, ведавший в Государственном банке выдачей кредитов, не брал «барашка в бумажке», но разрешал господам промышленникам благодарить за проявленное внимание таким вот золотым портсигаром, булавкой с бриллиантом для галстука, кольцом, украшенным изумрудом, и прочими памятными «пустяковинами».

— Не извольте беспокоиться, Епимах Андреевич,— усмехнулся Сакони и со вкусом затянулся папиросой.— Из Государственного банка большевики не получат ни копейки...

— Но вы знаете, что творится на улицах? — Ауров кивнул на зашторенное окно богато обставленного кабинета, куда собеседники уединились после

ужина.— У большевиков солдаты, красногвардейцы. Матросня за ними идет. Приставят штык к заднице — и отдашь кровные, не пикнешь.

— Штыки еще не все. На штыки, как говорил Талейран, можно опереться, но сидеть на них нельзя.

— Ладно, Леонид Юлианович, ты мне французов в рот не суй...

— Кроме французов с их мудрыми мыслями у нас еще кое-что имеется. Юнкера, офицерские союзы, казаки... С фронта уже вызваны надежные части. Скоро мы всех «товарищей» — раз!

Сакони сделал растопыренной рукой короткий взмах и стиснул пальцы, будто на лету поймал муху.

— Улита едет, когда-то будет... А в банке матросский караул. Явится туда комиссар и наложит лапу на деньги.

— Не так это просто, Епимах Андреевич. Мы же — махина! По всей России конторы и отделения, коммерческие банки, ссудные учреждения, общества взаимного кредита, сберегательные кассы. Если в нашу работу вмешаются комиссары, мы будем бастовать... Есть, к сожалению, и неустойчивые личности... Рассказывают, что Лемке из Экспедиции заготовления государственных бумаг уже дал Смольному подписку о полном подчинении.

— Может, этот Лемке умнее нас с вами? — осторожно спросил Ауров.

— Вы можете последовать его примеру, Епимах Андреевич... Перепишите на гербовой бумаге вашу недвижимость, оборотный капитал и кассовую наличность и оформите дарственную комиссарам.

— Нет уж, накося-выкуси! — побагровел Ауров от такого предложения.

— Значит, насчет Лемке все ясно,— усмехнулся Сакони.— Счетчиков, курьеров и прочую мелкоту мы

сумеем урезонить. Совет банка принял решение выдать служащим жалованье за три месяца вперед... Конечно, с условием их полного неучастия в занятиях, если большевики вмешаются в работу.

— Надеетесь продержаться?

— Так ведь и вы надеетесь, Епимах Андреевич... В одной упряжке идем... Какое же у вас дело?

Обычно Леонид Юлианович не сразу соглашался на приватные беседы с промышленниками, испрашивающими кредиты. А тут стоило Аурову позвонить по телефону — и у Сакони сразу оказался «свободным» вечер следующего дня.

— Просьба у меня есть по вашему ведомству,— осторожно заговорил Епимах Андреевич.— За последние годы много капиталов вложил. Запани переоборудовал, новый завод поставил, биржу для пиломатериалов соорудил, речные пристани...

Сакони понимающе кивнул.

— Сколько думаете кредита испрашивать, Епимах Андреевич?

— Миллиончик бы мне,— поежившись от собственного нахальства, ответил Ауров.— Меньшим не обойдусь. Закладную на лесопильный завод представлю.

— Закладную! — усмехнулся Сакони.— Может, на вашем лесопильном заводе уже большевики хозяйничают?

— Пусть попробуют ко мне нос сунуть!

— Сунут, Епимах Андреевич!..

Леонид Юлианович вскочил с кресла и прошелся, остро поскрипев по паркету длинноносыми, отличного шевро, туфлями.

— Миндальничал Керенский! — зло продолжил он.— Разговорами занимался, а надо было казаков в

стольный град призвать, юнкеров собрать побольше и осиное гнездо в Смольном прихлопнуть.

— Паниковать изволите, Леонид Юлианович. В Питере горсть большевиков вас от власти отпихнула, так вы уже решили, что все в тартарары провалилось. Россия велика.

Сакони остановился возле стола и покачался на носках, закинув руки за спину.

— То разговор особый, Епимах Андреевич,— миролюбиво сказал он.— Думаю, что кредит вам мы оформим. Я завтра же поговорю с Голубовым. Полагаю, что ваше ходатайство совет банка поддержит. Но при одном условии...

Ауров насторожился. Что-то уж больно покладист сегодня господин Сакони! Раньше за сотню тысяч перед ним приходилось чуть ли не на карачках ползать, а тут стоило заикнуться — и на тебе, пожалуйста, целый миллион.

— Заем мы вам, Епимах Андреевич, оформим долгосрочный... и дадим не один миллион, а два. Но полтора вы возвратите нам векселями под поручительство... Скажем, Русского торгово-промышленного банка.

— Разве Коншин такое поручительство сейчас даст?

— Даст... Мы посоветуем.

— Кто это «мы», позвольте полюбопытствовать?

— В деловых разговорах таких вопросов не задают, Епимах Андреевич. Но я думаю, что вам надо коечто знать, поскольку вы привлекаетесь к такой операции. Деньги нужны для обеспечения деятельности «Белого креста»... Он проводит мобилизацию офицеров для активной борьбы против большевиков...

Разговор был прерван мелодичным треньканьем звонка.

Из прихожей хозяин квартиры возвратился вместе с плотным человеком.

— Знакомьтесь,— сказал Леонид Юлианович.— Господин Ауров, о котором мы с вами говорили... Промышленник.

— Уфимцев,— представился гость и, помолчав, добавил.— Имел честь служить по жандармскому корпусу.

Епимах Андреевич кивнул. Уфимцев мог не представляться. Ауров сразу признал в вошедшем жандармского ротмистра, который наезжал с воинской командой на двинский лесозавод, когда социалисты заварили там кашу.

Личное знакомство с ротмистром Ауров водить не стал, но через управляющего передал пять сотенных бумажек в благодарность за установленный на заводе порядок.

Филер с Уфимцевым тогда приезжал. Увертливый человечишко. Будто с головы до пят лампадным маслом намазан. В драной шубейке ходил по поселку, на жизнь плакался, власть ругал. Помнится, втерся в доверие к забастовщикам и разузнал, когда в ихнем комитете сборище будет.

Через управляющего тоже было передано полсотни за старание.

Фамилия у филера была такая круглая... Грошиков...

Уфимцев уверенно устроился в кресле и повернул к Сакони широкое лицо с темными, утонувшими в складках кожи глазами.

— Ну как там у вас новоявленный комиссар по финансам? Мне довелось его знавать... С вашего разрешения...

Костлявая рука протянулась к портсигару и ловко выдернула папиросу.

Пыхнув дымом, Уфимцев неторопливо продолжил:

— В феврале девятьсот третьего, если память не изменяет, прикатил к нам в Ярославль господин Менжинский. Мне тогда сразу подумалось, что неспроста принесло в нашу «Тьмутаракань» столичного господина. Выпускник университета, языки знает, манеры отменные, папаша в чинах, старший брат — человек уважаемый. По всем статьям Менжинскому в Питере проживать, а он устроился у нас помощником правителя дел на строительстве Вологодско-Вятской дороги.

— У Лаврентия Ксенофонтовича?

— Да, у господина Третьякова. Инженер Головополосов туда его рекомендовал и оказалось — со значением... За год до этого мы «Северный союз», гнездо бунтовской заразы, подмели. Его головку — Стопани, Варенцову и Герасима Колесникова арестовали. Я тогда ротмистрский чин заработал. Полковник Марков, начальник губернского отделения, тоже был весьма отмечен. Нос задрал, а революционеры снова стали копошиться. Доктор Плаксин, Романов из газеты «Северный край»— была у нас такая вредная газетенка,— зубной врач Маневич, инженер тот самый... Головополосов. Смутьяны с мануфактуры Корзинкиных, с фабрики Дунаева и Вахрамеева, со Смоляковской белильной мануфактуры... Оказалось, что Менжинский к ним на подмогу прибыл. Только мы ухо востро держали...

Картинно затягиваясь папиросой и откровенно привирая, Уфимцев рассказывал о давних делах.

Не скоро раскусила ярославская охранка респектабельного помощника правителя дел. Проворонила его поездки в Вологду, Стеблево и Туфаново для налаживания связей после удара, нанесенного жандармским провокатором «Северному союзу».

Филеры доносили начальству, что на встречах подпольщиков стал появляться «неизвестный блондин среднего роста, усы, бороды нет, одет в интеллигентный костюм». Но никто из жандармов так и не мог сообразить, что этим «блондином» является Менжинский, возглавлявший агитационно-пропагандистскую работу в бюро Северного комитета, как стал называться «Северный союз» после II съезда РСДРП.

Лишь через год полковник Марков смог донести департаменту полиции, что по сведениям, добытым агентурным путем, «находящийся на службе на названной железной дороге Вячеслав Рудольфович Менжинский... постоянно поддерживает сношения с лицами, скомпрометированными в политическом отношении».

Этого было мало. В то время охранка чуть ли не в каждом донесении писала о сношениях, крамольных высказываниях и листовках.

Факты же добыть не удавалось.

Уфимцев говорил гладкие слова, и в памяти возникали строчки из дневника наблюдений филера Грошикова за Менжинским.

«...Пришел на вокзал... С вокзала конкой поехал в магазин «Ала-тоалет»... Сверточек был, в виде пачечки бумаги. Скрылся от наблюдения...»

За «скрылся от наблюдения» Уфимцев лупил по мордасам филера. Тем временем департамент полиции перехватывал шифрованные письма, в которых Северный комитет сообщал за границу о полной поддержке позиции Ленина.

— Чисто оборотень, ваше благородие,— сокрушенно говорил филер Грошиков, утирая красные сопли после очередного ротмистровского внушения.

— В девятьсот пятом году, когда зараза стала везде шевелиться, господин Менжинский нутро и об-

наружил,— продолжал рассказывать Уфимцев.— На митингах начал председательствовать, листовки выпускать... На собрании учителей открыто призвал свергнуть власть государя-императора...

Ауров зло расплющил в малахитовой пепельнице окурок.

— Зря вам жалованье платили. Под носом у вас революцию делали, а господа жандармы, выходит, ворон считали...

— Перестаньте, Епимах Андреевич,— остановил Сакони лесопромышленника.— Что же дальше с господином Менжинским случилось?

Полковник понял, что товарища управляющего Государственным банком интересует его рассказ.

— С железной дороги, помнится, он в газету «Северный край» перебрался. Заметки против войны с япошками сочинял весьма неодобрительные. Из иностранных газет вроде как перепечатывал. Из одной возьмет кусочек, из другой ухватит, из третьей, а вместе так скроит, что вреднейшая статейка получается. Тогда уже мы его под негласным надзором держали. Проходил у нас под кличкой «Контрольный». Потом, видно, почувствовал, что мы к нему поближе подбираемся, и в Петербург укатил. Но и там себя не остепенил, не пожелал извести крамольный образ мыслей... Мне в те годы тоже довелось в столицу перебраться. Назначение по службе вышло...

Выставил ротмистра новый начальник из Ярославского охранного управления. Докопался, что экономит Уфимцев в свой карман на суммах «секретного фонда», что получил он через Грошикова взятку от уголовников, очистивших три купеческие конторы.

Влиятельный родственник замял скандал, подыскал место в департаменте полиции, в одном из секретных его отделений.

Там Уфимцеву снова стали попадаться знакомые по Ярославлю фамилии: Менжинский, Подвойский, Свердлов, Кедров.

Секретное отделение старательно сочиняло справки о руководящих деятелях РСДРП. Бумажные простыни с многими графами начинались с фамилий Ленина, Крупской, Красина, Чичерина. В этих списках упоминался и Менжинский, «помощник присяжного поверенного по кличке «Вячеслав», роль в организации — отчетная хозяйственная комиссия при ЦК». Остальные графы обычно смазывались унылой припиской, что примет и фотографической карточки не имеется. За приписку начальство гневалось, и Уфимцеву приходилось рассылать по губернским охранным управлениям запросы о проживающем за границей деятеле РСДРП Менжинском Вячеславе Рудольфовиче. Ответы приходили не обнадеживающие: дополнительных сведений о запрашиваемом не имеется.

Теперь сведения у Уфимцева имелись с избытком. Теперь бы он без суда отправил Менжинского на каторгу, на вечное поселение, вздернул бы на веревочном галстуке, поставил бы в крепости под дула винтовок.

— Не прост ваш комиссар, господа,— сказал Уфимцев.— Учтите это обстоятельство, Леонид Юлианович, когда придется иметь встречу. Умен, надо признать.

— Одного ума мало,— снова встопорщился Ауров.

— Образование сверх того юридическое,— добавил Сакони.— На этом факультете, к вашему сведению, финансовое право преподают, вексельное, насчет договоров и сделок просвещают.

От этих слов Сакони Епимаху Андреевичу стало не по себе. А ну как вылезут на свет божий дутые векселя, которые он согласился подписать на полтора

миллиона?.. Ладно, как говорится, бог не выдаст, свинья не съест. Не такие штуки господа-промышленники отмачивали, и с рук сходило. Эх, Россия-матушка, сколько у тебя миллиончиков уворовано! Прибавится к ним еще полтора, не такой уж великий грех.

— Много бы мог вам, господа, рассказать,— прервал его мысли Уфимцев и посмотрел на часы.— К сожалению, стеснен во времени. Когда могу получить деньги?

— Завтра, Уфимцев,— ответил Сакони.— Но не наличные, а векселя. Выдаст их вам господин Ауров. Так, Епимах Андреевич?

— Если успеете оформить кредит, векселя я сразу выдам. Но всю сумму одному получать опасно.

— У меня есть помощники.

— Кто?

— Если вам непременно надо знать, извольте... Войсковой старшина Раздолин, штаб-ротмистр Эльвенгрен... Крохин Фаддей Миронович.

— А это кто?

— Филер, господин Сакони,— ответил Уфимцев.— Раньше работал в Ярославле, имел по паспорту фамилию Грошиков. Между прочим, у него под наблюдением «Контрольный» находился.

— Может быть, мы в нашей операции обойдемся без бывших филеров?

— Брезговать изволите, Леонид Юлианович? — вскинул голову Уфимцев.— Напрасно... Грошиков не ради интереса фамилию переменил. И я о том знаю.

— Хорошо... Пусть будет этот ваш... Крохин.

«Здесь, выходит, Грошиков,— удовлетворенно подумал Ауров.— Куда иголка идет, туда и ниточка тянется...»

Хорошо, что Епимах Андреевич встретится с Грошиковым. Сейчас такого человека полезно под рукой

иметь. Верный будет Аурову Грошиков — Крохин. Полусотней, да выданным охранке стачечным комитетом на лесозаводе будет Епимах Андреевич его держать крепче, чем на кованой цепочке.

На другой день бухгалтер кредитного отдела Валентинов получил от Сакони указание срочно оформить кредит лесопромышленнику Аурову.

— Слушаю, ваше превосходительство... Такая сумма! Осмелюсь обратить внимание. Полагал бы нужным провести фактическое обследование залогового имущества...

Сакони слушал бухгалтера, и у него было такое выражение, словно возле лица вьется настырная муха и невозможно угадать, улетит она прочь или усядется тебе на нос.

— Сомнения, Валентинов, могут быть у господ членов Совета банка,— сухо перебил Сакони, и встал, показывая, что аудиенция окончена.

В отделе к Валентинову подскочил счетовод Скрипилев.

— Слыхал, Михал Степаныч, что говорят? — торопливо зашептал он.— Большевики придут банк грабить.

— Будет околесицу-то нести. Кабы собирались грабить, кассы под двойным караулом не держали. Дело надо делать, а ты с утра до вечера балабонишь.

Скрипилева в банке недолюбливали. Год назад этого вертлявого субъекта с водянистыми, близко посаженными глазами разжаловали из контролеров в счетоводы за учет поддельных векселей. Другому по-

лагалась бы тюрьма, а Скрипилев отделался испугом. Поговаривали, что за него вступился сам господин Сакони.

Глава 4

— Надеюсь, читали?

Управляющий Государственным банком Шипов придвинул газету на край стола.

— «Правда»? — удивился Сакони.— Это же большевистская писанина!.. Не имею желания, ваше превосходительство.

— И напрасно, Сакони... Надо интересоваться намерениями большевиков. На сегодняшний день власть у них.

— Бабочки-одподневки... Что же они пишут?

— Не пишут, Леонид Юлиапович. Отдают приказы, публикуют декреты и распоряжения. Читайте, что предписывает нам с вами их Военно-революционный комитет... Вот, слева. Сделайте одолжение.

Сакони с опаской взял рыхлый газетный лист. «...Внесение хаоса и дезорганизации в работу в революционное время совершенно недопустимо. Всякое нарушение революционного порядка будет сурово караться».

— «Сурово караться», Леонид Юлианович,— значительно повторил управляющий банком.— Вспомните, как карал французский Конвент... Без присяжных заседателей обходились, милостивый государь.

Сакони почувствовал, что от такой исторической параллели у него похолодело между лопаток.

— А юнкера? — понизив голос до шепота, спросил он.

— Будем надеяться... Наша охрана тоже подготовлена. Полковник Жмакин заверил меня, что стоит только дать знак... Но стрельба по комиссарам не

наша сфера, Сакони, а Государственный банк — не крепость Верден. Нам нужна другая оборона... Кредит Аурову оформили?

— Сегодня он получит.

— Вчера надо было, Сакони,— раздраженно перебил Шипов.— К вам придут доверенные лица господина Нобеля и князя Белосельского-Белозерского. Им дайте испрашиваемые суммы под залог акций.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Кроме того, необходимо помочь денежными средствами Банксоюзу и Кредиттруду. Тут только наличные, и не в крупных купюрах... Наша борьба против большевиков будет легальной: всеобщая забастовка банковских служащих и работников кредитных учреждений. Прошу иметь в виду, что руководство банка к этой забастовке не имеет никакого отношения. Да, Леонид Юлианович. Более того, члены Совета банка, управляющий и его товарищи, директоры отделов будут огорчены поведением служащих...

— Резонно, ваше превосходительство! — поддакнул Сакони и шевельнулся на стуле.— Если руководство банка даст приказ прекратить работу...

— ...это будет саботаж,— жестко продолжил Шипов.— А когда профсоюз банковских служащих, уважаемый Банксоюз, призовет всех прекратить работу...

— ...это будет забастовка,— закончил Сакони мысль начальника.— Во время забастовки занятия в банке прекращаются. Зарплата не выдается, пенсии не выплачиваются. Вот вам и новая власть!.. Получайте, любезные, что хотели!

— Не надо лишних эмоций, Леонид Юлианович. Борьба предстоит сложная и тяжелая. Мы не должны дать большевикам ни одного рубля... Можно арестовать правительство, разогнать полицию и расстрелять из пушек войска, верные присяге. Но самые меткие

пушки не заменят простой пишущей машинки, а самый храбрый матрос — бухгалтера или кассира банка...

Шипов не договорил. Дверь кабинета открылась, и товарищ управляющего банком Голубов торопливо подошел к столу.

— Комиссары явились, ваше превосходительство! Начальник матросни Морозов и с ним Менжинский! Желают с вами разговаривать.

Шипов побледнел и нервно пробарабанил пальцами по крышке стола.

— Просите! И немедленно пригласите членов Совета банка. Предупредите о необходимости выдержки. Разговаривать с комиссаром буду я.

Воротники белоснежных рубашек подпирали морщинистые, обрюзгшие подбородки. Сухие пергаментные лысины были прикрыты реденькими набриллиантиненными прядками.

В тишине кабинета отчетливо слышалось одышливое дыхание весьма почтенных по возрасту членов Совета Государственного банка.

Уловив злые, откровенно ненавидящие взгляды, Вячеслав Рудольфович понял, что кусаться эта братия будет отчаянно.

Но не сразу. Сейчас они растерялись, они еще надеются, что все устроится, наладится, встанет на обычные места. Что появится кто-то, обладающий привычной им силой, и уберет из банка непонятного комиссара, уничтожит пугающий мандат, защитит оскорбленные непрошеным вторжением мундиры, чины и важные должности.

Менжинский чувствовал на себе пристальный взгляд темных, с азиатским разрезом глаз Шипова.

Подумал, что управляющий Государственным банком лихорадочно ищет возможность соорудить между комиссаром Военно-революционного комитета и присутствующими баррикаду легально возможной обороны. Шипов еще не понимал неодолимости той силы, которая направила в банк комиссара Менжинского, не мог представить могущества тех миллионов людей, которые стояли за простеньким с лиловой печатью мандатом ВРК.

— Я буду краток, господа,— официальным голосом заговорил Менжинский.— Как известно, Временное правительство арестовано, и власть перешла к Советам. Вам предлагается обеспечить нормальную работу Государственного банка и припимать к немедленному исполнению все предписания власти рабочих и крестьян...

— Мы не знаем такой власти! — Шипов встал за столом, и в его голосе прорезался металл.— Не признаем законными ее полномочия... Вчера вы арестовали Временное правительство и объявили себя властью. Где гарантия, что завтра не возьмет верх в Смольном другая партия и в банк не пожалует новый комиссар?

Морозов побагровел, и рука его потянулась к рукояти тяжелого маузера.

— Не придет, господин Шипов! — отрезал Менжинский.— Я понимаю, что собравшимся здесь трудно примириться с этим. Но логика никогда не страдала от того, что ее кто-то не признавал. Подчиниться Советской власти вам придется, и чем скорее вы это сделаете, тем будет лучше.

— Что же конкретно должны, по вашему мнению, делать мы, хранители народных денег, в эти тревожные дни?

— Работать, господин Шипов. В тревожные дни надо больше работать, чтобы не допустить хаоса и расстройства дел. Предупреждаю, что прекращение работы будет расценено как злостный саботаж.

— Я не говорил о прекращении работы банка,— возразил Шипов.— Мы будем работать. Но при условии, что никакие комиссары не будут вмешиваться. Банк стоит вне политики...

— «Государство в государстве»...

— Если хотите — именно так. Государственный банк столь важный орган в механизме управления, что прекратить его деятельность было бы катастрофой.

— Потому я и приехал к вам с распоряжением Советского правительства продолжать нормальную работу. Не мы, а вы, господин Шипов, хотите внести расстройство в денежное обращение. Почему артельщики и кассиры заводов, явившиеся сегодня за деньгами на выдачу заработной платы, не получили ни одного рубля? Более того, вашими служащими распространяются провокационные слухи, что большевики хотят ограбить Государственный банк. Уж не по вашему ли приказу?

— У меня есть много более нужных дел, чем распространение измышлений,— с оскорбленным достоинством возразил Шипов.— Распоряжение вашей власти мы категорически отказываемся выполнять. Но учитывая интересы населения, армии и государства, банк будет производить некоторые безотлагательные операции.

— Не мытьем, так катаньем хотят взять, товарищ Менжинский,— хмуро сказал Морозов, шагавший ря-

дом по банковскому коридору. Походка у матроса была размашистая, с приметной перевалочкой. Ноги он ставил твердо, на всю ступню.— Не нравится мне здешняя компания... Чего с ними рассусоливать, Вячеслав Рудольфович? Возьмем завтра в экипаже подкрепление — и всех этих крикунов за манишки. Заберем деньги и начнем распоряжаться...

— Как, товарищ Морозов?

— Что «как»?

— Как начнем распоряжаться? По шапкам деньги будем раскладывать или крикнем: «Бери, кто может!» Или каждому отряду сразу по сто тысяч выдадим? Вы сядете кассовые книги вести? Шипов это понимает.

Морозов невольно поскреб жесткие, коротко стриженные волосы.

— Он же волынку хочет устроить, товарищ Менжинский... И начальник здешней охраны мне тоже не по душе. Похоже, что якшается с юнкерами.

— Да, приглядывать за ним надо.

— За охраной приглядим, товарищ комиссар. Тут будет полный революционный порядок... Твердый орешек, этот банк. Словно мыши, по углам все разбежались. Чинодралы... Пролетарской косточки здесь и духу нет. Вот в чем главная загвоздка.

Вячеслав Рудольфович слушал матроса и думал, что практика всегда вносит поправки. В теории все представлялось проще: с одной стороны массы, борющиеся за революцию, с другой — кучка реакционеров, цепляющаяся за власть и привилегии.

Насчет господ — членов Совета банка — было ясно и теоретически и практически. Но кроме привилегированной чиновной верхушки в банке работали курьеры, счетчики, экспедиторы, рабочие транспортной части. Почему же сейчас, в момент всенародной

революции, они так и продолжали оставаться под властью Шипова и компании? Что удерживает их в этой упряжке? Боязнь, привычка или многолетняя инерция подчинения? Пока они еще не могут осознать, что произошел коренной переворот, что власть взял народ, трудящиеся, к которым принадлежат и они, рядовые работники Государственного банка.

Укладывается это в теорию или нет, но с реальностью, с конкретными фактами большевик Менжинский должен считаться и исходить в своих действиях из того, что служащие пока на стороне банковской верхушки. Именно на этом Шипов строит план саботажа.

Надо выбить у него из рук основной козырь: банковских служащих необходимо привлечь на сторону Советов. Вот что на данном этапе должно быть главным в работе по овладению Государственным банком.

Однако сделать это будет нелегко. Психологически люди не подготовлены к этому. За один день, за неделю не перевернешь, не опрокинешь того, что кирпичик за кирпичиком водружалось в сознании людей десятки лет. На это нужно время, а его не было.

Многообразие и сложность повседневности снова грубо и реально вламывались в строгие хоромы логики, неуклюже ворочались там, и вокруг все трещало и рассыпалось.

«За три месяца вперед жалование выплатили...» Нет, господин Шипов, три месяца вам Советская власть саботировать не позволит. Банки должны нормально работать. Уже сегодня в министерство финансов явился представитель завода «Эриксон» и потребовал выдать деньги на заработную плату.

— Рабочим жалованье надо платить, товарищ Менжинский,— заявил представитель.— Наши завкомовцы меня послали. Добудь, говорят, Семенов, день-

ги. Хоть тресни, а добудь. Людям пить-есть надобно. У них ведь никаких капиталов в запасах нет. От получки до получки тянут. Я в банк поехал, а там концов не найдешь. Ну, я и махнул в Смольный...

Представитель завода «Эриксон» помолчал, оглядывая Менжинского, и сказал главное:

— К самому товарищу Ленину пробился... Владимир Ильич распоряжение выдал. Вот, читайте.

Вячеслав Рудольфович развернул лист бумаги и увидел знакомый быстрый почерк: «Сим уполномочен Семенов привезти в революционный Комитет комиссара Менжинского. Член ВРК Л е н и н».

— Так что, товарищ Менжинский, двинули в Смольный... Нет, деньги я добуду. Как же мне их не добыть, если теперь наша рабочая власть.

Владимира Ильича удалось разыскать на заседании Военно-революционного комитета. Осторожно, чтобы не мешать проведению заседания, Менжинский прошел к Ленину и подал ему записку. Владимир Ильич прочитал ее, чуть наморщив лоб, вспомнил в лавине неотложнейших дел просьбу представителя завода. Взял лист бумаги и написал на нем: «Немедленно выдать тов. Семенову 500 тысяч рублей для раздачи жалованья рабочим завода «Эриксон»».

...Выполнить указание Владимира Ильича комиссару Менжинскому пока не удалось.

Шагая по гулкому, выстланному отличным паркетом коридору банка, он думал, как подчинить революции финансовую систему бывшей Российской империи.

В Смольный пришлось ехать на грязном, скрипучем трамвае, который останавливался почти на каждом перекрестке.

На задней площадке упитанный господин в бекеше с каракулевым воротником приглушенным до полушепота голосом рассказывал, что Керенскому удалось добраться до фронта и теперь он ведет на Петроград то ли ударный корпус, то ли целую армию.

— С пушками и тридцатью двумя броневиками... Каюк большевикам.

— Откуда у вас такие подробные сведения? — громко спросил Менжинский.— Уж не водите ли личное знакомство с Александром Федоровичем?

«Бекешу» будто ветром выдуло из трамвая. Спрыгнув на ходу, он улепетнул в ближайший переулок.

— Патрулю надо было вражину сдать!

— Сами могли управиться, товарищи,— возразил Менжинский.

— Верно сказано,— поддержал пожилой пассажир в ватном полупальто, перепоясанном ремнем.— Рты разявили, как сваты на смотринах... Привыкать надо самим управляться.

Вожатый надоедливо трезвонил на каждом повороте, и трамвай, поскрипывая расшатанным туловом, медленно заворачивал за угол.

С низкого мутного неба падал мокрый снег. Снежинки залетали в открытую дверь, кружились и на лету таяли от дыхания теснившихся людей.

Вячеслав Рудольфович задумчиво смотрел на улицы города, в котором он родился, вырос, выбрал себе нелегкую дорогу жизни и теперь, оказавшись здесь после десятилетнего перерыва, ощутил, как его охватывают воспоминания.

Хитрая штука — человеческая память. Хочешь ты или не хочешь, а она прячет отобранное из прожитого и пережитого в потаенные сундучки, а потом вдруг

распахивает их настежь. И тогда изумляется человек тому, что вместе с главным память хранила такие пустяки, как кляксу на географической карте, гвоздику, вянущую на гранитном парапете дворцовой набережной, уютный сводчатый мостик со знакомым проломом в узорных литых перилах.

Родной Питер, по которому он тосковал в эмиграции...

Открывшийся на повороте трехэтажный особнячок с облезлыми кариатидами у парадного, строгими линиями окон и полукруглой аркой напомнил вдруг дом на Ивановской улице, в Московской части Петербурга, где в небольшой квартире прошло детство.

Вячеслав Рудольфович с предельной ясностью увидел вдруг далекого теперь мальчика, которого домашние звали Вяча. Образ этого мальчика в бархатных коротких штанишках и отглаженной до хруста рубашке с нарядным бантом, приятно холодившим шею, бережно хранился в самом потаенном уголке души. Вяча боялся темноты, сторонился шумных игр и громких разговоров. «Вяча — божья коровка!» — пыталась бывало расшевелить брата старшая сестра Вера, темпераментная, подвижная и энергичная.

Но у него был свой мир, мир рано созревшей детской фантазии и глубокой не по годам созерцательности.

Крепче всех из семьи он дружил с младшей сестричкой. С Людмилой, доброй и задумчивой девочкой. Кто бы мог тогда подумать, что в революцию пятого года хрупкая, с пышной копной волос и восторженными глазами Милочка будет возить в изящном саквояже динамит для подпольной большевистской «Военки».

Еще Вяча любил осенними и зимними долгими вечерами слушать сказки матери, в которых всегда побеждало добро.

Он рано научился читать и, одолевая страх перед темнотой, пробирался ночами в кабинет отца, учителя истории. Там в книжных шкафах мерцали золотым тиснением тяжелые переплеты. Книги влекли сильнее, чем игрушки и детские веселые забавы. С жадным любопытством мальчуган поглощал Плутарха, Грановского, Тацита, Карамзина, Соловьева и Юлия Цезаря. История отличалась от сказок матери. В ней часто, попирая правду и справедливость, торжествовало зло.

Кроме хлопот по дому мать занималась делами женского кружка. Подыскивала недорогое жилье для бедных семей, определяла на учебу чьих-то ребятишек.

Она огорчалась, что в недорогом жилье нуждается слишком много людей, что просьбы о помощи сыплются со всех сторон и только два доктора согласились бесплатно лечить бедных.

Мать дружила с Поликсеной Стасовой, которая появлялась в доме Менжинских со своей дочерью Еленой, суховатой девочкой со строгими глазами. Детское знакомство переросло в прочную и долгую дружбу с Еленой Дмитриевной, большевиком, товарищем Абсолют, работающей сейчас в Центральном Органе партии...

Мальчик Вяча с недетской пытливостью вслушивался в разговоры взрослых. Интересно, а кто такие декабристы, о которых говорит отец? Они хотели управлять страной без царя и дать крестьянам свободу?

А мама радуется, что наконец-то начали работать женские курсы. Почему же раньше они не работали?

Смешное слово «бестужевки» — «без стужи»... Самые горячие люди, наверное...

Еще были стихи. Любимым стал Лермонтов.

«...Белеет парус одинокий...»

Затем Некрасов. В память накрепко впечатались сотни строк...

...Вячеслав Рудольфович поежился от порыва промозглого ветра, ударившего в распахнутые двери трамвая, проводил взглядом белесый вихрь занесенных им снежинок и подумал, что подступает зима.

...Увлечение поэзией было таким сильным, что Вяча мечтал стать писателем. Сколько тетрадок было в детстве исписано сочиненными стихами! Потом уже взрослым, в эмигрантском тоскливом житие, он даже сочинил роман. Роман не получился. Теперь ясно, что писателем стать не суждено. Вот журналистика — тут он чувствует себя покрепче. И опыт газетной работы тоже есть.

Но любовь к поэзии с тех давних детских лет не утратилась, и каждую свободную минуту руки тянутся к книгам, к этим умным и спокойным собеседникам.

Именно книги помогли Вячеславу раньше сверстников понять, что мир больше, чем дом, двор и улица. И мальчишкой-гимназистом, бегая с ранцем к Чернышеву мосту, Вяча пытался представить себе этот огромный, влекущий мир, населенный многими миллионами людей, разноязыкий, загадочный, непонятный и близкий. Просто немыслимо было представить, что он, гимназистик в форменной шинели,— частица этого огромного мира. Маленькая и необходимая капелька из этого океана, где жили Спартак и Стенька Разин, декабристы, Кутузов, Иван Грозный и Гарибальди.

С каждой новой прочитанной книгой детское любопытство все чаще и чаще перерастало в потребность осмыслить прочитанное, одолеть преграду между ним и тем неизвестным, которое хотел постичь крепнувший разум.

Почему Жанну д'Арк сожгли на костре, если она сражалась за свободу? И казнили декабристов: Рылеева, Пестеля... Он теперь хорошо знал их имена.

Потом пришел Чернышевский с прямым, беспощадно оголенным вопросом: «Что делать?»

Юность просто дает ответы. Что делать? Конечно, бороться за правду и справедливость. Нести счастье народу, делить с ним все тяготы и невзгоды, восстать против лжи, лицемерия и зла.

Прежде всего сбросить крест и перестать ходить в церковь. Уйти из семьи, отказаться от обеспеченного существования и опеки родителей. Начать жить собственным трудом. «...Сеять разумное, доброе, вечное...»

Любимыми героями становятся Марат и Робеспьер, Костюшко и генерал Парижской коммуны Домбровский.

Но кроме вопроса «что делать?» был еще более трудный вопрос — «как делать?»

От скоропалительного решения порвать с семьей отговорили близкие и Елена Стасова. Убедили, что следует учиться.

Вокруг кипели споры между народниками, социал-демократами, легальными марксистами и либералами. Кто прав? Где истина? Каким путем идти? Ищущий юношеский ум Вячеслава жаждал самостоятельного решения. И настойчиво искал его.

Путь определился, пожалуй, уже в студенческие годы, когда был прочитан... Нет, не прочитан, а проштудирован от первой до последней строки «Капитал»

Маркса, открывший, что плотники, землекопы, каменщики, рабочие заводов, которых все больше и больше появлялось на окраинах Петербурга, мужики, простаивавшие днями возле фабричных ворот, чтобы получить место за станком, представляют в совокупности новый класс человеческого общества. Что именно этот класс будет расти и крепнуть, именно ему принадлежит будущее.

Человеческие судьбы складываются по-разному. По-разному люди и приходили в революцию. Одних к борьбе приводил стихийный бунт против зла, органическое неприятие любой рабской зависимости. У других сознание пробуждала испытанная на себе несправедливость. Третьих увлекал пример, горячее слово, порыв.

Но был еще один путь — путь сознательного и настойчивого поиска истины, кропотливый анализ явлений, событий и фактов. Именно этим путем шел в революцию блестящий по способностям, обеспеченный студент Петербургского университета, будущий правовед Менжинский.

Отвлеченно найденный путь — это половина дела. Реально вступить на него, от слов перейти к действию, зная, какие трудности тебя ждут впереди. Во имя найденной правды отказаться от всего, что окружает, от материального благополучия, от карьеры, удовольствий и привычного комфорта. Не у всех, кто сознавал эту высокую правду, хватало сил порвать сотни и тысячи видимых и невидимых связей с прошлым, сознательно свернуть с накатанной дороги на ухабистую просеку борьбы.

Вячеслав Рудольфович становится пропагандистом студенческого кружка, участником шумных молодежных сходок и жарких споров на вечеринках у Елены Стасовой.

Вспомнилась профессорская надпись на студенческом реферате: «Возвратить. Неудовлетворительным признать». Что иное мог написать благонамеренный профессор, если в реферате «Общинное землевладение в марксистской и народнической литературе» студент Менжинский блистательно доказывал марксистскую точку зрения на развитие капитализма...

...Трамвай повернул за угол. Улицы расступились, и открылась Нева. Холодная, отливающая блеском луженой жести, вода катилась к морю. Если идти вверх по течению, то рядом с Невой увидишь Шлиссельбургский тракт. Там, на задворках фабрики Максвеля, Вячеслав Рудольфович преподавал историю в Смоленских классах для рабочих. Потом ему рассказывали, что на конфиденциальный запрос императорского технического общества департамент полиции ответил, что «...не встречается препятствий к принятию... в качестве преподавателя истории в школе Менжинского Вячеслава Рудольфовича, окончившего Санкт-Петербургский университет, младшего кандидата на должность по судебному ведомству (Кабинетная улица, дом номер четырнадцать)...».

Многие революционеры делали тогда первые шаги именно в рабочих воскресных школах. На Смоленских курсах работала сестра Вера. Елена Стасова преподавала на Лиговских воскресно-вечерних курсах.

Лекции по русской истории Вячеслав Рудольфович умело превращал в уроки политического просвещения и активно использовал занятия на курсах для выявления революционно настроенных рабочих.

Преподавание в воскресной школе помогло еще лучше узнать трудную жизнь тех, кого пренебрежительно называли «чернь», «рабочая скотинка», кото-

рые трудились за гроши, ютились в грязных и унылых, похожих на конюшни, заводских «казармах».

Какие там встречались люди! ...Федор Заболотный, слесарь с Александровского чугунолитейного завода. Самородок. Золотые руки и светлая голова. Чахотка в двадцать три года, потом, в девятьсот пятом,— тюрьма и сибирская ссылка, куда Федор уже не осилил этапной, кандальной дороги.

В воскресной школе Вячеслав Рудольфович учил и учился сам. Пришел преподавателем истории, вышел из школы секретарем партийного комитета Невского района Петербурга...

...Вагоновожатый явно не торопился. На каждой остановке трамвай стоял чуть ли не по пять минут, пока не раздавался надсадный перезвон и за окнами медленно начинали проплывать дома родного Питера, по которому Вячеслав Рудольфович так тосковал в эмиграции.

Не по своей воле пришлось покинуть десять лет назад милый сердцу город.

Провокатор выдал заседание комитета военной организации и редакции газеты «Казарма», на котором должно было обсуждаться обращение к солдатам Петербургского гарнизона с призывом поддержать восстание в Свеаборге.

Наборщики подпольной типографии жаловались на неразборчивый, бисерно-мелкий почерк члена редакции «Казармы» Менжинского. Поэтому обращение Вячеслав Рудольфович на сей раз написал крупными четкими буквами, израсходовав на него чуть не всю объемистую тетрадь.

Жандармы ворвались неожиданно. Тетрадь с текстом обращения в мгновение ока уничтожить было не-

возможно. Спасли выдержка и самообладание. Сунув тетрадь во внутренний карман сюртука, Вячеслав Рудольфович неторопливо снял его и повесил на спинку стула, как бы готовясь к обыску.

Огорошенные вежливостью и предупредительностью Менжинского, филеры не догадались обшарить карманы его сюртука.

Когда везли в арестантской карете в Литейную полицейскую часть, тетрадь удалось незаметно выбросить.

При обыске ничего не обнаружили, и в графе «основания для привлечения к судебной ответственности» вынуждены были написать: «Записка СПб охранного отделения от 2/VIII — с.г. ...о принадлежности Менжинского к военной организации».

Процесс готовился нешуточный. Жандармское управление сообщило в департамент полиции, что подпольный военный комитет «направлял деятельность на преступную организацию среди войск Петербургского гарнизона, а также имел влияние и на Окружной район, в который входили войска, расположенные в Кронштадте, Ораниенбауме, Красном Селе и других находящихся близ столицы городах».

Допрашивал Менжинского ротмистр Коллинг, высокий и холеный, туго затянутый в мундир. Возле уха у него был аккуратный пробор, расчесанный волосок к волоску. От ротмистра всегда пахло духами.

Коллинг угощал подследственного дорогими папиросами и сельтерской водой, участливо заглядывая в лицо, расспрашивал о самочувствии и уверял, что несмотря на различие положения, он испытывает к Менжинскому человеческую симпатию и полагает, что проступок его совершенно случаен.

— Конь, батенька мой, о четырех ногах, и то спотыкается,— с улыбкой заявил ротмистр на первом же допросе.— Давайте мы будем из этой мудрости исходить. Что делать, человеческой природе свойственны минутные заблуждения.

Кошачьей бесшумной походкой ротмистр расхаживал по комнате, четко, по-военному, поворачиваясь в углах. Глуховатый, хорошо отрепетированный баритон жандарма невольно успокаивал.

— Надеюсь, что мы поймем друг друга, господин Менжинский. Культурные и образованные люди всегда говорят в сущности на одном языке.

Коллинг круто повернулся и застыл, прицелившись в допрашиваемого прозрачными глазами. Взгляд ротмистра выдал его, и Вячеслав Рудольфович остро ощутил всю глубину опасности.

— Нет, не на одном, господин ротмистр. Вы считаете революцию злыми кознями бунтовщиков, а я объективной исторической закономерностью...

У Коллинга выписались возле рта жесткие морщины и резко дернулась бровь. Он прошел к столу и деловито раскрыл папку.

— Вы так полагаете? Не заблуждаетесь ли, сударь? А вдруг вы в революцию поиграть захотели? Кажется, сейчас это модно у просвещенных господ. И дамам либеральные слова головы нынче кружат. Мы ведь с вами одной породы. Белая кость, с вашего позволения.

— Естествознание утверждает, что все люди рождаются с белой костью.

— Извините, я упустил из виду, что вы убеждены в равенстве людей.

— Не убежден, господин ротмистр.

— Вот как? Любопытно, любопытно. И в чем же проявляется неравенство?

— К сожалению, кроме умных, на свет рождаются и дураки.

Коллинг стушевался, не зная, что ответить на неожиданную реплику.

— Не будем увлекаться абстрактными материями, господин Менжинский. Попробуем беседовать предметнее...

Ротмистр хорошо подготовился к допросу. В жандармской папке был собран весьма обширный материал.

— Шестую гимназию изволили окончить... Я тоже в ней два года учился, когда мы возле Чернышева моста проживали. Позже вас классы посещал, но все-таки в некотором роде однокашники. Греческий, признаюсь, терпеть не мог. Да и латынь тоже. Как это... Эст модус ин ребус, сунт церти деникве фунус.

— ...деникве финес, с вашего позволения,— поправил Менжинский.

— Пятерку небось по латыне имели? — усмехнулся Коллинг.— А меня к языкам, как говорится, бог не сподобил. Географией, представьте себе, увлекался. До сих пор не теряю интереса.

— В вашем деле географию полезно знать. Иметь полное представление о «местах отдаленных».

Ротмистр оставил реплику без внимания.

— Да, милая гимназическая пора. Классы, балы, записки к знакомым гимназисточкам. На дачу, помню, летом выезжали под Ораниенбаум... А у вас где дача была? Впрочем, какое это имеет значение... Важно другое, господин Менжинский,— много общего у нас с вами было в золотом, давно отзвеневшем детстве... И закон божий тоже небось на пятерку учили?.. Авраам родил Исаака... Мужчина родил мужчину. Сейчас это для нас звучит нелепо, а батюшка за сомнения в угол ставил, колы вкатывал... С золотой

медалью гимназию изволили окончить? Все пути вам были открыты. Просто позавидуешь...

— У вас, господин ротмистр, перспектива, судя по всему, оказалась более ограниченной.

Коллинг дернул бровью и, сделав вид, что не заметил иронии, перевернул лист в папке.

— Юридический факультет Петербургского университета. Служение закону и порядку... Похвальный выбор, господин Менжинский. Поначалу, если я не ошибаюсь, у вас было намерение поступать на медицинский факультет? Что же изменило ваши планы?

Ротмистр вскинул голову, и глаза его ожидающе застыли на лице Менжинского, явно поощряя его к откровенности.

У Вячеслава Рудольфовича снова возникло ощущение, что он идет по самому краю, что одно лишнее движение — и он попадет в руки Коллинга, который стремился «разговорить» подследственного.

Внутреннее чутье подсказывало правильную линию поведения, интонацию ответов и позволяло контролировать каждое слово — Коллинг не должен знать, например, о студенческом кружке по изучению «Капитала» и о «желтых тетрадочках» — работе Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», ходивших по рукам в университете.

Сейчас, в сводчатой, с пыльным зарешеченным окном комнате жандармского следователя, Вячеслав Рудольфович внезапно обострившимся внутренним зрением как бы проникал в суть вещей и понятий, снова и снова убеждаясь, что жил правильно, знает, как жить дальше и куда идти.

Он усмехнулся в ответ на ожидающий взгляд Коллинга и сказал:

— Я понял, что нужнее врачевать болезни не физические, а социальные.

Бритые щеки жандарма взялись неровными пятнами. Самообладание стало изменять ему.

— А мне непонятно, господин Менжинский, что может связывать вас с неграмотной чернью, которой просто хочется каждый день жрать доотвала ситный, меньше работать и до потери человеческого образа хлестать сивуху. Вы же Шекспира читаете по-английски, Ибсена по-шведски, а Гете по-немецки.

Вячеслав Рудольфович подумал, что по-немецки он читает не только Гете. Еще студентом он как участник кружка по политической экономии перевел на русский язык отчет об Эрфуртском съезде социал-демократической партии и принятую съездом программу. В такие подробности биографии ротмистра Коллинга посвящать было ни к чему.

— Интеллигентные, образованные люди должны быть столпами общества, опорой порядка и власти государя-императора,— набухая кровью, продолжал Коллинг.— Напрасно вы упорствуете, Менжинский. Пока вы еще можете изменить собственное положение. Все, как говорится, в руках человеческих.

Коллинг перестал угощать подследственного папиросами и сельтерской, стучал по столу растопыренной ладонью и грозил, что выведет всех бунтовщиков на чистую воду. Успокаивался и снова принимался долдонить о «столпах» и «опорах» и фарисейски сокрушаться о «загубленной жизни» Менжинского.

«Виновным себя не признал и никаких объяснений по делу не дал»,— так вынужден был написать ротмистр в обвинительном заключении.

Затем была одиночная камера и голодовка. О голодовке узнали на воле. Оттуда пришла помощь и под-

держка. Прокурор и следователь, испугавшись широкой огласки, сдались и вынесли постановление: «Обвиняемого Менжинского из-под стражи освободить, для пресечения же ему способов уклониться от следствия и суда впредь до решения дела отдать под особый надзор полиции». Удалось перебраться в Финляндию, через Гельсингфорс выехать в Швецию, а оттуда уже был открыт путь в Брюссель, в долгую эмиграцию.

Уже находясь за границей, Вячеслав Рудольфович прочитал в газете «Новое время» о состоявшемся суде. Те, кому не удалось ускользнуть от лап жандармов, были признаны виновными и приговорены к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы.

Эмиграция длилась десять лет...

Откроет завтра Шипов банк или они все-таки решатся объявить забастовку?

Закрыть банк этим господам тоже не просто. Тогда и любезные их сердцу клиенты не получат ни копейки.

Глава 5

Революция несла лавину дел. Надо было удержать на своей стороне солдатские полки, в которых с утра до вечера шли митинги, одолеть «Комитет спасения» и городскую думу, навести порядок в городе, где начались погромы винных складов, налеты и бандитизм. Надо было обороняться против наступающих немцев, готовиться к бою с Керенским, сбежавшим в Гатчину, утверждать власть Советов в губерниях, городах, уез-

дах, поселках, деревнях, хуторах, аулах, аймаках, починках и заимках разноплеменной, накаленной до предела страстями и событиями, раскинувшейся на тысячи километров России.

Все это надо было делать немедленно, а чиновники почты и телеграфа лишили связи, железнодорожные служащие отказывались выполнять предписания о перевозках, в продовольственных ведомствах скрывали адреса складов с продуктами, банки не выдавали денег.

Эсеровская «Воля народа» опубликовала приказ Керенского:

«Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели... Приказываю всем начальникам... во имя спасения Родины сохранить свои посты, как и я сохраняю свой пост Верховного Главнокомандующего, впредь до изъявления воли Временного правительства республики...»

Всероссийский съезд Советов объявил:

«Предписывается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться, как тяжкое государственное преступление».

«Комитет спасения родины и революции» истерически заклинал:

«Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир... Не признавайте власти насильников! Не исполняйте их распоряжений».

Ему подпевали эсеры и меньшевики-оборонцы:

«Не верьте обещаниям большевиков! Вас подло и преступно обманули!.. Наш долг — разоблачить этих предателей рабочего класса».

«Правда» предельно четко формулировала задачи революции: «...первая задача теперь — охранить все подступы к Петрограду.

Вторая задача — разоружить и окончательно обезвредить контрреволюционные элементы в Петрограде.

Третья задача — окончательная организация революционной власти и обеспечение осуществления народной программы».

На ночь Вячеслав Рудольфович снова устроился в низком кресле, оттащив его в дальний угол. Вытертая пыльная обивка пахла затхлостью и мышами, согнутые ноги немели в коленях. Мысли, тяжелые и угловатые, как кирпичи, не давали уснуть.

Когда же наконец удалось все-таки забыться, громкие голоса и хлопанье дверей разбудили еще до рассвета.

Голова гудела, веки были тяжелыми, на щеках непривычно кололась щетина. Вячеслав Рудольфович провел рукой по подбородку и подумал, что в суматохе дел иной раз и за собой посмотреть некогда. «В первую очередь надо побриться... Нельзя появляться в банке в таком виде, товарищ комиссар...»

Жестяная солдатская кружка обжигала губы, но хорошо заваренный чай вернул ясность мышления.

Менжинский, в единственном лице представлявший пока финансовый аппарат Советской власти, уединился в кресле, которое стало уже привычным за проведенные в нем несколько ночей, и на подвернувшемся под руку измятом конверте начал набрасывать вопросы, требующие самого безотлагательного, по его мнению, решения. Скоро конверт оказался сплошь исписанным.

В особняк, где размещался Учетный и ссудный банк Персии, собирались поодиночке. Называли в вестибюле пароль и проходили наверх, в отделанную мореным дубом комнату.

— Рад сообщить вам, господа,— товарищ министра финансов Шателен вскинул голову и торжествующе оглядел собравшихся,— что генерал Краснов занял Красное село и в ближайшие дни будет в городе. В Петрограде бастуют служащие шестнадцати министерств... Большевики оставлены без продовольствия, без связи, без транспорта и без денег! Банки должны выполнить свой долг по обеспечению денежными средствами истинных патриотов России, выступающих с винтовками в руках против большевиков. Господин Коншин, информируйте, пожалуйста, об обстановке в коммерческих банках.

Председатель правления Русского торгово-промышленного банка встал, солидно откашлялся и огладил тщательно подбритую бороду.

— Акционеры, члены правлений и работники коммерческих банков полностью солидарны с точкой зрения, высказанной господином Шателеном. Я полагаю также, что тактика нашей борьбы должна быть эффективной и гибкой.

— Как вы ее себе представляете, господин Коншин?

Коншин повернулся в сторону спрашивающего.

— Гибкая тактика предполагает множество решений, зависящих в каждом отдельном случае от конкретной обстановки. Завтра, например, мы решили не открывать банки по причине стрельбы на улицах, которая может угрожать бандитскими налетами, а также в связи с перерывом телефонного сообщения.

— В качестве мотивов вы можете добавить, что чеки, выданные на Государственный банк, остались без оплаты,— подсказал Сакони.

— Совершенно справедливо заметили,— согласился Коншин.— Но сейчас возникают некоторые практические вопросы. Мы могли бы в коммерческих банках более активно производить нужные нашему делу операции, которые в Государственном банке становятся уже затруднительными...

Собравшиеся насторожились.

— Господа акционеры просили меня передать предложение, чтобы денежная наличность наших банков была укреплена за счет запасов Государственного банка...

— В вашем предложении, господин Коншин, есть разумное зерно,— перебил Шателен,— но, к сожалению, принять его не представляется возможным. Мне рассказали о недавнем выступлении Ленина на заседании так называемого Петроградского Совета. Он заявил, что одной из задач Советов является установление контроля над банками.

— Но, видимо, предполагаются различия в отношениях к Государственному банку и коммерческим банкам, представляющим акционерные, в сущности, общества.

— Не думаю, господин Коншин... Я позволю себе закончить мысль... Ленин говорит об установлении контроля над банками... Заметьте, господин Коншин, «над банками»!

— Но ведь сказано только о контроле! Извините, что я прерываю вас.

— Я понимаю вашу взволнованность... Нет, речь, мне кажется, идет не только о контроле. Этот контроль большевикам нужен как первый шаг, чтобы
 превратить банки... все банки, господин Коншин!..

в единый Государственный банк. Я надеюсь, что вы доведете комиссарскую программу до сведения господ акционеров... Мне поручено также, господа, сообщить вам, что арест членов Временного правительства не означает прекращения его деятельности. Правопреемственность законных правительственных функций в Петрограде обеспечена. Естественно, пока в нелегальных условиях. Как товарищ министра я предписываю неуклонно выполнять все распоряжения органа власти, действующего сейчас под наименованием «Малого совета министров». О возможных каналах связи нужные лица будут конфиденциально информированы.

«...Рабочее и Крестьянское правительство предписывает открыть завтра, 31 октября, банки в обычные часы, с десяти утра до двух с половиной часов дня.

В случае, если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правлений банков будут арестованы, во все банки будут назначены комиссары временного заместителя народного комиссара по министерству финансов, под контролем которого и будет производиться уплата по чекам, имеющим печать подлежащего фабрично-заводского комитета...»

Вячеслав Рудольфович перечитал постановление, под которым его подпись стояла рядом со стремительной, известной теперь множеству людей подписью — В. Ульянов (Ленин), и заторопился в Секретариат.

— Покорнейше прошу направить постановление для немедленной публикации в газетах,— сказал Вячеслав Рудольфович, вспомнил блестящие, уверт-

ливые глаза Шипова и добавил: — И дополнительно предпишите, что не исполнившие это постановление будут подлежать ответственности. Самой строгой революционной ответственности. Чтобы заправилы опять не вздумали волынку тянуть.

Менжинский одобрительно наблюдал, как работник Секретариата написал несколько строк и приколол аккуратную четвертушку бумаги к тексту постановления.

Как бы найти хоть несколько таких вот толковых и спокойных работников для министерства финансов и банка? Все будет много проще, если заменить там чиновничью верхушку преданными Советской власти специалистами, знакомыми с банковскими операциями и бюджетным правом.

Менжинский вспоминал товарищей по прежней работе, дотошно перебирал чуть ли не по пальцам петербургских знакомых, при каждой встрече теребил Подвойского и Бонч-Бруевича. Но если и находился подходящий человек, то обычно оказывалось, что он занят таким делом, от которого оторвать его просто невозможно.

Помощь предложил Ладыженский. Прознав, что Вячеслав Рудольфович ищет людей, ярославский знакомый заявил, что готов немедленно возглавить Государственный банк.

Эсер явно неплохо устраивался в революции. За считанные дни лицо его приметно округлилось. Нелепое одеяние он сменил на новенькую, блестящего хрома куртку, а вместо шляпы с обвисающими полями на его голове красовалась военная фуражка.

— Давайте декрет, и завтра же гарантирую получение денег, — сказал Ладыженский и выразительно положил руку на кобуру нагана, упрямо сползав-

шего на живот.— Левые эсеры меня полностью поддержат. Ключи от сейфов положим в карман... А печать на бумаги шлепать — это уже самое легкое дело.

— Простите, а раньше с финансами вам приходилось дело иметь?

Ладыженский осклабился.

— К сожалению, не больше чем в размерах четвертной. С этим вопросом у меня всегда туговато было. При чем тут «раньше»? У нас рабоче-крестьянская революция. Важен дух!.. И образование тоже имеется, если хотите... Помощник провизора, к вашему сведению.

— Несколько иной профиль...

— А вы не интеллигентствуйте, товарищ Менжинский,— разозлился эсер.— Розовый сиропчик разводите, а здесь требуется революционный порыв! «Иной профиль»... Я голову на эшафот готов положить.

— Положить голову на эшафот можно и не будучи якобинцем.

— Чего? — опешил Ладыженский.— Как это понимать? Уж не за жулика ли вы меня считаете?

Но Вячеслав Рудольфович уже уходил по коридору.

Записки Менжинского во ВЦИК с настойчивым требованием дать нужных людей оставались без ответа.

Одолев заслон секретарей и спесивых помощников, Вячеслав Рудольфович пробился на прием к Каменеву.

Досадливо покатывая граненый карандаш, председатель ВЦИК выслушал просьбу и ответил, что найти в данный момент людей для работы в Государственном банке не представляется возможным.

— Активнее действуйте, товарищ Менжинский,— добавил Каменев.— Развивайте революционную инициативу. Утройте, удесятерите собственные усилия. Порыв революционного народа сметет все преграды на нашем пути. Нам нужно верить не в силы индивидуумов, а в силы масс, восставших против ига эксплуататоров. Дерзайте, и вы добьетесь успеха.

Вячеслав Рудольфович с внутренней усмешкой слушал трескучие фразы, которые всегда у него вызывали ассоциацию с детским калейдоскопом — картонной трубкой с разноцветными блескучими стекляшками.

Возвращаясь, Менжинский испытывал досаду, жалея потерянное время, каждый час которого был ему очень нужен. Зная Каменева, он должен был предвидеть, что ничего хорошего от разговора с ним не получится. «...Утройте, удесятерите собственные усилия...»

Вячеслав Рудольфович разозлился. В сутках двадцать четыре часа, двадцать из них комиссар Менжинский работает. Он и сам бы не прочь растянуть сутки этак часов на шестьдесят. Но, к великому сожалению, это невозможно, товарищ Каменев. Даже «утроив, удесятерив усилия».

С помощью соседей по комнате Вячеслав Рудольфович притащил в помещение Управления Делами Совнаркома просторный диван, поставил его возле стены, раздобыл подходящий лист бумаги и написал на нем крупными буквами: «Комиссариат финансов».

Прикрепил надпись над диваном, отошел в сторону, полюбовался и остался доволен собственной работой.

Совет Народных Комиссаров потребовал срочно открыть в Петроградской конторе Государственного банка текущий счет на имя Советского правительства и зачислить на этот счет необходимые средства.

— Выдачи со счета будут производиться по ассигновкам, подписанным Председателем Совнаркома Владимиром Ильичем Ульяновым-Лениным,— сказал Менжинский и протянул Шипову бумагу с печатью Совнаркома.— Вот заверенные образцы подписей для оформления операций по счету. Надеюсь, этого вам достаточно?

— Безусловно, господин Менжинский, для технического оформления выдач с текущего счета этих документов вполне достаточно,— согласился Шипов и вернул бумаги обратно.— Но Государственный банк не имеет права открыть подобный счет. Должностные лица банка связаны предписаниями законов. Сметы и текущие счета на нужды правительства открываются лишь по ассигновкам министерства финансов на основе росписи расходов Государственного бюджета. Извините, что вынужден говорить такие очевидные вещи...

— Я понимаю, почему вы говорите о таких очевидных вещах,— перебил Менжинский.— В вашем изложении финансовая азбука далеко не проста: поскольку Советское правительство собственный бюджет не утвердило и росписи его доходов не существует, то не может быть и упомянутых вами ассигновок для открытия счета Совнаркому.

— Я говорю только об установленном порядке, господин Менжинский.

— Хорошо, в таком случае мы попробуем разобраться в финансовых законах, хотя Российской империи уже и не существует.

Вячеслав Рудольфович взял увесистый том и раскрыл его на странице, предусмотрительно заложенной им закладкой.

— Вот, читайте, господин Шипов... Законодательством предусматривается, что ассигнования на чрезвычайные нужды могут быть открыты сверх установленной росписи расходов бюджета за счет резервных фондов... Прочтите, сделайте одолжение.

Шипов нервно крутнул головой.

— Мне известна эта статья. Но ведь и для такой операции полномочный орган власти должен принять соответствующее решение.

— Он принял, Шипов... Совет Народных Комиссаров принял такое решение, и по всем существующим законам вы, управляющий Государственным банком, обязаны выполнить распоряжение законного правительства.

Шипов облизал пересохшие губы. От его уверенности ничего не осталось. Казалось, управляющий банком в одну минуту то ли усох, то ли вжался в кожу массивного кресла.

— К вашему несчастью, я знаю финансовое законодательство, и увертки не помогут... Это саботаж, Шипов! Припомните, пожалуйста, что полагалось по законам Российской империи за сопротивление предписаниям органов государственной власти... Советую вам на досуге обновить в памяти эту статью Уложения о наказаниях...

— Я не могу единолично решить вопрос об открытии текущего счета. Это относится к компетенции Совета банка.

Совет банка в открытии счета отказал. Банксоюз вынес постановление, что любое вмешательство представителей Военно-революционного комитета во внутреннюю жизнь банков, а также появление в них ко-

миссаров и военных патрулей автоматически вызовет немедленную остановку работы и прекращение операций по всем неотложным нуждам.

«Ультиматум Советской власти объявили»,— усмехнулся Вячеслав Рудольфович. От усталости в висках постукивали назойливые молоточки. Строки на ультиматуме банковцев мельтешили и наплывали одна на другую. Вячеслав Рудольфович провел по лицу растопыренной пятерней.

— Товарищи, победа! — громко и радостно крикнул кто-то в распахнутую дверь.— Наши войска взяли Красное и наступают на Гатчину... Керенский опять бежал!

—Куда?

Но тот, кто сообщил новость, уже умчался.

«Ну вот, с этим справились»,— подумал Вячеслав Рудольфович и ощутил, что самое лучшее, что он может сейчас сделать,— это лечь спать.

Он снял пальто, поправил надпись над диваном, извещавшую о местонахождении важного наркомата Советской республики, лег, с наслаждением вытянул ноги и мгновенно уснул.

Менжинский не слышал, как в комнату Управления Делами вошел Владимир Ильич, и Бонч-Бруевич доложил ему, что у Советской власти уже организован второй комиссариат.

— Позвольте, Владимир Ильич, вас познакомить.

Бонч-Бруевич подвел Ленина к дивану, на котором спал Менжинский.

Владимир Ильич прочитал надпись, взглянул на спящего временного заместителя наркома финансов, улыбнулся и сказал, что, пожалуй, хорошо, когда народные комиссары начинают деятельность с того, что подкрепляют силы.

Глава 6

На мгновение охватило ощущение беспомощности. Казалось, впереди была стена. Глухая и податливая как резина. Надави — она поддается, отпусти — она тут же обретает прежнюю форму.

Сейчас, наедине с собой, Вячеслав Рудольфович с беспощадной прямотой оценивал, анализировал собственные действия за последние дни.

Кое-что сделать удалось. Государственный банк начал выдавать деньги на заработную плату и на покрытие расходов по неотложным нуждам. Коммерческие банки вчера тоже целый час производили кассовые операции.

«Не целый час, а только час... Единственный час»,— поправил себя Вячеслав Рудольфович и поглядел на бумаги, разложенные на столе. Торопливые строки не очень разборчивого почерка сливались в тусклые полосы. Бумаги сейчас были инквизиторами. Одолевали бесконечными вопросами, требовали, торопили, укоряли.

Усталость подошла к тому пределу, когда организм наотрез отказывается повиноваться воле.

«Все»,— решительно сказал сам себе Вячеслав Рудольфович, сгреб бумаги в ящик стола и подумал, что нужно увидеть Веру, сестру. Это же бог знает, что такое! Живут в одном городе. Пустяк езды друг к другу, а не могут встретиться.

Сейчас же, немедленно,— к Вере.

Вера Рудольфовна обрадовалась его приходу, захлопотала. Притащила чайник с кипятком, нарезала хлеб и жесткую пайковую колбасу.

— Ешь...

Села напротив, подперев по давней привычке кулаком подбородок, и уставилась темными понимающими глазами.

— Устал... Плохо ешь, мало спишь. Как здоровье?

Чтобы подавить настойчивое желание пожаловаться, Менжинский вслух начал вспоминать полузабытые картины прошлого, случаи из детства. Вера слушала внимательно и улыбалась. Она понимала Вячеслава, и ей хотелось подойти, обнять его, посестрински пожалеть. Но она знала, что делать этого нельзя. Вячеслав должен сам одолеть, победить собственные сомнения и усталость. Она знала, что брат не принимал никогда чужой участливости к себе, если даже она исходила от самых близких людей.

— Кажется, я начинаю уставать,— все-таки признался Вячеслав Рудольфович сестре.

Чай разливал успокоительное тепло. О стакан было приятно греть ладони.

— И мерзнешь, конечно.

— Что ты... Ты погляди, какую шапку я себе раздобыл!

Вячеслав Рудольфович снял с вешалки и продемонстрировал овчинную, в густых завитках, казачью папаху, добытую по случаю.

Вера покосилась на легкое пальто брата и подумала, что к такой папахе неплохо было бы Вячеславу раздобыть еще полушубок. Или зимнее пальто. С воротником. Холода ведь на носу.

У нее, конечно, нашелся шарф, пушистый и теплый. Как раз такой, о каком он мечтал.

— Как дела идут?

Вячеслав Рудольфович поставил стакан, помолчал и признался:

— Трудно... Нужны люди, а их нет. Я тереблю всех, кого можно, а мне отвечают, что главное сейчас фронт. А здесь разве не фронт? Убить можно не только пулей. Голод, холод, болезни... Без денег не купить хлеба, топлива, одежды. Нет, в банке сейчас тоже фронт, тоже сражение...

— А ты знаешь, как сражаться?

— Знаю,— ответил Вячеслав Рудольфович и удивился четкости и определенности собственного ответа.— Прежде всего привлечь на нашу сторону младший обслуживающий персонал и тех честных людей, которые, я убежден, есть и в банке, и в министерстве финансов.

— Просто.

— Нет, не просто... Меня уже упрекают в том, что я либеральничаю, верю Шипову. Я не верю ему ни на йоту. Но я не могу допустить, чтобы банк хотя бы на день прекратил работу. Не имею права допустить и потому должен маневрировать. Нужно ведь и это делать.

— Да, но в строгих пределах... В очень строгих пределах, Вячеслав.

— Я это делаю в пределах моего плана... Ты меня не выслушала до конца.

— Извини, пожалуйста... Давай я тебе еще налью.

Вера Рудольфовна неспешно стала разливать чай. В движениях рук была женская заботливость, умиротворяющее спокойствие.

— Кроме того, надо установить источники финансирования саботажа... Я знаю, что саботажникам раздают деньги. Я уже разговаривал с Подвойским... Раздатчиков денег выловим. Они орудуют возле Казанского собора, на Литейном, в Михайловском сквере. Когда саботирующий чиновник истратит последний рубль, он пойдет служить Советам...

— Логично.

— И контроль на всех банковских операциях. Пока недостает преданных людей, и мы не можем работать на доверии, нужен жесточайший, повсеместный контроль.

— Но контролировать должны тоже люди.

— На людях замыкается все. Вся революция. А поскольку она развивается и крепнет, значит будут и люди. Вот только время... Время! Какая это беспощадная и необратимая категория бытия!..

Все вокруг было наполнено сырым мраком, будто кто-то перемешал небеса и землю, и теперь не разобрать, где верх, где низ, где начало и где конец.

Светляк фонаря на углу не мог разогнать темноту, и оттого она казалась еще плотнее и непрогляднее.

Прошел патруль — два матроса с винтовками, завернул в переулок, и там вдруг будто хлопнула бутылочная пробка. В ответ бабахнули отрывистые винтовочные выстрелы. Затем патруль снова показался в слабом свете фонаря. Один из матросов прихрамывал, второй подталкивал прикладом человека в шинели.

«Борьба продолжается»,— подумал Менжинский, в одиночестве стоя у окна.

Что творится сейчас под непроглядным ночным покровом?

Может, другие не рассуждают? Не строят логических схем, не философствуют.

Может быть, именно в эту минуту, когда комиссар Менжинский стоит у окна, невольно ощущая настороженность ночных улиц, кто-то уносит деньги из банковских сейфов.

После ареста полковника Жмакина солдаты охраны избрали комитет, который теперь помогает вновь назначенному коменданту Государственного банка штабс-капитану Кудрявцеву.

Но на коменданта полностью полагаться тоже нельзя. По слухам, он имеет связи с представителями городской думы и эсерами. Надо завтра же настоять, чтобы были усилены караулы. Тем более, что отряд матросов, охранявший банк, ушел на фронт. Предотвратить тайную утечку денег из банка — вот первейшая задача.

И тряхнуть заправил. Членов Совета, управляющего с товарищами, директоров отделов и начальников канцелярий. Тех, кто в положенные часы аккуратно приходит на службу и аккуратно игнорирует все предписания комиссара.

Глава 7

— Ой, Михайлушко, что про вас в газетах-то пишут... Ты говорил, что комиссар этот большевистский — человек самостоятельный. А он к народной казне подбирается.

Жена подала газету, и бухгалтер Валентинов увидел крупно набранный заголовок:

«Большевики хотят ограбить Государственный банк».

Прочитав статью, Михаил Степанович разозлился.

— Вот же брешут! Все — шиворот-навыворот... «Ограбить банк!» Ихний Совнарком честь по чести просил открыть текущий счет. Бумаги какие положено представил, с образцами подписей... Власти ведь деньги надобны. Надолго она или ненадолго...

 Наши это, банковские, первые воду мутят...

На службе у Валентинова с каждым днем творились все более непонятные дела. Банк вроде бы работал. В положенные часы служащие являлись на места, раскладывали папки и бумаги, раскрывали бухгалтерские и счетные книги. Но вместо работы начинали обсуждать новости, устраивать перекуры, читать газеты и книги, решать ребусы и разговаривать о всякой всячине.

После обеденного перерыва банк на час открывали для выдачи денег на заработную плату и неотложные нужды. Истомившиеся долгим ожиданием, кассиры и артельщики мчались в операционный зал. Но деньги удавалось получить лишь десятку счастливчиков.

Позавчера к Валентинову пришел чуть не со слезами знакомый эконом сиротского дома на Выборгской стороне.

— Михаил Степанович, христом-богом тебя прошу, походатайствуй, чтобы хоть тысчонку выдали... За седины мои поручись. Вчера последнюю овсянку в котел пустили... Вторую неделю своих законных денег получить не могут!

— А вы, уважаемый, в Смольный обратитесь,— ядовито посоветовал счетовод Скрипилев, оказавшийся в комнате.— Тамошние комиссары такие порядки устроили...

— И обращусь! — решительно заявил эконом.— Сей момент пойду к главному большевику. Не звери они, чай, а такие же люди... И про тебя, крысиная твоя физия, правду скажу. Будет тогда у тебя морда шилом. Думаешь не приметил, как ты сплетни разводишь?.. Давеча говорил в коридоре, что большевики будут банк грабить!

Скрипилев побледнел и хотел было улизнуть из комнаты, но эконом ухватил его за плечо.

— Вот вместе с тобой и пойдем к комиссару!

— Позвольте! Это же безобразие... Я при исполнении... Господа, что вы смотрите!

— Что здесь происходит?

В дверях показался Сакони.

Узнав, что артельщик в самом деле хочет тащить счетовода к комиссарам, Леонид Юлианович натужно улыбнулся:

— Я полагаю, что это излишне...

— Невтерпеж стало... Сироты ведь у меня.

— Да, да, сироты... Это действительно безобразие! Положенная сумма будет вам немедленно выдана. Я сейчас же распоряжусь.

Эконом получил в кассе деньги и, обрадованный, ушел из банка.

По распоряжению Сакони бухгалтеру Валентинову в тот день пришлось оформить еще одну срочную операцию: кредит компании, поставляющей дрова городским больницам, училищам и пансионам.

У господина Аурова была хоть закладная на лесозавод. А что имела дровяная компания, одному богу было известно. Тем не менее она получила из банка восемьсот сорок тысяч рублей.

Похоже, нынешняя власть ртом ворон ловит... У нее в банке пока одни красные караулы, а у счетных книг, у документов, у касс, в бухгалтерии нет ни одного своего человека. Неужели она сообразить не может, что из банка деньги хапают не только взломом касс.

Адрес дровяной компании Валентинов на всякий случай запомнил: Обводный канал, дом номер семь...

— Ты ешь, отец, чего раздумался,— голос жены оторвал Валентинова от невеселых мыслей.— Хлеб видишь какой стали продавать... Раньше его и собакам бы не кинули, а я за ним ушла еще до зари, а

в очередь записалась на вторую тысячу... Номерки теперь химическим карандашом ставят... Вот!

Жена протянула руку. На сморщенной, задубевшей от кухонной работы ладони Валентинов увидел коряво написанную цифру.

— Куда только новая власть смотрит... Говорят, что торговцы продукты припрятывают...

«Припрятывают»,— эхом откликнулось в голове Михаила Степановича. Может, и припрятывают... Раз в банке такое творится, с продуктами тоже могут всякие дела происходить. Может, там тоже есть такой вот бухгалтер Валентинов, который помогает хлеб от голодных людей скрывать...

— Ты ешь, ешь...

— Не буду, мать! — решительно отказался Михаил Степанович.— На Обводный мне надо... Хочу одну штуку полюбопытствовать...

На Обводном канале под номером семь вместо солидной дровяной компании Валентинов увидел покосившийся сарай с дырявой крышей, наполовину заваленный гнилым осинником. Рядом уложены пять поленниц колотых дров, да брошены три телеги с задранными дышлами.

Сторожил это рослый парень в нагольном полушубке. На вопрос Валентинова, можно ли купить воз дров, сторож посоветовал покупателю проваливать подальше.

Бухгалтер послушно пошел от ворот, но за углом прильнул к щели в заборе и прочитал на покосившейся хибаре, что именно здесь размещается «Крохин и компания, торговля дровами и разнообразным топливом».

Значит, адресом Валентинов не ошибся. Только добра у компании не наберется, видать, и на десять тысяч, а ей в кредит такие деньжищи отвалили.

Ясно, что дело здесь нечисто, и должен Михаил Степанович идти к комиссару Менжинскому. По головке за такое дело комиссар его не погладит, но пусть господин Сакони и члены Совета, которые кредит разрешили, ответ держат за государственные деньги как положено.

Валентинов не знал, что в то время, когда он ездил на Обводный канал, на углу Бассейной улицы встретились «владелец дровяной компании» и его «доверенное лицо» Уфимцев. В руках ротмистра был увесистый чемодан.

Они вошли во двор дома номер тридцать девять и, держась поближе к стене, направились в дальний угол, где темнела дверь черного хода. Там их негромко окликнули, и трое молчаливых людей подошли с разных сторон.

— Этот со мной,— кивнул Уфимцев на кряжистого, заросшего бородой Крохина.

На пятом этаже ротмистр остановился на площадке, освещенной тусклой лампочкой.

— Здесь, значит, пребывать изволят? — свистящим шепотом спросил Крохин.— С двойной ходкой помещеньице, «сквозняк»... У нас в охранном, помните, ваше благородие, такие квартирки особо учитывались...

За дверью, обитой коричневой клеенкой, находился «Малый совет министров», возглавляемый Прокоповичем.

Из частной квартиры на Бассейной пытались управлять государством и распоряжаться его финансами.

Дверь открыл высокий господин в военном френче.

— Войсковой старшина Раздолин... С кем имею честь?

Уфимцев назвал себя.

Войсковой старшина отправил Крохина в комнату для прислуги, а ротмистра провел в гостиную.

— Господа, доставлены деньги!

Уфимцев молодцевато прошел к столу, щелкнул замком и откинул крышку чемодана. В нем были тугие пачки радужных бумажек.

— Восемьсот двадцать тысяч,— довольным голосом объявил ротмистр.— Двадцать тысяч выплачены как комиссионные заинтересованным лицам...

Тучный господин в темной полосатой тройке поднялся с кресла, подошел к чемодану и небрежно подкинул в руках несколько пачек сотенных бумажек.

— Таким образом в распоряжение правительства пока поступило восемнадцать миллионов рублей,— басом сказал он и повернулся к Сакони, тоже находившемуся в гостиной.— Недостаточно, Леонид Юлианович... Восемнадцать миллионов — это крохи. Мы должны иметь средств много больше.

— Безусловно!.. Наши друзья из Государственного банка делают все возможное,— вступил в разговор Уфимцев.— Но теперь надо делать больше, чем возможно. Надо использовать и документы на получение наличных денег из банка под видом заработной платы.

— Это же будет прямой подлог,— нервно сказал Сакони.

— Бросьте, Леонид Юлианович,— отмахнулся Уфимцев.— Липовые закладные тоже не лучший способ... Оформление документов на получение заработной платы можно организовать... Будьте добры, пригласите сюда Крохина.

Почтительно наклонив ушастую голову, бывший филер с готовностью подтвердил:

— Можно сработать такие ксивы... извините, документики... Есть у меня один человечек... Керенками, извините благодушевно, баловался... Немецким инструментом работает... Печати, штампики, или, к примеру, подпись какая — для него плевое дело... Десять процентов с оборота берет.

— Но, господин Крохин, это же...

— Уголовщина, извините благодушевно,— охотно подтвердил филер.— Он у нас по уголовному и учитывался... К политике — ни-пи! Ума не хватало, а руки золотые. Ох, как навострился, шельма, липу мастерить... Сам два раза натыкался... От их благородия внушение имел-с.

Крохин кивнул на Уфимцева.

— Действуйте, любезнейший,— коротко сказал господин в тройке и повернулся к Сакони.— Вот так и будем поступать... Цель, Леонид Юлианович, как говорят, оправдывает средства.

Глава 8

«Заслушав предъявленное Советом Народных Комиссаров в письменной форме требование от 6 сего ноября за № 70 о выдаче Совету на экстраординарные расходы десяти миллионов рублей в порядке реквизиции и зачислении этой суммы на текущий счет на имя Совета Народных Комиссаров, причем заместителем Народного Комиссара по Министерству финансов В. Р. Менжинским было пояснено, что в случае отказа в исполнении настоящего требования со стороны Совета Банка, сумма эта будет взята путем взлома кассы силой,— Совет Государственного банка единогласно постановил:

требование о выдаче каких-либо сумм Совету Народных Комиссаров как не основанное на законе Совет не считает себя вправе удовлетворить;

равным образом Совет не находит возможным открыть текущий счет на имя Совета Народных Комиссаров, как учреждения, не пользующегося правами юридического лица.

Вместе с тем Совет Государственного банка считает своим долгом протестовать против предъявления к Государственному банку требования о выдаче части вверенных банку народных средств в порядке реквизиции с угрозой взлома кладовых банка».

Вячеслав Рудольфович перечитал решение Совета банка и повернулся к Горбунову:

— Не признают, товарищ секретарь, Совпарком юридическим лицом. Вот куда загибают господа из банка!.. «...не считает себя вправе удовлетворить...»

— Но титуловать стали почтительно, Вячеслав Рудольфович,— откликнулся Горбунов.— И вашу должность прописали как положено...

— Еще бы несколько деньков...

— Деньги позарез нужны, Вячеслав Рудольфович,— вздохнул Горбунов.— Совнаркому почтовые марки купить не на что... Бумаги нет, типографиям платить надо... А вы «несколько деньков». Знаете, что недавно сказал Владимир Ильич на заседании Петроградского Совета? Вот я записал себе для памяти... «Наш недостаток в том, что советская организация еще не научилась управлять, мы слишком много митингуем»... Вот так, Вячеслав Рудольфович, митингуем, разговорами занимаемся, миндальничаем с банковскими чинушами. Уметь надо нам управлять государством.

— Не простая это наука. За десять дней не осилишь...

Голосистой медью звенели трубы, гулко ухали барабаны, и сотни ног печатали шаг по обледенелой брусчатке.

За сводным отрядом солдат, матросов и красногвардейцев, образованным по приказу Троцкого из представителей частей гарнизона, следовали два грузовика. На них должны были погрузить деньги, которые предстояло изъять из хранилищ Государственного банка.

Еще вчера вечером «свои люди» шепнули Сакони, что по приказу Троцкого воинские части завтра захватят Государственный банк и взломают кладовые.

Об этом немедленно были извещены служащие.

— Ну вот, господа,— сказал Сакони.— Теперь уже никто не может сомневаться в истинных намерениях комиссаров... Завтра банк будет ограблен. Народные деньги, которые Россия доверила нашей совести и чести, будут расхищены. Страна останется без государственной казны. Это гибель России, ввергнутой большевиками в пучину анархии и смятения...

Новость покатилась по комнатам, этажам и коридорам, с каждой минутой обрастая все новыми и новыми подробностями. Через несколько часов уже совершенно точно говорили, что вместе с отрядом прибудет батарея трехдюймовых орудий и банк подвергнется обстрелу, что матросы вооружены газовыми бомбами, что всех служащих немедленно расстреляют из пулеметов.

Кое-кто попытался ускользнуть от предстоящей заварухи, но Сакони дал строгое распоряжение без его личного разрешения из банка никого не выпускать.

Еще с вечера товарищ управляющего разослал во все стороны гонцов, и теперь прихода сводного от-

ряда в банке ждали также представители городской думы, меньшевистского исполкома крестьянских депутатов, заправилы Банксоюза и представители коммерческих банков.

Начальник охраны банка штабс-капитан Кудрявцев заявил, что скорее погибнет, чем допустит, чтобы большевиками был вскрыт хоть один сейф с народными деньгами.

— Сводный отряд, слушай команду! — раздался натренированный голос штабс-капитана Миронова.— Стой!.. К но-ге!

За литой оградой в боевой готовности стояли солдаты охраны банка под командованием штабс-капитана Кудрявцева.

Два бывших штабс-капитана неторопливо подошли с разных сторон к решетке и козырнули друг другу.

— Именем революции я требую!..

— Именем революции и России не имею права!..

Миронов растерянно оглянулся на сопровождающих отряд представителей полковых комитетов и на хмурого комиссара Менжинского.

Было очевидно, что уговорами не одолеть саботирующих чиновников Государственного банка. Более того, Вячеслав Рудольфович начинал подумывать, что Шипов и остальные заправилы банка воспринимают эти уговоры чуть ли не как признак слабости Советской власти.

Нужно переходить к делу. «Слишком много митингуем»,— всплывали в памяти укоряющие слова Владимира Ильича. Нет, господа саботажники, ре-

волюционный народ может применить и силу, чтобы взять деньги, которые по праву принадлежат ему.

Однако Менжинского насторожило известие, что руководить операцией по вооруженному захвату банковских сейфов будет Троцкий. Сей товарищ весьма любит шум и гром, а вот о деловой стороне операции наверняка не позаботится.

Узнав о формировании сводного отряда, Вячеслав Рудольфович отправился к Троцкому и поинтересовался, как будет проходить операция.

— Допустим, что мы захватим банковские кладовые, возьмем ключи и увезем на грузовиках деньги. А дальше что? Кто их примет под отчет? Где будем их хранить, кто конкретно будет ими распоряжаться? Все это ведь тоже надо решить и предусмотреть заранее...

— Будем поступать по революционному сознанию,— напыщенно перебил Троцкий.

— Я прошу дать указание о всесторонней практической подготовке... Это же народные деньги.

— Своих решений я не меняю. Считаю ошибкой вашу интеллигентскую возню с банковскими чинушами. Произошла революция, товарищ Менжинский, а вы хлопочете о каких-то пустяках... О подписях, печатях... Нам нужны деньги, а вы, комиссар финансов, не можете добыть их из банка. Так что извольте выполнять приказ.

— Я подчиняюсь Совнаркому и ВЦИК,— твердо ответил Менжинский.

С Владимиром Ильичем встретиться не удалось. Каменев, выслушав Менжинского, сказал, что подробностями операции он заниматься не будет и считает, что Троцкий поступает правильно.

— Вам же, товарищ Менжинский, я хочу напомнить, что существует партийная и государственная

дисциплина,— многозначительно добавил Каменев.— За срыв операции вы будете нести ответственность.

— Но я же настаиваю лишь на ее лучшей организации.

— Это не моя компетенция,— сухо перебил Каменев.

Комиссар Менжинский, потеряв время в пустых хлопотах, пришел утром к банку со сводным отрядом.

— Документы для изъятия денег оформлены? — поинтересовался Вячеслав Рудольфович у Ладыженского, который проявил большую ретивость в подготовке операции.

— Что вы о таких пустяках беспокоитесь?

— Это отнюдь не пустяки, Ладыженский. Это касается народных денег. Они трудом, пóтом, рабочими руками добыты.

— Хорошо, хорошо... Не волнуйтесь, пожалуйста. И документы оформлены, и представители полковых комитетов включены в сводный отряд. Требование о выдаче денег мы предъявим от имени Петроградского гарнизона.

— От имени Советской власти полагается такие требования предъявлять... Могу я ознакомиться с документами?

— Только с разрешения товарища Троцкого,— нагловато ухмыльнувшись, отрезал Ладыженский.— Сегодня мы сами управимся. Все будет на революционном уровне.

В настойчивом желании эсера подобраться к хранилищам Государственного банка угадывалась подспудная цель. Но еще хуже, если Ладыженский выступал марионеткой и им пользовались, чтобы обострить и без того накаленную политическую обстановку.

Ладыженский-то в политическом отношении — существо четвероногое. Но Троцкий, Каменев... Они же считают себя опытными революционерами... Выслушать толком даже не захотели...

·

Сейчас Вячеслав Рудольфович стоял у ограды и слушал крикливую перебранку двух бывших штабс-капитанов.

— Приказываю немедленно открыть ворота! — надсадно орал Миронов.— Дорогу революционному отряду!..

— Не гоже, товарищ командир, всем в банк вламываться,— сказал представитель какого-то солдатского комитета, подойдя к Миронову.— Деньги — штука тонкая. Вдруг кто соблазнится ненароком и бумажку-другую в карман сунет. Конфуз случится для Советской власти.

— Комиссию надо бы выбрать, которая к сейфам пойдет,— поддержали представители других комитетов.

— Надежных ребят отобрать...

— Чуть не со всех питерских полков в кучу сбили, люди друг друга не знают... К деньгам не каждого подпустишь...

Миронов растерянно крутил головой, выискивая Ладыженского, но эсер затерялся среди солдат сводного отряда.

«В кусты нырнул,— зло подумал Вячеслав Рудольфович.— Вот тебе и «революционный уровень...»

— Не вводите в банк весь отряд,— настойчиво посоветовал он Миронову.— Пусть войдут для переговоров представители полковых комитетов. Надеюсь, начальник охраны против этого возражать не будет.

Кудрявцев вполголоса посоветовался с седоусым прапорщиком и объявил, что представители могут войти в помещение Государственного банка.

Сообразив, что артиллерийского обстрела и газовых бомб пока не предвидится, служащие приободрились и собрались в кассовом зале.

Миронов достал из кармана обращение Петроградского гарнизона.

— Революционные солдаты, матросы и красногвардейцы призывают служащих банка выполнить долг перед революцией!.. Революция не может терпеть, что кучка финансовых тузов и привилегированных чиновников объявляет себя собственницей государственной казны и распоряжается ею по своему усмотрению...

Командир сводного отряда сделал паузу и многозначительно взглянул на Сакони. Тот не проявлял никакого беспокойства.

— ...Дабы братское единство, великие цели не были омрачены разногласиями и темные силы...— разносились в зале цветистые слова обращения.

Окончив чтение, Миронов протянул Сакони бумагу.

— Вручаю вам для немедленного исполнения!

По губам товарища управляющего банком скользнула усмешка.

— Простите, гражданин Миронов, но это воззвание, а не юридический документ на получение денег... Как же я могу принять его к исполнению, если он не имеет ни подписей, ни печати... Такую бумагу любой может отпечатать на пишущей машинке.

Сакони говорил громко, с откровенным издевательством.

«Фарс! — раздражаясь все больше и больше, думал Вячеслав Рудольфович.— Опереточный фарс вместо революционного действия... Дискредитация Советской власти...»

Чтобы хоть как-то спасти положение, выручить ретивого командира сводного отряда, Менжинский подписал обращение.

— К сожалению, одной вашей подписи недостаточно, гражданин комиссар,— снова возразил Сакони.— Возьмите обратно ваше воззвание, гражданин Миронов!

— От имени исполкома Совета крестьянских депутатов,— заговорил стоявший рядом с Сакони представитель меньшевиков, одетый в солдатскую шинель явно с чужого плеча,— я протестую против насильственного захвата народных денег. Резолюция нашего исполкома призывает воинские части оказывать сопротивление грабежу Государственного банка! Солдаты, граждане, служащие! Я обращаюсь к вашей совести! Не допустите расхищения народной казны... Я не уйду из банка до тех пор, пока не удостоверюсь, что деньги и ценности, принадлежащие России, остались в хранилищах...

— Городская дума присоединяется к протесту! — поддержал меньшевика долговязый гласный в пенсне на костлявом носу.— Большевики не имеют права трогать народные деньги!

— Если деньги не будут выданы немедленно, я имею приказ Главкома силой вскрыть сейфы! — запальчиво выкрикнул Миронов.

В зале заволновались.

Прапорщик Башмаков с полувзводом солдат стал пробираться к Миронову.

«А ведь этот может и пристрелить! — тревожно подумал Менжинский, вглядываясь в недобро окаме-

невшее лицо прапорщика.— Такой за народные деньги никого не пожалеет».

Навстречу прапорщику шагнул председатель полкового комитета Волынского полка.

— Спокойно, братки! — требовательно поднял он руку.— Пострелять друг друга успеем, если такая охотка будет!

Повернулся к Миронову и добавил:

— Государственные дела, товарищ командир, таким манером не делаются...

Миронов оглянулся на Менжинского, ожидая поддержки.

Вячеслав Рудольфович негромко посоветовал командиру сводного отряда немедленно ехать в Смольный. Или привезти документы, подтверждающие полномочия на получение денег, или прекратить эту крикливую демонстрацию.

Соскучившийся от долгих переговоров, духовой оркестр наяривал «яблочко». Солдаты сбили строй и отогревались, выделывая замысловатые коленца в широком кругу, образованном людьми в шинелях, бушлатах и ватниках.

«Эх, буржуй, ты буржуй!
Куда топаешь!
На красный штык попадешь,
Иль пулю слопаешь...»

Возвратившийся из Смольного Миронов хмуро сообщил Менжинскому, что приказано отвести отряд от банка. Самым скверным в непродуманной затее с посылкой сводного отряда, вызвавшей столько шума, было то, что низшие служащие банка, ранее уже начавшие склоняться на сторону большевиков, и солдатский комитет охраны, настороженные случившимся, заявили протест.

— Раз так дело поворачивается, нет у нас пока доверия,— сказал прапорщик Башмаков.

— А еще говорите, что власть народная,— добавил выборный от счетчиков и курьеров.

Бухгалтер Валентинов решил, что погодит сообщать комиссару Менжинскому о подозрительных кредитах.

Теперь Вячеслав Рудольфович с горечью признавался, что ему не хватило настойчивости и он не довел дело до конца. Не дошел до Совнаркома, до Владимира Ильича, не добился, чтобы операция была тщательно отработана, чтобы в ней были учтены все самые малые детали...

«...Еще не научились управлять...» Трудная наука. И требует она, оказывается, не только одного умения, но и воли, настойчивости, твердости характера.

А он смешался, спасовал перед давлением Троцкого и Каменева...

Нет, причина, пожалуй, здесь была глубже и серьезнее.

Он слишком верил в силу разумных доводов, в силу сказанных и написанных слов. Хотел убедить Шипова, Сакони, Голубова! Хотел, чтобы они приняли Советскую власть, чтобы стали работать на революцию... Он забыл, что дело вовсе не в поведении Шипова, не в его сопротивлении. Ведь сопротивляется не лично Шипов, а сопротивляется старое, оно стоит за спиной банковских воротил и прочно держит их в руках.

Сейчас, оценивая свои действия, Вячеслав Рудольфович с горечью думал, что бороться ему нужно было не только за получение денег, но и за ду-

ши людей, за души тех мелких банковских служащих, без которых не было силы у Шипова и его присных.

Вячеслав Рудольфович ткнул в пепельницу, ощетинившуюся окурками, очередную папиросу и оглядел просторный, отделанный резьбой и дубовыми панелями кабинет в доме на Мойке, где находилось теперь служебное помещение комиссара по финансам. Невесело усмехнулся, привычно поворошил густые волосы.

Потянулся за бумагой, чтобы честно и прямо написать в Совнарком, что у коммуниста Менжинского не хватает ума, воли и способностей для исполнения порученного ему дела.

Но в памяти вдруг выплыла фигура Ладыженского, ловко ускользнувшего в толпу, когда случилось замешательство у ворот банка.

«И ты, выходит, в кусты нацелился? — зло спросил самого себя Вячеслав Рудольфович.— Не надолго тебя хватило...»

Накатил стыд. Вячеслав Рудольфович порывисто встал, пошел к двери и тут же сообразил, что идти-то некуда.

В сумеречном свете отходящего дня белели на просторном столе разложенные бумаги. Дела ждали комиссара Менжинского.

Вячеслав Рудольфович рассердился на собственную слабость, решительно возвратился к столу — и на бумагу легли энергичные строки доклада ВЦИКу: «...усматриваю в поведении старших финансовых чиновников преступный саботаж, последствия которого могут губительно отразиться на солдатах, крестьянах и рабочих...

...Полагаю необходимым принять решительные меры...»

Центральный Комитет принял решение об отстранении Каменева от должности председателя Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета. Председателем ВЦИК стал Свердлов.

С Яковом Михайловичем Менжинский был знаком еще с девятьсот четвертого года, когда Свердлов приехал в Ярославль. В те годы Яков Михайлович возглавлял Костромскую организацию большевиков, а Менжинский работал в Ярославской. Обе организации входили в состав Северного комитета партии. Почти два года Свердлов и Менжинский работали в подполье рука об руку.

На первом же заседании ВЦИК, состоявшемся под председательством Свердлова, Вячеслав Рудольфович доложил о положении дел в Государственном банке.

— Выход есть один. Я уже неоднократно говорил о нем и снова настаиваю — немедленно снять с занимаемых должностей Шипова, Сакони, Голубова, Шателена и им подобных. Поставить на их место большевиков, хоть немного знающих финансы и банковское дело. Я понимаю, что люди сейчас нужны везде, но я прошу незамедлительно направить их в Государственный банк. Откладывать решение этого вопроса категорически нельзя.

— Вы правы, товарищ Менжинский,— согласился Свердлов и сделал пометку в раскрытом блокноте.— Надо вам помочь. Предлагаю принять по рассмотренному вопросу резолюцию.

В субботу, одиннадцатого ноября, Менжинский издал приказ, в котором предупреждалось, что служащие, не признающие власти Совета Народных Комиссаров, будут считаться уволенными без сохранения права на пенсию и лишены всех льгот и отсрочек, касающихся воинской службы. (Ни один бан-

ковский чиновник и так не рвался идти с винтовкой в руках за веру, царя и отечество, а тут — воевать за большевистскую власть!..)

Кроме того, в приказе определялось, что уволенные чиновники, пользующиеся казенными квартирами, должны были в три дня освободить их.

Те, кто выскажет желание признать власть Совета Народных Комиссаров, обязаны приступить к работе в понедельник.

За непризнание власти Совета Народных Комиссаров были уволены с занимаемых должностей без права на пенсию товарищи министра финансов Хрущов, Фридман, Шателен и Кузьминский, управляющий Главным казначейством Петин, директор Кредитной канцелярии Замен и директор Общей канцелярии Скворцов.

Член партии с девятьсот второго года Александр Ефремович Аксельрод по решению Центрального Комитета был направлен в распоряжение Менжинского в качестве его заместителя и стал комиссаром Кредитной канцелярии.

Глава 9

— Что же теперь делать, Леонид Юлианович?

Сакони взглянул на Скрипилева и увидел откровенный испуг на лисьем, с острым подбородком, лице.

— Выпрут ведь комиссары из банка, Леонид Юлианович. Верой и правдой служил... Не оставьте. Бес тогда меня с вексельками попутал,— плаксиво продолжал Скрипилев.— В подпитии был и поддался соблазну... Отдали бы вы мне их. Я бы при вас... Спичечкой. Фу! — и в секунду бы не стало... Те век-

сельки при старом режиме выданы, все равно сейчас силы не имеют...

— Нет, Скрипилев, подложные векселя ни одна власть не уважает,— усмехнулся Сакони и подошел к сейфу.

В глазах счетовода вспыхнула надежда.

— Вот, возьмите!

Вместо векселей на столе оказалась пачка пятирублевок.

— Пятьсот... Считайте, что пока задаток. А насчет векселей мы повременим. На спичке их подпалить никогда не поздно.

«На крючке, выходит, желает меня держать господин Сакони»,— зло подумал Скрипилев и сунул в карман деньги.

Ладно, Леонид Юлианович, можете оставить у себя вещественные доказательства. Неизвестно еще, кто кого сейчас на крючке держит. Если Скрипилев шепнет комиссарам, какими делами тут занимаются, станет вам сразу небо в мелкую клеточку.

— Будете дальше стараться — без помощи не оставим,— сказал Сакони и вынул из сейфа туго набитый портфель.

— Все силы приложу, ваше превосходительство,— торопливо откликнулся счетовод, оглядывая портфель цепкими глазами, спрятанными под низким лбом.— Сегодня опять в отделе слушок пустил... Шепнул, что большевики хотят государственные деньги германцам отдать.

Сакони поморщился.

— Со слухами кончайте, Скрипилев,— оборвал он счетовода.— С сегодняшнего дня вы будете агитировать за Советскую власть.

Счетовод растерянно моргнул и стал подниматься на стуле.

— Сидите, сидите... Да, с сегодняшнего дня вы, Скрипилев, кончите беготню по коридорам и разговоры против Советской власти. Немедленно объявите, что подчиняетесь приказу и желаете трудиться на пользу народа. Скажите, что по несознательности имели заблуждения и теперь хотите загладить их преданным трудом... В общем, сочините в этом духе...

«Так вот для какого дела понадобились мои вексельки»,— сообразил счетовод, чувствуя, что скользит по наклонной плоскости и зацепиться ему не за что.

— Потом с вами в нужное время свяжутся наши люди... Постарайтесь пробиться в отдел главной кассы... За работу будете получать от нас двойное жалованье сверх того, что вам заплатят комиссары. И чтобы ни гу-гу...

— Куда уж там гугукать, Леонид Юлианович. В таком деле за гугуканье враз к стенке поставят, а мне пока на тот свет рановато.

— Это вы слишком мрачно завернули. Не станут же комиссары расстреливать за то, что вы будете спокойно работать на своем месте... А сегодня у меня к вам еще одна просьба: отнесете вот этот портфель.

— Охрана не выпустит.

— Пройдете через запасной выход. Там дежурит старший унтер-офицер Семеновского полка. Скажете ему, что Иван Петрович послал вас со срочным делом.

Когда за счетоводом захлопнулась дверь, Сакони подошел к окну. Отсюда хорошо был виден трехэтажный дом, где на втором этаже находилась казенная квартира товарища управляющего.

Неужели комиссары вышвырнут из обжитого гнездышка?

— Нет, погодите, господа - товарищи,— сказал Леонид Юлианович.— Мы еще посмотрим, чья возь-

мет! Круто вы повертываете, только как бы вам собственной шеи не свернуть.

Три часа назад Менжинский собрал членов Совета, директоров отделов, руководителей канцелярий и выборных представителей служащих.

Зачитав негромким, по обыкновению, голосом приказ, он объявил, что те, кто признает Советскую власть, должны отойти направо и дать об этом подписку.

На столике возле стены были для этого приготовлены бумага и чернила.

Направо никто не пошел и подписку о признании Советской власти и Совнаркома никто дать не пожелал.

Но перетрусили многие. Сакони увидел, как отвисла челюсть на побледневшем лице Голубова, как принялся он застегивать на пиджаке несуществующую пуговицу. Да и у Сакони похолодело между лопатками, когда он услышал о снятии льгот по военной службе и о выселении из казенных квартир.

В комнате стояла такая тишина, от которой, казалось, стало трудно дышать.

Когда кто-то из собравшихся сделал слабое движение, Сакони показалось, что вот сейчас, скинув оцепенение, чиновники двинутся вправо. Туда, где ожидающе белела на столе разложенная бумага.

Выручил Голубов:

— Мы протестуем против насилия над личностью! — крикнул он.— Оглашенный приказ может полностью парализовать работу банка. Это приведет к национальной катастрофе.

— Заклинания мы уже слышали, господин Голубов,— спокойно перебил Менжинский.— Прошу вы-

сказываться конкретно. Вы, лично, даете подписку о признании власти Совнаркома?

Голубов растерянно оглянулся по сторонам и, стушевавшись, попросил не настаивать на ответе до понедельника.

— Ну что ж,— согласился Менжинский.— Собственно говоря, приказ и так дает время на размышления... Подумайте спокойно, господа. Только, пожалуйста, не исходите из предположения, что до понедельника Советская власть будет свергнута... Особенно вы, господин Голубов! Вы, кажется, весьма склонны к подобным иллюзиям.

— Я категорически не подчинюсь насилию! — выкрикнул в ответ товарищ управляющего.

— В знак протеста просим считать нас с господином Голубовым уволенными! — поддержал Сакони коллегу.

Собравшиеся в комнате зааплодировали.

Менжинский попросил господ товарищей управляющего подойти к столу.

— Прошу! — сказал Вячеслав Рудольфович, пододвигая Сакони и Голубову бумагу и чернила.

— Что? — растерянно заговорил Сакони.— Что вам угодно?

— Заявление об отставке... Вы ведь отказываетесь признать власть Совнаркома и подчиниться приказу. В таком случае сделайте одолжение — заявите об отставке.

Сакони отодвинул бумагу и сказал, что он ничего писать не будет.

— Хорошо, в таком случае примем к сведению ваше устное заявление...

— Простите, гражданин Менжинский, но вы ведь дали срок до понедельника. Я тоже имею право на эту отсрочку.

— Значит, в данный момент вы берете обратно просьбу о вашем увольнении?

Сакони и Голубов помялись и заявили, что именно в таком смысле надо понимать их просьбу об отсрочке до понедельника.

— Как видите, господа, аплодисменты были преждевременными,— иронически подытожил Менжинский.

Тринадцатого ноября комиссаром банка с правами управляющего был назначен опытный экономист большевик Оболенский.

— Нашего полку прибыло,— обрадованно говорил Вячеслав Рудольфович.— Это товарищ Свердлов нам помощь оказывает. Знает, что нам не барабанный бой и сводные отряды нужны, а опытные работники.

Чтобы устранить правовые рогатки, на которые то и дело ссылался Совет Государственного банка, Совнарком принял декрет, предоставляющий Оболенскому право в виде временной и исключительной меры выдать с текущего счета департамента государственного казначейства краткосрочный аванс в размере двадцати пяти миллионов рублей.

В банк было послано извещение о том, что чеки по текущему счету Совнаркома правомочны подписывать Управляющий Делами Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич и секретарь Совнаркома Николай Петрович Горбунов. К извещению были приложены заверенные образцы подписей.

— В точном соответствии,— невесело сказал Сакони, рассматривая присланные из Совнаркома документы.— Выписки, печати, подписи... И декрет принят. Не зря комиссар Менжинский получал высшее юридическое образование... В угол нас загоняет!

Настроение у товарища управляющего было невеселое. Сегодня утром Голубов сообщил ему, что «Малый совет министров» на Бассейной дал дёру.

— Разбежались как зайцы по кустам. Такие вот дела, Леонид Юлианович.

Глава 10

В коридорах банка безлюдно. Не толпились, как обычно, чиновники, обменивающиеся последними новостями, не шмыгали из дверей в двери проворные «осведомленные» человечки, готовые дополнить «подробностями» любой слух, рассказать анекдотец про комиссаров и дать совет в отношении конъюнктуры на продовольственном рынке.

Проходя по коридору, Оболенский и Менжинский заглянули в просторную комнату отдела кредитов и увидели там единственного работающего. Одетый в вытертый пиджак, он гнулся за столом, выписывая в ведомости цифры из толстой книги.

— Остальные где?

— Бастуют, товарищ комиссар,— откликнулся банковский служака, встав за столом при виде начальства.— Саботируют распоряжения Совпаркома. Постановили на собрании объявить протест против власти захватчиков...

— Это нас изволят захватчиками именовать? — спросил Вячеслав Рудольфович.— У членов Совета банка, у директоров мы действительно власть захватили. А у счетоводов, бухгалтеров, курьеров власть захватить никто не мог по той причине, что они власти никогда не имели.

— Совершенно справедливо, товарищ комиссар! Прямо сказать, по слабости ума бастуют...

— Саботируют, товарищ...

— ...Скрипилев,— подсказал служака и одернул пиджак.

Дежурный чиновник, вызванный в кабинет, где расположились комиссары, заявил, что адреса служащих банка у него похищены.

— Когда же произошло это «похищение»? — спросил Вячеслав Рудольфович.

— Не могу знать. Книга с адресами находилась в шкафу дежурного. Сейчас книги нет... Я только утром заступил. Не могу знать.

Дежурный врал, неумно и беспардонно.

— Вы были на месте?

— Пребывал, как положено...

— Если пребывали, значит и отвечаете. И не пытайтесь вводить меня в заблуждение... Кто приказал вам припрятать адреса?

— Никак нет,— заюлил чиновник, сообразив, что комиссар Менжинский шутить отнюдь не намерен.— Не могу знать...

— Вызвать караул или еще раз поищете?

Через десять минут книга с адресами служащих была принесена в кабинет.

— За папки ненароком завалилась... Вот ведь как случается,— сбивчиво бормотал дежурный, глядя в пол.

— Чтобы у вас больше ничего не заваливалось, сдайте немедленно дежурство,— распорядился Оболенский и вспомнил фамилию старательного счетовода из отдела кредитов.— Сдайте дежурство Скрипилеву.

Дежурный удивленно моргнул, хотел что-то сказать, но удержался.

— Вы будете пока исполнять обязанности курьера,— продолжил Оболенский.— Впрочем, можете

нодать и прошение об отставке. В советском банке должны работать аккуратные люди, чтобы у них «книги не заваливались».

— И как мог Шипов терпеть на службе таких нерадивых работников,— в тон Оболенскому добавил Вячеслав Рудольфович.

— Курьером оставьте,— выдохнул перепуганный чиновник.— Вину сознаю и приложу все старания... Дозвольте курьером... Мать больная, двое детей...

Счетовод Скрипилев с удовольствием принял первый знак расположения к нему представителей новой власти и занял место дежурного Государственного банка.

Вячеслав Рудольфович прочитал отпечатанный текст.

«Комиссар Государственного банка просит немедленно явиться для объяснения... В случае отказа прошу доставить под конвоем в здание Государственного банка».

— Начинать будем с главной кассы,— распорядился Вячеслав Рудольфович.— Первое приглашение выпишем поэтому на имя господина Железнова.

Оболенский вписал в бланк фамилию главного кассира и расписался.

— Теперь вызовите представителя комитета охраны.

Прапорщик по-уставному взял под козырек и доложил, что представитель комитета Башмаков прибыл по вызову товарищей комиссаров.

— Прошу взять наряд и выполнить этот приказ.

— Для какой надобности главного кассира в банк доставить требуется? — спросил Башмаков, прочитав светло-синюю бумажку.

— Для работы, товарищ представитель комитета охраны... Для понуждения к исполнению служебных обязанностей, которые не терпят отлагательств.

— Правильно,— ответил Башмаков и спрятал в карман ордер.— До каких пор безобразия будут продолжаться? Разве такое возможно, чтобы в государстве главный банк не работал? Людям надо деньги получать, а эти бастовать взялись... Глаза бы мои на такое дело не смотрели...

Через час в банк был доставлен главный кассир.

Железнов ключи выдать отказался и добавил, что каждое хранилище имеет к тому же два ключа.

— Вторые ключи находятся у директора отдела кредитных билетов Пржигодского. Я свои ключи имею право отдать только по его указанию. Порядок надо соблюсти, товарищи комиссары. Деньги ведь в кладовых не дрова, каждый рубль на учете.

Прапорщик Башмаков получил еще один ордер.

Пржигодский, доставленный в банк под конвоем, сообразил, что время уверток и разговоров кончилось.

— Вот ключи от кладовых,— коротко сказал он и положил перед Менжинским замшевый мешочек с увесистыми ключами от сейфов.— Но я категорически настаиваю, чтобы наличность кладовых была пересчитана и принята по акту.

— В этом мы больше вас заинтересованы,— ответил Оболенский.

Ключи были торжественно извлечены из замшевого мешочка и положены на рабочий стол Владимира Ильича.

— Ключи — это хорошо! — сказал Ленин.— Впервые в истории революционное правительство взяло

ключи от Государственного банка в свои руки. Я поздравляю вас, товарищи!

Владимир Ильич тронул стальные с затейливыми фасонными бородками ключи от денежных сейфов бывшей Российской империи.

— Мало! — Ленин повернулся к Менжинскому и Оболенскому, стоящим возле стола с довольными лицами.— Мало, дорогие товарищи! Ключи от Государственного банка — это превосходно. Но это лишь первый шаг. Совнаркому нужны деньги. Наличные банкноты, которые он мог бы немедленно расходовать... Срочно нужны!

— Завтра примем наличность кладовых и сейфов главной кассы по акту, Владимир Ильич,— ответил Менжинский.

— Вот именно, Вячеслав Рудольфович, по акту, со строгим счетом и контролем. Теперь это вдвойне, втройне необходимо, поскольку деньги банка станут действительно народной кассой... Необходим высочайший порядок. Нужда в деньгах громаднейшая. Вы только подумайте — уже двенадцать дней в стране Советская власть, а Совнарком сидит без копейки. Смеяться над нами будут, и правильно сделают. Что же это за власть, у которой в руках рубля нет?!

— Завтра деньги будут в Смольном,— сказал Оболенский.

— А вы как полагаете, Вячеслав Рудольфович? Не круто берет товарищ Оболенский?

— Завтра, Владимир Ильич, видимо, сумеем только принять и заактировать наличность в кассах. Послезавтра деньги в Совнаркоме будут.

Владимир Ильич обратился к Горбунову:

— Слышали, Николай Петрович, обещание советских банкиров? Будьте добры, послезавтра поезжай-

те в банк и привезите деньги... Это же неслыханно: Советская власть — и без денег!..

Расторопный Башмаков на другой день доставил в банк под конвоем двадцать ответственных чиновников. Счетчики пересчитали наличность и ценности, находившиеся в кассах и кладовых. По всей форме были составлены акты и другие необходимые документы.

Сдав деньги, Железнов заявил, что признавать Советскую власть он все-таки не желает, и тут же был смещен с должности.

— Кого же главным кассиром поставим? Дело очень ответственное,— задумчиво сказал Менжинский.

— Может быть, того счетовода... Скрипилева? Бастовать он отказался, обязанности дежурного исполнял старательно, я проверил.

— Не очень он мне нравится... Слишком ретиво вчера «за» высказывался. Все бастуют, а он преданность демонстрирует... В отделе кредитов работает бухгалтер Валентинов. Он, рассказывают, на собрании против забастовки выступал.

— А сам бастует.

— Подчинился принятой резолюции... Человек, похоже, честный. Давайте спросим его о Скрипилеве.

Когда Михаила Степановича известили, что его вызывают комиссары, на лбу у него пробился холодный пот. «Досиделся... Все стало известно... Сколько веревочке ни виться, а конец будет...»

Пересилив ватную слабость в ногах, Валентинов вошел в комнату, где находились Менжинский и Оболенский.

Он удивился, не увидев вооруженного конвоя, который должен был препроводить в тюрьму бухгалтера Валентинова, и окончательно растерялся, когда узнал о причине вызова.

— Скрипилева главным кассиром? — ошарашенно переспросил он.— То-то, я гляжу, он уже в дежурных по банку ходит.

— Да, исполнял обязанности дежурного. Признал Советскую власть, о чем выдал подписку,— сказал Оболенский.— Из вашего отдела он вчера единственный явился на работу.

— Грехи, значит, решил перед новой властью замаливать,— усмехнулся Валентинов, понемногу обретая равновесие.— То был первым заводилой насчет забастовок. По комнатам шнырял, разносил сплетни, что Советская власть кончается, что большевики банк грабить будут, а теперь вот как перевернулся...

— Может быть, осознал?

— Это Скрипилев-то осознал? А векселя поддельные он тоже осознал?.. Сакони на всех наушничал, перед начальством в три дуги гнулся... Главным кассиром!.. Да я его и курьером бы в банке не стал держать. Он же на три копейки польстится.

Оболенский и Менжинский переглянулись.

— Хорошо... Спасибо вам, товарищ Валентинов. Можете быть свободны.

— Не могу я быть свободным,— возразил бухгалтер, покаянно склонив голову.— Перед властью вину имею. Липовые кредиты помогал оформлять...

Сбиваясь и путаясь, Валентинов рассказал о кредитах, выданных лесопромышленнику Аурову и дровяной компании.

— У той дровяной компании тысяч на десять имущества под заклад наберется, а ей этакие деньжищи отвалили! Сообщал я господину Сакони.

— А он?

— Сказал, что не мое это дело. Кому кредит выдать, управляющий банком и Совет решают.

— Что же вы к нам раньше не пришли, товарищ Валентинов?— с укором сказал Менжинский.

— Собрался идти, товарищ комиссар, а тут в банк отряд с оркестром привели, ну я и засомневался. Может, думаю, верно говорят, что большевики хотят банк ограбить. Готов нести ответственность по всей строгости... С семьей только дозвольте распрощаться.

Вячеслав Рудольфович мысленно улыбнулся, догадавшись, что Валентинов уже посадил сам себя в тюрьму.

— Идите работать... В выдаче кредитов виновно руководство банка и директор вашего отдела. Жаль, что вы пришли к нам так поздно, товарищ Валентинов, и все-таки за сообщение спасибо.

Срочно высланный наряд сообщил, что товарищ управляющего Сакони вчера выбыл с казенной квартиры и местопребывание его неизвестно.

— Успел удрать,— с сожалением сказал Менжинский.— Скрипилева надо от работы немедленно отстранить. К Валентинову вы получше присмотритесь, Валериан Валерианович. Такие люди нам нужны.

Автомобиль, чихнув напоследок едкой гарью, остановился у ворот банка. Начальник караула долго рассматривал документы.

— Я секретарь Совета Народных Комиссаров,— сердито сказал Горбунов.— Имею поручение Владимира Ильича Ленина.

Начальник кивнул часовому.

— Пропустите...

Документы на получение денег были оформлены быстро. Но когда Горбунов появился в кассе, кто-то дал сигнал общей тревоги. Пронзительно зазвенели колокольчики в хранилищах, кладовых и сейфовых комнатах, в вестибюле и помещении охраны. Заскрежетали ключи, опустились стальные решетки, намертво захлопнулись бронированные двери. В кассовый зал прибежал караульный наряд, чиновники и служащие.

При виде незнакомого человека, остановившегося возле касс, прапорщик Башмаков скомандовал взять оружие на изготовку.

— Кто таков? По какому делу?

— Секретарь Совета Народных Комиссаров.

— Банк явился грабить! — выкрикнул кто-то из собравшихся.— Народные деньги хотят украсть!

— Государственную казну хапнуть!

Оболенский вышел на середину зала и встал перед нацеленными винтовками.

— В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров о выделении средств на государственные нужды товарищ Горбунов имеет право на законных основаниях получить по выданному мною распоряжению деньги из кассы банка... Вот его полномочия...

Комиссар банка вскинул над головой бумаги.

— Дозвольте, товарищ комиссар, взглянуть!

Хрисанф Башмаков взял бумаги, и, ощущая за спиной нетерпеливое дыхание подскочивших чиновников, прочитал их. Разглядел печать Совнаркома, сверил подпись с образцом, рассмотрел разрешающую резолюцию Оболенского.

— Все как положено быть! — громко сказал он.

— Иуда! Народные деньги отдаешь!

— А вы не больно орите, господа хорошие. Банк здесь, а не Сенной рынок. Прошу посторонних очистить зал! — потребовал Башмаков.— Караул, слушай мою команду!

Охрана встала вокруг стола с винтовками наперевес.

— Четыреста тысяч... Пятьсот... Два миллиона триста...

— Четыре миллиона... Четыре миллиона четыреста пятьдесят...

Мерно отсчитывали счетчики, и на столе вырастала горка разноцветных пачек, перепоясанных полосатыми лентами бандеролей.

Вслед за счетчиками Горбунов пересчитывал пачки, укладывал их рядами и с тревожной опаской наблюдал, как куча денег на столе становится все больше и больше.

Николай Петрович не представлял себе раньше, что банковские купюры кроме стоимости, на них обозначенной, имеют к тому же вес и объем. Что миллионы нельзя, как это он обычно делал с деньгами, рассовать по карманам. Их здесь столько, что человеку в охапке не унести.

А он не догадался прихватить с собой ни мешка, ни чемодана. Надо же так опростоволоситься!

Николай Петрович оглянулся и заметил сочувственный взгляд пожилого счетчика.

— Сейчас что-нибудь придумаем,— тихо сказал счетчик, ушел из кассы и вернулся с двумя потрепанными мешками.

— Как же это вы, товарищ комиссар? Такую сумму получаете, а с пустыми руками явились. Впервой, что ли?

— Первый раз,— признался секретарь Совнаркома.— Спасибо, товарищ.

В Смольном мешки с деньгами внесли в кабинет Ленина.

— Владимир Ильич обещал, что скоро придет,— сказали в секретариате.

— Я его здесь буду ждать,— решительно заявил Горбунов и сел на мешки с револьвером в руках. Выражение лица у Николая Петровича было такое, что он наверняка бы не сдвинулся с места, кинься на него сейчас хоть сотня грабителей.

Неслышно отворилась дверь.

— Разрешите доложить, Владимир Ильич,— вскочил Горбунов.— Ваше указание выполнено. В распоряжение Совета Народных Комиссаров доставлено пять миллионов рублей.

— Отлично, товарищи!

Владимир Ильич подошел к мешкам, набитым деньгами, и похлопал ладонью по изношенному брезенту.

— Это же первая государственная казна Советской республики.

Лицо его вдруг стало озабоченным.

— А почему нет охраны, Николай Петрович?.. Не будете же вы все время сидеть вот так, на деньгах, с револьвером... Нехорошо, голубчик, нехорошо. И в моем кабинете им находиться не положено.

— Шкаф уже освобождают в соседней комнате,— сообщил Горбунов.— Платяной...

— Ну и что... Можно пока и платяной,— согласился Владимир Ильич, и глаза его вспыхнули смешливыми искорками.— А вы не боитесь, дорогой Николай Петрович, что нас с вами опять в газетах будут критиковать? Напишут, что дикари-большевики при-

способили для хранения государственной казны платяной шкаф.

Но сейфа не нашлось, и деньги сложили в шкаф, окружили его полукругом из стульев и поставили часового.

Вечером Вячеслав Рудольфович и Оболенский вместе с Бонч-Бруевичем и Горбуновым вскрыли мешки.

Пока пересчитывали деньги, Николай Петрович стоял бледный от волнения. Ему казалось, что счет обязательно не сойдется.

— Пятисотрублевых должно быть двадцать две пачки,— сдавленным голосом подсказывал он.

— Двадцать две и есть, Николай Петрович.

— Сотенных пачек восемьдесят четыре,— не унимался Горбунов.

Когда счет сошелся, секретарь Совнаркома вытер испарину со лба, и по его облегченному вздоху можно было понять, что он скорее согласится кашеварить на солдатской кухне, чем станет иметь дело с миллионами.

Акт о приемке денег и ключей от банковских кладовых и сейфов был опубликован в газете «Правда».

Глава 11

— В коммерческих банках идет усиленная выкачка наличных денег из касс,— сухо докладывал Оболенский.— Волжско-Камский банк отказался выполнить распоряжение о переводе на счет Государственного банка денег Петроградского комитета помощи военно-увечным. Есть основания полагать, что из коммерческих банков уплывают и валютные запасы... Среди акционеров много иностранцев...

— Все-таки на первом этапе попытаемся договориться,— сказал Менжинский.— Здесь все не так просто, как полагают иные горячие головы. У коммерческих банков много мелких вкладчиков, которые хранят там трудовые, честно заработанные сбережения. Советская власть должна оградить их интересы. Кроме того, эти банки выдают деньги на зарплату рабочим промышленных и транспортных акционерных обществ и компаний...

— Но факты прямого саботажа...

— С саботажниками не церемоньтесь. Время уговоров прошло. Валериан Валерианович, направляйте материал по каждому факту саботажа прямо товарищу Дзержинскому. Чрезвычайная комиссия активно разворачивает работу. Мне рассказали, что три дня назад ей удалось схватить крупного фальшивомонетчика. Целую мастерскую имел. Деньги печатал, продуктовые карточки...

— Сакони бы поймать... Много сей господин может рассказать. Кроме тех двух кредитов, о которых сообщил бухгалтер Валентинов, обнаружился еще добрый десяток липовых закладных и поручительств...

— Валентинов как?

— Работает, Вячеслав Рудольфович... Переживает, но работает честно. Я ему сейчас контрольные операции доверил.

Оболенский собрал бумаги в папку.

— Ну что ж, попытаемся вступить в соглашение с господами банкирами.

— Наши условия следующие: все коммерческие банки представляют в Государственный банк ежедневные справки о состоянии касс. Только по рассмот-

рению таких справок будет выдаваться кредит для пополнения кассовой наличности этих банков. Кроме того, коммерческие банки получают право выдавать чеки на Государственный банк, но не более чем на три миллиона рублей ежедневно.

Упоминание о возможности выдачи чеков вызвало явное оживление представителей коммерческих банков. Это не укрылось от глаз Оболенского.

— Однако,— размеренным учительским голосом продолжил он,— выдача таких чеков на сумму менее чем две тысячи рублей воспрещается. Пока у Госбанка нет достаточного штата для обработки документации на мелкие выдачи...

Собравшиеся в кабинете одобрительно загудели. В этом пункте интересы комиссара Оболенского и господ из коммерческих банков совпадали.

Но согласие оказалось непродолжительным.

— Чеки на сумму от двух до пяти тысяч рублей могут выдаваться только на производственные цели. На бо́льшие же суммы возможна лишь выписка именных чеков с приложением заявления владельца денег.

— Это противоречит установленному порядку,— вскипулся Коншин.

— Установленный порядок мы соответственно уточним... Кроме заявления владельца вместе с именным чеком представляется документ, указывающий род занятий владельца, номер его текущего счета в банке и цели, на которые ему требуются деньги.

— Позвольте! Как же тогда будет соблюдаться тайна вкладов и коммерческих интересов клиентов?

— Советская власть считает нужным знать коммерческие интересы ваших клиентов,— спокойно отпарировал Оболенский.— Могу гарантировать, что конкурирующим фирмам эти сведения сообщаться не

будут... Советская власть должна быть уверена, что получаемые по чеку деньги пойдут на выплату заработной платы, закупку сырья или покрытие транспортных расходов, а не окажутся переданными на нужды подпольного офицерского союза.

Работа коммерческих банков под контролем Государственного продолжалась всего восемь дней.

— Да, нельзя назвать джентльменское соглашение длительным,— сказал Вячеслав Рудольфович, когда Оболенский сообщил ему, что коммерческие банки дают неправильные сведения о состоянии касс, создают фиктивные текущие счета и переводят деньги в местные отделения, где Государственный банк лишен возможности контролировать выдачи.

— Этого нужно было ожидать. Соглашение большевиков и банкиров в своей основе противоестественно. Главное, что мы выяснили более детально обстановку в коммерческих банках... Там есть, Валериан Валерианович, и более серьезные нарушения. Мне звонили с Гороховой, из Чрезвычайной комиссии. Установлено, что банкиры Вышнеградский и Путилов из Русско-Азиатского банка передавали крупные суммы корниловским мятежникам. Я дал согласие на арест.

— По-моему, в Торгово-промышленном тоже есть какие-то подозрительные операции. Выдано несколько предъявительских чеков, которые учтены не Госбанком, а обществом взаимного кредита. Сегодня ко мне приходил Валентинов. Некоторые документы его очень настораживают.

— Одних подозрений недостаточно, Валериан Валерианович. Нужны доказательства. Дзержинский на слово не поверит.

Массивное, облицованное понизу гранитом здание на Морской было украшено по фасаду шестью колоннами с затейливыми капителями.

Над аркой, у входа в вестибюль, на гранитном шаре, олицетворявшем мир, были выбиты четыре буквы: «РТПБ», означавшие «Русский торгово-промышленный банк».

Деньги! Невидимый и грозный властитель во все времена и эпохи писаной истории, мерило стоимости каждого выращенного зерна, выплавленного пуда металла и сделанного кирпича, бриллиантового колье, омара, поданного в кабинете ресторана, и миски жидкой похлебки, на которую вожделенно глядят голодные глаза ребятишек.

По личному указанию Владимира Ильича Ленина трое ответственных и полномочных работников Советского правительства — Подвойский, Бонч-Бруевич и Менжинский тщательнейшим образом и в строгом секрете разработали план операции по овладению коммерческими банками. Были собраны адреса банков, схемы внутренних планировок, фамилии и адреса директоров, выявлены связи с промышленными компаниями, торговцами и заводчиками.

Было сформировано двадцать восемь вооруженных отрядов. Всего несколько человек в Смольном знали, с каким заданием ушли сегодня утром эти отряды.

И все-таки удар по операции был нанесен.

Место Оболенского, переведенного на работу в Высший Совет Народного Хозяйства, занял в Государственном банке Пятаков. Новый управляющий немедленно выступил в «Правде» со статьями на тему «Пролетариат и банки».

Вопреки Ленину Пятаков доказывал, что национализировать коммерческие банки нельзя без одновременной национализации промышленности. Практически он откровенно намекал, что большевики готовят национализацию банков.

— Это же проще простого сообразить,— сердито говорил Менжинский на заседании Совнаркома.— Пятаков не только раскрывает наши планы, но и пытается убедить, что национализация коммерческих частных банков преждевременна, что, овладев Государственным банком, пролетариат, по его выражению, уже захватил «вожжи» всех остальных банков. Одних «вожжей» Советской власти мало. Русско-Азиатский банк — это контроль двадцати двух процентов нефтедобычи, золотопромышленности, табачной промышленности и части военных заводов. Азовско-Донской держит в своих руках южную металлургию, нефть и сахарную промышленность. Русский торгово-промышленный банк командует многими машиностроительными заводами и контролирует двадцать процентов сахарной промышленности. При этом значительное количество акций находится в руках иностранных держателей. Русско-Азиатский банк правильнее было бы именовать Французско-Азиатским, поскольку шестьдесят процентов капиталов там принадлежит французам... И вот такую силу, такие опорные пункты капитала Пятаков советует повременить брать в руки. Такие махины «вожжами» Госбанка нам не удержать...

Вячеславу Рудольфовичу удалось настоять, чтобы Пятакова не привлекали к национализации коммерческих банков.

— Стой! — подал команду балтийский матрос. Отряд четко отбил шаг и замер, приняв к ноге винтовки.

К командиру подошли двое, предъявили мандаты. Холодный ветер рвал бумаги и мешал читать.

— Прибыли в ваше распоряжение, товарищ Менжинский.

— В распоряжение товарища Островского. Он здесь будет непосредственно командовать.

— Банк будем потрошить? — спросил командир, только сейчас сообразивший, какое «особое задание» предстоит выполнить отряду.

— Нет, «потрошить» ничего не будем, товарищ командир,— улыбнулся Менжинский.— Все это Советской власти пригодится. Надо эту контору поставить на службу рабочим и крестьянам.

— Серьезная контора,— сказал матрос и прочитал буквы на гранитном шаре.— Что же они обозначают?

— «Русский торгово-промышленный банк»,— ответил Островский, назначенный комиссаром банка и теперь уже по-хозяйски присматривающийся к зданию.— Вы скажите в отряде, чтобы деликатно. Побьют стекла, нам же придется их вставлять. Никаких бумаг и счетных книг чтобы не нарушали.

— Может, еще при входе ноги вытирать? — задиристо спросил командир и смутился, увидев осуждающий взгляд Менжинского.— Это я так, к слову... Не приходилось мне еще с банком дело иметь, но попробовать можно... Отряд, слушай мою команду!

Юркий швейцар попытался было нырнуть в какую-то дверь, но сильная рука ухватила его за отворот расшитой галунами ливреи.

— Ты, папаша, не ворошись, беспорядка не устраивай,— посоветовали швейцару, ткнув для убедительности наганом в рыхлый живот.— Садись сюда, на диванчик, и соблюдай полное спокойствие. Тем более, что банк закрыт и посетителей не предвидится.

Командир отряда деловито прикрепил на двери объявление.

— Прохоров, ты со своими ребятами в операционный зал,— негромко распорядился командир.— Сапожников, к сейфам, а Лапин — в дирекцию! Быстро!.. И чтобы — ни-ни!.. Одним словом — ноги при входе вытирать.

Увидев вошедших в кабинет вооруженных матросов, Коншин побледнел. Рука с растопыренными пальцами нашарила трубку телефона, но голос барышни с коммутатора не откликнулся. По указанию Смольного телефоны частных банков в этот день были отключены с десяти часов утра до двух часов дня.

— Не беспокойтесь, господин Коншин. Звонить вам никуда не надо,— сказал Менжинский и положил на рычаги брошенную трубку.— По распоряжению Советского правительства все коммерческие банки заняты сейчас военными отрядами.

— По какому праву! — Коншин справился с растерянностью и обрел голос. Вскочил за столом и даже приподнялся на цыпочки, чтобы казаться более рослым.— Это произвол! Мы частное коммерческое учреждение! Я протестую!

— Протестуете против Совнаркома?

Директор смешался, покосился на вооруженных матросов, выжидательно стоящих возле двери, и сбавил тон. Заявил, что к Совнаркому он относится лояльно, но протестует против методов грубой силы.

— Наш банк выполняет все оговоренные условия... Мне только что представили на подпись справку о состоянии кассы. Вот!.. Сию минуту...

Руки Коншина суетливо перебирали на столе бумаги и не могли найти нужную справку.

— Мы соблюдаем все условия...

— К сожалению, господин Коншин, факты убеждают, что вашим справкам верить нельзя... Разрешите представить революционного комиссара Русского торгово-промышленного банка. Товарищ Островский. Пожалуйста, ознакомьтесь с его мандатом.

Вздрагивающими пальцами Коншин взял мандат и увидел внизу стремительную, хорошо известную теперь подпись — Ульянов (Ленин).

Сообразив, что немедленный арест не грозит, Коншин поправил сбившийся воротничок и без нужды переложил с места на место сафьяновую папку с тисненной золотом монограммой.

Вячеслав Рудольфович понимал, что Коншин старается выиграть время, опомниться, сообразить, найти выход. Лихорадочно думает, как призвать на помощь акционеров, вкладчиков, банковских служащих, Кредиттруд. Крикнуть им, что комиссары забирают их капиталы, кровные денежки...

— Что же вы желаете, господин Менжинский? — спросил Коншин сухим, хорошо отработанным вежливым тоном, который всегда барьером ограждал директора от нежелательных визитеров.

— Не я желаю, а Советская власть предписывает... Прошу сдать ключи от сейфов и кладовых.

— У директора ключей нет. Они находятся у кассиров и у члена правления, ответственного за хранилища.

— У господина Варламова? — уточнил Менжинский.— Будьте добры в таком случае пригласить сюда господина Варламова и главного кассира.

Коншин нажал кнопку звонка. В дверях появился секретарь. Возвратившись минут через десять, он

доложил, что Варламов и главный кассир отсутствуют.

— Отправьте наряды по домашним адресам,— распорядился Вячеслав Рудольфович,— и немедленно доставьте этих господ под конвоем в банк.

Через два часа ключи от касс и кладовых Русского торгово-промышленного банка оказались у комиссаров.

Однако возникло еще одно непредвиденное обстоятельство.

Кладовые банка имели внутренние бронированные двери. Ключи от этих дверей находились у артельщиков, доверенных лиц, которые на договорных началах за соответствующее вознаграждение выполняли обязанности кассиров и инкассаторов частных фирм и компаний.

— Без ключей не осилить, товарищ Менжинский,— сказал командир отряда, постучав рукоятью нагана по стальному прямоугольнику, загораживающему вход в кладовую.— На совесть сработано. Видно, здорово грабителей опасались.

Матрос был наивен. Он не знал, что банки чаще всего грабили не взломщики.

К полудню кое-кого из артельщиков удалось доставить в банк. Но они потребовали, чтобы перед сдачей ключей наличность кладовых была пересчитана и принята по акту. Отказать в такой просьбе было нельзя. Тем более, что Вячеслав Рудольфович и Островский не без оснований опасались, что между суммами, указанными в кассовых книгах, и фактическим наличием могут обнаружиться несоответствия.

Банкам было предложено на следующий день начать обычные финансовые операции под контролем комиссаров.

Служащие, приступившие к работе, считались перешедшими на государственную службу со всеми вытекающими последствиями.

— Прошу вас, господа,— пригласил Вячеслав Рудольфович и спросил, чем обязан приходу депутации.

Первым заговорил Коншин.

— События последних дней поставили перед руководством коммерческих банков некоторые вопросы, господин Менжинский.

— Именно?

— Потрясения, которые сейчас переживает Россия, заставляют нас опасаться угрожающих последствий для экономики государства.

— Хаос может наступить,— добавил Вавельберг из Петроградского торгового банка, дородный старик со склеротическими жилками на отвисающих, бульдожьих щеках.

— Хаос не наступит, господа. Советская власть не допустит.

— Но занятие банков вооруженными отрядами и парализация их нормальной деятельности,— продолжил Коншин,— способствуют возникновению тех трудностей в хозяйстве, симптомы которых уже отчетливо видны.

— Давайте не будем пугать друг друга, господа,— усмехнулся Менжинский.— У меня не очень много свободного времени и нет возможности заниматься теоретическими вопросами о роли коммерческих банков в экономике страны. Прошу высказываться более конкретно.

Делегаты переглянулись между собой. Замечание Менжинского расстраивало тщательно продуманный план разговора.

— Хорошо,— сдался Коншин.— Вы хотите усилить фактический контроль над кассами. Но наши банки являются не политическими, а сугубо коммерческими учреждениями, и мы просим возвратить ключи от сейфов, касс и кладовых. Отсутствие ключей делает невозможной нашу работу.

— Нет, господа, занятие коммерческих банков вооруженными отрядами не связано с усилением или изменением контроля. Контроль не дал тех результатов, на которые рассчитывало Советское правительство, и ваша лояльность на поверку оказалась фикцией... Справки и отчеты не соответствовали действительности, размеры кассовой наличности всеми способами уменьшались. Я не буду затруднять вас перечислением фактов. Подробную справку о них вы можете получить у товарища Дзержинского на Гороховой, два.

Названный адрес был депутации известен, и у нее не возникло желания опровергать слова заместителя наркома финансов.

— В столь сложной обстановке, какая сейчас сложилась,— осторожно заговорил Коншин,— в коммерческих банках могли происходить некоторые отклонения. Мы признаем, что имели место непродуманные операции и опрометчивые выдачи из касс денежных сумм. Мы сами можем расследовать их и наказать виновных. Но согласитесь, гражданин Менжинский, что общая тенденция...

— Не соглашусь, Коншин. Именно общая контрреволюционная тенденция, а не отдельные случаи злоупотреблений вынудили Советское правительство ввести вооруженные отряды в банки. Ни о каких соглашениях и взаимных договорах в дальнейшем не будет никакой речи. Мы ставим задачу создать единый народный банк всей Советской республики. Ос-

новой его явится Государственный банк, к которому будут присоединены все остальные банки и кредитные учреждения.

— Простите, но реформа банковской системы — это большое и очень ответственное дело,— вкрадчиво перебил Вавельберг.— За недели, даже за месяцы ее не осуществить.

— Да, дело большое и серьезное. Одним декретом его не организуешь. Поэтому коммерческие банки пока будут работать под контролем наших комиссаров. Под их полным и абсолютным контролем.

— Предельно ясно изволили выразиться, гражданин Менжинский,— усмехнулся Вавельберг.— Но нормальная работа банков требует спокойной обстановки, а сотни наших служащих...

— Государственных служащих,— уточнил Вячеслав Рудольфович.

— Хорошо, государственных служащих... лишены нормальных условий работы.

— И ее не может быть, пока арестованные не освобождены,— напрямик брякнул Коншин.

— Это не в моей компетенции, господа,— сухо ответил Вячеслав Рудольфович.— Кроме того, основания для ареста Вышнеградского и Путилова были весьма существенные. Огульно никто не лишается свободы. Это подтверждается тем очевидным фактом, что уважаемые деятели бывших коммерческих банков присутствуют здесь.

— Но мы просим как можно скорее рассмотреть вопрос о персональной и личной вине наших арестованных коллег... Превентивные аресты недопустимы!

— Спокойствие тысяч наших вкладчиков...

— Хорошо. Я передам вашу просьбу в соответствующие органы. Ответ будет дан после совещания

народных комиссаров... А что вы мне можете сказать, господа, о ваших намерениях, касающихся деятельности коммерческих банков, обеспечивающей, как вы неоднократно здесь подчеркивали, жизненно важные функции экономики страны? Можем мы рассчитывать на нормальную работу банков, если арестованные будут освобождены?

Коншин встал и холодно ответил, что депутация не уполномочена давать никаких ответов до решения общего собрания акционеров.

На следующий день служащие коммерческих банков и кредитных учреждений были призваны к всеобщей забастовке.

Глава 12

«Куда Скрипилев запропастился?» — обеспокоенно думал Ауров, поеживаясь в холодном подъезде дома на Морской.

У входа шумела толпа. В ней мелькали бобровые воротники, салопы, форменные шинели, кокетливые женские шляпки, поддевки и дорогие шубы. Толпа то отступала от подъезда, то грозно приливала к нему. Тогда два солдата с красными повязками на рукавах брали винтовки наперевес.

Несколько раз дверь банка открывалась и на ступенях появлялся сухощавый темноволосый человек в куртке, перепоясанной солдатским ремнем.

Ауров знал, что человек в куртке — это комиссар банка Островский. Знал, что Островский будет очередной раз успокаивать толпу, убеждать, что банк закрыт потому, что саботажники и контрреволюционеры устроили забастовку.

Тем, кто бушевал у подъезда банка, было наплевать на контрреволюционеров, саботажников и ко-

миссаров. Им нужны были деньги. Собственные деньги, которые лежали на счетах и в абонированных сейфах, оказавшихся вдруг самыми ненадежными хранилищами.

Ауров машинально сунул руку под пальто и нащупал в потайном кармане пиджака сейфовый ключ. Второй ключ хранился у заведующего отделением банка.

Узнав о занятии банка большевистскими отрядами, Ауров кинулся искать Сакони. Но Леонид Юлианович словно провалился сквозь землю. В кафе на Невском Епимах Андреевич случайно встретил бывшего счетовода Скрипилева. Тот пожаловался на жизнь и сказал, что по навету злых людей большевики выставили его с работы. После хорошего угощения Скрипилев признался, что пока в банке была суматоха, он запасся чистыми служебными бланками и даже умудрился пришлепнуть на них казенные печати. Тут же за столом они договорились. Скрипилев взялся сочинить официальное предписание Русскому торгово-промышленному банку о разрешении изъять ценности из сейфа, абонированного Ауровым.

Сегодня утром они пришли к банку. Разжалованный счетовод предъявил часовым письмо Государственного банка и был допущен в помещение.

Прошел уже час с четвертью, а Скрипилев так и не возвращался.

Неужели плакали денежки? Неужели Коншин не поможет по старой дружбе?

Хитрая лиса. Глядишь, в сторону вильнет. В добрые времена Коншин ради собственной выгоды через человека перешагивал. Как теперь на него надеяться?

Но выхода не было, и Епимах Ауров терпеливо топтался в холодном подъезде.

Кто мог думать, что комиссары так круто провернут дело в коммерческих банках? Господа промышленники и сообразить не успели, как их денежки оказались у большевиков.

Все выходило много хуже, чем можно было предполагать. Позавчера верный человек привез письмо из Архангельска. На лесопильном заводе Епимаха Аурова теперь управлял выборный комитет. Верховодил в том комитете Пашка Нифонтов, давно известный Епимаху смутьян и красный заводила. Отец Нифонтова был человеком спокойным и уважаемым, плавал шкипером на зверобойных шхунах. А сын во флоте бунтарской заразы набрался и стал социалистом. С головой ведь мужик и руки золотые. На пилораме лучше всех работал, по механике соображал, в электрических машинах разбирался, а вот прилипла к нему эта вредная крамола так, что не отодрать. Сначала хотел Епимах Ауров добром Пашку к рукам прибрать. Мастером надумал поставить, так тот наотрез отказался, а наградные к рождеству возвратил с такой писулей, что у Аурова от злости в глазах позеленело. Ребра Нифонтову в охранке два раза ломали, на глухом пустыре ломиком по голове так хряснули, что едва в больнице отлежался. И это его не утихомирило. Тогда Ауров подвел его под военный суд, и получил Нифонтов пять лет каторги. А поди ж ты — кремешок оказался. Снова объявился. Управляющего на бревнотаске в запань спустил и начал на заводе командовать.

Большевики дали народу силу почувствовать. Вот в чем главная беда...

Невыносимо тянулось время. Стрелка, казалось, приклеилась к циферблату золотой луковицы Павла Буре, поставщика двора бывшего его императорского величества.

Надо было пораньше сообразить о сейфе.

В стальном ящике за литерным номером восемьдесят три, забетонированном в стену подвала банка, лежало у Епимаха Аурова тысяч на сто акций лесных компаний и архангельского пароходства, золото, камешки в сафьяновом мешочке и пакет из плотной лощеной бумаги.

Об акциях он не очень печалился. Раз на заводах хозяйничают комитеты, охотников на акции не найдешь. Золото и камешки тоже не стоило жалеть. Червонных десяток в сейфе всего было тысячи на полторы рублей, камней совсем пустяк — с десяток каратов мелочишки. Случалось Аурову в ресторане за один раз поболе выкладывать.

Добыть надо было объемистый пакет. В нем лежала выручка за последний пароход с пиломатериалами, с отборной пинежской сосной, отправленной в норвежский порт Нарвик. Сто двадцать тысяч рублей было в том пакете полновесными надежными кронами, которые примут везде, которые и при нынешней заварухе не потеряют в цене ни на копейку.

Не то что керенки — бумажная ветошь, годная теперь лишь для сортира.

Обидно, если большевики пакет заграбастают.

Полмиллиона банковского кредита Ауров хорошо пристроил. Отсчитал их в конторе с иностранной вывеской и взамен получил переводное письмо на заграничный банк. Для какой нужды чернявому господину из той конторы срочно русские деньги понадобились?

Наконец из дверей банка выскользнула знакомая фигура Скрипилева. Едва он сошел со ступеней, как к нему прихлынула толпа ожидающих. Счетовод потерялся в ней, но через несколько минут вынырнул, перебежал улицу и юркнул в подъезд.

— Ну?

— Худо дело, Епимах Андреевич,— торопливо заговорил Скрипилев, оглядываясь на дверь.— Нельзя к сейфу пройти... Караул без разрешения комиссара никого не пропускает.

— А Коншин?

— Господин директор самолично к комиссару ходил. Ни в какую. Не имеют права допустить в сейфовые подвалы без разрешения Менжинского. Вот какие дела... Мою бумажку Коншин у себя оставил. Хорошо она комиссарам не попала. Такой они кончик бы ухватили, что карачун враз мне пришел... Нет, больше я за такие дела пе возьмусь... Страх господен, с ног до головы холодным потом пять раз обливался, пока господин Коншин с большевичком разговаривал. Думаю, цапнут сейчас за воротник — и прощай прекрасная твоя жизнь, Скрипилев...

Счетовод отчаянно перетрусил. Он ежился, втягивал голову в поднятый воротник форменной шинели финансового ведомства, суетливо шевелил руками и вглядывался в сумрак холодного подъезда.

— Идти мне надо,— просительно сказал Скрипилев и выпростал из рукавов шинели мерзнущие руки.— Такие дела...

— Такие,— невесело подтвердил Ауров.— И чéка Коншин не мог выдать?

— Разве возможно чеки на капиталы личного сейфа выдавать? Кроме вас никому неизвестно, что там хранится... Комиссионные бы с вас...

— Ты же мпе ни копейки не принес,—усмехнулся Ауров.— Уславливались же с полученной суммы пять процентов...

— Часовые с винтовками, никак пройти невозможно. Страху натерпелся...

Надо было сказать Скрипилеву, чтобы он проваливал подальше, но, подумав, Ауров достал бумажник и сунул в озябшие руки счетовода две четвертные бумажки.

Комиссар из общества электрического освещения получил секретное письмо из Смольного: «...ввиду назначенной... ревизии стальных ящиков в бывших частных банках предписывается вам в субботу 23 декабря с 9 часов утра до 9 часов вечера обеспечить электрическим светом помещения банков Московского купеческого, Московского промышленного, Международного и Сибирского, находящихся на Невском в стороне четных номеров между Адмиралтейством и Фонтанкой. Освещение безусловно необходимо ввиду того, что стальные ящики находятся в подвальном этаже...»

Потом из Смольного позвонили и к перечисленным в письме банкам добавили Русский торгово-промышленный банк.

В газетах было объявлено, что владельцы стальных ящиков под номерами от одного до ста включительно обязаны явиться с ключами в банки к десяти часам утра. При неявке их в течение трех дней стальные ящики будут вскрыты особыми комиссиями.

Декрет ВЦИК, принятый еще 14 декабря, устанавливал, что золото, серебро, платина в монетах и слитках и иностранная валюта подлежат конфискации.

— Я не очень надеюсь, что владельцы сейфов прибегут с ключами по нашему приглашению,— сказал Вячеслав Рудольфович комиссару Островскому.— Видимо, придется вскрывать в их отсутствие.

— Не простая это штука, товарищ Менжинский... Я еще раз осмотрел сейфовые подвалы. Ящики замурованы в бетонированные стены. В каждом индивидуальная система замка. Крепчайшая сталь. Без ключа управится только опытный слесарь. Электродрели нужны, хорошие сверла, а где это сейчас добудешь?

— Да, сложностей много. Но не оставим же мы сейфы закрытыми... Кое-кто из владельцев все-таки придет.

— Если бы знать, что находится в этих сейфах? — вздохнул Островский.— Вдруг их уже успели очистить, а мы будем попусту вскрывать? Работы будет сверх головы. В банках и их местных отделениях насчитывается более ста пятидесяти тысяч личных сейфов. Надо целый полк слесарей высшего класса.

Владелец литерного ящика за номером восемьдесят три явился по вызову в точно назначенное время.

Комиссар Островский похлопал по стальной, несокрушимой дверце сейфа и заглянул в список.

— Господин Ауров?

— Он самый...

— Прошу ключ.

Епимах Андреевич ощутил, как у него зацепенели, налились каменной тяжестью скулы. Выбритая щека вдруг дернулась, словно промышленника цапнул невидимый комар.

— Ключ? — глухо переспросил он и шагнул к комиссару.

Узнав из газеты о приглашении в банк владельцев литерных ящиков, Ауров долго думал, как поступить. Не зажигая света, ходил по гостиничному номеру из угла в угол, как тигр в клетке, ложился на кро-

вать, вскакивал и снова ходил, пил шустовский отборный коньяк, и хмель не брал его.

«Пойду! — уже под утро решил он.— Погляжу, как деньги будут брать... Чтобы потом легче было душить их собственными руками... Пойду!»

— Да, ключ,—подтвердил Островский, увидел, как у Аурова сузились глаза, и предупредительно добавил: — Прошу без истерик!

Епимах укротил себя. Пересилил жаркую волну, которая кинулась в голову, затуманила разум, подмывала кинуться прыжком на комиссара, бить, рвать, плющить литыми кулаками голову.

— Ваша сила, берите,— сказал Ауров с кривой улыбочкой и достал из кармана ключ от сейфа.

Стальная дверца нехотя распахнулась, открыв сокровенный полумрак сейфа.

Ауров привычно шагнул к знакомому ящику.

— Прошу оставаться на месте,— остановил его голос комиссара.— Сами разберемся.

Кинув на Аурова короткий взгляд, Островский вдруг заметил меловую бледность, залившую лицо лесопромышленника.

— Что с вами?

— Ничего,—смешавшись, выдавил Ауров, не отрывая глаз от раскрытой стальной дверцы.

В сейфе не было пакета из плотной глянцевой бумаги. Выручки за последний пароход, крон, валюты...

Ауров провел по лицу растопыренными пальцами, словно сдирая невидимую паутину. Рука дрожала, и сдержать эту дрожь не хватало сил.

На мгновение, не веря сам себе, Епимах прикрыл глаза. Но когда открыл их, пакета на привычном месте так и не возникло.

Тогда пронзила догадка.

 «Коншин!.. Сукин сын! Всех опередил... Ловок!

Ну и ловок, пес... И камешки прихватил. На пустяковину тоже польстился...»

Захотелось крикнуть, что ограбили, но глаза наткнулись на сутуловатую спину комиссара Островского, деловито разбирающего содержимое сейфа. Мысль, что пакет с валютой не достался комиссару, остановила рвущийся крик и принесла облегчение.

Комиссия принялась тщательно считать акции, золотые монеты, вписывать их в акт.

Из глубины сводчатого подвала приблизился рослый человек в пенсне с золотыми дужками. Сквозь стекла смотрели из-под бровей проницательные темные глаза.

— Как дела? — раздался глуховатый голос.

— Заканчиваем опись. Владелец, лесопромышленник Ауров, явился по нашему вызову, товарищ Менжинский.

«Менжинский,— подумал Епимах и снова ощутил, как, путая мысли, подкатывает горячечная волна.— Вот ты какой, комиссар Менжинский! Крепко я тебя запомню. Чтобы с другим не перепутать, когда придется счет сводить».

Вячеслав Рудольфович ощутил на себе тяжелый взгляд владельца литерного сейфа Аурова — с широким, грубовато выписанным лицом, с волосатыми крупными ноздрями, вызывавшими мысль о звериной силе.

— Золото в монетах подлежит конфискации,— сказал Островский.

— Удобное словечко выискали,— усмехнулся Ауров.— Раньше такое дело просто называли...

— Как? — спросил Менжинский.

— Грабеж среди бела дня.

— Слова в революции меняют смысл,— ответил Менжинский на злую реплику Аурова.— Было и та-

кое слово: «эксплуатация». Господа промышленники предпочитали по-другому выражаться: предпринимательство, деловая активность, прибыль, дивиденды. Вы, Ауров, не задавали себе подобных вопросов, когда на банковский счет поступали деньги. Когда же возникла угроза, что деньги больше поступать не будут, стали задумываться над смыслом слов. Нет, это не грабеж среди бела дня. Это конфискация награбленного вами. Законный и справедливый возврат денег тем, кто их действительно заработал.

Ауров молчал.

— Денежные суммы будут зачислены на ваш счет в банке,— деловито объяснил Островский.— Акции можете оставить в сейфе... Прошу подписаться под актом.

Епимах поставил подпись, получил копию акта и ушел из подвала.

Коншина, как он и думал, увидеть не удалось. Господина директора банка не оказалось ни дома, ни на службе. И никто не мог сказать, куда он так стремительно убыл.

Ауров возвратился в гостиницу, где у него была назначена встреча с Крохиным.

Бывший филер, появившись у Епимаха Андреевича по поручению Уфимцева, вспомнил и полученную когда-то полусотенную, и выданный жандармам стачечный комитет на лесозаводе.

— Одной мы веревочкой теперь связаны,— преданно заглядывая в глаза, сказал Крохин.— Все для вас сделаю. Знаю, не обидите человека.

— Не обижу,— ответил Ауров и подумал, что филер будет служить верно. Иного выхода у Грошикова — Крохина не имелось.

В первый же день проверки сейфов удалось конфисковать золота, серебра, платины и иностранной валюты на сумму около двухсот тысяч рублей.

— Кроме того,— доложил представитель комиссии,— в кладовых, принадлежащих Сибирскому торговому банку, обнаружено золота в слитках и шлихтового около пятидесяти пудов, в Московском промышленном — около сорока пудов... Наличные деньги переводятся на текущие счета владельцев...

— Крепко паникуют?

— По-разному, товарищ Менжинский... Кто Советскую власть почем зря костерит, кто сопит про себя, а есть такие, что членам комиссии «деловые предложения» потихоньку шепчут... Поддельные документы тоже пытались представлять...

В банках открывались удивительные вещи. Так, в Петроградском Международном коммерческом банке был обнаружен текущий счет на имя А. Ф. Керенского. На счете числилось 317 020 рублей.

Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать эти деньги и вместе с хранящимися на втором текущем счете господина Керенского в Государственном банке 1 157 714 рублями передать на текущий счет Совнаркома.

Привычно обшарив глазами холодный гостиничный номер, Крохин уселся на стул и облегченно вздохнул.

— Пронесло, слава господу,— сказал он.— Строгости пошли. Три раза ко мне по дороге цеплялись. Кто такой, да куда путь держишь... Дале так пойдет,—ни вылаза ни выскока нам не будет.

— Погоди раньше времени панихиду устраивать. Есть еще у нас зубы.

— Я к тому, что в Питере горячо становится. О своей голове тоже надо подумать. Худа́, говорят, та мышь, которая одну лазею знает.

— Не тарахти, дело есть. Кое-какие бумаги требуются.

— Сумнительно насчет бумаг становится,— притворно вздохнул Крохин.— Комиссары везде контроль наводят...

— Ладно, цены не набивай.

— Не в цене дело, Епимах Андреевич. Для вас цена что̀ — раз плюнуть при вашем богачестве... Есть, конечно, у меня знакомец. Балуется разными бумажками. Подпись кому, печать, а то иной раз и в полной форме документик нужон. Только стали вокруг него сейчас комиссары с Гороховой похаживать. Или настучал кто, или сами унюхали... Говорил мне, что прикрывать думает коммерцию.

— Добыть надо документ... Одному лицу.

Крохин шевельнулся на стуле и попрочнее расставил ноги.

— Для вас, извините благодушевно, Епимах Андреевич, документик требуется. Чего уж нам друг перед дружкой темнить?

— Ладно, не запускай глаза, куда тебя не просят... Хотя бы и мне?

— Что ж, береженого и бог бережет... Для вас постараюсь, похлопочу. Только ведь бумаги в таком разе нужны надежные. А за надежность и цена другая.

— Сколько?

— Тысяча рублей. В лучшем виде будут представлены.

— Пятьсот за глаза хватит.

— Грех торговаться, Епимах Андреевич. Тут все

должно быть без сучка без задоринки. У нас, в охран-

ном, бывало, говорили, что человек состоит из души, тела и паспорта... Душу и тело под теми бумагами станете носить... Тысяча — и ни копейки меньше. А двести сейчас, авансом.

— Ладно, договорились,— согласился Ауров, отсчитал деньги, круто повернулся, сцапал филера за воротник, притянул к себе и сказал, разделяя слова:

— Обманешь — под землей найду...

И поднес к лицу Крохина короткопалый мослатый кулак.

Глава 13

Михаил Степанович Валентинов работал теперь помощником комиссара по контролю фабрично-заводских удостоверений на выдачу денег. Отдел контроля, разместившийся на первом этаже банка в семнадцатой комнате, проверял полномочия представителей завкомов, фабкомов, домкомов, солдатских, корабельных и других комитетов, кассиров неведомых мастерских, артелей, компаний, кооперативов, агентств и доверенных лиц таких совершенно неожиданных учреждений, как добровольное общество вспомоществования престарелым извозчикам.

Нужно было внимательно разбираться в потоке бумаг, тусклых печатей, непонятных штампов и неразборчивых подписей. Удостоверяться в том, что человек, поставивший торопливую закорючку, действительно имеет право подписывать документы на получение денег, что требование на выплату заработной платы или неотложные расходы по транспорту и закупке сырья являются подлинными, а не липой, сочиненной ловкими людьми, чтобы выудить деньги.

От такой работы у Валентинова уже в середине дня кружилась голова и в глазах начиналось мелька-

ние. Однако его не волновали ни крикливые просьбы, ни назойливое приставание, ни нахальство, ни многозначительное похлопывание по кобуре нагана, ни истеричные выкрики о бюрократизме и угрозы пожаловаться куда следует.

Он хладнокровно сверял подписи и оттиски печатей, звонил по телефону на заводы и в организации, проверяя достоверность выданных документов.

Только с визой отдела контроля выдавали пропуск в кассовый зал.

Очередной посетитель не грозил, но было заметно, что он нервничает.

— Ну что вы там, товарищи, поскорее надо,— торопил он.— Меня люди дожидаются. Все бумаги в порядке...

Бумаги у посетителя были в полнейшем порядке. Именно это и насторожило Валентинова. Перед ним прошла уже добрая тысяча фабзавкомовских документов, и Михаил Степанович не мог сказать, что представители Советской власти на местах знают все тонкости оформления банковской документации.

Не один раз ему приходилось терпеливо растолковывать, как нужно писать доверенности, что суммы полагается указывать цифрами и прописью.

А тут было все оформлено по высшему классу. И оттиск печати был такой, что его хоть за образец бери, и исходящий номер, и подписи распорядителей кредитов.

— Строительное общество «Лейтес и компания»? Такого не припоминаю...

Но по телефону ответили, что документы действительно оформлены в строительном обществе, что пятьсот сорок семь тысяч двести шестнадцать руб-

лей и восемьдесят четыре копейки для выдачи заработной платы начислены правильно и кассир Сыромягин уполномочен фабкомом на их получение.

Деньги были выданы, а через два дня при дополнительной проверке обнаружилось, что общество «Лейтес и компания» три месяца назад обанкротилось, оставив после себя долги, номер телефона в справочной книге, вывеску и печать, которой, видимо, кто-то неплохо воспользовался.

Валентинов был уверен, что комиссар арестует его, однако Менжинский потребовал срочно представить докладную.

Докладной был дан ход. Были введены единые контрольные удостоверения, которые подтверждали, что получаемые деньги идут на заработную плату, в них указывалось также число рабочих и служащих, получающих эту зарплату, даты последней и предстоящей получки и размеры имеющейся в кассе завода наличности.

Заявление о выдаче зарплаты рассматривалось в течение сорока восьми часов. Если оно удовлетворялось, к заявлению прикалывался белый контрольный талон, если в нем отказывали — прикреплялся талон красного цвета.

— Одних бюрократов уничтожили, так вы других на нашу голову сажаете. Революционной совести не верите. Рабочим людям не даете собственную копейку получить! — надсаживался в кабинете Вячеслава Рудольфовича ретивый завкомовец, размахивая бумагами, к которым был приколот красный талон.

— За что кровь проливали?

— За революцию кровь проливали, товарищ, за власть Советов,— ответил Менжинский.— А революция требует революционного порядка.

— Сейчас я тебе порядок покажу!

Рука лапнула кобуру, рывком отстегнула застежку.

— Установленный срок выдачи заработной платы вашему заводу наступит через шесть дней... Прошу именно тогда и прийти в банк.

— А если людям жрать нечего?.. Они Зимний брали, а ты им на шесть дней вперед поверить не можешь... Старые порядки устанавливать!

Черный зрачок выхваченного нагана уставился в грудь Менжинского.

— Да, порядки будем устанавливать,— сказал Вячеслав Рудольфович и положил перед завкомовцем несколько удостоверений с красными талонами.

— Посмотрите, почему надо устанавливать порядок... Не тычьте, пожалуйста, наганом под нос, сделайте одолжение... Вот, читайте: удостоверение на получение из банка ста двадцати восьми тысяч пятьсот сорока рублей... Так?

— Так,— подтвердил завкомовец, опуская наган.— И им денег не дали?

— Не дали. Потому что удостоверение поддельное. И вот эти контрольные талоны на получение денег куплены на толчке у специалиста, содержавшего подпольную контору для изготовления фальшивых документов. Таких бумажек в этой пачке на два миллиона рублей с лишним. Теперь скажите, нужен нам контроль, нужен нам порядок?

— Но у нас же без обмана...

— Да, у вас без обмана, иначе я бы просто отдал распоряжение арестовать вас.

— Кончай бузу, Степан! — сказал попутчик завкомовца, молчаливо стоящий возле двери.

Он подошел к столу и сердито зыркнул темными глазами.

— И наган схорони... Правильно товарищ комиссар нам нос утер. Пошли на завод! Скажем ребятам, что хоть край, а неделю надо перебиться... С харчами трудно, товарищ Менжинский. Хлеб и тот не каждый день получаем. Семьи у всех, ребятишки. Вы уж извините, что Степан погорячился. Характер такой у человека. Ломаем мы его, да пока еще не доломали...

Вячеслав Рудольфович взял у завкомовца удостоверение с красным запрещающим талоном. С минуту подержал, раздумывая, потом написал наискось, что в порядке исключения разрешает выдать, и подписался.

— Спасибо, товарищ Менжинский,— поблагодарил молчаливый завкомовец, взял бумаги и аккуратно свернул их.— Только нам исключений не требуется... Выдюжим и в свой срок за деньгами пойдем. Насчет порядка вы верно сказали. Порядок теперь в первую голову везде нужен.

Двадцатого января Совнарком утвердил финансовую коллегию республики — Народный комиссариат по финансовым делам во главе с Менжинским.

Вскоре финансовая коллегия собралась на первое совещание. Заседали в просторной, с хрустальными люстрами и резными, темного дерева креслами давно нетопленной комнате бывшего министерства финансов.

— Надо, товарищи, начать работу по подготовке государственного бюджета. Банки были первым шагом. Теперь нужен бюджет Советской республики.

Вячеслав Рудольфович замолчал и поглядел на исхудалые, утомленные работой лица членов финансовой коллегии. На них читались удивление и растерянность.

— Задача труднейшая,— продолжил Вячеслав Рудольфович.— Государственный долг составляет более шестидесяти миллиардов. Из них шестнадцать надлежит выплатить иностранным банкам валютой и золотом. Средний же уровень доходных поступлений бюджета России определяется за последние годы в размере трех миллиардов рублей...

Вячеслав Рудольфович отчетливее каждого из сидящих понимал невероятную трудность предстоящей работы.

Цены стремительно росли, рубль неуклонно девальвировался. Временное правительство вместо налаживания финансового обращения пыталось закрыть бюджетные бреши работой печатных станков. Только в октябре прошлого года оно выпустило в оборот сотни миллионов бумажных рублей — радужные полотна, получившие ядовито-насмешливое наименование «керенок».

И несмотря на это Менжинский знал, что бюджет первого Советского государства должен быть составлен.

Удалось ведь справиться с саботажем в банках. Хитрым, умным, упорным и хорошо организованным. Тоже с первого взгляда казалось, что скоро не осилить. Трудности крепили волю. Росла уверенность в собственных силах, приходил опыт.

— В обращении находится много бумажных денег, не покрытых материальными ценностями.

— Рубль обесценивается с каждым днем, товарищ Менжинский...

— Без устойчивой валюты любой бюджет окажется фикцией, канцелярской бумагой. Без стабильных денежных знаков не может быть и речи о регулирующей роли бюджета.

— Расстроен учет государственных доходов...

— Их просто нет... Последние месяцы доходы вообще перестали поступать в казну. В таких условиях бессмысленно работать над бюджетом...

В репликах ощущался протест. Вячеслав Рудольфович был готов к такой реакции коллег.

Менжинский слушал не перебивая. И думал, что обретенную им силу он должен еще уметь передавать десяткам и сотням усталых, люто измотанных людей, с которыми встречался, работал, недоедал, недосыпал и мерз в таких вот шикарных нетопленных комнатах. Поднимаясь на высоту революционных дел, комиссар Менжинский должен был еще поднимать на эту высоту и других.

— Конечно, товарищи, трудно,— откашлявшись, заговорил он.— А кому теперь легко? Красногвардейцам на фронте? Солдатским вдовам, получающим мизерный паек? Свалить Временное правительство, совершить революцию разве было легче?.. Наследство нам досталось тяжелое. Безусловно, надо стабилизировать рубль как можно скорее...

— Каким же образом вы мыслите это сделать, Вячеслав Рудольфович?

Пожалуй, это был самый трудный вопрос.

Как свести баланс народным финансам, когда ежедневно падает курс рубля, когда немыслимо запутан учет доходов и расходов, когда на плечах государства огромный долг, а в банковских кассах и кладовых пусто?

Но государственный бюджет надо было готовить. Надо было каждый день решать большие и малые вопросы и безостановочно двигаться вперед в конкретной практике принципиально нового управления государственными делами. Не в словах, не в лозунгах, а именно в таких практических делах был теперь залог успеха.

— Прежде всего строжайшая экономия в расходах,— ответил Вячеслав Рудольфович.— И решение вопроса с кабальными займами царизма и Временного правительства.

Менжинский говорил деловито, неторопливо, и лица членов коллегии оживились. Сбросив гнетущую настороженность, люди задвигались, начали делать пометки в блокнотах, перешептываться, потирать руки, разминая мерзнущие пальцы.

— Все это так, Вячеслав Рудольфович,— сказал кто-то.— В конце концов бюджет можно составить. В коллегии у нас люди грамотные, бумагу сочинят.

— Сочинять ничего не будем. Показные миллиарды нам не нужны. Обманывать самих себя — последнее дело. Советский бюджет должен быть реальным. Пусть на первое время он будет невелик, но он должен быть непременно реальный. Это ведь финансовая база нашей республики, нашей с вами новой жизни...

Финансовая коллегия постановила начать работу над бюджетом республики. Ведомствам и учреждениям было предложено составить проекты годовых смет. При этом было особо указано, что «при составлении сметных исчислений необходимо отнестись с исключительной бережливостью к народным средствам».

Вопрос о государственных займах был вынесен на рассмотрение ВЦИК.

— Мы не имеем права дальше жить в кредит,— сказал Вячеслав Рудольфович, докладывая высшему органу Советской власти о ходе работы над бюджетом.— Простой подсчет убеждает, что, выплачивая такой государственный долг, если даже предположить, что бюджетные поступления сохранятся на уровне последних лет, и погашая иностранные займы, Советская республика в течение двадцати лет не будет иметь в собственном распоряжении ни единого рубля... Революция не может отвечать за долги царизма и Временного правительства.

Декрет ВЦИК от двадцать восьмого января аннулировал государственные займы России. Советское правительство освобождалось от необходимости выплачивать ежегодно иностранной буржуазии огромную сумму — около трех миллиардов рублей.

Бюджет Советской республики был подготовлен и утвержден. Скромный по суммам, он был первым в истории бюджетом государства рабочих и крестьян, и Вячеслав Рудольфович с удовлетворением перечитывал в газете знакомые цифры бюджетных назначений, опубликованные для всеобщего сведения.

Немцы шли на восток, с каждым днем приближаясь к Красному Питеру. Были оккупированы вся Литва, Эстония, большая часть Белоруссии и Украины.

Контрреволюция перешла к белому террору. Трое бывших офицеров обстреляли машину Ленина, когда он возвращался с митинга в Михайловском манеже.

Возникала реальная опасность, что внутренние враги могут сомкнуться с силами интервентов — хорошо вооруженными, опытными и вымуштрованными кайзеровскими полками.

В этих условиях, в ряду неотложных задач по защите завоеваний революции, необходимо было очистить столицу молодой Советской республики от неприятельских агентов, бандитов, саботажников и белогвардейцев.

ВЧК, на которую после роспуска Военно-революционного комитета была возложена борьба с контрреволюцией, расширила и активизировала свою деятельность. В январе 1918 года Совнаркомом был утвержден новый состав ВЧК. В эти трудные дни чекистами становились лучшие работники партии, преданные революционеры, неподкупные, умеющие отличить врага от брюзжащего на новую власть обывателя. Членом ВЧК стал Менжинский, возглавивший подотдел борьбы с преступлениями по должности банковских чиновников.

Революции нужна была передышка. Советскую республику прежде всего требовалось, даже ценой уступок, вывести из состояния войны с Германией.

По вопросу о мире развернулась острая партийная дискуссия. Вячеслав Рудольфович решительно и твердо стал на ленинские позиции в вопросе о мире с немцами.

Советское правительство и Центральный Комитет РКП(б) готовились к переезду в Москву.

«ПРИСТУПИТЬ НЕМЕДЛЕННО...»

Глава 1

Бывший полковник генерального штаба Ступин говорил отрывисто, словно отдавая строевые команды.

— По оперативному плану боевых действий город разделяется на два сектора: восточный и западный. Командиры секторов имеют права командиров дивизий. Боевой приказ будет дан накануне выступления в шесть часов вечера.

За пыльными окнами, забранными тяжелыми решетками, двигались рыжие растоптанные сапоги. Расхаживала по тротуару охрана совещания, устроенного в задней комнате подвала на Самотеке, над входом в который висела малеванная по жести вывеска кооперативной артели «Маяк» по ремонту квартир и конторских учреждений.

— Центр восточного сектора — Лефортово, его тыл — станция Вешняки. Командует восточным сектором полковник Миллер.

Коренастый и широкоскулый Миллер, одетый в гражданский пиджак и косоворотку, привстал на стуле.

— Прошу садиться, полковник... Западный сектор имеет центром сосредоточения Ходынку и занимает все прилегающие к ней районы. Командует сектором полковник Талыгин... К сожалению, обстоятельства не позволили полковнику присутствовать на совещании. Главная задача восточного сектора — захват Курского вокзала и вокзалов на Каланчевской площади. После этого сектор овладевает участком кольца «Б», соединяется с отрядами, наступающими с запада, и наносит удар по центру города. Захватывает Кремль и арестовывает Ленина.

— И к стенке главного большевичка́!

— Ни в коем случае! — строго перебил Ступин.— Ленина возьмем живым и увезем в заранее подготовленное место в качестве заложника, а потом предъявим большевикам ультиматум...

— И освободим Ленина?.. Вы с ума сошли, полковник...

— Не горячитесь, Миллер,— жестко усмехнулся Ступин.— Не забывайте, что из-за чрезмерного любопытства был потерян рай. Никто выпускать Ленина живым не собирается. При ультиматуме тоже можно найти способ... Одновременно с захватом Кремля мы овладеваем радиостанцией на Ходынке и оповещаем о падении власти большевиков в Москве. Таков кратко тактический план, господа. Он согласован с полковником Хартулари и одобрен «Национальным центром».

На этот раз привстал и поклонился Николай Николаевич Щепкин, бывший домовладелец и видный деятель кадетской партии, руководитель «Национального центра».

— Как насчет подкреплений? — осторожно вставил вопрос Миллер.— Овладеть Кремлем не просто. Подходы строго охраняются. Красные курсанты...

Одних пулеметов двадцать семь. По соседству гнездо чекистов... Воинские части в Москве.

Ступин круто повернулся к полковнику.

— Полагаю, что наступление генерала Деникина вынудит большевиков двинуть на фронт все наличные резервы. Планируется послать особый отряд с пулеметами на Лубянку, чтобы отвлечь чекистов от Кремля. Ну, а красные курсанты и Кремль остаются нашим храбрым офицерам. Как насчет артиллерийской поддержки, господин Миллер?

— Скорострельные пушки получить не удалось. Но кое-что снимем с учебных полигонов и поддержим выступление артиллерийским огнем.

— Прибудут также отряды из Волоколамска и из Троице-Сергиева. Примерно по пятьсот человек,— добавил Щепкин.— Кроме подкреплений людьми подготовлен взрыв мостов в районе Пенза — Рузаевка — Саратов и Сызрань. С тех направлений большевики помощи не получат.

— А Николаевская железная дорога?

— К сожалению, после провала в Петрограде мы лишены возможности контролировать Николаевскую железную дорогу,— помолчав, ответил Ступин.— Я не строю иллюзий, господа. Успех нам может обеспечить внезапность выступления. Решительность действий должна стать нашим дополнительным оружием...

— Когда отрядам выдадут положенное денежное обеспечение?

Ступин обратился к Щепкину.

— Прошу вас ответить, Николай Николаевич.

— Ждем прибытия курьера из-за Урала... Несколько дней терпения, господа.

— Надо активизировать привлечение нужных людей,— снова деловито и жестко заговорил Ступин.— Прошу сообщить по цепочкам связи, что каждый член

ударного отряда, завербовавший в организацию четырех человек, становится ротным командиром с соответствующим увеличением денежного содержания и правом досрочного производства в очередной офицерский чин.

— Здесь чинами сыт не будешь,— сухо заметил Миллер.— Кадровые льготы можно использовать по ту сторону фронта. Господа офицеры настаивают на выдаче оговоренного содержания.

— Содержание будет выплачено,— снова пообещал Щепкин, хотя и не имел представления, откуда он сейчас добудет столько денег. Второй курьер с миллионом так и не появлялся в Москве.

— Расходиться по одному!

Щепкин сделал полковнику неприметный знак. Ступин кивнул, догадываясь, что руководитель «Национального центра» хочет поговорить с ним без свидетелей.

Щепкин знал Ступина еще с тех времен, когда тот был штаб-офицером для особых поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта, а потом служил помощником генерал-квартирмейстера.

Революцию Ступин принял несколько иначе, чем многие из тех, кто носил офицерские погоны. Он не стал палить из нагана в красногвардейцев, не удрал ни на юг, ни на восток. Ступин зарегистрировался как бывший офицер и прошел проверку. В прошлом помощнику генерал-квартирмейстера не доводилось бить по морде солдат, разгонять полковые комитеты и участвовать в расстрелах неблагонадежных элементов. Поэтому проверяющие органы не нашли ни одного факта, уличающего Ступина в непосредственной контрреволюционной деятельности.

Бывшему полковнику разрешили работать в военных учреждениях Красной Армии.

Ступин неребрался в Москву, и старые знакомые нашли друг друга.

«Национальному центру» был нужен руководитель военной организации, которая сколачивалась кадетами еще с восемнадцатого года под видом комитетов домовой самообороны.

Полковник Ступин согласился взять на себя командование подпольными «добровольцами», которым явно недоставало твердой руки. «Добровольческую армию Московского района» он реорганизовал по принципу ударных групп, малочисленных, но составленных из решительных людей, в основном из бывших офицеров.

Постепенно ядро подпольных отрядов удалось переместить в некоторые военные школы и курсы, где оказалось немало таких, как бывший полковник Ступин. Это облегчало прикрытие, спабжение оружием и давало возможность проводить активную вербовку людей.

Выступление первоначально планировали приурочить к мятежу на форте «Красная горка», затем к прорыву генерала Мамонтова, но к этому времени формирование отрядов закончить не удалось. Теперь же у Ступина были наготове дисциплинированные, хорошо вооруженные «ударники», готовые к самым активным действиям.

— Мне весьма было приятно слушать ваше сообщение, Алексей Петрович,— заговорил Щепкин, когда они с полковником остались наедине.— Но наряду с военными вопросами необходимо обговорить политический аспект предстоящего выступления. Руководство «Национального центра» полагает, что должно быть подготовлено соответствующее воззвание к на-

селению, объясняющее политическую платформу и цели вооруженного выступления.

— Эх, дорогой Николай Николаевич,— усмехнулся полковник,— вы еще верите в слова? «Воззвание», «политическая платформа»... Сейчас она максимально кратка — свергнуть большевиков. Всякое словоблудие только вредит делу. И так мы тянем в разные стороны... У нас, видите ли, одному нужно восстановить на престоле царя-батюшку, второй хочет парламентскую республику, третий спит и видит Государственную думу, а четвертый молится на крепких мужиков... И все при этом забывают, что, пока не уничтожим Совдепию, не будет ни самодержца, ни республики, ни Государственной думы.

Ступин прошел к сейфу, звякнул ключом и положил перед Щепкиным бумагу.

— Вот политическая платформа, единственное воззвание к населению.

Николай Николаевич прочитал:

«Приказ номер I.

Все, борющиеся с оружием в руках или каким-либо другим способом против отрядов, застав и дозоров Добровольческой армии, подлежат немедленному расстрелу.

Не сдавшихся в начале столкновения или после соответствующего предупреждения в плен не брать»...

— Предельно коротко и весьма ясно,— усмехнулся Щепкин и положил приказ в карман.— Я организую печатание.

— Когда будут деньги, Николай Николаевич?

— Вы же слышали, что я сказал.

— Им вы можете говорить все, что угодно, но я должен знать истинное положение вещей.

— Второй курьер не прибыл... Возможно, что он попал в руки чекистов.

— Надежный человек?

— Не знаю. Должен приехать сотрудник разведывательного отдела от Колчака. Явки, которые он мог знать, уже законсервированы... Тихомирову дано указание мобилизовать все возможные источники получения денег.

— Не нравится мне ваш Тихомиров. Совслужащий в люстриновом пиджаке. Где вы его откопали?

Щепкин промолчал. Полковнику совершенно не обязательно было знать, что два года назад «совслужащий в люстриновом пиджаке» занимался крупной лесной торговлей и деловые интересы почти добрый десяток лет связывали Епимаха Аурова и домовладельца Щепкина.

Год назад Ауров вместе с бородатым попутчиком появился в Москве под чужой фамилией и нашел Николая Николаевича.

— Как липку меня ободрали большевички... Теперь буду за свое добро им глотки рвать.

По совету Щепкина Ауров притих и устроился в губсовпархоз на скромную должность делопроизводителя.

Попутчика Аурова определили в дворники, поселив его так, что из окна своей каморки он мог обозревать дом, где жил Щепкин.

— Не извольте беспокоиться, ваше благородие,— заверил новоиспеченный дворник.— Всякую суету сразу примечу. Глаз, извините благодушевно, на такое дело хорошо приучен.

Ауров вошел в подпольную организацию и по рекомендации Щепкина был назначен кассиром.

Расставшись со Ступиным, Щепкин долго кружил по улицам и переулкам, заходил в магазины, задержи-

вался перед пустыми витринами, где сиротливо пылилась краска для ресниц и жухлые коробки с пудрой подозрительного происхождения. Убедившись, что визит в скромную артель оказался незамеченным, Николай Николаевич свернул в тихий арбатский переулок, где проживал в собственном четырехэтажном доме с гранитной облицовкой цоколя и чугунной оградой. Сейчас в доме ему принадлежала только одна-единственная квартира, предоставленная по ордеру как рядовому квартиросъемщику.

Поднявшись на второй этаж, Щепкин открыл дубовую, проложенную стальным листом дверь и, мягко ступая по ковровой дорожке, прошел в кабинет.

Постоял у окна, не приметил на улице ничего подозрительного и сел за письменный стол.

«Передайте Колчаку через Стокгольм,— решительно писал Щепкин,— Москвин прибыл в Москву с первой партией груза, остальных нет. Без денег работать трудно. Оружие и патроны дороги. Политические группы, кроме части меньшевиков и почти всех эсеров, работают в полном соглашении. Часть эсеров с нами. Живем в страшной тревоге... Настроение в Москве вполне благоприятное... Ваши лозунги должны быть: «Долой гражданскую войну», «Долой коммунистов», «Свободная торговля и частная собственность». О Советах умалчивайте... В Петрограде наши гнезда разорены, связь потеряна».

Написанное письмо Щепкин аккуратно сложил. Завтра оно будет отправлено. Но путь ему предстоит долгий, а деньги нужны немедленно.

Почему не явился в условное место второй курьер от Колчака?

Глава 2

Поезда брались штурмом. Счастливчики устраивались на крышах, на площадках и буферах. Ехали на юг, на север, на восток и на запад. Катили из разоренных городов в такие же деревни, истерзанные войной, недородом, бандами. И такими же стихийными отчаявшимися потоками вливались в города.

На вокзальной площади продавали, меняли и покупали все — от припрятанных наганов и тупорылых обрезов до «малинки» — чудовищной смеси морфия, опиума и хлороформа, которая могла свалить с ног и доброго коня. Здесь прохаживались накрашенные особы и шныряли молодчики в фасонистых кепках с длинными козырьками, скрывавшими цепкие ищущие глаза.

На дощатом заборе белели свежие листы обращения Московского Совета к трудящимся города:

«Попытка генерала Мамонтова — агента Деникина внести расстройство в тылу Красной Армии еще не ликвидирована... Тыл, и в первую очередь пролетариат Москвы, должен показать образец пролетарской дисциплины и революционного порядка...»

В живом кругу добывали скудное пропитание два беспризорника. Один, закатывая глаза на тощем, немыслимо грязном лице, тренькал на балалайке, второй выделывал на булыжном пятачке кренделя босыми в коростах ногами и пел частушки:

«Деникин — ша!
Возьми два тона ниже,
И хватит нам
Арапа заправлять...»

Кончив петь, беспризорник сдернул рваную шапку:

— Дайте, пе минайте,— скаля зубы, заговорил оп.— Кто меня минс, того чека́ не мине...

Сердобольная тетка в плисовой кацавейке подала беспризорнику две вареные картофелины. Он сунул добычу под рваный малахай, перепоясанный ремнем, и повернулся к усатому дядьке в крепких сапогах, который жевал пирог, купленный у торговки-разносчицы.

— Дяденька, дай кусманчик!..

Не переставая жевать, дядька показал беспризорнику кукиш.

На набережной маршировал отряд Всеобуча. Старательно топал по разбитому булыжнику. На плечах у обучающихся были древние берданы.

Ветер гонял по мостовой грязные листья, перекатывал клубки ссохшихся веток. На стенах колыхались полотнища лозунгов с величавыми словами революции.

Вячеслав Рудольфович, прибывший поездом с Украины, вышел на вокзальную площадь, опираясь на палку и прихрамывая.

День отходил. Густели тени, затушевывая ржавые подтеки на стенах давно не ремонтировавшихся домов и выбоины в булыжной замусоренной мостовой. Покатые лучи заходящего солнца освещали улицы, крыши и чахлую зелень редких палисадников.

Истекающий день рождал ощущение чего-то невыполненного, упущенного. Однако не в чем было упрекнуть себя Менжинскому.

За спиной остался кипящий котел Украины и бешеная, без сна и отдыха, работа особоуполномоченного. Шипов, Сакони и Коншин с их саботажем и увертками казались теперь ему мальчишками по сравне-

нию с атаманами Ангелом и Зеленым, вожаками жестоких банд, с петлюровцами, анархистами, деникинцами и озверелым кулачьем, подстреливающим из-за углов красноармейцев и комбедовцев.

Применять особые полномочия было далеко не просто. В накаленной до предела борьбе порой не было возможности внимательно разобраться в каждой человеческой судьбе. Яростный напор событий втягивал в схватку сотни тысяч людей, и в массе виноватых страдали порой и невиновные.

Вячеславу Рудольфовичу впечатались в память узловатые, плоские от вековечной работы руки, рванувшие на груди посконную рубаху, и отчаянные глаза многодетного крестьянина из-под Сум, у которого увели единственного коня под красноармейское седло, чтобы не упустить в погоне отряд батьки Зеленого.

Душа протестовала, но чувства свои приходилось отодвигать в сторону ради победы революции. Ради уничтожения бандита Зеленого, грабившего и вырезавшего хутора, где жили такие вот мирные хлеборобы.

Пробираясь краем привокзального муравейника к стоянке извозчичьих пролеток, Вячеслав Рудольфович пристально разглядывал скопище людей. Картины бесприютных человеческих биваков, много раз виденные им за эти годы, не могли оставлять его равнодушным.

Из толпы взгляд выделил старика в драном армяке, в лаптях и заячьем облезлом треухе. Сгорбившись, он рылся в котомке. У старика было худое, изборожденное сухими морщинами лицо, крупный бескровный рот и выцветшие, пронзительные, как на старинных иконах, глаза.

Куда он едет? Какая беда кинула его в тяжкий путь, оторвала в эти страдные предосенние дни от

поля, которое он, наверняка, обхаживал с малых лет? Запустошилось то поле, забили его дикие травы, бурьяны. Кормил людей, а теперь сам мыкается в поисках краюхи черствого, с мякиной и лебедой, хлеба.

Что должен сделать Менжинский, лично он, чтобы возвратить этого старика, всех остальных, обездоленно сидящих на площади, в родные места, дать им хлеб, мир и покой, оградить от горестей и бед?

Подобные мысли мучили Вячеслава Рудольфовича постоянно, освободиться от их тяжести он не мог и сейчас, шагая по площади, не мог освободиться от ощущения вины перед неведомым ему стариком.

— В центр так в центр,— равнодушно сказал извозчик.— Нам хоть на тот свет, лишь бы заплачено было... Кочует нынче народ. Который год уже кочует. Му́ки много принял, а до чего докочуется?.. Три сотни, извиняйте, до «Метрополя», господин-товарищ...

Он настороженно смотрел в лицо Менжинского, пока тот не отсчитал деньги.

— Вперед теперь плату берем... Потому как веры промеж людей не стало... Но, сердешная, навались!.. Но!.. Овса давно не пробовала лошаденка. Эх, времена, мать их за левую ногу... Да трогай же ты, пропащая!

Затарахтели по булыжнику колеса. Обшарпанная пролетка дребезжала всеми частями. Расслабленно опустив руки, Вячеслав Рудольфович откинулся на спинку сиденья.

Извозчик повернулся к молчаливому седоку.

— Деникин, сказывают, по два пуда крупчатки на едока отвалит, как в Москву придет... Не слыхал, случаем, господин-товарищ?.. Я считаю, что брешут. Где теперь столько крупчатки возьмешь? Будь ты хоть три раза генералом с золотыми погонами, крупчатки

сейчас все равно не добыть... Может, хоть аржаного по два пуда выдадит.

— Не «выдадит», папаша.

— Это почему же? Аржаной еще есть.

— До Москвы Деникин не доберется.

— А сказывают, будто уже близко подошел. Агромадная, говорят, армия. Значит, к «Метрополю» вам... Богато там раньше купцы гуляли. А сейчас, швейцар мне жаловался, только всего, что суп из пшенки и тот по карточкам... И-их, времена-моменты!

Извозчик подстегнул лошадь и замолчал, видно решив, что и так не в меру разговорился.

Кабинет председателя ВЧК был обставлен обычно — письменный стол с аккуратно разложенными бумагами, жесткое кресло, несколько стульев, телефоны, шкафы с книгами, карта на стене.

Дзержинский поднялся навстречу.

— Наконец-то прибыли, Вячеслав Рудольфович. Жду вас, признаться, с нетерпением... Не удивлены, что обратился в ЦК с просьбой направить вас на работу в Особый отдел?

— Не удивлен, Феликс Эдмундович,— ответил Менжинский, осторожно, как бабочку, снял пенсне и потер пальцем покрасневшую переносицу.— Для члена партии любое поручение ЦК является законом.

— Иного ответа от вас не ждал.

— Но полагал бы необходимым заметить, Феликс Эдмундович, справлюсь ли я с такой работой? Признаться, данное соображение меня в известной мере смущает.

Дзержинский прищурился и в упор поглядел на Вячеслава Рудольфовича пристальными глазами, умеющими, казалось, заглядывать в душу.

— Вы просто устали, Вячеслав Рудольфович,— мягким, успокаивающим голосом сказал он.— Что делать? Работа бешено изнашивает нас всех. Но передышки позволить себе не имеем права.

У Феликса Эдмундовича глубоко запали щеки, под глазами густо лежали тени и больше стало острых морщин, исчеркавших лоб и лепившихся возле уголков сухих губ.

— Да, вы правы, Феликс Эдмундович,— согласился Менжинский, устыдившись своей минутной слабости.

Он не должен был и намеком проявить ее, потому что знал, как самозабвенно, не щадя себя работает для революции Дзержинский.

Последний раз они виделись почти год тому назад, в начале восемнадцатого, в Берлине, где Вячеслав Рудольфович работал генеральным консулом во время недолгого Брестского мира, а Феликс Эдмундович останавливался на несколько дней, возвращаясь из Швейцарии, куда нелегально ездил навестить семью.

Кажется, прошло не так много времени с той встречи, а какие события произошли!

— Скрывать трудностей не буду, Вячеслав Рудольфович. Работа предстоит сложная и ответственная. Вам даются особые полномочия, и вы вводитесь в состав Президиума ВЧК. Нужно налаживать работу Особого отдела. Как можно скорее изживать трагические ошибки бывшего Военконтроля. По близорукости Троцкого аппарат Военконтроля оказался просто нашпигован вражескими шпионами.

В голосе Дзержинского послышались гневные нотки.

— После падения Казани и Симбирска большинство сотрудников Военконтроля перешло на сторону

белых и выдало коммунистов... Каков был орган, призванный бороться с белогвардейскими шпионами! Наши люди, направленные летом прошлого года через Южный фронт на Украину, были взяты контрразведкой и расстреляны. Теперь мы знаем, что их выдали бывшие работники Военконтроля, привлеченные к операции переброски чекистов через фронт... Теперь, по решению ЦК, аппараты Военконтроля и фронтовых чека слиты в единый Особый отдел. Организационная перестройка закончена, и нужно активизировать наши контрразведывательные действия...

— Понятно, Феликс Эдмундович,— сказал Менжинский, отдавая себе отчет в том, насколько новая работа будет сложнее и труднее. На Украине хоть были конкретные обязанности: обеспечить порядок и организовать оборону узлов железных дорог в районе Конотопа, Сум и Воронежа. Уполномоченный же Особого отдела ВЧК Менжинский должен будет отвечать уже за всю республику, за все фронты, тылы, армии, порты, узлы железных дорог. Придется иметь дело не только с Ангелом и Зеленым, петлюровцами и деникинцами, но со всеми полчищами врагов, навалившихся на Советскую республику.

Не переоценивает ли он все-таки собственные возможности?

Снова вспыхнули сомнения. Пугали не столько масштабы работы и колоссальное напряжение, которого она потребует. Пугала не ответственность, а осознание тяжести последствий любой, даже самой малой ошибки, которую может допустить особоуполномоченный Менжинский.

Вячеслав Рудольфович подавил минутное колебание. Долг коммуниста, партийная дисциплина не позволяли отказываться от любого дела, как бы трудно

оно ни было. Внутренние сомнения — это сугубо личное... Тебе ли не знать, как должен поступить большевик в такой ситуации. И пословица есть на сей счет тоже мудрая — глаза, мол, боятся, а руки делают... Феликс Эдмундович поможет. Особенно на первых порах.

Вячеслав Рудольфович поймал ободряющий взгляд Дзержинского и улыбнулся в ответ.

— Будем исходить из обстановки,— уточнил Вячеслав Рудольфович собственную реплику.

— Правильно. Ко мне прошу обращаться в любое время. По любому вопросу. В Особом отделе, к сожалению, пустяков не бывает. Рядовой налет шпаны на квартиру или убийство с целью ограбления могут оказаться нитью контрреволюционного заговора. Случается и наоборот. Первоначальные материалы заставляют насторожиться, заподозрить хорошо организованную вражескую группу. А на поверку оказывается — элементарнейшая шайка спекулянтов... Обстановка очень сложная, Вячеслав Рудольфович. Крайне желательно иметь более высокий уровень профессиональной подготовки чекистов. От них ведь требуется не только умение стрелять, сидеть в засадах и выходить один на один с бандитами.

— Понимаю, Феликс Эдмундович,— посерьезнев, согласился Менжинский.— На Украине мне довелось с одним работничком встретиться. Против десяти бандюг не боялся выйти. Храбрости через край, а вот контрреволюционеров выявлял через кухню...

— Как так «через кухню»?

— Очень просто. Мне, говорит, никакие теории не требуются. Я сразу на кухню при обыске иду. Если у него в кастрюле мясо варилось, значит, он контра, и разговаривать с ним нечего. Наши люди на восьмушке хлеба сидят...

— Оригинальнейший метод. Что же вы с этим «кухонным теоретиком» сделали?

— Послал командовать эскадроном.

— Правильно... Кастрюли могут и подвести. Вопрос подбора людей — один из самых труднейших. Тем более для работы в особых отделах.

— Феликс Эдмундович, а что это за дело Чудина, я тут в газете читал?

— Чудина, бывшего члена коллегии Петроградской ЧК, за связь со спекулянтами и покровительство им мы расстреляли по приговору военного трибунала,— непривычно жестким голосом подтвердил Феликс Эдмундович.— Мы никому не позволим предательски нарушать интересы партии и злоупотреблять доверием товарищей. ...А вот то серьезное дело, о котором я вам упомянул.

Дзержинский решительным движением пододвинул Вячеславу Рудольфовичу одну из папок, лежащих на столе.

— Ознакомьтесь и подготовьте план операции... Кстати, как у вас с жильем? Нам, правда, частенько здесь, на Лубянке, в служебных кабинетах проживать приходится. Но все-таки жилье полагается иметь.

— Не беспокойтесь, Феликс Эдмундович... На первое время устроился в «Метрополе», а там будет видно,— ответил Менжинский и с явным удивлением прочитал надпись на папке: «Добровольческая армия Московского района».

— Да, Вячеслав Рудольфович,— подтвердил Дзержинский, увидев недоуменный вопрос в глазах собеседника.— Вы полагали, что Добровольческая армия имеется только у генерала Деникина? А она и в Москве завелась...

— Как же так?

— Познакомитесь с материалами — и станет ясно. Готовят удар в спину. Поговорите с Артузовым Артуром Христиановичем, он у нас занимается этим делом. Подумайте и приходите с ним ко мне... С предложениями по плану операции. И еще одна деталь, Вячеслав Рудольфович. Особый отдел, согласно Положению, подчиняется наряду с ВЧК и Реввоенсовету Республики. Так что в известном смысле придется ходить под двумя начальниками. Не скрою, кое у кого в Реввоенсовете есть повышенное желание командовать Особым отделом. Попадаются, к сожалению, ответственные товарищи с излишним самомнением и амбицией.

— Да, случается иной раз, что от должностей голова кружится... Когда же мне приступить к работе, Феликс Эдмундович?

— Приступить немедленно...

В приемной томились чекисты со срочными делами.

— Кто же так долго у Феликса Эдмундовича? — допытывались любопытные и косились на вешалку, где висели фетровая шляпа и габардиновое серое пальто.— Неужели все еще тот буржуй сидит?

— Не болтайте глупостей! — строго одернул секретарь ВЧК Савинов.— Этого «буржуя» Центральный Комитет направил к нам на работу с особыми полномочиями...

— Вот те на!.. А шляпа фетровая.

— Надо не на шляпу глаза таращить, а примечать то, на что шляпа надевается. Так будет надежнее.

Наконец дверь кабинета Дзержинского открылась, и Менжинский вышел с папкой в руке. Поздо-

ровался с ожидающими в приемной и подошел к секретарю:

— Прошу покорнейше показать мне служебное место.

Глава 3

Дело «Добровольческой армии Московского района» начиналось издалека...

В июне девятнадцатого года красноармейский секрет, затаившийся под Лугой в путанице молодого осинника, заметил человека в солдатской шинели. Осторожно осматриваясь по сторонам, он крался в зыбком предутреннем тумане к кочковатому болоту, за которым находились позиции белых.

На приказ остановиться неизвестный кинулся бежать.

— Ах ты шкура! — зло сказал дозорный, прицелился и, привычно угадав глазом мушку, плавно нажал спуск.

У убитого нашли зашитые в подкладку пиджака документы на имя поручика Никитенко и серебряный портсигар, набитый папиросами.

— Такую дорогу прошел, а папироски ни одной не искурил,— удивился работник Особого отдела, рассматривая портсигар.— Берег, выходит, папиросочки. А почему берег? — есть вопрос.

— Может, некурящий?

— Некурящему папиросы носить незачем. А он курящий... Гляди, как пальцы зажелтели. Небось махру палил...

Тщательный осмотр позволил обнаружить в одной из папирос туго скатанную записку.

Работник Особого отдела осторожно развернул прозрачную бумагу.

— Да тут целое послание...

«Генералу Родзянко или полковнику С. При вступлении в Петроградскую губернию вверенных вам войск могут выйти ошибки и тогда пострадают лица, секретно оказывающие вам большую помощь...»

— Слышь, комиссар, какие заботливые!.. Чтобы своих не трогали...

«Во избежание подобных ошибок просим вас, не найдете ли вы возможным выработать свой пароль. Предлагаем следующее: кто в какой-либо форме или фразе скажет слова «во что бы то ни стало» и слово «ВИК» и в то же время дотронется рукой до правого уха, тот будет известен нам, и до применения к нему наказания не откажите снестись со мной. Я известен господину Карташеву, у которого обо мне можете предварительно справиться».

— Подписано «ВИК»... Серьезное письмо, комиссар...

— «ВИК», что это такое? Человек или шайка контриков?

— Ясно шайка, раз друг другу письма пишут. Генерал Родзянко личность известная... Нашего ума тут не хватит, комиссар. Писулю нужно срочно доставить в ЧК. Видать, большая контра в Питере окопалась. Сидит, своего часа дожидается.

Через месяц чекистам снова попало письмо с таинственной подписью «ВИК». При попытке перейти финляндскую границу были арестованы двое сотрудников Сестрорецкого пограничного пункта. При них оказался пакет с документами и картами дислокации частей Красной Армии под Петроградом, а также письмо, адресованное «Дорогим друзьям». В письме сообщалось о контрреволюционных организациях, работающих подпольно в Петрограде.

«Здесь работают в контакте три политические организации. В «Нац» все прежние люди... Все мы пока живы и поддерживаем бодрость в других... С израсходованием средств прекратилась наша связь с остатками этой военной осведомительной организации. Москва нам должна за три месяца... Говорят о каком-то миллионе... Просим экстренным порядком все выяснить и, если можно, немедленно переправить деньги, иначе работа станет...»

Вячеслав Рудольфович перелистал несколько документов и нашел протоколы допросов. Пойманные с поличным, перебежчики признались.

— Найденный пакет получен нами для передачи от владельца патентной фирмы «Фосс и Штейнингер» петроградского инженера Вильгельма Ивановича Штейнингера...

— «ВИК» — это его кличка?

— Точно не знаем, но полагаем, что так. Штейнингер не любит посвящать в подробности. Нам было поручено доставить пакет в Финляндию.

Чекисты арестовали Штейнингера. При обыске его квартиры нашли антисоветские воззвания и письмо Никольского, одного из видных кадетских лидеров, занимавшихся политической работой при штабе генерала Юденича.

Была изъята также пишущая машинка. Сравнение отпечатанного на ней пробного текста с письмом, найденным у перебежчиков, подтвердило, что оно написано именно на этой машинке с прыгающей чуть выше строки буквой «р» и характерным дефектом лентоводителя.

Письмо Никольского было адресовано «Дорогому ВИКу»:

«Мы очень просим вас укрепить с нами связи и поддерживать их, так как считаем работу необходи-

мой, а вами пересылаемые сведения очень ценными с чисто военной и политической точки зрения... До сих пор нельзя сколько-нибудь определенно установить срок взятия Петрограда. Надеемся — не позже конца августа. Но твердой уверенности в этом у нас нет. Хотя в случае наступления давно ожидаемых благоприятных обстоятельств, в виде помощи деньгами, оружием, снаряжением в достаточном количестве, этот срок может сократиться...»

На допросах Штейнингер держался продуманной тактики. Многословно, с ненужными подробностями, он показывал то, что было уже известно, не давая ни одной новой нити.

Вячеслав Рудольфович внимательно читал и перечитывал протоколы допросов Штейнингера.

«...Москва нам должна за три месяца...»,— упрямо выплывала фраза из прочитанного письма. Если финансирование шло из Москвы, значит, там центр руководства подпольной кадетской организации, там костяк и основные ресурсы, материальные и людские.

Ниточка к московским заговорщикам тоже обнаружилась.

В конце июля на старинном уральском тракте в селе Вахрушево Слободского уезда Вятской губернии милиционер Прохоров обратил внимание на молодого мужчину городского облика с увесистым баулом, одетого в рваную поддевку. Растоптанные сапоги на нем были не вятской работы, с ремешками и вырезами на голенищах. Такие сапоги шили на Урале, а там стоял Колчак.

Документы задержанного на имя Николая Карасенкова оказались в полном порядке. Но когда мили-

ционер пригласил его пройти в сельсовет, Карасенков проворно сунул руку за пазуху. Прохоров, приготовившийся к неожиданностям, опустил на голову Карасенкова пудовый кулачище и тем привел его в полную покорность. Это оказалось нелишним, потому что у странного прохожего обнаружились два револьвера и солидный запас патронов. Отыскался также финский нож и несколько пачек папирос, которые во всем Слободском уезде нельзя было найти ни за какие коврижки.

Но главное оказалось в бауле. Когда в сельсовете содержимое его высыпали на стол, вместе с караваем хлеба, куском сала и полотенцем вывалились пачки керенок в крупных купюрах.

Задержанного доставили в Вятскую ЧК. Там он признался, что в действительности является Николаем Павловичем Крашенинниковым, сыном помещика Орловской губернии, и служит в разведывательном отделении колчаковского главного штаба. В начале июля ему приказали тайно перейти фронт и доставить в Москву миллион рублей.

На последующих допросах Крашенинников стал устраивать истерики и требовать, чтобы его немедленно расстреляли.

Вятские чекисты решили дать возможность Крашенинникову прийти в себя. Из отдельной камеры его перевели в общую, где сидели спекулянты, валютчики, дезертиры и прочая рядовая нечисть. На допросы Крашенинникова больше не вызывали. Сказали, что следствие по его делу закончено, что материал, как положено, передадут в трибунал и он будет рассмотрен обычным порядком.

Выдержка следователей оправдалась. Когда Крашенинникова перевезли в Москву, он попытался передать из тюрьмы несколько записок. В одной из

них он просил подготовить для него документы па случай возможного побега и сообщить, арестован ли некий «ННЩ».

Когда Крашенинникову были предъявлены записки, которые он пытался пересылать из тюрьмы, колчаковский эмиссар не стал дальше запираться. Сказал, что в Москву от Колчака предполагается направить двадцать пять миллионов рублей, что «ННЩ» — это Николай Николаевич Щепкин, возглавляющий московский подпольный «центр».

Потом в деле появилось два заявления.

На личный прием к Дзержинскому пришел врач одной из военных школ и сообщил, что состоит в подпольной вооруженной организации, готовящей восстание в Москве.

Молоденькая учительница сообщила чекистам о подозрительных сборищах у директора семьдесят шестой показательной школы Алферова.

Вячеслав Рудольфович снял пенсне и потер уставшие глаза. Протоколы были написаны неразборчивыми почерками, карандашом. Чтобы прочесть их, приходилось напрягаться, разбирать каракули, неровные, загибающиеся к краям страниц строки. Мало опыта, мало грамотности, не хватает и умения оформлять документы. Протоколы допросов пишут кто как на душу положит.

Прав Феликс Эдмундович, что подбор кадров в ВЧК должен быть предметом особой заботы. Храбрости, беззаветной преданности у нынешних чекистов хоть отбавляй. А вот умения вести следственную работу, вдумчиво анализировать материалы, угадывать иногда по третьестепенным деталям и штрихам важность дела — этого явно недостает.

«...у арестованного найдено много разных бумаг...» Какие бумаги? Что в них написано?

В комнату вошли двое. Одного из них Менжинский уже знал — начальник оперативного отдела Артузов.

У Вячеслава Рудольфовича было чутье на людей, и втайне он считал себя в некотором роде психологом. Встретившись впервые с Артузовым в кабинете Дзержинского, Вячеслав Рудольфович сразу проникся симпатией к тридцатилетнему плотному человеку с пышными волосами над высоким смугловатым лбом. Ему нравились такие вот крепкие люди, уравновешенные и собранные, умеющие быть краткими, быстро схватывать суть дела и слушать собеседника.

У Артура Христиановича была аккуратная, коротко подстриженная бородка, которую он время от времени пощипывал. Этой привычки Артузов стеснялся, но отделаться от нее не мог.

— Помощника вам привел,— сказал Артур Христианович.

Рослый, крутоплечий человек со светлыми мягкими волосами и просторным разметом широких бровей на обветренном лице отрекомендовался:

— Нифонтов, комиссар по особым поручениям.

— Простите, ваше имя и отчество?

— Павел Иванович.

— Вот и отлично. Официальности, признаться, меня иной раз смущают.

— Я чувствую, вы поладите,— сказал Артузов.— Павел Иванович уже занимается делом «Национального центра». Вы познакомились с материалом по этому делу?

— Знакомлюсь... Вопросы здесь сложные, а я имею обыкновение во всех подробностях разбирать-

ся. Предпочитаю, так сказать, добыть ключ к дверям, чем взламывать их... В самом запутанном деле непременно отыщется какой-нибудь знаменитый пустячок, который даст нить ко всему остальному.

— Знаменитые пустячки в нашей работе очень требуются,— усмехнулся Артузов.— Не буду мешать. Да и времени, признаться, в обрез.

— Прошу садиться, Павел Иванович.

Вячеслав Рудольфович внимательно приглядывался к новому помощнику. С этим человеком придется работать, ему нужно доверять, с него надо будет спрашивать, и от его умения, ума и характера будет зависеть многое в общем деле.

Нифонтов понравился ему, хотя Вячеслав Рудольфович подумал, что близко они, наверное, не сойдутся. Сухостью коротких ответов Нифонтов, казалось, намеренно хотел ускользнуть от излишнего любопытства. Вячеслав Рудольфович ощущал это сопротивление, не понимал причины и невольно настораживался сам.

— Главная фигура в деле — Щепкин...

— А вот с выводами, прошу покорнейше, не будем спешить. Вы давно в ВЧК, Павел Иванович?

— Уже полгода... Я с севера родом, Вячеслав Рудольфович, коренной архангелогородец, на лесозаводе там работал. Был у нас такой лесопромышленник — Ауров. Потом англичане стали хозяйничать. Наш комитет на лесозаводе арестовали. Меня хотели отправить на остров Мудьюг, в тюрьму... Страшное место. Товарищи помогли бежать. Воевал в отряде Павлина Виноградова на Двине. Там чекистской работой стал заниматься, а потом уже сюда направили...

Нифонтов скупо ронял фразы, словно боялся сказать лишнее.

— А семья, Павел Иванович?

В глазах чекиста, больших, широко расставленных, плеснулась боль. Он сдержался, не переменился в лице.

— Простите, Павел Иванович... Это я так, по-житейски, полюбопытствовал.

— Да нет, Вячеслав Рудольфович,— беспомощно вздрогнувшим голосом ответил Нифонтов.— И о семье могу сказать... Жену, Аннушку, контрразведчики замучили, допытывались, где я скрываюсь. Отца — на Мудьюг... Не знаю, жив или нет. А сынишка потерялся... Федька мой, двенадцать лет парню.

— Как потерялся?

— Удрал из Архангельска. На Исакогорке видели, возле военного эшелона крутился... Вот уже год ищу. Как подумаю, что он в такой кутерьме бездомный бродит, сердце разрывается... Работой от тоски и спасаюсь. Работа у нас особенная. Я так понимаю, что чекист — он вроде патрона, вогнанного в ствол, в любой момент должен быть готов к выстрелу.

Вячеслав Рудольфович понял, что Нифонтов хочет переменить тему разговора.

— Верно сказали, Павел Иванович, но не все.

— Понимаю, что не все. Социальное чутье требуется иметь, классовое понятие.

— И это еще не все. Некоторые товарищи полагают, что кожаная куртка сразу делает из них чекистов. Кроме кожанки — знания нужны, учиться нужно. Многому учиться. Как написать протокол допроса, провести обыск, оценить факт, улику, грамотно составить заключение по делу, провести очную ставку. Конечно, со временем придет опыт. Но это — со временем, а учиться надо уже сегодня.

— Разве до учебы сейчас?
— Конечно, за партой некогда сидеть. Надо уметь совмещать работу и учебу... В деле имеются заявления военного врача и учительницы. Покорнейше прошу пригласить их ко мне.
— Хорошо, Вячеслав Рудольфович... Артур Христианович сказал, что надо план операции скорее разрабатывать.
— Знаю. Но с доктором мне непременно нужно поговорить. Пригласите его, пожалуйста, вечером, чтобы время для беседы было попросторнее.
— Попросторнее у нас и вечерами не бывает.
— Ничего. Так вы говорите, что Щепкин? Почему так думаете?
— Феликс Эдмундович лично выезжал на операцию по его аресту. Я тоже принимал в ней участие.
— Вот как... Ну что ж, расскажите. Только, прошу покорнейше, со всеми подробностями. Знаете, как порой бывают важны мелочи.
— Можно и с подробностями, Вячеслав Рудольфович... Дом Щепкина мы оценили заранее, а для ареста выехали ночью, на машине...

С площади машина свернула в путаницу ночных переулков. Проехали один квартал, потом снова повернули налево. От забора отделилась молчаливая фигура и подняла руку.

Водитель приглушил мотор. Вылезли на тротуар и гуськом, держась ближе к стенам, пошли туда, где в темноте угадывался дом Щепкина.

На треньканье звонка долго не откликались. По молчаливому знаку Дзержинского Нифонтов грохотнул кулаком по дубовой филенке.

— Кто там?

— Откройте!.. Проверка документов! Немедленно откройте дверь, иначе взломаем!

Лязгнули засовы, и со скрежетом повернулся ключ.

Карманный фонарь облил неярким светом невысокого мужчину во фланелевой домашней куртке с шелковыми отворотами. Он подслеповато щурился.

— Гражданин Щепкин? Николай Николаевич?

— Да...

— Чека!

В полутьме коридора метнулась тень. Несколько чекистов, выхватив оружие, бросились в глубь квартиры и через минуту вывели в прихожую человека в полувоенном френче.

— Кто такой? — коротко спросил Нифонтов.

— Мой товарищ,— торопливо заговорил Щепкин.— Гимназическое знакомство... Друг детства...

— Инспектор Всеобуча Мартынов,— добавил человек во френче.— Вот мои документы.

— Хорошо, разберемся... Пока вы задержаны. Еще посторонние в квартире есть?

— Нет... Моя супруга Леокадия Константиновна и домашняя работница. Собственно, что вам угодно?

— Мы должны произвести у вас обыск, гражданин Щепкин.

— Это недоразумение, госпо... простите, товарищи... Я абсолютно лоялен и стою в стороне от какой-либо политической деятельности... Ваше вторжение считаю произволом... Я буду жаловаться! Я самому Дзержинскому жалобу напишу!

— Можете адресовать жалобу устно,— сказал Феликс Эдмундович, входя в прихожую.

При виде председателя ВЧК, прибывшего с чекистами, в лице Щепкина полыхнул страх. Даже в тусловатом свете карманного электрического фонаря

было приметно, как у него побледнело лицо и остро выписались стиснутые челюсти.

Но Щепкин сумел взять себя в руки. Моргнул, возвращая глазам сонное выражение, и сказал тусклым стертым голосом.

— Ваша сила...

Щепкин ходил вместе с чекистами, проводившими обыск.

— Мой кабинет... Библиотека... Пожалуйста, ищите... Уверяю, что произошло величайшее недоразумение. Я не скрывал и не скрываю, что ранее состоял в партии кадетов и был депутатом Государственной думы двух созывов. Но сейчас я покончил с политической деятельностью и официально заявил о своей лояльности... Ищите, ищите!.. Я понимаю, что мои слова не могут быть для вас доказательством.

Щепкин говорил многословно. То ли хотел успокоить самого себя, то ли надеялся разговорами отвлечь чекистов. Он показывал, каким ключом открыть письменный стол, каким отомкнуть гардероб жены, резную шкатулку на трельяже.

— Ищите, ищите... Вы сами убедитесь, что произошло недоразумение.

Настойчивое «ищите» подсказывало, что Щепкин предполагал возможность обыска и тщательно подготовился к нему.

В ящиках письменного стола, в массивных книжных шкафах, занимавших две стены, не оказалось почти никаких деловых бумаг, кроме жиденькой папочки, где хранились личные документы и несколько безобидных писем, датированных еще семнадцатым годом.

— Разве после семнадцатого вы не вели никакой переписки, гражданин Щепкин? — спросил Феликс Эдмундович, рассматривая содержание папки.

— Почти не вел... Старых знакомых разметало, а новыми не обзавелся... Время не располагает. У меня сейчас ощущение, что Россия переезжает на новую квартиру.

— Правильно заметили... При таком переезде рекомендуется освобождаться от всякого старья...

— Вы имеете в виду политические убеждения?.. Ваша власть гарантирует гражданские свободы и заявляет, что за убеждения никто не должен привлекаться к ответственности.

— Да, за политические убеждения мы не привлекаем к ответственности, если эти убеждения не переходят в контрреволюционные действия или злостную агитацию против Советской власти.

— Ни действий, ни агитации в данном случае вы не можете усматривать, — с кривой, вымученной улыбкой сказал Щепкин. — Все политическое в прошлом. Сейчас перед вами рядовой гражданин. Обыватель, если сказать точнее.

— Скромничаете, господин Щепкин... Обывателям от Колчака миллионы не возят.

— Не понимаю вас, — сиплым, неожиданно споткнувшимся голосом сказал Щепкин, побледнев до пепельной серости на губах. — Какие миллионы? Не понимаю.

— Понимаете, Щепкин...

Феликс Эдмундович сознательно выложил Щепкину одну из главных улик дела. Кадета надо было лишить хладнокровия, самоуверенности. Услышав про миллионы, Щепкин начнет мучительно думать, что еще знают чекисты. Мысли его будут метаться, и это собьет линию защиты.

Уже три часа продолжался обыск. Были просмотрены книги, домашние вещи, выстуканы стены, исследована чуть ли не каждая паркетина, осмотрена мебель и все закоулки в просторной четырехкомнатной квартире.

На кухне чекисты тщательно осмотрели шкафы, полки, банки и коробочки под откровенно злыми взглядами сухопарой домработницы, стоящей со скрещенными на груди руками.

— Сказано, ничего нет,— отвечала она на каждый вопрос чекистов.— Ты мне еще под юбку загляни, антихрист...

— Эко тебя корежит, старая,— сказал Нифонтов, осматривая березовые поленья.— А дровишки-то хороши...

— Не одним днем, слава богу, жили. Не то что нонешние.

— Где же вы дрова про запас держите? — спросил Нифонтов, сдерживая нахлынувшее вдруг волнение.

— Знамо где... Во дворе помещение имеется. Каменный сарай. Вторая дверь наша.

— А ключи где?

— У меня. Только без хозяйского слова я ключей не дам.

Услышав про ключи от дровяного сарая, Щепкин снова покрылся минутной бледностью.

— Дайте им ключи, Варвара Игнатьевна,— сипло сказал он.— Пожалуйста, ищите, я ничего от вас не скрываю.

Нифонтов неприметно, но внимательно оглядел грубые растоптанные башмаки домработницы.

Да, Николай Николаевич Щепкин жил не одним

 днем. Просторное отделение каменного, с массивной

дверью сарая было под потолок набито дровами, сложенными аккуратными поленницами.

Нифонтов зажег фонарик и, низко согнувшись, стал сантиметр за сантиметром осматривать пол. Белесое пятно электрического фонарика долго шарило по древесной трухе, пока не нашло то, что хотелось увидеть Павлу Ивановичу,— легкие следы обуви, явно не похожие на отпечатки кухаркиных башмаков. Нифонтов осветил фонарем правый угол, забитый дровами, и сказал:

— Отсюда надо начинать!

Через пятнадцать минут в руках чекистов оказался клеенчатый сверток, в котором находился тщательно смазанный браунинг с пятью обоймами и две гранаты-лимонки.

— Это провокация! — визгливо закричал Щепкин.— Сверток не мой! Оружие мне подсунули. Я категорически протестую.

— Не надо кричать раньше времени, господин Щепкин,— спокойно отпарировал Нифонтов.— У нас улик хватит... Провокации устраивать нет никакой нужды.

Потом нашлась плоская жестяная коробочка. В ней были фотопленки, флакон с белесой жидкостью для тайнописи, рецепт проявителя и длинные полоски бумаги, исписанные столбиками цифр.

Нифонтов доложил о найденном Феликсу Эдмундовичу.

— Это как раз то, что нам требовалось... Обыск продолжать. «Инспектора Мартынова» арестовать и тщательно допросить. В квартире оставить засаду...

— Вот так, Вячеслав Рудольфович, обстояло дело, если с подробностями,— закончил Нифонтов.

Однако не все подробности знал комиссар по особым поручениям Нифонтов.

Когда арестованного Щепкина выводили из подъезда, чекисты не приметили, как в окне противоположного дома чуть колыхнулась занавеска и внимательные глаза проводили уходящих до поворота.

Приземистый, до глаз заросший бородой старик в картузе с высокой тульей торопился. Оказавшись среди низких, лепившихся друг к другу домов на Кадашевской набережной, он оглянулся и юркнул в узкую калитку.

— Ну? — спросил Ауров, открыв дверь на условный стук.— Что стряслось?

— «Дядю Кокку» взяли...

— Как взяли? — переспросил Епимах.— Как так взяли?

— Обыкновенно, как берут,— сиплым, носекшимся голосом подтвердил Крохин.— Обшаровка была часа три, а потом увезли... Сам Дзержинский приезжал.

— Не обознался случаем?

— Разве в таком обознаешься... Глаз верный имеем. Еще их благородие господин Уфимцев хвалил. Не глаз, говорит, у тебя, Грошиков, а ватерпас... Что теперь делать, Епимах Андреевич? Враз головы можно потерять. В чека рассусоливать не будут. Приставят к стенке — и ваши не пляшут... Заваливается, похоже, дельце.

Крохин говорил, но Ауров уже не слушал. Сжав до хруста кулаки, Епимах отчаянно соображал: случаен провал «дяди Кокки» или чекисты напали на след?

 Может, сейчас они уже идут на Кадашевку...

Уходить! Немедленно уходить!.. Сию же минуту.

— Ноги надо скорее уносить! — словно угадывая мысли Аурова, торопливо бормотал Крохин.— Спасать свои головушки. Знакомец у меня на вокзале имеется. Вещички прихватим и айда, пока на нас частая сеточка не насторожена...

Крохин был испуган. Глаза у него округлились, лицо расплылось, стало творожным, на лбу блестел холодный пот.

Откровенная трусость филера помогла Аурову взять себя в руки. В голове прояснилось, как всегда случалось у Аурова в минуты близкой опасности.

«Дядя Кокка» не размазня. Не просто будет чекистам расколоть Щепкина. Он же соображает, что у него единственный шанс — это продержаться до выступления.

Удрать сейчас из Москвы — значит кинуть дело, ради которого Епимах Ауров вот уже год ходит по узкой тропочке между жизнью и смертью, чтобы рассчитаться с теми, кто отнял лесозавод, биржи и запани, кто сделал его нищим «делопроизводителем», заставил за гроши гнуть спину, ходить на собрания, изучать политграмоту. Посчитаться с комиссаром Менжинским, очистившим сейф в банке... С Нифонтовым, этой красной сволочью.

Ведь все уже готово, все налажено для страшного счета, который вожделенно и терпеливо вынашивает Епимах Ауров...

Неожиданно накатила слепая страшная ярость. Епимах круто шагнул к Крохину.

— Крыса!.. Удрать хочешь?.. Шкуру спасти!

Ударом кулака он свалил филера со стула.

— Тяжелая у тебя рука,— криво усмехнувшись, сказал Крохин, поднимаясь с грязного пола.— За что?

— Вперед зачти!.. На вокзал не побежим, надо дело делать. О «дяде Кокке» наших известить.

Ауров прошел к окну, присел на корточки, отвернул полосу обоев с клопиными следами и вытащил из тайника парусиновый портфель.

— Понесешь... Здесь деньги и всякие бумаги. Пусть до вечера у тебя останется.

— Поберегу...

— Удрать не вздумай, Фаддей Миронович... А то ведь мы поможем чека разыскать тебя, раба божьего... Портфель спрячешь, двигай к Алферову, а я пока с другими свяжусь.

— На засаду бы не нарваться...

— Не мне тебя учить... Вывернешься, другого выхода у тебя не будет... Делай, что велено!

Дворник отправился на Дмитровку, а делопроизводитель губсовнархоза пошел в аптеку на Большую Ордынку и попросил у знакомого провизора разрешения позвонить по телефону. Когда в трубке откликнулся резковато-сухой голос полковника Ступина, на душе Аурова стало немного легче. Похоже, что Щепкин пока не «заговорил».

— Здравствуйте, Алексей Петрович. Извините, что рано беспокою... Беда приключилась. «Дядя Кокка» заболел... Да, сегодня ночью неожиданный приступ. Врачи приехали и увезли в больницу. Не знаю, что и делать. Хотелось бы с вами посоветоваться. Да, в том же месте. Думаю, что часа через полтора я сумею освободиться... В том-то и дело, что болезнь пока неизвестна. А вдруг что-нибудь заразное?

Затем Ауров появился на явочной квартире Ступина в Хлебном переулке. Сообщение об аресте Щепкина полковник выслушал, выкатив на скулы острые желваки.

— Остальные? — спросил он, разлепив полоску тонких губ.— Кого еще взяли? Кого?

— Алферов на свободе... О других не знаю.

Ступин подвинул лакированную со скрещенными молниями коробку настольного телефона и торопливо закрутил ручку.

— Миллер на службе... В артель никто не приходил, — отрывисто кидал он, закончив короткий разговор, и снова начинал звонить. — Алло, барышня!

Долго пришлось дозваниваться в Кусково, но и там чекисты не появлялись.

— Пока один Щепкин, — сухо подытожил Ступин.— Сколько он продержится?

— Вроде мужик крепкий... Неделю-другую чекистам этой кости хватит.

— Будет держаться,— подтвердил Ступин.—Понимает, что только мы его можем выручить...

Полковник говорил не то, что думал. Он не собирался и пальцем шевельнуть, чтобы выручить Щепкина.

Последнее время Ступин все больше и больше тяготился тем, что он, боевой офицер, сумевший под носом у красных сколотить подпольные отряды, должен подчиняться штатскому, штафирке и краснобаю.

Такие, как Щепкин, проворонили Россию, отдали ее комиссарам. Вместо того, чтобы стрелять, пороть и вешать, рассуждали в земствах о конституционных свободах, устраивали говорильни и закатывали банкеты по любому поводу.

Через войскового старшину Раздолина Ступин уже пытался наладить контакт «Добровольческой армии Московского района» с полковником Хартулари. Но кадетские политиканы вроде Астрова, Степанова и князя Белосельского-Белозерского, отиравшиеся

возло генерала Деникина, связывали полковника по рукам. Не без их наущения генерал решительно заявил, что «Национальный центр» в Москве представляет единственное руководство, имеет приемлемую в данной обстановке политическую платформу, и финансирование боевых ударных групп может осуществляться только через эту организацию.

Теперь же, с провалом «дяди Кокки», все менялось. Полковник Ступин становился не только военным, но и политическим руководителем предстоящего выступления. Теперь может взять в собственные руки всю власть.

И будьте покойны, господа, полковник Ступин не выпустит ее из рук!

— Немедленно прикрыть все адреса. Временно оборвать все контакты... Руководство беру на себя,— сказал Ступин и поднялся за столом.

Жилистый, поджарый, как матерый волк. С длинными хваткими руками.

— Думаю, что «Национальный центр» с этим согласится.

— Митинг, что ли, с голосованием будем устраивать? — хмыкнул Ауров.— Нет уж, накося-выкуси! Дело нужно делать. Может, «дядя Кокка» сейчас на Лубянке дает самые подробные показания. Такой вариант тоже исключать не следует.

— Алферов меня больше не увидит. До нашего выступления все связи «Национального центра» со мной будете осуществлять вы. Эту квартиру забудьте. Я дам новую явку... Где деньги организации?

— Нет денег, Алексей Петрович. Самый пустячок остался. Тысяч тридцать всего и наскребется.

— Плохо... Откуда Щепкин получал деньги?

— Я таких вопросов не задавал, — усмехнулся кассир. — Оно лучше, когда меньше знаешь.

— Разумно... В дальнейшем все деньги будете передавать мне.

— Понимаю.

— Отлично... Я думаю, что и дальше вы будете исполнять обязанности кассира организации.

— Но господин Хартулари...

— В создавшейся обстановке мое решение, надеюсь, будет одобрено. Предупредите всех о максимальной осторожности... Вы подстраховались?

— Есть вроде ухороночка...

Два месяца назад Ауров на всякий случай снял в неприметном доме на Палихе крохотную квартирку с отдельным выходом во двор, густо заросший бузиной, черемухой и сиренью. В деревянном заборе на задворках была предусмотрительно расшатана доска, а под покосившимся сараем был спрятан заветный саквояжик, за которым, Епимах Ауров знал наверняка, терпеливо охотился Крохин. В саквояже, присыпанном мусором, было то немногое, что удалось спасти, вырвать, сберечь от комиссаров: увесистая пригоршня золотых безделушек с дорогими камнями, тысяч на пять червонных десяток и несколько крупных бриллиантов чистой воды.

Еще от богатства оставалось переводное письмо на заграничный банк, где лежала на личном счете некая сумма в валюте. Письмо Епимах Ауров носил с собой, зашив его в подкладку люстрипового дешевенького пиджака.

Глава 4

— В подпольную организацию меня вовлек бывший сослуживец поручик Абросимов. Кроме Абросимова я знаю еще двоих. Тоже бывшие офицеры. Однажды Абросимов упомянул в разговоре фамилию

Миллера, начальника окружных артиллерийских курсов...

Вячеслав Рудольфович взглянул на Нифонтова, сидящего поодаль у окна. Павел Иванович приметно кивнул и выразительно поглядел на часы. Он давал понять, что есть более важные дела, чем разговор с военным врачом, рассказывающим вещи, уже известные чекистам.

— Мне кажется, что Миллер тоже причастен к заговору. Других интересующих вас подробностей я не знаю... Конспирация у них поставлена неплохо...

— Понятно, Викентий Максимович.

— Все это я уже рассказывал товарищу Дзержинскому,— продолжал врач и, помолчав, добавил: — Не доверяете... Понимаю. В офицерских чинах состоял, имел «Владимира с мечами», воевал у Корнилова — и вдруг донос в чека.

— Заявление,— поправил Вячеслав Рудольфович.

— Успокоить желаете... Не надо. Мне безразлично, как это называется. Я не хочу лишних смертей и крови. С четырнадцатого года я воевал беспрерывно. Не в штабах, не в белых перчатках. Лекарь пехотного полка. Окопы, вши, искалеченные тела, разорванная снарядами человеческая плоть. Непробудное пьянство господ офицеров и серая солдатская скотинка, которую поднимали в атаку за веру, царя и отечество...

— Но присяга, офицерская честь, долг? — спросил Менжинский, разглядывая собеседника.

У врача были глаза с нездоровой желтизной и густые волосы, тронутые сединой.

— Царя, которому я присягал, уже нет, а отечеству, России я всегда оставался и остаюсь верен. Конечно, непросто было выбросить за борт то, чем тебя

нагружали с ранних лет. Наши заблуждения ведь не всегда опираются на доводы разума, и потому их трудно разбить обычной логикой... Знаете, когда ко мне пришло действительное прозрение, когда все у меня в душе перевернулось?.. Полгода назад под Ростовом мне довелось увидеть двенадцать расстрелянных красноармейцев. Почти еще мальчиков. В их возрасте гимназисты боятся папенькиного ремня. А эти не сказали ни слова полковнику Уфимцеву, начальнику контрразведки. Он у нас славился умением развязывать языки...

Нифонтов резко скрипнул стулом. Вячеслав Рудольфович кинул на помощника предостерегающий взгляд.

— Тогда мне стало ясно, что Советскую власть не победить. Поймите меня правильно — я имею в виду не только военную силу. Стойкость этих мальчишек-красноармейцев открыла мне глаза на силу ваших идей... Простите мне высокие слова, но именно их я вправе сейчас употребить... Я снял погоны и перешел фронт. Прибыл в Москву, хотел работать рядовым врачом, но при регистрации в военном комиссариате был направлен в военную школу. Там меня нашли бывшие сослуживцы.

Вячеслав Рудольфович понимал, что человек, сидящий за столом против него, прошел нелегкую дорогу сомнений и ошибок, пережил крушение собственных, казалось бы, незыблемых идеалов и сейчас медленно постигает новую, открывающуюся ему истину.

Менжинский умел слушать. Его мягкий, внимательный взгляд из-под густых бровей располагал к откровенности и доверчивости.

— Я не принимаю политику заговорщиков. Они так и не могут сообразить, что к старому возврата

уже нет... Сослуживцы всегда меня считали чудаком и идеалистом. Многие сторонились меня.

— Да, идеалистов не все любят, — с улыбкой перебил Менжинский. — Люди хотят жить спокойно, служить государю-императору, стричь купоны, наслаждаться покоем родового гнезда, а идеалисты норовят учинить смуту, норовят отобрать дивиденды и поместья, разделить землю и спихнуть с трона обожаемых самодержцев. Поэтому в просвещенной Европе сейчас стараются заменить идеи звонкой монетой и верой в святость папы Римского.

— Большевики умнее. Они хотят, чтобы люди верили в Ленина, в равноправие и полученную землю. Теперь я это хорошо понимаю.

— К сожалению, подобные здравые мысли с трудом приходят в головы бывших господ офицеров.

— С трудом, — помолчав, подтвердил врач. — Но уже немало таких, кто начинает принимать новое или, по крайней мере, относиться к нему лояльно. За большевиков они драться не будут, но и к Деникину служить не побегут... Есть и другие. Те, кого ваши идеи о равноправии, свободе и братстве озлобили до крайности...

— И много таких?

— Счет здесь вести трудно. Не каждый сейчас открывает душу бывшим сослуживцам и даже старым друзьям. Да и все так круто поворачивается, что иной раз один день или какое-нибудь событие заставляют человека прозреть или потерять остатки совести... Я не могу ответить на ваш вопрос.

— Понимаю... А я вот обязан ответить, да пока не могу.

— Одно скажу — эти пойдут на все. У них не осталось ни капли человеческого. Убивать, жечь, грабить и насиловать они будут без разбора. Не люди,

а волки, загнанные в угол, опасное и хитрое зверье...

Нифонтов шумно вздохнул и выразительно поглядел на часы. Вячеслав Рудольфович понял знак помощника, но разговора не прервал. В беседе с врачом он пытался уловить масштаб зреющей опасности, понять, какие люди стоят в заговоре. По опыту двухлетней борьбы на переднем крае Менжинский знал, что одно дело, когда десяток-другой врагов увлекает за собой колеблющихся, обманутых ими людей, и совершенно другое, когда заговор устраивает сплоченная враждой и злобой опытная контрреволюционная группа.

Чем дольше продолжался разговор с врачом, тем яснее становилось Вячеславу Рудольфовичу, что в данном случае сомневающихся и колеблющихся будет мало. Процесс политического прозрения господ офицеров затронул лишь единицы таких, как военный врач. Основной костяк зреющего заговора составляют упорные и сознательные враги Советской власти.

— Это необходимо учесть при подготовке плана,— сказал Вячеслав Рудольфович после ухода врача.— Не исключено, что во время операции мы встретимся с ожесточенным вооруженным сопротивлением.

— Понятно, что на колени эта сволочь добровольно не станет. Не верю я и этому лекарю. Христосиком прикидывается. Совесть, видишь ли, у него заговорила, душеспасительными разговорами занимается... Струсил, шкуру свою спасает. Вот и весь сказ.

— Я понимаю вас, Павел Иванович,— мягко, но настойчиво перебил Вячеслав Рудольфович.— Но в чекистской работе мы должны уметь подниматься

выше собственных переживаний... Я рассказал товарищу Дзержинскому о вашем личном горе. Феликс Эдмундович обещал попросить чекистов помочь вам в розыске.

— В такой кутерьме нашим ребятам не до моего Федюшки, Вячеслав Рудольфович... Вы сейчас правильно сказали, что нужно стоять выше личного.

— Но я не говорил, что его надо исключать. В нашей работе, Павел Иванович, больше, чем в другой, требуется человечность. Ненависть к врагам этому не мешает... Как насчет Миллера?

— Уже сработано, Вячеслав Рудольфович... Недавно Миллер попросил скорострельные пушки... В целях усиления практической подготовки слушателей курсов на полигонных занятиях. Так в рапорте написал...

Пушки нужны были войскам, оборонявшим Тулу от наступающего Деникина, к тому же чекисты уже имели заявление военного врача, и Главное управление по вооружению в ходатайстве начальника артиллерийских курсов отказало.

А вот вторую просьбу Миллера: предоставить ему для служебных разъездов мотоцикл — удовлетворили. Более того, Феликс Эдмундович сам позвонил в Реввоенсовет и поддержал заявление Миллера.

Мотоцикл взяли из гаража Реввоенсовета, там же нашелся и водитель, разбитной, лихой парень, щеголявший в желтых гетрах, перчатках с широченными раструбами и громадных очках на околыше фуражки. Фамилия водителя тоже была примечательная — Кудеяр. Придумал ее сам Горячев, сотрудник чека, вызвавшийся выполнять водительские обязанности у Миллера.

Кудеяр раскатывал по улицам, пугал треском мотоцикла отощавших извозчичьих лошадей и бого-

мольных старух и пе без успеха улыбался молодым москвичкам.

Кроме того, он накрепко запоминал улицы, номера домов и квартир, куда наведывался начальник курсов артиллерии, запоминал лица и имена тех, с кем Миллер встречался.

Потом мотоцикл требовал заправки. Кудеяр приезжал в гараж Реввоенсовета и передавал очередпое сообщение:

— Поварская, двадцать шесть... Фамилия Ступин.

— Полигон в Кусково... Военный, фамилию узнать не удалось.

— Малая Дмитровка... Директор школы Алферов.

— Кунцево... Высшая школа военной маскировки... Между прочим, здорово они с маскировкой насобачились. Своими глазами видел. Стог сена, хоть коров подпускай, он на две стороны распахивается и там трехдюймовка... Трах-бабах — и снова стог сена... Миллер виделся с курсантом Абросимовым.

Настораживающим было сообщение, которое несколько дней назад сделала непосредственно Дзержинскому инструктор Московского комитета партии. Пожилая, скромно одетая женщина, недавно переведенная на партийную работу, прибыла в Кунцевскую школу военной маскировки, чтобы ознакомиться с постановкой политической и воспитательной работы. Комиссара на месте не оказалось. Решив подождать, она вышла в коридор и, коротая время, принялась читать объявлепия, развешенные на фанерном щите. Мимо прошли трое, одетые в курсантскую форму. Завернули за угол коридора и остановились покурить.

Инструктор услышала странный разговор.

— Скоро начинаем... Павел Игнатьевич сказал, что все уже решено.

— И раньше говорили, что решено, а потом откладывали.

— На этот раз откладывать не будут. Через неделю будет дан приказ. Как раз в это время наши к Москве подойдут...

«Наши к Москве подойдут...» — машинально повторила в уме инструктор. Какие же это «наши»? Постой, постой — наши к Москве подойти не могут, наши и так в Москве. Трое за углом коридора говорят о деникинцах! Но как деникинцы могут быть «нашими» курсантам военной школы, которые носят на фуражках красные звезды?

Вдруг инспектор все поняла. Стало так страшно, что перехватило дыхание. Строчки приказа о неуклонном соблюдении правил внутреннего распорядка набежали одна на другую. Справившись с нахлынувшим волнением, инструктор зашла в канцелярию и сказала молоденькой, в мелких кудряшках секретарше, что она, к сожалению, больше не имеет возможности дожидаться и приедет в школу через два дня.

В окно было видно, как по дорожке уходят из школы те трое.

— Какие у вас курсанты симпатичные,— сказала инструктор,— и вежливые.

Секретарша самодовольно зарделась и поправила на батистовой кофточке зеленую брошь.

— У нас же школа такая... Сюда только с образованием принимают. Гимназию кто окончил, юнкерское училище... Культурные...

— Вон тот, высокий, что посредине идет, со мной так любезно разговаривал.

— Абросимов... Он у нас взводом командует... Раньше поручиком был.

Тщательное наблюдение за квартирой директора московской школы Алферова установило, что к нему в гости наведывался начальник окружных курсов артиллерии Миллер, работник Высшей школы военной маскировки Сучков, преподаватель военной школы Ступин, делопроизводитель губсовнархоза Тихомиров. Заходил сюда до ареста и бывший кадет Щепкин.

Было также выявлено, что работники Кунцевской школы военной маскировки имеют весьма тесные связи с работниками другой военной школы, находящейся в Кускове, что бывший поручик Абросимов частенько наезжает в Кусково то со служебными заданиями, то в свободное время и общается там с определенной группой курсантов.

В Кусково срочно направили переодетого в штатское коменданта Кремля Малькова с мандатом от Наркомпроса на имя библиотечного инспектора, которому поручалось «ознакомиться с работой библиотеки в военной школе».

Дело ВИКа, миллион рублей, изъятый у Крашенинникова, просьба Миллера о пушках, шпионские материалы, найденные у Щепкина, и сообщение военного врача — все это ложилось отдельными штрихами, проясняя общую картину зреющего заговора. Если сведения, которые сообщила инструктор Московского комитета партии — «через неделю»,— верны, восстание в Москве можно было ожидать двадцатого сентября.

Глава 5

— Оперативный отдел займется «Национальным центром»,— докладывал Артузов.— А Особому остается «Добровольческая армия».

— Прижмем гадов к ногтю одним махом! — нетерпеливо откликнулся Нифонтов.

— Прижать, Павел Иванович, это еще не все. Это начало,— перебил Менжинский.— Не менее важна и вторая часть операции. Сразу же после ареста — немедленные допросы, очные ставки... Мало взять подпольную организацию. Надо выявить все связи, источники финансирования, снабжения оружием, определить проникающее влияние. Допросы провести тоже непросто. С Кудеяром неплохо придумано... Теперь совершенно ясно, что Миллер — одна из крупных фигур заговора. На допросах он вряд ли сразу стал бы называть имена и фамилии.

— А тут сам все выкладывает Кудеяру,— усмехнулся Артузов и пощипал бородку.— Не надо исключать и той возможности, что кому-нибудь из заговорщиков удастся ускользнуть.

— Да... А самые крупные рыбы те, которые срываются с крючка. Как Щепкин?

— Молчит... Нахально отказывается от очевидных улик.

— А «инспектор Всеобуча»?

— Мартынов? Этот жидковат оказался. Связной деникинской разведки. Прибыл к Щепкину за очередными донесениями. Должен был увезти полковнику Хартулари то, что находилось в плоской коробочке... Мы с обыском помешали. Мартынов, к сожалению, мало знает.

— Где переходил линию фронта?

— На Тульском участке... Утверждает, что переводили люди из банды Косорезова. Такая бандочка действительно в тех местах орудует...

— Давайте еще раз просмотрим наметку операций по задержанию,— предложил Вячеслав Рудольфович и подвинул к себе записи Нифонтова.— Мы

предусматриваем достаточное количество оперативных групп?

Нифонтов вздохнул, снова подивился дотошности особоуполномоченного и стал на память перечислять, какие группы пойдут на операцию, какие подразделения войск ВЧК к ней привлекаются и какие части ЧОН будут стоять наготове.

Вячеслав Рудольфович погасил верхний свет, подошел к окну и настежь распахнул его. На бархатном пологе неба величаво и спокойно мерцали звезды. С Москвы-реки тянуло прохладным ветром, журчала вода в фонтане на Лубянской площади, и ночной извозчик поил в нем лошадь. В Замоскворечье гулко и нестрашно лаяли собаки.

На столе были разложены бумаги. Менжинский покосился на них и снова подумал об ответственности, которую взвалила на него новая работа, о тяжести самой малой своей ошибки. Стоит сделать единственный неверный шаг — и на этих притихших улицах, мирных и спокойных, вспыхнут выстрелы и прольется кровь. Начнет гулять по ним смерть, не очень разбирающая в ожесточенных схватках правых и виноватых.

Он, особоуполномоченный Менжинский, обязан ликвидировать опасность, нависшую над городом, над тысячами людей, мирно спящих сейчас под темными, исчезающими в ночи крышами.

Все ли он предусмотрел? Все ли варианты учел, предугадал ли каждый поворот событий?

Вячеслав Рудольфович закурил и оперся рукой о подоконник. Голова кружилась от напряжения. Он почувствовал вдруг опустошенность, словно за эти дни и часы отдал все свои силы.

— Полагаю, можно начать,—сказал Феликс Эдмундович, оглядывая собравшихся в кабинете.— Операция предстоит ответственнейшая, и промахнуться здесь мы не имеем права... О существовании заговора и подпольных вооруженных отрядов я доложил Владимиру Ильичу.

Дзержинский вынул из папки листок со строчками знакомого почерка.

— «...надо обратить *сугубое* внимание. Быстро и энергично и *пошире* надо захватить»,— прочитал он.— Такое указание дано нам Владимиром Ильичем. Товарищи Менжинский и Артузов разработали план операции. Прошу вас, Вячеслав Рудольфович.

Менжинский открыл блокнот.

— Наши предложения по оперативному плану полностью учитывают указания товарища Ленина. Но план всегда лишь основа дела. Выполнение же его должно быть творческим. Я считаю необходимым обратить внимание наших оперативных работников на данное обстоятельство... Мы должны также учитывать, что не раскрыли всех до единого заговорщиков, что кому-то из них удастся ускользнуть во время операции...

— Не ускользнут, товарищ Менжинский. Вы еще наших ребят не знаете,— возразил Павлуновский, заместитель Феликса Эдмундовича по Особому отделу.

— Тем не менее позволю себе заметить,—настойчиво продолжил Менжинский,— что даже в самый тщательно разработанный план и при самых надежных исполнителях может вмешаться неожиданность. Этот вариант тоже должен быть учтен.

Артузов перечислил состав основных оперативных групп, затем снова заговорил Менжинский.

— Особой задачей операции является выявление
 каналов, по которым Щепкин получал шпионскую

информацию. При обыске у него найдены записки с изложением плана военных действий Красной Армии в районе Саратова, список дивизий по состоянию на пятнадцатое августа... Очень характерная деталь, товарищи! Щепкин был арестован в ночь на двадцать девятое августа. Список дивизий по состоянию на пятнадцатое августа мог находиться в Реввоенсовете минимум шестнадцатого-семнадцатого августа.

— Восемнадцатого, Вячеслав Рудольфович,— уточнил Дзержинский.— Я наводил справку. Связь с дивизиями работает не всегда хорошо, и сведения запаздывают.

— Итак, восемнадцатого августа. Если допустить, что для получения из Реввоенсовета таких сугубо секретных сведений требуется минимум два-три дня, можно считать, что между двадцатым и двадцать пятым августа Щепкин имел встречу с человеком, передавшим ему сведения. Кроме того, у Щепкина обнаружены данные о наличии, калибрах и боекомплектах артиллерии одной из армий, действующей против Деникина, план оперативных действий армейской группировки на Восточном фронте с указанием ее состава и фамилий командиров дивизий и полков, сообщение о местонахождении и предполагаемых перемещениях некоторых штабов... Подобного характера шпионские сведения систематически переправлялись через фронт. Арестованный Мартынов пришел к Щепкину за ними. Это подтверждает и письмо, найденное у Щепкина при обыске. Оно написано двадцать седьмого августа и адресовано начальнику любого белогвардейского отряда с просьбой протелеграфировать в самом срочном порядке эти донесения в штаб разведывательного отделения деникинцев непосредственно полковнику Хартулари...

— Может, он получал сведения через Миллера или Сучкова? — сказал Павлуновский.— У меня лично складывается такое мнение.

— Не думаю,— возразил Феликс Эдмундович.— Мы проверили и установили, что подобного рода сведениями Миллер и Сучков не могли располагать по служебному положению. Возможно, они могли быть с кем-то связаны. Но тогда возникает вопрос: зачем требовалось от Миллера и Сучкова эти сведения направлять Щепкину? Такой товар предпочитают из рук не выпускать, он денег стоит. Да и лишнее звено передачи тоже ни к чему было устраивать. Нет, Щепкин получал эти сведения от человека, непосредственно связанного с ним...

— Абсолютно согласен с вами, Феликс Эдмундович... Щепкин старается сейчас спасти на допросах источник получения шпионских сведений. Поэтому он так упорно и молчит.

— Говорит, Вячеслав Рудольфович,—усмехнулся Дзержинский.— Наши товарищи уже выслушали со всеми подробностями историю партии кадетов, ее прогрессивную роль в Государственной думе. И про то, как царь их обижал, несчастненьких. От обвинения в шпионаже Щепкин открещивается руками и ногами. Старается свести дело к тому, что он просто общественный деятель старого режима и страдает за собственные политические заблуждения. Делает ставку на то, что бумаги найдены не в его квартире, а во дворе дома. Что предлагаете делать с Кудеяром?

— Его надо арестовать вместе с Миллером, чтобы не расшифровывать. Кудеяру доверяют, и я полагаю, что он может продолжить начатую нами игру.

— Согласен... Есть вопросы и уточнения к плану ликвидации «Национального центра»?.. Оперативный план утверждается. Особое внимание прошу обра-

тить на необходимость выявления источника шпионской информации. Очевидно, что такую информацию Щепкин получал от человека, проникшего в военные тайны наших штабов. Эти сведения мы успели перехватить, а сколько их уплыло к врагу? Трудно даже представить, товарищи, во что обошлось нам это предательство.

Феликс Эдмундович порывисто встал за столом, и голос его приметно дрогнул.

— На нас с вами, товарищи, лежит вина за это. Работа Особого отдела, естественно, должна быть безотлагательно и максимально активизирована... Конечно, товарищи из оперативного отдела сделают все возможное, чтобы помочь. Однако главная ответственность возлагается персонально на вас, Вячеслав Рудольфович...

Дзержинский на мгновение замолчал, покосился на Артузова и добавил:

— И на Артура Христиановича тоже...

— Поможем товарищу Менжинскому,— откликнулся Артузов.

Глава 6

В ночь с девятнадцатого на двадцатое сентября оперативные группы, отряды войск ВЧК и части ЧОН сосредоточились на сборных пунктах.

В кабинете Дзержинского собрались руководители операции. Немногословный, деловито собранный Менжинский, хмурый Аванесов и начальник Особого отдела Московской ЧК Евдокимов.

— Кто у нас следующий? — спросил Феликс Эдмундович.

— Фомин... Идет к Алферову.

— Правильно... Фомин умеет дело делать без лишнего шума. Пригласите его.

В кабинет вошел Фомин. Остролицый, с большими внимательными глазами, сосредоточенно глядевшими из-под темных бровей.

— Прошу получить ордер, товарищ Фомин,— тихим голосом сказал Вячеслав Рудольфович, протягивая вошедшему бумагу, подписанную председателем ВЧК.— На арест и обыск... Обыск производите самым тщательным образом. Особое внимание обратите на письма, записи и всякого рода заметки. Они могут оказаться чрезвычайно важными. Не упустите из внимания ни одного написанного слова... Вы понимаете меня?

— Понимаю, товарищ Менжинский,— ответил Фомин и чуть прищурился.— Как не понять!

Опытный работник ВЧК, прошедший суровую жизненную школу, Фомин с внутренней улыбкой воспринимал тихие слова штатского человека в пенсне с золотыми ободками.

На чекистской работе Фомин, как говорится, собаку съел, арестов и обысков провел не один десяток. Уж как-нибудь сообразит, что ему делать и где смотреть.

— Да, товарищ Фомин, насчет записей Вячеслав Рудольфович прав,— сказал Дзержинский.

Фомин смутился.

— Ясно, Феликс Эдмундович,— торопливее, чем следовало, откликнулся он.— Сам буду смотреть и ребятам строго-настрого накажу... Ничего не упустим.

— Не имеем права упустить, товарищ Фомин,— заговорил Менжинский.— По всем данным, Алферов у них важная птица... Знает много и потому представляет для нас особую ценность... Прошу покорнейше обойтись без стрельбы.

— И осторожность... Учтите, товарищ Фомин, заяц всегда выскакивает там, где его меньше всего ожидаешь.

В тусклом свете лампочки, горевшей на лестничной площадке, Алферов увидел молчаливых людей и черное дуло направленного на него нагана. Он резко подался назад, норовя захлопнуть дверь, но было уже поздно.

— Спокойно, гражданин Алферов. Просим не шуметь.

С ордером на обыск директор школы ознакомился с непонятным равнодушием. Скользнул глазами по бумаге, поданной Аванесовым, и тут же вернул ее обратно. Сидел за столом обмякший и грузный, ковыряя пальцем невидимое пятнышко на плюшевой скатерти.

Александра Самсоновна Алферова вышла к чекистам в полупрозрачном пеньюаре, отделанном пышными кружевами. Красивая голова была независимо откинута назад. Большие глаза щурились от света. Пожалуй, только набрякшая жилка, вздрагивавшая возле уха, выдавала испуг, который всеми силами старалась не показать хозяйка дома.

— По какому праву вы нас обыскиваете? Как вы смели ворваться в дом к мирным людям?.. Алекс, объясни же им, наконец... Мой муж директор показательной школы... У нас похвальные отзывы Наркомпроса... Нет, я немедленно должна позвонить Павлу Ипатьевичу. Он член коллегии, он сейчас же поедет в Кремль... Боже мой, ну что же ты сидишь, Алекс!

Она решительно направилась к столу, где стоял телефонный аппарат.

— Прошу оставаться на месте! — сказал Аванесов.

— Но я пока еще, надеюсь, не арестована?

— Пока нет.

Оперативник преградил дорогу к телефону. Алферова изменилась в лице.

— Я не боюсь вас! — визгливо закричала она.— Можете меня расстреливать... Стреляйте же!

— Перестань, Саша,— поморщившись, попросил Алферов.— Никто в тебя стрелять не собирается.

— Вот именно,— усмехнулся Аванесов.— Выпейте воды и успокойтесь... Звонить по телефону не разрешаю. Приступайте к обыску, товарищ Фомин.

Жена Алферова, театрально раздув ноздри, окинула презрительным взглядом чекиста и возвратилась к столу.

Искали тщательно. Отбили плинтусы, подняли подозрительные паркетины, перелистали книги.

Фомин терпеливо просматривал методические инструкции, написанные директором школы Алферовым, копии справок, списки, ведомости, старые письма, планы занятий, хранившиеся в письменном столе. В записной книжке хозяина дома среди адресов и телефонов были и короткие заметки, сделанные для памяти. Прочитать здесь что-нибудь стоящее Фомин не надеялся. Все записи в книжках, конечно, проверялись, но адреса, телефоны и все остальное оказывалось обычно самым безобидным.

Внимание Фомина привлекла страничка с перечнем долгов. Какому-то Александру Ивановичу хозяин дома ссудил 452 рубля 73 копейки, а Николаю Артемьевичу — 453 рубля 23 копейки, Кириллу Кирилловичу — 427 рублей 17 копеек.

— Так с копейками в долг и давали, гражданин Алферов? — спросил Фомин.— Вроде человек вы широкой натуры, а долги до копеечки отсчитывали... Что сейчас на копейки купишь?

— Не только на копейки, на рубли теперь ничего не купишь,— хмуро ответил Алферов.— Теперь счет на тысячи идет.

— Почему же тысяч у вас никто не занимал?

— По двум причинам,— усмехнулся Алферов.— Во-первых, у меня тысяч не имеется. А во-вторых, эти записи к тысячам никакого отношения не имеют... Грешен, люблю с компаньонами в преферансик перекинуться. По маленькой, для удовольствия души. А поскольку, как вы изволили заметить, копейки теперь не в ходу, то и выигрыши копейками мы получать друг у друга не могли. Перешли, так сказать, на безналичные расчеты... Сначала я долг записывал, а на другой раз мог оказаться не в авантаже, и тогда на меня долг записывали. Удобная, знаете ли, для нынешних времен система...

Фомин слушал и думал, почему партнеры проигрывали Алферову всегда по четыре сотни с хвостиком.

Фомин чувствовал, что отгадка где-то рядом, что она примитивно проста, но ухватить ее он не мог.

Странная, очень странная запись карточных долгов...

— Вот номер телефона записан, товарищ Фомин,— сказал оперативник, положив на стол школьную тетрадь. На розовой обложке почерком хозяина квартиры было написано «4-28-19».

— Четыре — двадцать восемь — девятнадцать,— машинально прочитал вслух Фомин.— Постой, постой... Четыреста двадцать восемь, девятнадцать...

Алферов побледнел.

— Четыреста двадцать восемь рублей девятнадцать копеек,— продолжил Фомин.— Так ведь тоже можно записать?

Хозяин квартиры молчал.

— Так вот какие у вас карточные долги записаны!.. Кто такой Александр Иванович, который должен вам 452 рубля 73 копейки? Что же вы не отвечаете? Я ведь по телефону могу поинтересоваться.

— Астров, профессор Петровской сельскохозяйственной академии,— выдавил Алферов первое признание.

— Алекс! — пронзительно крикнула жена.— Тварь!.. Тряпка... Боже мой, какое ты ничтожество!..

— Проводите ее в другую комнату! — распорядился Фомин.— Где проживает Астров?

— Неглинная, семнадцать... Я скажу... Я все скажу! Запутали меня, обманули!.. Я все скажу... Заблуждение! Минутное заблуждение...

Алферов проворно соскользнул со стула, бухнулся на колени и, быстро перебирая ими по паркету, оказался у ног Фомина.

— Я все скажу! Все до капельки!..

— Прекратите истерику, Алферов.

Фомин подошел к телефону. В трубке откликнулся сонный голос.

— Профессор Астров?.. Александр Иванович, вам звонят из Академии. Очень срочное дело. Сейчас к вам привезут пакет... Да, да... Ответственный дежурный.

Положил трубку и дал отбой.

— Все правильно... Березкин и Кацура, быстро на Неглинную, семнадцать. Профессора немедленно задержать...

Алферов плакал, уронив голову на руки.

Под утро обнаружилась еще находка. Аванесов заинтересовался массивным пресс-папье на письменном столе. Осторожно отвинтил мраморную крышку и увидел под ней листок тонкой бумаги, исписанный бисерным почерком — перечень фамилий.

Глава 7

Занимался рассвет...

Старенький «делане-бельвиль» с круглым, как цилиндр, радиатором бойко бежал по улицам в сторону Покровско-Разумовского. Там на одной из пригородных улочек, находилась дача профессора-путейца Вилкова, чья фамилия оказалась на узкой бумажке, извлеченной Аванесовым из-под крышки пресс-папье у Алферова.

Шум мотора казался оглушительным в предутренней тишине, фары выхватывали провалы сводчатых подворотен, литые решетки особняков, глухо запертые ворота и двери подъездов. Темные окна отливали мертвым блеском луженой жести. Там, за стенами домов, одни маялись бессонницей в тревожных думах о завтрашнем походе на Сухаревку, где можно было добыть несколько фунтов хлеба, пригоршню пшена или ведро картошки. Другие, запершись на замки, запоры, засовы, щеколды и гремучие цепочки, со страхом прислушивались к ночным шорохам.

На Тверской автомобиль спугнул беспризорников, облюбовавших для ночлега ступеньки парадного крыльца с пузатыми колоннами. Послышался короткий предостерегающий выкрик, и серое лохматое пятно настороженно зашевелилось.

— Посветите, пожалуйста,— попросил Менжинский.

Водитель направил свет фар на крыльцо.

Пятно сразу же распалось на проворные, суматошно вскинувшиеся фигурки.

Вячеслав Рудольфович глядел на чумазые, худые и угловатые, не детские лица десяти- и пятнадцатилетних мальчишек, одетых в немыслимую рвань. Возле крайней колонны стоял совсем крохотуля. Он

спросонья тер грязным кулаком глаза и широко зевал, видно так и не находя сил скинуть сонную одурь.

Вячеслав Рудольфович любил детей. Любил открытую доверчивость их душ, пронзительную бесхитростность, жизнерадостность, смех и чистые мечты. Но жизнь складывалась так, что ему редко доводилось проявлять это затаенное в себе чувство. Оно лежало неистраченным, и, наверное, потому, глядя сейчас в мертвенном свете фар на беспризорников, Вячеслав Рудольфович испытывал боль, смешанную с растущим раздражением от того, что должен заниматься шпионом Вилковым, хотя следовало делать совершенно другое.

Следовало остановить автомобиль, усадить в него этих озябших, голодных и невыспавшихся ребятишек и отвезти их в тепло, под надежный кров, накормить, обуть и одеть.

С крыльца смотрело будущее, и именно о нем нужно было заботиться больше всего. А уполномоченный Менжинский вынужден возиться с неведомым профессором, который цепляется за старое и виснет гирями на руках, мешая заниматься главным.

Вячеслав Рудольфович почти физически ощущал сейчас размеры беды, которая словно в фокусе сконцентрировалась в лохматой, грязной, испуганной и откровенно враждебной стайке беспризорников.

— Попробуйте подъехать ближе,— попросил Вячеслав Рудольфович, не отдавая отчета, для чего это ему нужно.— Не ко времени мы их разбудили. Спать детям полагается, а мы накатили с таким грохотом... Попробуйте ближе.

Свет фар стал приближаться к беспризорникам. На крыльце раздался крик, и серые фигуры брызнули в разные стороны, как перепуганные воробьи.

Один спросонья не сразу сообразил направление и стал улепетывать вдоль улицы в слепящем луче фар. Было видно, как под длинным балахоном мелькают босые ноги. Рваная кепка налезала бегущему на глаза, и тонкая рука яростно сбивала ее на затылок.

На углу удиравший почувствовал себя в безопасности. Круто повернулся, показал чумазое лицо с моргающими от режущего света глазами, сунул пальцы в рот и так пронзительно свистнул, что Вячеслав Рудольфович вздрогнул от неожиданности.

— Лихой,— сказал он и, помолчав, добавил,— этому-то от нас убегать нет никакой нужды... А ведь таких тысячи...

— Сотни тысяч, товарищ Менжинский,— негромко и твердо поправил Нифонтов, сидевший рядом.— Учиться им надо, а они на каждом углу шпанят. Куда только Наркомпрос смотрит!

— Туда же, куда и мы... Денег у Наркомпроса нет, учителей не хватает... Прежде чем их посадить за парты, их надо вымыть, дать одежду, хлеб, крышу над головой.

— Оно, конечно, так, Вячеслав Рудольфович. Я насчет ресурсов понимаю... Только ребятишки ведь.... Взрослый — сам себе голова, а у этих разума еще мало. Помощь им нужна. Войну бы скорее кончить. Расчехвостить всех беляков и контриков без остатку и взяться за настоящие дела...

Нифонтов помолчал, раздвинул губы в застенчивой улыбке и тихо произнес:

— Иной раз мечтания меня берут. Земля наша мне снится, Вячеслав Рудольфович. Города на ней красивые, деревни со светлыми березками и люди ласковые... Ребятишки с сумками в школы бегут... Двери без запоров, и в каждом доме хлеб пекут. Хлеб-

ный дух так по улицам и разливается... Будет ведь такое.

— Обязательно будет, Павел Иванович.

— Для того мы и маемся, чтобы было,— сказал убежденно Нифонтов.

Ошарашенные чекистским ударом, заговорщики растерялись. Организованное сопротивление они оказать не смогли, а отдельные эксцессы со стрельбой и попытками скрыться пресекались чекистами умело и активно. Вячеслав Рудольфович ошибся в предположениях, сделанных после разговора с врачом, хотя разумное преувеличение опасности вряд ли можно было считать ошибкой.

Заговорщики, в том числе и бывшие офицеры, на поверку оказались хлипковаты.

— Слюнтяи,— сказал Артузов, возвратившийся с очередного допроса.— Топят друг друга... Ради собственной шкуры родную мать не пожалеют.

— Правильно мы настояли, Артур Христианович, чтобы допросы проводить сразу же после задержания... Товарищ Павлуновский тут был явно не прав... Вот Фомин сообщает: целый список обнаружен.

— Столько обнаруживается, что оперативников уже не хватает,— сокрушенно откликнулся Артузов.— Мал резерв мы предусмотрели. А брать надо всех немедленно. Спохватятся, забьются, как клопы, по щелям, тогда хлопот не оберешься.

Артузов просмотрел список, найденный у Алферова.

— Профессор Вилков?..

— Фигура, по-моему, серьезная. К нему я поеду сам. Нифонтова возьму и одного чоновца. Полагаю, что управимся.

— Вы же едва на ногах держитесь, Вячеслав Рудольфович. Третьи сутки, считай, не спите.

— Есть немного,— признался Менжинский, прикрыл глаза и потер ладони друг о друга.— Самое время проветриться... Я с Феликсом Эдмундовичем договорился. К профессору прокачусь и вздремну немного по пути. Рациональнейшее, как видите, сочетание.

Профессор Вилков, крупный сорокапятилетний брюнет, не потерял самообладания и тогда, когда из тайника, устроенного в ломберном столике, были извлечены шифрованные записи.

— Да, шифр,— подтвердил он, блеснув темными глазами, приметно скошенными к вискам.— Но прочитать вам его не удастся. Это, господин Менжинский, не «собачка на веревочке».

Вячеслав Рудольфович еще со времен нелегальной работы знал, что «собачкой на веревочке» именуют шифр, привязанный к тексту определенной страницы книги, календаря, газеты, журнала или справочника.

Похоже, что такой примитивщины профессор не признавал. Рассматривая записи, Вячеслав Рудольфович подумал, что здесь применена более хитроумная система. Чаще других повторялись единицы, парами и в одиночку. Их дополняли комбинации цифр от ноля до сотни. Наверняка использованы были и условные обозначения, смысл которых мог меняться в зависимости от даты записи, дня недели и прочих условий.

— Ваши «товарищи» научились стрелять и орудовать саблями, но высшей математики им не уразуметь,— высокомерно заявил профессор.

— Не извольте беспокоиться, Вилков,— усмехнулся Менжинский.— Если большевики сумели свергнуть царизм и взять власть, высшей математикой они овладеют. Все-таки это дело полегче... Смею уверить вас, что в чека и сейчас есть люди, которые умеют не только стрелять.

— Единицы,— запальчиво возразил профессор.— А с нами тысячи! Десятки тысяч культурных людей... Истинных патриотов, готовых отдать жизни за Россию, спасти ее вековую культуру от торжествующих невежд...

Вячеслав Рудольфович вспомнил озябших беспризорников. Глаза его сердито потемнели. Разглагольствования румяноликого, с приметным брюшком профессора звучали иезуитски.

— Прекратите, Вилков,— резко перебил он хозяина дома.— Ратуя за культуру для избранных, вы предпочитали держать в невежестве сотни тысяч... Мы понесем культуру в народ.

— Громкие слова! Дешевенькая демагогия... Неделю назад в квартиру моего сослуживца по кафедре вселили ткачиху Прохоровской мануфактуры. Она свалила в угол книги, а в судке из севрского фарфора ручной работы вымачивает пайковые селедки...

Глаза профессора с ненавистью уставились на Менжинского.

— Уничтожается благородный свет культуры. Великий огонь, который принес людям Прометей!

— А вы не задумывались, что кроме огня Прометея есть еще и огонь мракобесия? На нем был заживо сожжен Джордано Бруно, несший свет истинной культуры. Однако у нас еще будет возможность обсудить вопрос спасения русской культуры... А теперь мне нужно предложить вам несколько вопросов.

 — На вопросы отвечать отказываюсь...

— Понятно.., А как вам кажется, профессор, интеллигентен ли нагой мужчина?

Вилков оторопело моргнул.

— На вашем месте, профессор, следовало бы в первую очередь одеться. Ваше неглиже, извините, не очень подходит для философских рассуждений.

Хозяин дома плотнее запахнул халат и подобрал ноги под стул, чтобы спрятать полосатые кальсоны с матерчатыми завязками.

Когда «делане-бельвиль», возвращаясь на Лубянку, оказался снова на Тверской, Нифонтов, сидевший рядом с профессором, вдруг засмеялся.

— Что это вас так развеселило? — задиристо спросил профессор.

— Я насчет голого мужчины вспомнил,— покладисто объяснил Павел Иванович.

— Прошу без оскорблений... Я требую уважения личности.

— Ладно, помолчу для ясности... Знаю, как ваша братия личность уважает, контра! Насмотрелся в Архангельске. Век не забуду... Гад недобитый!

— А вот подобные выражения, товарищ Нифонтов, излишни,— строго заметил Менжинский.

В машине замолчали.

Глава 8

В квартире Ступина чекисты никого не застали. Бумажный пепел возле буржуйки подсказал, что вожак «Добровольческой армии» оказался человеком предусмотрительным. Оставив в квартире засаду, комиссар Линде поехал на Лубянку.

Глядя на огорченное лицо Линде, Вячеслав Рудольфович не стал распекать комиссара за неудачу.

— Где же он может скрываться?

— Москва большая, товарищ Менжинский, можно в такую дыру забиться, что не скоро отыщешь. А может, он уже катит в поезде?

— Не думаю... Судя по материалам, которыми мы располагаем, Ступин — это один из руководителей заговора. Выступление у них было намечено на завтра. В этих условиях Ступин не мог отказаться от планов. Раз так, ему надо укрыться в таком убежище, где он был бы в курсе событий. На месте Ступина стали бы вы забиваться в незнакомую нору?

— В незнакомую не стал бы...

— Я думаю, надо поинтересоваться, не появлялся ли Ступин в Кунцеве или Кускове. Во-первых, там свои, а, во-вторых, он может думать, что нашей операцией охвачена на первом этапе только Москва. Немедленно выезжайте в школу в Кусково. В Кунцеве наши товарищи уже есть. Я с ними свяжусь.

— Водки,— коротко сказал Ступин, усевшись за крохотный столик в дальнем углу задымленного подвальчика.

Вывеска над входом в подвальчик извещала, что здесь находится столовая артели «Пролетарское питание». Днем в столовой подавали жидкий картофельный суп, кашу, заправленную прогорклым маслом, и морковный чай. В восемь вечера в зале гасили огни и перевертывали стулья. И тогда избранные и посвященные по одному тянулись в тупичок, проходили в узкую дверь, спускались по крутой лестнице и попадали в задние комнаты. Тот, кто имел деньги, мог здесь потребовать и шампанское, и паштет, и шустовский коньяк, и отбивные.

 — Давненько не были, Алексей Петрович,— суетился возле столика вертлявый, с масляными глаз-

ками хозяин подвальчика.— Грешно забывать, грешно!.. Мигом соорудим... Селедочка есть астраханская, грибки, ветчинка... Мамзельку желаете для компании?

— Давай! — хрипло ответил Ступин.— Селедку давай, мамзельку, ветчину, грибы... Все тащи!

От водки, прогоняя тупую ломоту в затылке, пошло туманное расслабляющее тепло. Унялось надоедливое подергивание века.

Четвертый день полковник Ступин уходил от чекистов.

В ночь, когда комиссар Линде ехал к нему на квартиру с ордером на арест и обыск, Ступин в самом деле находился в Кускове. Только не в школе, как полагал Менжинский, а на полигоне, начальник которого был одним из командиров ударного отряда. Здесь он узнал про аресты и понял, что выступление провалилось. Ступин послал начальника полигона срочно добыть подходящие документы и командировочное удостоверение, чтобы уехать из Москвы в сторону Орла и там перейти фронт.

Но прежде чем документы были добыты, в кусковской школе появились чекисты. С полигона пришлось уходить.

Километров десять Ступин шел пешком, затем попалась попутная ломовая подвода, на которой он и добрался до Москвы.

Ни по одному из известных адресов Ступин идти не решился. Возле Рогожского кладбища нашел дом, в котором сдавались места для приезжих староверов-богомольцев. Там провел еще ночь. Лежал в затхлой конуре с ободранными обоями и тоскливо ждал облавы. Утром, так и не сомкнув глаз, расплатился с

хозяйкой и наугад пошел по улицам. Вышагивал по извилистым окраинным переулкам, упирался в тупики и поворачивал назад. Казалось, что спасение — только в таком непрерывном движении, что стóит остановиться, как рядом окажутся чекисты.

К вечеру, обессилев от усталости, страха и нервного напряжения, Ступин вдруг обнаружил, что ноги привели его на Трубную площадь.

Он вспомнил о подпольном питейном заведении, и в голове сложился план, как пересидеть облаву.

Опасался Ступин не напрасно. Линде довольно быстро выяснил, что на полигоне ночевал высокий мужчина, по описанию похожий на Ступина, и что утром он ушел по направлению к ближнему лесу.

Чекисты прочесали лес и вышли на проселочную дорогу. По ней ездили ломовики, доставлявшие в Москву дрова. Один из них сообщил, что вез в Москву человека, похожего по приметам на того, кого они ищут.

— Возле Рогожки сошел... Вроде к Сычихе отправился.

— К какой Сычихе?

— Фатеру она сдает для постоя богомольцам...

Перепуганная визитом чекистов Сычиха призналась, что высокий военный во френче ночевал у нее.

— Мне еще на ум пало, к чему такому человеку в мою конуру пихаться,— моргая глазами в вывороченных красных веках, рассказывала Сычиха.— Утресь ушел...

— Угостите, кавалер,— раздался над ухом хрипловатый женский голос.— Какой вы невнимательный!

Ступин медленно поднял голову и увидел возле столика девицу в розовом платье, отороченном грязными, неряшливо заштопанными кружевами. Рыбий рот был ярко подведен помадой.

«Мамзелька» сказала, что ее звать Жанетта и протянула Ступину руку с наманикюренными, но грязными ногтями.

— Убери лапы!.. Пей!

Исподлобья взглянув на «мамзельку», Ступин увидел тусклые овечьи глаза и подумал, что эта дура как раз подойдет для дела.

— У тебя «крыша» есть?

— Мы здеся принимаем,— Жанетта показала пальцем на боковую дверь и хихикнула.— Там кабинетики...

Ступин отрицательно покачал головой.

Девица было огорчилась, но потом лицо ее озарила догадка.

— На всю ночь ежели, тогда можно... Я тут недалечко живу... Кавалеры мною завсегда довольные.

— Пойдем.

— Только ежели на всю ночь, мы деньги вперед берем...

Ступин вынул из кармана пачку денег. Не считая, отделил от нее добрую четверть и кинул Жанетте.

Минут пятнадцать они брели по темному переулку, потом уткнулись в какую-то лестницу, прошли по скрипучей деревянной галерейке и оказались в длинной, как гроб, комнате, освещенной коптящей керосиновой лампой.

Жанетта закрыла дверь на крючок и провела Ступина за кособокий древний шкаф, где была кровать, покрытая лоскутным одеялом.

Проснулся он от внутреннего толчка. Что-то подсказало ему не шевелиться, не делать ни единого движения.

Сквозь смеженные веки Ступин увидел, что Жанетта обшаривает карманы френча. Оглядываясь на клиента, она вытащила пачку денег, метнулась к пузатому комоду и сунула их в глубь ящика.

Затем достала портмоне с документами.

Ступин прыжком оказался на ногах, схватил «мамзельку» за руку и умело вывернул назад.

— Ах ты сучка!.. Кто тебя научил по карманам лазить? Кто?..

Он с такой силой ударил «мамзельку» под подбородок, что она охнула и мешком осела на пол.

Ступин торопливо оделся, вынул из комода украденные деньги и поставил пистолет на боевой взвод. Прошел к выходу, прислушался, и ударом ноги распахнул дверь.

Ветхая, с покосившимися столбиками галерея была пуста. Ступин с облегчением перевел дух и шагнул из комнаты.

Жанетта подняла голову и хрипло крикнула вслед:

— Попомнишь ты меня, кавалерчик!

Взяли Ступина на Брянском вокзале. В толчее подошли двое:

— Спокойно!

Полковник не сопротивлялся. Послушно позволил себя обыскать и, заложив руки за спину, пошел между чекистами.

С момента ареста Щепкина «делопроизводитель» губсовнархоза не появлялся на работе.

Острое ощущение близкой опасности не покидало Епимаха Аурова. Самое лучшее было — уехать из Москвы, затеряться, пересидеть опасность. Но встречи и разговоры со Ступиным удерживали от такого шага.

— «Дядя Кокка», как видите, держится,— говорил полковник при каждом удобном случае.

Епимах понимал, что Ступин утешает прежде всего самого себя, но решительность и выдержка новоявленного вожака заговора ему нравились.

От полковника Хартулари прибыл связной. Войсковой старшина Раздолин привез нужные деньги — два миллиона рублей.

— Алферову ни одной копейки,— распорядился Ступин.

— Нужен мне Алферов, как дырка в голове,— зло ответил кассир.— Ему только жрать в два горла... Да и не увидит он меня сейчас.

Даже полковнику Ступину Ауров не сказал адрес своей «ухороночки». О ней знал только Крохин, которого Епимах сделал собственными глазами и ушами. Заставлял с утра до вечера мотаться по городу, вынюхивать, узнавать, держать связи, выполнять поручения.

Назначенный срок приближался.

И тут вдруг грянула чекистская облава. Узнав, что арестованы Алферов и Миллер, взяты вместе с Сучковым «ударники» в Кунцевской школе, Ауров решил проверить, знает ли чека о «делопроизводителе Тихомирове».

Под вечер он отправился на Кадашевскую набережную.

Не доходя квартала, он присел на уличную скамейку и осмотрелся. Мимо прогуливалось несколько

парочек, расхаживал милиционер, в темной подворотне копошились беспризорники, занятые собственными делами.

«Вроде спокойно»,— решил Ауров и не спеша направился к знакомому двору. Возле кособоких ворот он замедлил шаги. Сделав вид, что завязывает шнурок на ботинке, Ауров нагнулся и неприметно оглядел мощенный булыжником двор.

Он был безлюден и тих. Именно это и заставило Аурова насторожиться. Обычно жильцы не упускали случая подышать перед сном вольным воздухом. Сегодня же никого не было во дворе. Исчезла даже компания вездесущего «Васьки Зюзика», до полночи околачивавшегося возле ворот или делившего возле голубятни «фарт» после очередного «дела».

Ауров не спеша прошел мимо ворот и завернул за ближний угол.

Порывшись в брезентовом портфеле, он достал конверт и написал на нем собственный адрес.

Затем подозвал одного из беспризорников.

— Заработать хочешь?.. Вот, держи. Отнесешь записку по этому адресу.

Ауров сунул в грязную руку несколько скомканных десяток.

— Принесешь ответ, получишь еще столько же. Я буду ждать здесь... Чтобы быстро. Одна нога здесь, другая там!

Обрадованный неожиданным заработком, беспризорник помчался по улице.

Ауров пересек улицу и остановился в подъезде недалеко от знакомого ему дома. Когда из ворот вместе с беспризорником вышли двое молодых мужчин, все стало ясно.

 Епимах скорым шагом пошел в противоположную

сторону. Долго петлял по улицам и переулкам, пока убедился, что за ним никто не идет. Только после этого направился к Палихе, к деревянному домику во дворе, заросшем сиренью.

Задержанный чекистами беспризорник был похож на серого зверька. В телогрейке, из прорех которой торчала вата, перепоясанный веревкой, босой и тощий, он сидел, неприручаемо посверкивая глазами из-под свалявшихся лохм.

— Хрусты дал,— скупо цедил он,— сказал — «отнеси»...

— Какой он из себя? — спросил Нифонтов, жалостливо разглядывая парнишку.

— Обыкновенный. Голова с ухами, на двух ногах ходит.

— И пятки сзади... Тебя по-хорошему спрашивают.

— Отпустите, дяденьки... чего я такого сделал?

— Беляк это был... Может, ты тоже за деникинцев?

— Не, беляки мамку убили... В Ярославле, когда мятеж там был.

— Ну вот... А ты, выходит, им помогать взялся.

— Разве я знал... Да я бы тогда ему, гаду, горло перегрыз.

— Отец где?

— Не знаю... В семнадцатом году с красным отрядом воевать ушел. Сгинул, наверное, где ни то. Сестренка — та в гулящие подалась... Хлеба бы дали... Два дня не жрал.

Нифонтов вытащил из кармана горбушку. Взвесил на ладони свою суточную норму и решительно отломил половину.

Беспризорник схватил хлеб и, наклонив голову, принялся обкусывать его то с одного бока, то с другого.

— Не торопись... Звать тебя как?

— «Сычуг»... Кличка это... Я, гражданин начальник, в шпане состою.

— Знаю, что не в благородном пансионе занимаешься... Фамилия у тебя должна быть, как у всех людей. Имя.... У тебя ведь тоже голова с ухами и на двух ногах ходишь.

Беспризорник поморгал, видно решая для себя какой-то важный вопрос, и сказал, что его фамилия Кирьяков, звать его Федором, а по отечеству он Степанович.

— Ну вот и полный титул обнаружился... С нами поедешь... Если схватим мы того, кто тебя с письмом посылал, опознать поможешь.

— Ладно... Опознаю. Вы в чека меня повезете?

— В чека... Ты не бойся.

— Я не боюсь... Можно наших пацанов тоже взять? Возьмите их, дяденька. Холодно ведь скоро будет, а у них ни у кого обутки нет. Вон поглядите!

Нифонтов повернулся к окну и увидел во дворе дома пеструю компанию беспризорников, терпеливо ожидавших задержанного чекистами дружка.

— Нет, Кирьяков, компанию твою придется оставить. Пайки на них у меня не хватит...

Крохин, как было условлено, появился на Палихе поздно вечером.

— Страх господен, Епимах Андреевич,— заторопился он, едва успев войти в комнату.— Метут всех наших густым веничком. А я с утра до вечера на

глазах верчусь, по горячим уголькам бегаю. Аж сердце заходится.

Филер без нужды оглядывался по сторонам, елозил на стуле и мелко перебирал пальцами, словно сучил невидимую нитку.

Ауров усмехнулся и достал бутылку спирта.

— Пей.... Дрожишь, как мокрая мышь.

— Во, Епимах Андреевич! В самый раз теперь утробу утешить.

Крохин залпом выпил, крякнул и принялся закусывать добрым, присыпанным крупной солью, салом.

— Оголодал, целый день бегамши... Знатное у вас сальцо. За такое на Сухаревке надо большие тыщи отваливать.

— Так отвалил бы, что мнешься.

— Капиталов не имеется, извините благодушевно... Гол как сокол. Ведь у меня только и богатства было, что три домика... Харч у меня теперь, Епимах Андреевич, никудышный...

— Ладно, не вопи... Тебе по-барски жить и не положено. Кого еще взяли?

— Чернохвостова... Профессора Вилкова, что в Петровско-Разумовском жил... Студентика замели, того молоденького, которого Щепкин у себя заместо «шестерки» держал.

— Огородникова...

— Его самого... Люто гребут, Епимах Андреевич. У Астрова тоже, похоже, побывали...

Загибая пальцы, Крохин перечислял все новые и новые фамилии. У Аурова захолодело между лопатками. Это был провал, конец.

— Еще одна новостишка есть,— сказал Крохин.

— Ну!

— Вроде бы и маленькая, а на примет тоже надо взять... Ох, и духовитое сальцо, Епимах Андреевич...

Длинные руки филера отхватили ножом добрый шмат сала, и вместо ожидаемой новости раздалось смачное чавканье.

— Жадна же ваша лягавая порода,— усмехнулся Ауров.— Ладно, жри досыта, раз у тебя терпежу нет...

Епимах подошел к окну, предусмотрительно завешенному ватным одеялом, и прислушался. На дворе была глухая тишина.

— Так что же у тебя за новость еще?

— Старого знакомого увидел, Епимах Андреевич,— сказал Крохин, глаза которого маслились от выпитого натощак спирта.— Плетусь вчера с Сухаревки через Лубянку. Дорога вроде короче и лишний раз взглянуть там не мешает.

— А боишься, что на крючок попадешь...

— На крючок везде могут подцепить,— протрезвевшим на мгновение голосом возразил Крохин.— Только ведь, сидя в дворницкой, ничего не разнюхаешь... Иду, значит, а к главному входу в чека автомобиль подкатил, начальство приехало. Так вот, Епимах Андреевич, личность того начальства мне хорошо известна.

— Кто же такой?

— В Ярославле-городе я его по охранному водил. В картотеке у нас значился под кличкой «Контрольный».

— Уж не Менжинский ли? — вспомнил Ауров давний рассказ Уфимцева.

— Он самый... Вячеслав Рудольфович. Который в Питере ваш сейфик вычистил.

Ауров подошел к столу и налил себе спирта.

— Дальше?

— Есть у меня близ Лубянки зацепочка, мужичок с ноготок. Служит там по соседству в заведень-

ице, подай-прими. Шепнул я, чтобы разведал он о господине Менжинском.

— И что?

— А то, что направили Менжинского в чека большим начальником. В Особый, сказывает, отдел.

— Не набрехал твой мужичок с ноготок?

— Нет. Врать ему расчета не имеется. Сами прикиньте, Епимах Андреевич. С таких лет господин Менжинский в революционерах ходит, разве станут его рядовым комиссаром держать?

— Пожалуй...

— Во-во! Крепко нам надо опасаться господина Менжинского... Сколько раз он у меня из рук уходил.

— Вроде ты в своих делах был резвый.

— Умственно он перешибал,— признался Крохин.— Помню, такой случай был. Приехал к нам в те времена из Питера один политический. Фамилию запамятовал, а обличье как сейчас помню. Наследил он крепко. Целый хвост за собой из охранного приволок... В Костроме они, голубчики, решили собрание устроить. Туда «гость» поехал, за ним столичные филеры отправились, а нам начальство приказало присмотреть, кто из ярославских потянется. Пришел я на пристань, гляжу, а там «Контрольный» расхаживает. Ага, думаю, ты, господин хороший, в Кострому тоже нацелился. И бочком к кассе пробился... У пристани в ту пору два парохода стояли. Один вверх, на Рыбинск, а второй вниз, в Кострому... «Контрольному» на второй пароход садиться полагается... То ли приметил он меня, то ли нюх у него был на нас какой-то особый...

— В самый раз для чека подходит...

— К тому и сказываю, что не может такой человек у Дзержинского на простой должности находить-

ся... Дале, значит, так дело было. «Контрольный» спрашивает у служителя пристани, когда пароход на Рыбинск отходит? Эка, думаю, незадача... Ладно, решаю себе. Можем мы с тобой и до Рыбинска прокатиться, может, у вас и там сборище намечается. Взошел я чинно-благородно на пароход, по палубе похаживаю, с дамочкой для отвода глаз разговор затеял. А костромской пароход уже гудки дал и чалки убирает. Вот тут у меня промашка и вышла. На минуту я всего и глаза отвел. Не будешь же все время пялиться. В нашем деле такое тоже не полагалось. Оглянулся, а «Контрольного» уже нет. Я туда-сюда по палубам, а он ровно в воду канул... Потом уж я разобрался, что, когда костромской пароход отваливать стал, «Контрольный» туда перепрыгнул и укатил на свое собрание... Сильно тогда на меня господин ротмистр гневались... Разве думалось, что все так обернется...

— Что — «все»?

— Все, Епимах Андреевич,— потерянно сказал Крохин и понурил сивую голову.— Не могу я себе такую задачку в толк взять... Вот растолкуй ты мне, Епимах Андреевич, почему образованный господин, из благородных, против законной власти пошел? Да в те времена ему глазом моргнуть, деньгами бы обсыпали. Я бы за ним не слежку вел, а на запяточках ходил, ручки целовал... А теперь вот в чека служит, на автомобиле разъезжает. Выходит, он умнее нас оказался?

— Он умнее и есть,— ответил Ауров, насторожившись от расспросов старого филера.

Неужели такие старые псы стали задумываться? Ведь Советы еще и два года не стоят...

 «Надо уходить»,— твердо решил Ауров, выслушав рассказ Крохина. Ему стало тоскливо и страш-

но в темной дыре со щелястой печкой, с разорванными обоями, за которыми по ночам шуршали голодные тараканы.

Вдруг подумалось, что и Крохин может предать.

— Поговорили, и хватит. Завтра на Тверском в обед на то же место приходи.

— Приду, Епимах Андреевич... Только ноги нам надо уносить. Крест святой на том кладу, извините благодушевно. Может, мне со знакомцем на вокзале потолковать?.. Менжинского шибко опасаюсь. Он же меня в лицо может признать... Умственный господин, наперед все видит.

— «Наперед»,— передразнил Ауров и сказал:— Поговори со знакомцем. Скажи, что за платой не постоим. На Брянск двинем. Там у меня надежное место есть.

— А багажик у нас, извините благодушевно, большой будет?

Ауров усмехнулся и сказал, что багаж будет пустяковый. Харчи да небольшой саквояж.

Фаддей Миронович прикрыл глаза, чтобы не выдать их радостного блеска.

Глава 9

— И так и этак крутили, товарищ Менжинский... Ничего не получается. Шифровал профессор математики, а меня с четвертого курса из университета вытурили за неблагонадежность,— удрученно говорил чекист, занимавшийся расшифровкой записей, найденных у Вилкова.

Чекист Решетов был молод, и оттого, наверное, так явственно бросалась в глаза его худоба. Ключицы, остро выпиравшие под выношенной гимнастеркой, жилы на тонкой шее, провалы глаз на костлявом

лице и припухшие от бессонницы веки. Со лба свисала мягкая русая челка, закрывающая правую бровь, и парень быстрым движением руки то и дело отмахивал ее назад.

— Так закручено, что ни с какой стороны не подступишься.

Менжинский уловил в словах и жестах чекиста скрытое раздражение. Он слушал вздрагивающий от внутреннего напряжения голос и думал, что Решетов измучился до предела. Когда Нифонтов пригласил его к особоуполномоченному, Решетов подумал, что будет нагоняй, внутренне взъерошился, приготовился к отпору и потому кидал резкие, отрывистые слова.

Решетову нужно было отдохнуть и выспаться. При такой работе ему следовало хорошо питаться, есть вдоволь сахару, а в столовой подавали суп с кусочками конины, пшенную размазню, политую чем-то белесым, и чай с сахарином.

— Вы успокойтесь, товарищ Решетов,— мягко сказал Вячеслав Рудольфович.— Неудачи — это тоже движение вперед. Они исключают ложные версии.

Менжинскому захотелось ободрить Решетова, который еще больше, чем от усталости, извелся от собственной беспомощности, злился, считая себя виновным в том, что записи до сих пор не прочтены.

— Пожалуйста, не расстраивайтесь. Все-таки кое-что вам удалось разгадать.

— Самые пустяки, товарищ Менжинский,— голос чекиста стал терять колючие, раздраженные нотки.— Пока удалось установить, что единицы в записи отделяют друг от друга слова, а две единицы означают точку.

— Вот видите. Вавилонскую клинопись расшифровали при еще меньшем количестве данных.

— Над ней несколько веков бились, а нам же нужно немедленно,— по инерции отпарировал Решетов.

— Да, со временем у нас действительно туговато. Наскоком в таких делах ничего не сделаешь. Надо найти принципиальный подход... Вы не полюбопытствовали, какая область математики особенно интересовала Вилкова? Ведь у каждого профессора всегда имеется свой конек.

— Как-то в голову не пришло.

— Понимаю — суматоха, спешка... Поинтересуйтесь. Если Вилков увлекался теорией множеств, у него к шифровке будет один подход, а если теорией групп — совершенно другой.

— Безусловно, Вячеслав Рудольфович,— оживился Решетов.— Надо поглядеть в Румянцевской его работы... Я в университете увлекался линейными уравнениями.

— У Лаппо-Данилевского по этому вопросу есть интересные исследования.

Решетов моргнул и с откровенным удивлением уставился на Менжинского.

— Вы математикой занимались, Вячеслав Рудольфович?

— К сожалению, нет. Так, поверхностное любопытство дилетанта. Меня в ней привлекает логика. Пожалуй, ни в одной области знаний не существует столь убедительных доказательств и неопровержимой взаимообусловленности причины и следствия, исходных данных и получаемого результата. Это очень помогает дисциплинировать процесс мышления... Вот управимся со срочными делами, товарищ Решетов, обязательно математикой займусь... А пока надо как можно скорее прочитать записки Вилкова. При аресте он, между прочим, хвастался, что его шифр нам

не разгадать. Ваши, говорит, товарищи умеют только стрелять и махать саблями.

— Так сказал?

— Да, так и выразился. Как видите, тут дело и на принцип пошло.

В глазах Решетова вспыхнули искорки упорства.

— Пусть господин профессор не надеется... И тут верха его не будет... Сейчас прямо в Румянцевскую махну и снова засяду... Прочитаем его шифровки, Вячеслав Рудольфович!

— В этом я уверен, товарищ Решетов.

Когда чекист встал, чтобы уйти из кабинета, Менжинский снял пенсне и, близоруко щурясь, остановил его.

— Перед тем, как вам побывать в Румянцевской, поспите, товарищ Решетов.

— Времени же нет...

— Выделяю вам из собственного резерва. Договорились?

— Постараюсь, Вячеслав Рудольфович,— не очень уверенным голосом ответил Решетов.

— Постараетесь? Хорошо, в таком случае я вам помогу.

Вызвал Нифонтова и приказал лично проследить за выполнением указания.

— У себя и уложите товарища Решетова. Три часа, и ни минуты меньше.

Когда за ушедшими закрылась дверь, Вячеслав Рудольфович облегченно откинулся на спинку стула, пытаясь снять болезненную неловкость в позвоночнике. Поездка на Украину, сумасшедшая, без отдыха работа, тряские дороги, по которым довелось колесить, давали себя знать. Боль в позвоночнике, появившаяся впервые после автомобильной аварии, в которую он попал почти десять лет назад под Лионом,

снова стала время от времени беспокоить. Закурив, Вячеслав Рудольфович с силой потер виски, прогоняя серый туман, надоедливо встающий перед глазами.

Шифрованные записи прочитать пока не удавалось.

И все-таки было ощущение, что шаг за шагом в незначительных мелочах дело о раскрытии источника шпионских сведений подходило к решающему моменту, когда требуется предельное напряжение сил. Мужество первопроходцев всегда состояло в том, что они находили силы сделать шаг там, где другим этот шаг казался уже невозможным.

Вячеслав Рудольфович невесело усмехнулся собственным мыслям. Проще простого теоретически вообразить себя первопроходцем. В каком направлении шагать, чтобы под ногами ощутить твердую почву фактов и доказательств? Пока же куда ни ступил в этом деле особоуполномоченный Менжинский, опоры не находилось. Самой крохотной, но реальной, фактической, на которую можно было бы опереться и соорудить мост, соединяющий заговор кадетов и источник шпионских сведений.

Туман перед глазами стал отступать. Стараясь отвлечься от тягостных мыслей привычными делами, Вячеслав Рудольфович снова занялся материалами «Национального центра».

Откуда Щепкин получал информацию? Может, у Артузова появилось что-нибудь новенькое?

— Взято почти семьсот человек,— довольным голосом сказал Артур Христианович.— С подпольной армией, считайте, покончено. Те, кому удалось остаться на свободе, непосредственной опасности уже не представляют.

— Всякий враг представляет опасность, Артур Христианович,— возразил Менжинский.

— Благодушествовать не собираюсь, Вячеслав Рудольфович,— откликнулся на реплику Артузов, ущипнул бородку и задержал на особоуполномоченном темные глаза.— С людьми трудно. Почти половина торчит в засадах. Хочу просить, чтобы Особый отдел помог оперативному.

— Наверное, по этому вопросу не договоримся, Артур Христианович. У Особого отдела имеются свои задачи.

— Богу богово, а кесарю кесарево... Так, что ли, понимать?

— Нет, так понимать нельзя. Дело у нас общее, но специфику и направление работы отделов, мне кажется, надо по возможности учитывать.

Исподлобья взглянув на Артузова, Вячеслав Рудольфович Менжинский подумал, что начальнику оперативного отдела уже легче. Он выполнил главную задачу.

А вот особоуполномоченный пока со своим делом еще не справился. Щепкин упорно молчит, записи Вилкова не расшифрованы, допросы других участников заговора ничего существенного не дают. Похоже, что шпионская цепочка в «Национальном центре» тщательно ограждалась от лишних людей. Наверняка ее держал в руках сам «дядя Кокка» и еще кто-то, ускользнувший от ареста. Может быть, таинственный Тихомиров, кассир и доверенное лицо Щепкина, «делопроизводитель губсовнархоза», несомненно проживающий под чужой фамилией...

Особый отдел подчинялся ВЧК и Реввоенсовету республики. Сегодня утром Павлуновский говорил, что военные уже интересовались, как идет расследование по делу о шпионаже...

Звонил товарищ Ладыженский... Уж не тот ли самый? По слухам, он продолжает отираться возле Троцкого и занимает в Реввоенсовете какой-то влиятельный пост. Какой пост можно доверить этому болтуну и демагогу?

Вспомнив о Ладыженском, он сказал:

— Нас ведь еще и из Реввоенсовета теребят... Я, собственно, к вам, Артур Христианович, не для общей дискуссии заглянул. Ступин что-нибудь новенькое по интересующему меня вопросу показал?

— Ничего. Он, видите ли, вообще о «Добровольческой армии Московского района» не имеет никакого представления.

— Почему же от чекистов уходил?

— Утверждает, что, как бывший офицер, опасался превентивного ареста.

— Скажите, пожалуйста, какой пугливый!

— С Миллером не знаком, с Алферовым имел встречи, по частного порядка.

Глава 10

— Все, что вы мне предъявили, господин Менжинский, это не улики,— заявил Щепкин, просмотрев бумаги, разложенные на столе.— Это наши политические разногласия. Вы сторонник одних идейных убеждений, я — других...

— Из двух мнений — одно ошибочно.

— Вы, конечно, считаете, что ошибаюсь я. Вполне логично. Однако если бы мы в этом кабинете поменялись местами, оценки наши существенно бы изменились.

— Наивно, Щепкин. У вас было несколько веков. Была власть, законы, полицейский аппарат, армия. И все-таки вы биты, потому что ваша идеология и

политика оказались порочны... К ответственности мы привлекаем вас не за политические убеждения, хотя они и враждебны нам. Вы арестованы за конкретную контрреволюционную деятельность. Вот ваши письма.

Щепкин шевельнулся на стуле и посмотрел в окно. За стеклом был сумрачный сентябрьский день. Грузные, набухающие близким дождем облака плыли над крышами домов. Тускло блестели купола церквей, и над ними, чуя непогоду, кружили птицы.

— Я не отрицаю, что вел переписку со своими единомышленниками, приватно высказывал некоторые свои выводы и давал оценки современным событиям.

Щепкин покосился на фотокопии писем «советникам» деникинского штаба Астрову, Степанову и князю Долгорукову, оказавшихся на пленке, найденной во время обыска в дровяном сарае.

— В письме от двадцать второго августа написано о подготовляемом восстании против Советской власти и содержится просьба ускорить высылку денег. Это уже не убеждения, Щепкин, а конкретные контрреволюционные действия.

— Из найденных бумаг,— сухо заговорил Щепкин,— я настаиваю на исключении тех, которые касаются подготовки вооруженного восстания. За денежной помощью я действительно обращался, но не для того, чтобы подготовить вооруженное восстание. Деньги нужны были для помощи моим соратникам по партии, которые сейчас не могут прокормить семьи и купить одежду детям. Вы образованный человек, гражданин Менжинский, и должны знать, что наша партия в принципе отвергала всякие насильственные действия. Мы всегда выступали против революций и восстаний.

— Совершенно справедливо изволили отметить. Против революции кадеты выступали последовательно и активно...

Щепкин понял иронию, но это не смутило его.

— Да, мы стояли на позициях ненасильственной парламентской борьбы в рамках конституционной демократии.

— Почему же ваши единомышленники, находящиеся сейчас при штабе Деникина, не призывают генерала прекратить военные действия и перейти к парламентским дебатам? Против насильственных методов ваша партия выступала, боясь социальной революции. Сейчас же кадеты проводят активную контрреволюционную борьбу. Вы на допросах усиленно стараетесь выставить себя идейным противником. Но улики полностью подтверждают, что вы контрреволюционер и шпион.

— Категорически отрицаю подобное обвинение. Это наглая провокация!

— Как же к вам попали копии военных планов, дислокации войск и данные об артиллерийском вооружении?

— Об этом не имею никакого представления...

— Значит, надо понимать так, что некто таинственно проник в ваш сарай, нашел там железную коробку, сохраняющую отпечатки ваших пальцев, и рядом с письмами, написанными вашей рукой, положил шпионские материалы, чтобы чекисты обнаружили их при обыске и предъявили своему идейному противнику обвинение в шпионаже? Вы неглупый человек, Щепкин, и должны понимать, что подобная увертка сверхнаивна. Я снова спрашиваю вас: кто представлял материалы шпионского характера?

— На провокационные вопросы отказываюсь отвечать.

Сейчас, когда Деникин вел бои возле Тулы, ВЧК должна была с особой тщательностью обезопасить тыл, очистить его от заговорщиков, бандитов и шпионов, которые копошились по темным углам, дожидаясь своего часа.

Вдумчивый анализ улик, очных ставок, перекрестных допросов привел Менжинского к заключению, что Щепкин не подпускал сообщников к источникам получения шпионской информации. Только он лично знал людей, которые похищали важнейшие военные секреты и передавали их Деникину.

В материалах дела Алферова был невыясненный эпизод. Один из гостей директора школы, которым мог быть, по описанию, Щепкин, имел встречу в Эрмитаже с неизвестным мужчиной. В разговоре между ними был упомянут некий Серж, большой любитель музыки, не пропускавший ни одного симфонического концерта. Алферов об этой встрече ничего сказать не мог, а Щепкин молчал. И это упорное молчание невольно привлекало внимание Менжинского к незначительному, казалось бы, эпизоду. Надо было выяснить, почему Щепкин так упорно отрицает факт встречи в саду Эрмитажа и разговора с упоминанием некоего Сержа?

Сержа надо найти. Если он знает об аресте Щепкина, то наверняка затаился, оборвал все связи...

— Я понимаю, что из ваших лап мне не вырваться живым,— надтреснутым голосом заговорил Щепкин.— Жестокость и произвол чека известны всему миру и заставляют содрогаться все цивилизованное человечество...

— Вас будет судить военный трибунал. Я понимаю, что вам хочется надеть на себя венец идейного мученика. Но судить вас будут за шпионаж и подготовку заговора. Вы знаете, какую меру наказания

предусматривает законодательство за шпионаж в военное время... А насчет жестокости чека надо еще разобраться...

— Вы хотите это опровергнуть? Любопытно...

— Постараюсь удовлетворить любопытство... Сироты и жены расстрелянных красноармейцев не бегут за границу и не пишут мемуаров о сожженных родовых поместьях. Чувствительная Европа не знает о расстрелянных в Курске, повешенных в Киеве и спаленных под Черниговом. Но посмотрим на вопрос с точки зрения политической платформы партии кадетов. Карлейль, если читали, в сочинении о Великой французской революции справедливо сказал, что самые большие революции стоили меньше человеческих жертв, чем самые маленькие войны. Лозунг партии кадетов «война до победного конца» уложил сотни тысяч людей. Да, Щепкин, проповедуя мирные формы парламентской борьбы, вы с трибун призывали убивать русских мужиков, русских пролетариев на полях сражений в Пруссии, в Польше и в Галиции. Конечно, ваши руки оставались чистыми. Это очень удобно — убивать людей чужими руками. Чтобы сварить себе утренний кофе, кадеты были готовы спалить дом соседа.

Щепкин поежился на стуле, словно в кабинете вдруг потянуло сквознячком, и, усмехнувшись, сказал:

— Ну, а если рассмотреть действия большевиков?

— Давайте рассмотрим... Знаете ли вы, кого первым расстреляли чекисты? Князя Эболи и его любовницу...

— Естественно — князя...

— Сиятельный титул в данном случае к делу отношения не имеет. Князь Эболи и его сообщница были самыми обыкновенными бандитами. Они выда-

вали себя за чекистов, имели фальшивые мандаты и, пользуясь ими, производили грабежи под видом обысков. Вы понимаете, что грабить они ходили не рабочих. Парадоксально, но, расстреливая Эболи и его сообщницу, чекисты защищали не только себя, но и тех, кто прятал ценности, нажитые эксплуатацией...

— Логично мыслите, гражданин Менжинский...

— Иначе, как логично, и мыслить не стоит. Продолжим разговор. Бандита Эболи чекисты расстреляли, а генерала Краснова отпустили под честное слово. Вот последнее было совершенно нелогично, и генерал помог нам это осознать.

— И тогда вы стали хватать всех подряд.

— Не надо спешить, Щепкин... Потом чека расстреляло братьев Череп-Спиридовичей и их биржевого маклера Берлисона за то, что они продали германскому посольству на пять миллионов рублей акций Веселянских рудников и объединения «Чистяково-антрацит». Вы, видимо, знаете, что по условиям Брестского мира мы должны были оплатить золотом все ценные бумаги и акции, находящиеся в руках германских подданных. Страна голодает, а темные дельцы ради собственной наживы заставляют нас выложить пять миллионов золотом. Затем расстреляли фальшивомонетчика Шнейдера, который имел в Москве пять подпольных типографий, печатал деньги и продовольственные карточки... Еще по Уложению царя Алексея Михайловича фальшивомонетчикам, как пишет летопись, «лили олово в горло, да руки секли...». При царе и кадетской демократии за фальшивые деньги в лучшем случае брили голову и в кандалах отправляли на вечную каторгу... А вот идейного противника, известного вам господина Пуришкевича, не за убеждения, а за подготовку контрреволюционного восстания «кровавая чека» осудила только к четырем годам ли-

шения свободы, к тому же с освобождением условно через год... Да, Щепкин, в первые месяцы революции мы верили, пытались действовать внушением, убеждать своих противников в бессмысленности борьбы. Это я знаю по собственному опыту. Тоже уговаривал в банках злостных саботажников...

— Теперь вы поумнели и объявили красный террор.

— Да, поумнели, Щепкин... Всякое действие вызывает противодействие. Революция тоже имеет собственные законы...

— Это у вас теперь называется «карающий меч революции».

— Карающий меч, Щепкин, но не мясорубка. Мы отвечаем на белый террор. Убийство Володарского, Урицкого, покушение на Ленина, мятеж левых эсеров, измена Муравьева, стоившая жизни тысячам красноармейцев, мятеж фортов «Красная горка» и «Серая лошадь». Недавняя бомба в Леонтьевском переулке...

Менжинский говорил, а перед глазами вставало виденное на Украине. Лицо молоденького, с закушенными от немыслимой боли губами, красноармейца, у которого бандиты Зеленого содрали кожу со спины; распахнутые, как окошки при пожаре, глаза гимназистки, изнасилованной взводом петлюровцев, натруженные руки пожилого железнодорожника, повешенного в Чернигове на вокзальной площади.

Захотелось крикнуть от подкатившей ярости, схватить этого увертливого, как ужак, щекастого человека, тряхнуть его, кинуть к стене.

Вячеслав Рудольфович схлестнул в замок руки и сжал переплетенные пальцы. Встал, прошелся вдоль стены. Ощутил на затылке взгляд Щепкина и вернулся к столу.

— Дальше продолжать? — понизив голос до напряженного шепота, сказал он. — Продолжу, Щепкин... Взорванные шахты, разрушенные заводы, фабрики. Паровозы без топлива, разобранные бандитами рельсы. Разруха кругом и смерть. От пуль, от голода, от горя, от тифа... Беспризорные ребятишки... Это все сверх того, что в Архангельске — англичане, в Сибири — Колчак, а под Тулой — Деникин, что с вашего благословения и с вашей помощью Ступин готовил восстание. Ударные отряды натворили бы такое, перед чем бы побледнели все россказни о чека. «Приказ номер один», найденный у вас при обыске, сводился к известному принципу: пленных не брать и патронов не жалеть...

Щепкин ссутулился и втянул голову в плечи. Глаза оцепенело смотрели в окно.

Низкие тучи уронили первые капли осеннего промозглого дождя, и косые струйки зазмеились по окнам.

— Такова логика борьбы, Щепкин. Когда начинается пожар, видимо, не следует дискутировать, чем тушить огонь. Пожар надо тушить, и мы это делаем... Цэссантэ кауза, цессат эффектус — с прекращением причины прекращается и следствие. Жаль, что вы ничему не научились, Щепкин. Я понимаю, что вы надеялись на выступление «Добровольческой армии». Надежда, как говорят, хороший завтрак, но плохой ужин. Из показаний усматривается, что Ступин ни перед одним из ударных отрядов не ставил задачу вашего освобождения из чека.

Щепкин еще больше ссутулился и нервно потер руки.

— Увы, Щепкин, времена, когда славу кадета можно было добыть зажигательными речами перед слушателями, убаюканными шампанским и сытным

ужином, кончились. А добывать славу в классовой борьбе дело непростое. Здесь приходится полностью платить по счетам... Кадеты, простите, пытались всегда жать там, где не сеяли...

Щепкин вдруг напрягся, округлил глаза и хрипло выкрикнул:

— Ненавижу! Пьяное мужичье уничтожает русскую культуру, жжет картины Шишкина и Репина только потому, что они висят в барских домах. И вы, интеллигент, выпускник Петербургского университета, идете вместе с ними...

— Иду, Щепкин... А насчет картин вы сказали верно. Картины надо спасать от мужиков для них же самих. И мы это будем делать.

Глава 11

Дни проходили за днями, и все невыносимее была мысль, что шпионы, может быть, продолжают свои дела. Вдруг у них на случай провала имелся запасной канал связи с полковником Хартулари? И вот сейчас по тайным путям плывут к деникинцам документы, планы и оперативные приказы.

— По истории кадетской партии мои ребята уже лекции могут читать,— невесело сказал Артузов.— А как добывались секретные сведения, так и не можем докопаться. Как подумаю, что в наших военных штабах орудуют враги, даже сна лишаюсь.

— Орудуют люди, имеющие широкий доступ к нашим военным секретам,— продолжил Вячеслав Рудольфович.— С материалами, обнаруженными у Щепкина, мы познакомили товарищей из Реввоенсовета. Они были поражены точностью передаваемой информации. Сведения о состоянии артиллерии Южного фронта расходились со сводкой Реввоенсовета всего

на четыре орудия. И быстрота получения информации. Сведения о переброске штаба Восточного фронта в город Брянск шпионами получены в тот день, когда об этом было принято постановление Реввоенсовета. В тот же самый день!

— Надо тряхнуть военспецов в штабах. Им поверили, а они шпионажем занимаются!

— Попробуем, Артур Христианович, мыслить спокойно и логично,— перебил Менжинский горячую реплику Артузова.— Я почти убежден, что человек, доставлявший шпионскую информацию, контактировался только со Щепкиным. «Дядя Кокка» понимал, какой кус держит в руках.

— Согласен, Вячеслав Рудольфович, однако...

— Выслушайте, прошу покорнейше, меня до конца... Такой ценный источник информации Щепкин не мог делить с другим каким-нибудь деятелем «Национального центра», а тем более с другой подпольной организацией.

— Не надо забывать, что кое-кто из заговорщиков ускользнул. Тихомиров, например...

— Тихомирова в данном случае надо исключить. Трудно предположить, чтобы кассира организации, который и так посвящен во многие тайны, использовали как запасную явку на случай провала.

— Тихомирова нет в Москве, Вячеслав Рудольфович,— сказал Артузов.— Ребята все обшарили. Таких помощников приспособили, что в любую щелку пролезут... Помните беспризорника, которого Тихомиров с письмом послал?

— Да, мне Нифонтов рассказывал.

— Прижился у нас парень... Вымыли его ребята, одежду справили, подкормили... С разрешения Феликса Эдмундовича приспособили к отряду охраны вроде как ординарцем.

— Учиться ему надо...

— Будет учиться... Миллионы ведь сейчас таких. Поглядишь, сердце заходится. Шпанят, воруют, бандиты их к своим рукам прибирают. Зима ведь на носу... Смышленый парнишка оказался этот Кирьяков. Неделю со своими дружками Москву обшаривал, хотел Тихомирова найти... Может, шпион на «Национальный центр» теперь выходить не будет?

— Куда же пойдет?

— Взрыв в Леонтьевском переулке подтверждает, что в Москве действуют и другие контрреволюционные группы. Ведь бомбу кинули на заседании Московского комитета партии, когда Покровский должен был докладывать материалы о «Национальном центре».

— Так. Но истинная причина все-таки в другом. Они рассчитывали на то, что будет присутствовать Владимир Ильич... Двенадцать коммунистов погибло и пятьдесят пять ранено. Страшно подумать, если бы...

Менжинский махнул рукой, на мгновение замолчал, глядя в окно, затем убежденно повторил:

— Нет, источник информации Щепкин держал только в своих руках.

— Из этого следует, что шпион будет искать уцелевших деятелей подпольного «Национального центра»?

— Да, Артур Христианович, он должен поступить так. Попробуем разобраться в его психологическом состоянии после провала Щепкина. Передавая «дяде Кокке» сведения, он рассчитывал заработать себе капитал, денежный или политический, в данном случае не столь важно. Щепкин арестован, и цепочка связи порвалась. Все усилия шпиона, весь риск теперь могут остаться безрезультатными. Значит, он должен

искать дорогу к хозяевам, чтобы не пропала сделанная работа. От передачи новых сведений он на время, видимо, воздержится. Струсит после такого провала...

— Сидеть в Москве ему сейчас опасно. Вдруг Щепкин «заговорит»,— продолжил Артузов мысль Менжинского.— Пожалуй, он сейчас больше всего хочет удрать к своим, а сделать это можно только с помощью кого-нибудь из уцелевших деятелей «Национального центра».

— Но он не знает, кому удалось избежать ареста... Покорнейше прошу, Артур Христианович, не снимать засад на квартирах арестованных главарей «Национального центра».

— Две недели уже ребята сидят. Ворчат, что от безделья скулы сводит. А у меня каждый оперативник на счету. Хоть на части разрывайся.

— Разрывайтесь на части, Артур Христианович, но засад не снимайте.

— А если все наши придумки никуда не годятся? Если шпион перетрусил и решил забиться в какую-нибудь московскую нору?

— Тогда задача будет труднее. Но решать ее придется все равно нам с вами.

— Нам с вами,— без особого энтузиазма согласился Артузов.— Феликсу Эдмундовичу на глаза неловко показываться. Он ждет, а мы ему кроме логических заключений и теоретических выводов ничего не можем представить.

В кабинет вошел Решетов.

— Полный порядок, Вячеслав Рудольфович! Проявили профессорскую писанину,— обрадованно сообщил он и положил на стол расшифрованные записи.— Теорией множеств увлекался господин Вилков.

От этой печки и танцевал. А остальное уже было делом техники. Как вы здорово подсказали, Вячеслав Рудольфович...

Менжинский не слушал оживленных слов чекиста. Он торопливо листал страницы расшифрованных записей.

«...сообщите... технические данные... для сношений по радио...»

«...надо думать, что имеющиеся наши в Москве в момент переворота... справятся со взятием стихии в свои руки...»

Не то. Обычные письма заговорщиков. На шпионские сведения нет и намека. Ни одной фамилии, ни одного канала передачи информации.

Неужели и Вилкову «дядя Кокка» не доверял? В осторожности ему не откажешь.

Постой, постой! Вот расшифровка письма на фотопленке!

«Пришло длинное письмо дяди Кокки, замечательно интересное, с чрезвычайно ценными сведениями, которые уже использованы...»

Тоже не то. Просто Щепкин предусмотрительно запасался копиями, подтверждающими его «заслуги».

Лист за листом откладывался в сторону. Решетов замолчал, сидел с ожидающим лицом, пристально вглядывался в Менжинского. Он уже догадался, что в принесенных бумагах Вячеслав Рудольфович не нашел того, что требовалось. Такой орешек удалось раскусить, а он оказался пустышкой...

— Спасибо, товарищ Решетов,— сказал Вячеслав Рудольфович.— Замечательно вы справились с расшифровкой... Теперь получили еще новые улики. И профессору доказали, что могут делать чекисты. Покорнейше вас благодарю!

Решетов растерянно пожал протянутую руку и удивился словам благодарности.

— И вам спасибо, Вячеслав Рудольфович,— тихо ответил он.— Пустяковые ведь материалы оказались, я понимаю.

Менжинский улыбнулся и сказал, что за содержание записей профессора Вилкова товарищ Решетов ответственности не несет, а что касается дела, то он выполнил его превосходно.

Поздно вечером в квартиру Алферова, где находилась чекистская засада, негромко позвонили. Оперативник открыл дверь и увидел на площадке человека в военной форме.

— Простите, кажется, я ошибся адресом,— растерянно сказал тот.

— Ваши документы!.. Чека.

Военный сделал было шаг назад, но на лестнице тоже стояли, отрезая дорогу.

— Оружие есть?

— Позвольте, по какому праву! — запротестовал военный и потянул руку к карману.

Его опередили, извлекли браунинг.

— Разрешение на ношение оружия имеется?

— Безусловно... Положено по должности. Я ответственный работник штаба... Если не прекратите насилие, я буду звонить товарищу Троцкому.

— Не волнуйтесь... На Лубянке телефоны есть, не в лесу живем.

Задержанный оказался помощником управляющего делами Военно-законодательного совета Всероссглавштаба Сергеем Васильевичем Роменским.

При обыске на квартире Роменского были обнаружены собранные в дорогу чемоданы, план Москвы и Петрограда с многочисленными непонятными знач-

ками, нанесенными синим и красным карандашами, и найдена частная переписка. На основании этой переписки чекисты отметили в протоколе, что «гражданин Роменский не уверен в прочности существования Советской власти».

— Чемоданчик-то в дальнюю дорогу собрали, Роменский?

— Я требую доставить меня в помещение Военно-законодательного совета. Здесь я на вопросы отвечать не буду.

Однако прямых улик, доказывающих, что Роменский занимался шпионской деятельностью, найти пока не удавалось. Более того, при детальном ознакомлении со служебным положением арестованного выяснилось, что он не мог располагать секретными сведениями вроде тех, которые были найдены у Щепкина.

— Он занимался кодификацией военного законодательства,— доложил Нифонтов, проводивший первоначальное расследование.— Конечно, там тоже можно было кое-что выловить. Но сущие крохи.

— Визит к Алферову как он объясняет?

— Утверждает, что шел к некоему Красикову. Было темно, и он перепутал номер дома. Красиков действительно живет в соседнем доме, но не на третьем, а на втором этаже. Кустарь-надомник по ремонту металлических изделий. Запойный Красиков кустарничает на этом месте уже, наверное, добрый десяток лет. Роменский уверяет, что хотел заказать замок для собственной квартиры... Но тащиться для этого на Малую Дмитровку?..

Вячеслав Рудольфович задумчиво полистал папку с материалами по делу Роменского.

— Хорошо... Я сам с ним побеседую... Собранные чемоданы, Павел Иванович, возьмите на заметку. За-

мо́к — явная выдумка. Просто приметил вывеску кустаря — и для страховки запомнил...

Менжинский повернулся к Артузову, стоявшему возле окна.

— Мне кажется, Артур Христианович, что Роменский именно тот самый «Серж», с которым Щепкин встречался в саду «Эрмитаж».

— Интуиция? — улыбнулся Артузов.— Очень нужна в наших делах. Но на первом этапе. Потом ее требуется подкреплять доказательствами. Обвинительное заключение, построенное на интуиции, Феликс Эдмундович не примет, ему факты давай.

— Разумеется, Артур Христианович... Если Роменский не имел доступа к оперативным данным, а информацию Щепкину передавал, то у него целая сеть информаторов в штабе. Это делает шпионаж много опаснее, чем мы могли предположить.

Глава 12

— Знакомство с Алферовым вы напрасно отрицаете, Роменский,— сказал Вячеслав Рудольфович.— Объяснения насчет слесаря и замка́ примитивны.

— Виноват, товарищ Менжинский,— сказал Роменский и вскинул на Вячеслава Рудольфовича светлые глаза. Прозрачные, словно две полированные стекляшки.— Насчет замка и слесаря я действительно придумал... Понимаете, неожиданное задержание, а потом обыск. Судебная психиатрия доказывает, что в таких случаях у человека может сработать самая неожиданная защитная реакция. Вырывается от растерянности какое-нибудь глупое утверждение, потом попадаешь в плен сказанного... Собственно говоря, я знал не Алферова, а Алферову... Александру Самсо-

ловну. Она неплохо играет на фортепьяно, а я страстный любитель музыки. Увлекаюсь скрипкой. Даже состою в кружке любителей музыки... Александра Самсоновна иногда соглашалась мне аккомпанировать. Так что знакомство наше было весьма приватным, если позволите так выразиться... Чайковский, Дебюсси, Скрябин — вот кто познакомил нас...

— На концертах, конечно, бываете?

— Безусловно... Летом в «Эрмитаже» Кусевицкий дирижировал. Не удалось послушать?

— К сожалению...

— Много потеряли... Прекрасный дирижер с индивидуальной манерой и собственным прочтением музыки... Я иногда думаю, что ошибся в выборе профессии. Я ведь и сейчас не могу себе сказать, что́ для меня главное: музыка или юриспруденция.

Менжинский пристально разглядывал Роменского. Всякий раз, когда человек по-настоящему интересовал его, Вячеслав Рудольфович пытался нарисовать себе его внутренний портрет, стараясь уловить все оттенки интонации, приметить малейший жест.

Однако Роменский умело ускользал. Еще при первом разговоре с задержанным Вячеслав Рудольфович решил, что он неглуп и ухо с ним нужно держать востро. Потом понял, что такая характеристика неточна. В убегающих словах Роменского ощущалась не простая недоговоренность, а предусмотрительная обдуманность ответов.

— Натура у вас, Роменский, как я убедился, действительно разносторонняя...

— Что вы имеете в виду? — насторожившись, спросил Роменский. Спросил несколько торопливее, чем полагалось.

— С кем вы встречались на концертах Кусевицкого в саду «Эрмитаж»?

— Вы, видимо, хотите услышать от меня определенную фамилию. Но я уже несколько раз заявлял, что господина Щепкина я не знаю, и с ним никогда не встречался.

Роменский старался говорить равнодушно. Вячеслав Рудольфович почувствовал эту нарочитость и понял, что помощнику управляющего делами очень хочется уйти от ответа на вопрос о встрече в саду «Эрмитаж».

— У нас есть данные, что в конце лета на одном из последних концертов вы были вместе с дамой и пожилым человеком.

— Любители музыки народ общительный,— усмехнулся Роменский.— Я мог разговаривать с соседом по креслу, случайным человеком в буфете, в фойе, на прогулке в антракте... Возможно, я разговаривал и с дамой, и с пожилым человеком. Отрицать не хочу, утверждать не осмеливаюсь...

— И все-таки я продолжаю надеяться, Роменский, что вы припомните эту встречу на концерте... Право же, в ваших интересах ее припомнить как можно лучше.

— Может быть, вы поможете? Скажите более определенно, в каком плане вас это интересует? Вы говорите, что для моей пользы я должен ее вспомнить, а я нахожусь в совершеннейшем неведении.

— Есть основания подозревать, что вы член подпольной контрреволюционной организации.

— Это чудовищная ошибка! — вскинулся Роменский.— Я честно работаю... Политика — не моя область. Тем более заговоры и подпольные организации... Это совершенно невероятно! Если ваши подозрения основываются на моем частном знакомстве с семьей Алферовых, я требую очной ставки... Они подтвердят мою непричастность.

«Подтвердят,— мысленно согласился Менжинский.— Насчет очной ставки ты пускаешь «пробный шар», Роменский».

— Поверьте, к делам Алферова я не имею никакого отношения. Мне нечего рассказывать. Учтите, что за арест и произвол, допущенный по отношению ко мне, придется держать ответ...

Паутинка в руках следствия была легкой и колеблющейся. Но после сегодняшнего допроса у Вячеслава Рудольфовича окрепло ощущение, что именно по этой паутинке и можно размотать весь клубок. Вопросы о встрече в саду «Эрмитаж» заставляли Роменского терять контроль над собой. Он трусил. Упакованные для бегства чемоданы — вот в чем суть натуры этого франтоватого, не испытывающего тягот жизни человека. Узнав о провале, он перепугался, но все равно не мог бросить накопленное добро.

Выдержки и наигранного спокойствия у Роменского надолго не хватит. Он выдохнется от собственных же мыслей, которые становятся все страшнее и страшнее с каждым днем, проведенным в камере.

Вячеслав Рудольфович предложил Роменскому подписать протокол очередного допроса и распорядился, чтобы его увели из кабинета.

Приглашенная на Лубянку учительница, рассказавшая о встрече в саду «Эрмитаж», подтвердила, что Роменский есть тот самый блондин, которого она видела на концерте Кусевицкого.

— Но я и не отрицаю этого,— с деланной улыбкой сказал Роменский, ознакомившись с протоколом опознаний.— Зачем было затруднять даму...

— Что делать при вашем несговорчивом характере? Я полагал, что вы сумеете трезво оценить свое положение и будете чистосердечны в показаниях. Раз этого не случилось, будем доказывать вашу вину.

Сделать это, однако, было не просто.

Появление Ромейского на квартире Алферовых, непонятные заметки на найденных картах Москвы и Петрограда, собранные чемоданы — все это при строгой оценке являлось лишь косвенными уликами. Если не будут найдены прямые доказательства вины Ромейского, обвинение против него так и останется на грани подозрения и не даст нужной нити для распутывания шпионского клубка. Ведь главная задача состояла не в том, чтобы доказать вину Ромейского, а раскрыть его шпионские связи и разоблачить сообщников.

Из Всеросглавштаба раздавались звонки. Военное начальство требовало объяснить причину задержания работника штаба.

— К вам товарищ Ладыженский,— доложил Нифонтов.— Требует немедленно принять.

— Немедленно? — переспросил Менжинский.— Что ж, просите нетерпеливого товарища.

Да, это был тот самый Ладыженский, «Трепаный».

Сейчас бы ему такой клички не дали. С того времени, когда последний раз Менжинский встречался с ярославским знакомым в Петрограде, тот еще больше преобразился. Теперь у него были коротко подстриженные волосы с благородной сединой на висках и горделивая посадка головы. Одет Ладыженский был во френч добротного темно-зеленого сукна, перепоясанный блестящими портупейными ремнями. На поясе у него красовался крохотный браунинг, годный, наверное, лишь в качестве мухобойки.

— По какому праву? — сразу же от двери заговорил Ладыженский.— По какому праву вы аресто-

ываете ответственного сотрудника Всеросглавштаба!.. Это произвол и беззаконие.

— Прошу садиться,— не обращая внимания на горячую тираду, предложил Менжинский.

Ладыженский сел на стул и нервно дернул худой шеей.

— Объясните причины ареста Роменского.

— Вот оно что... Будьте любезны, предъявите ваши полномочия.

— Какие полномочия? — растерянно спросил Ладыженский.— Я сотрудник товарища Троцкого.

— Я знаю вас как левого эсера. Как члена партии политических авантюристов, ответственных за события шестого июля и покушения на товарища Ленина... Прошу предъявить документы.

Сердито сопя, Ладыженский отстегнул клапан верхнего кармана френча.

— Пожалуйста... Вот мое служебное удостоверение... Я не понимаю. Мы же с вами давно знакомы, товарищ Менжинский. Я уже год назад отошел от партии эсеров,— сказал Ладыженский.— Я порвал с этими предателями революции и сделал об этом письменное заявление. Я осудил свои собственные заблуждения...

— Какой же вы теперь партии придерживаетесь?

— Позвольте, но это уже допрос? Какое вы имеете право?

— При допросе предъявляется обвинение и ведется протокол, Ладыженский... Мы с вами беседуем просто как старые знакомые. Так к какой же партии вы сейчас принадлежите?

— Я стою на большевистской платформе.

— Ясно. А голова у вас от таких крутых поворотов не кружится?

— При чем тут повороты? — задиристо вскинулся Ладыженский.

— Пожалуй, справедливо заметили. Вы ведь, собственно говоря, и не сворачивали никуда. Кем были, тем и остались,— сказал Менжинский, помедлив, вглядываясь в лицо Ладыженского, и поставил точку.— Эсером. Так вас интересуют обстоятельства ареста Роменского?

— Да, Роменского.

— Почему только Роменского? А основания для ареста военнослужащих Миллера, Сучкова, Ступина Всеросглавштаб не интересуют? А других заговорщиков подпольной армии, схваченных с поличным?

— Я выполняю служебное задание. Если вы отказываетесь отвечать на мой вопрос, прошу разрешить мне уйти.

«Струсил,— подумал Менжинский.— Уж ни к нему ли тянется ниточка от Роменского?»

— Данные предварительного расследования сообщить не имею права. Но основание для ареста Роменского скажу — обвинение в шпионаже.

— Это чудовищное недоразумение!

— Роменский тоже пытается нас в этом уверить.

— Я убежден в его невиновности... Он знающий и преданный работник.

— Мы во всем разберемся.

— Понятно,— сказал Ладыженский, встал и привычно одернул френч.— А вы подумали о последствиях, товарищ Менжинский? Подобное обвинение бросает тень на работников высшего руководящего органа Красной Армии, героически сражающейся с Деникиным.

— Не надо, Ладыженский. Англичане не советуют швыряться камнями тому, у кого дом со стеклянной крышей... Если бы это была только тень... Мате-

риалы, которыми мы располагаем, дают основание подозревать крупное шпионское гнездо в Росглавштабе.

— Это немыслимо! За клеветнические утверждения вы будете нести персональную ответственность. Пока вина не доказана, я требую освободить Роменского. Не забывайте, что Особый отдел кроме ВЧК подчиняется и Реввоенсовету.

— В первую очередь я подчиняюсь партии, Ладыженский. Партии большевиков, членом которой я состою уже семнадцать лет.

— Значит, вы отказываетесь выполнить указание товарища Троцкого?

— Отказываюсь. И вину Роменского докажу. А также и вину всех остальных шпионов, орудующих в Росглавштабе. Можете быть свободны.

Ладыженский встал и почти строевым шагом удалился из кабинета.

— Сердитый товарищ,— сказал вошедший Нифонтов.— С чего это он так, Вячеслав Рудольфович?

— Случается, Павел Иванович, когда хвост прищемят... Что у вас?

— У Ступина хворь объявилась. Сегодня врача потребовал.

— Что же за хворь?

— Распространенная... Сифилис. Скис Ступин, заявил, что будет давать искренние показания.

— Наконец-то,— облегченно вздохнул Вячеслав Рудольфович.— Покорнейше прошу все протоколы допросов сразу же ко мне. А ваши-то как дела?

— Спасибо вам, Вячеслав Рудольфович... Во все стороны письма насчет моего Федюшки пошли. Может, еще отыщется.

— Я уверен, что найдется, Павел Иванович.

Кудеяр, терпеливо отсиживавший в тюрьме ВЧК вместе со своим бывшим шефом Миллером, сообщил, что Роменский пытался передать на волю записки.

Записки были перехвачены. В одной из них, адресованной некоей госпоже Баранцевой, Роменский писал:

«...Мои дела скверны... Крестник моего отца комиссар финансов Крестинский. Может быть, вы сумели бы поговорить с ним о смягчении приговора...»

— Больше всего наш подопечный жить хочет,— сказал Менжинский, прочитав записки.— Обратите внимание, Артур Христианович, «поговорить о смягчении приговора...»

— Я тоже заметил. К тому, что придется расплачиваться, он морально подготовился. А вот с тем, что могут поставить к стенке, он категорически не согласен... Правильно вы его натуру угадали, Вячеслав Рудольфович.

Когда Роменскому были предъявлены записки, наигранное самообладание сразу покинуло его.

— Меня расстреляют? — спросил он упавшим голосом, и острый кадык на шее дернулся снизу вверх.

— Вы юрист, Роменский, и хорошо знаете, что полагается за шпионаж в военное время...

— Не надо! Только этого не надо! — Роменский вскочил со стула и выкинул вперед руки, словно загораживаясь от воображаемой пули.— Я расскажу!.. Скажу всю правду! Все расскажу...

— Выпейте воды и прекратите истерику... Если вы чистосердечно признаетесь, это будет учтено трибуналом при рассмотрении дела.

— Скажу... Все скажу! Чистосердечно! — торопливо выкрикнул Роменский и согнулся, будто его вне-

запно ударили в живот. Плечи его затряслись.— О боже! Если они узнают, они убьют меня,— сквозь всхлипывания бормотал он.— У них везде свои люди... Они меня найдут и прикончат. В тюрьме найдут, в лагере... Не надо!.. Я жить хочу!.. Жи-ить!

Загнанный в угол Роменский каялся с лихорадочной поспешностью и старанием, суетливо перескакивая с одного на другое, мешая главное и второстепенное. Он хотел заработать жизнь.

— От кого вы получали материалы с секретными данными?

— От члена Военно-законодательного совета бывшего генерала Маковского и от генерала Бабикова... В августе Бабикова назначили помощником управляющего делами Реввоенсовета. Я ему сказал, что скоро в Москве состоится вооруженное выступление наших людей... Вскоре после нашего разговора он передал мне сведения об армиях, найденные потом при обыске у Щепкина. Ко мне также приезжал бывший офицер Слесаренко за помощью для генерала Стогова...

— Того самого Стогова, которого Троцкий своей властью освободил из тюрьмы?

— Да... Стогов скрывается сейчас на станции Сходня под фамилией Семенова. От Бабикова сведения мне передавала Лебедева... Она заведует журнальной частью в Военно-законодательном совете.

Роменский называл все новые и новые фамилии.

— Выяснили, в какую дорогу Роменский собирал чемоданы? — спросил Дзержинский.

— Хотел перейти через фронт к Деникину. Через предателя, командира полка на Тульском направлении, был связан с полковником Хартулари. Через

участок этого полка переходили фронт не только лазутчики и шпионы, но и многие бывшие офицеры, завербованные деникинцами... Роменский сообщил пароли для перехода. На Северном фронте — «Северная Двина — Волга», на деникинском — «Дон — Кубань». Здесь дело серьезное... Роменский не зря нажимает на то, что сообщенные им пароли самое главное его показание... У меня возникает одно предложение, Феликс Эдмундович. Пока, естественно, только в общих чертах. Мы можем использовать эти пароли...

— Посылать под видом офицеров наших людей? — отрывисто спросил Дзержинский и задумчиво пробарабанил по столу длинными пальцами.— Заманчиво, но тут надо все тщательно обдумать...

Феликс Эдмундович слушал доклад особоуполномоченного Менжинского и думал, что правильно поступил, добившись назначения Вячеслава Рудольфовича на работу в Особый отдел ВЧК.

Угадал ведь Вячеслав Рудольфович, что от незначительной вроде встречи в саду «Эрмитаж» тянется нить к шпионским гнездам. Не только угадал, но и размотал этот клубочек.

После доклада по делу Дзержинский распорядился:

— Следствие продолжайте. Я должен выехать в Петроград. К моему возвращению подготовьте предложения по усилению борьбы с вражеским шпионажем. ВЧК нужно переходить к активным операциям. Хорошо, что мы выявили шпионов, плохо то, что шпионы орудовали у нас под носом длительное время. Мы не можем только защищаться от контрреволюции, мы должны наступать на нее.

— Абсолютно с вами согласен, Феликс Эдмундович.

— Вам не надо слишком перегружать себя работой. Вы еще после украинских дел не отошли, а тут по вечерам засиживаетесь, по ночам работаете...

— Беру пример с начальства.

— Такие примеры брать не обязательно... Ну ладно, вечерами я еще понимаю, но недавно вы всю ночь работали...

— Нельзя же задерживать следствие...

— Да, следствие задерживать не можем... Должен вас огорчить, Вячеслав Рудольфович, Артура Христиановича я переключаю на другое дело.

— Но, Феликс Эдмундович...

— Не надо, товарищ Менжинский... Ваши возражения я могу выслушать, но людей у нас не хватает.

Не доезжая Брянска, спрыгнули с площадки облепленного людьми вагона.

— Теперь пешком,— сказал Ауров.— Напрямик недалеко.

Шли след в след малохоженой тропой, вьющейся в путанице ольхи и замшелого угрюмого ельника.

Широкая спина Аурова с мешочной котомкой, где лежал заветный саквояжик, маячила в двух метрах перед глазами Крохина. Фаддей Миронович ощущал под ватником тяжесть нагана, и взгляд его то и дело застывал на спине Аурова, там, где угадывалась левая лопатка. Взять чуть пониже — и наповал...

Перебравшись через хлипкие мосточки, кинутые на тропе у торфяной бочажины, Епимах остановился, поджидая попутчика. Непривычный к лесным дорогам, Крохин неловко одолевал гнилые скользкие жерди.

— Поспевай, Фаддей Миронович... Ну, еще немного... Теперь руку давай!

Крохин протянул руку, и жесткие пальцы Аурова тисками охватили запястье. Прежде чем филер успел сообразить, короткий удар по голове погасил свет в глазах и свалил в бочажину. Епимах Ауров не спеша прицелился в волосатый затылок филера и спустил курок.

— Вот так, Фаддей, не жалей лаптей,— сказал Ауров.— Саквояжик мой тебе не по зубам. И ты мне тоже стал не с руки... Попался бы ненароком комиссарам, продал бы меня с потрохами, Фаддеюшка. Такая уж ваша лягавая порода.

Торфяная бочажина сомкнулась с утробным всхлипом, поглотив неожиданную добычу.

Епимах Ауров пошел по тропе обратно. Надежное место, о котором он говорил Крохину, было под Серпуховом.

ОСОБЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ

Глава 1

Зиме, казалось, не будет конца. Каленая стужа прожигала до костей, на лету морозила отощавших птиц. Недавние метели перегородили улицы косыми непролазными сугробами. Снег копился в тупиках и переулках, ложился на крыши домов тяжелыми пластами.

В просини холодного неба висело над крышами багровое солнце.

У Китайгородской стены суетливой грачиной стаей теснились люди. В затишке древних стен шел торг валютчиков. Здесь меняли доллары, франки, иены и фунты, деникинские «колоколы», «крылатки» Юденича, архангельские «моржовки», векселя, акции и закладные.

На фасаде дома — полотнище лозунга: «Коммунизм — наш факел победный, вперед без страха и упрека». Кумач выцвел, обтрепался, но упрямо полоскался на щелястой стене, где из окон высовывались ржавые колена «буржуек».

«...Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...»

Песня нарастала, приближалась со стороны Кузнецкого моста, звонкая и бодрая.

«...В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...»

Вячеслав Рудольфович вдруг обнаружил, что он вполголоса подпевает. Сконфузился, кашлянул и без нужды принялся поправлять пушистый шарф.

Колонна ребят и девушек с пилами и топорами на плечах, прямиком прокладывая себе путь через островерхие сугробы, вывернулась на площадь.

«Комсомолия к вокзалам топает,— подумал Вячеслав Рудольфович.— На заготовку дров направились...»

Менжинский остановился, пропуская колонну.

Размешивая сыпучие сугробы латаными сапогами и подшитыми валенками, шли мимо молодые парни и девушки, пели и верили, что каждый их шаг прокладывает дорогу в светозарное будущее. Пусть черствая пайка хлеба и жиденький супчик не для молодого аппетита, пусть мороз пробирается к телу сквозь изношенную одежду, а к вокзалам надо топать на «своих двоих» через сугробы, и на заготовке дров придется чертоломить до зеленого кружения в глазах — они одолеют все препятствия и своими руками построят новый, счастливый мир...

Из колен «буржуек» вились серые, тонкие струйки дымов. Топлива не было. Московский Совет принял решение рубить на дрова восьмикилометровую лесную полосу за окружной дорогой. В «буржуйках» жгли заборы, сараи, мебель, паркет, а случалось, и книги.

И все-таки огромный и непостижимый город жил.

Вячеслав Рудольфович с удовлетворением подмечал сейчас каждое проявление крепнущей жизни и радовался ему.

Прошедший через тягчайшие испытания, город походил теперь на выздоравливающего после длительной и тяжелой болезни. Половодье человеческих страстей, событий и горестей постепенно спадало. Жизнь вливалась в обычное русло.

— Эй, дядя! — раздался из колонны девичий голос.— Чего выставился?! Айда с нами дровишками баловаться!

Вячеслав Рудольфович помахал рукой, ощутив неожиданное желание и впрямь присоединиться к колонне. Встать в ряд, подхватить песню и зашагать в ногу со всеми.

«Досталось бы на орехи от Феликса Эдмундовича,— с улыбкой подумал Менжинский,— если бы в самом деле с комсомолией удрал...»

Рядом с вывеской иллюзиона «Грезы» на фанерном щите плакатный кузнец крушил молотом гидру мирового капитала. Головы, украшенные цилиндрами, генеральскими папахами, котелками и офицерскими фуражками с громадными кокардами, плющились под ударами. Щит был новенький. Его поставили в те дни, когда газеты крупным шрифтом печатали сообщения о разгроме Колчака, Деникина и Юденича, о взятии Ростова, Новочеркасска, Красноярска.

Казалось, наступала желанная передышка, наступал мир.

Вячеслав Рудольфович вспомнил оживление тех дней. Феликс Эдмундович предложил ходатайствовать об отмене смертной казни. «...отложить в сторону оружие террора...» — так было записано в чекистском представлении, направленном Советскому правительству.

Мир не пришел. Все беспокойнее становилось на границе с панской Польшей. В Крыму окопался барон Врангель.

По предложению Феликса Эдмундовича первого февраля двадцатого года Менжинский был назначен заместителем председателя Особого отдела ВЧК.

— Могу вам сказать, что мое предложение было охотно поддержано,— добавил Феликс Эдмундович, сообщая Менжинскому о новом назначении.— Работой по разоблачению «Национального центра», подпольной «Добровольческой армии» и шпионской организации вы завоевали несомненный авторитет и уважение. Не просто, Вячеслав Рудольфович, на нашей работе в считанные месяцы авторитет завоевать. Далеко не просто...

По тропе, вьющейся в сторону Маросейки, одиноко тянулись унылые фигуры. Женщина с кошелкой, до глаз закутанная рваной шалью, сутуловатый мужчина с котомкой, старушка с крутобокими санками. Ковылял, увязая в снегу деревяшкой, отслуживший-ся вояка в шинели с оборванным хлястиком, торопился какой-то хлыщ в широченных галифе.

«На Сухаревку,— подумал Вячеслав Рудольфович.— На великое московское торжище... Последнее несут, а впереди голодная весна».

С продовольствием было плохо. Рабочие получали в месяц семнадцать фунтов хлеба. Полфунта в день. Единственный ломоть, темный и тяжелый, с примесями и остистыми колючками грубо смолотой ржи. Пайка, которая слишком мала, чтобы жить, но которой достаточно, чтобы не умереть...

«...Голод и холод у нас теперь больше, чем когда-либо...» — всплыли в памяти горькие слова, сказанные Владимиром Ильичем две недели назад на четвертой конференции губернских чрезвычайных комиссий.

Перед глазами встала фигура порывистого в жестах, в движениях Ильича на трибуне конференции.

Карандаш в руках не поспевал за стремительным течением ленинской мысли.

«Перед органами подавления контрреволюции, перед органами ЧК был и остается вопрос довольно сложный и трудный. С одной стороны, надо понять, учесть переход от войны к миру, с другой стороны, все время надо быть на страже, поскольку мы не знаем, как скоро придется достичь прочного мира...

Одним словом, нам по-прежнему надо сохранять полную боевую способность к отражению врага. Возможно, что будут попытки нашествия, возможно, что Деникин укрепится, чтобы продолжать гражданскую войну, возможно, что со стороны групп контрреволюционеров будут попытки террора, и сохранение боевой готовности для нас является обязанностью. Сохраняя эту боевую готовность, не ослабляя аппарата для подавления сопротивления эксплуататоров, мы должны учитывать новый переход от войны к миру, понемногу изменяя тактику, изменяя характер репрессий».

Потом в стенограмме Менжинский красным карандашом подчеркнул все «возможно» в тексте ленинского выступления. Не было исключающего «или». Удар следовало ожидать с любой стороны.

На гимнастерке Дзержинского сиял свежей эмалью орден Красного Знамени. Феликс Эдмундович был смущен наградой и обрадован ею: «Не я, а вся ЧК награждена орденом».

— Упорный вы человек, Вячеслав Рудольфович. Неужели вы полагаете, что меня не беспокоит вопрос о границе?

— У Председателя ВЧК много других дел, а я, как ваш заместитель по Особому отделу, обязан уделять границе сугубое внимание. Военное поражение белогвардейщины вызовет усиление тайной борьбы, попыток диверсии и шпионажа.

— Конечно. Принцип вакуума безусловно сработает.

— В вопросах охраны границы у нас неразбериха. Этим делом занимается и Наркомфин с его разношерстной охраной, скомплектованной по вольному найму, и Наркомат внешней торговли с его таможенной стражей, и Реввоенсовет, обеспечивающий военную охрану рубежей.

Феликс Эдмундович подошел к карте.

— Не простое дело, Вячеслав Рудольфович,— советские границы. Десятки тысяч километров. Люди нужны, вооружение, снаряжение...

— Но теперь ведь можно это найти.

Дзержинский круто повернулся.

— А Врангель? Недобитые еще колчаковцы, белополяки, которые с каждым днем наглеют?.. И все-таки вы правы. Надо безотлагательно принимать меры по усилению охраны границ. Это одна из важнейших задач ВЧК.

— И тем более Особого отдела.

— Я гляжу, вы, Вячеслав Рудольфович, патриот Особого отдела,— с усмешкой заметил Феликс Эдмундович.— Ладно, за круглым столом не спорят из-за места. Не будем преуменьшать значение и других задач ВЧК.

— Понимаю... Транспорт... «Главный кризис», как сказал Владимир Ильич. Один умный американец, если мне не изменяет память, говорил, что большая страна, как большой пирог — легче всего объедается по краям.

— Хорошо. Прислушаемся к мудрым, Вячеслав Рудольфович. Готовьте представление в Совнарком. Текст обращения Особого отдела ко всем гражданам Республики я прочитал. Можно публиковать.

«...Особый Отдел ВЧК настоящим призывает тт. рабочих, красноармейцев, коммунистов и всех граждан прийти ему на помощь в его борьбе с врагами Советской Республики и, не стесняясь ни формами, ни изложением, присылать сведения о всех замеченных случаях, где можно заподозрить шпионаж, злостный саботаж, измену, а также о всех других действиях тайных врагов республики, направленных к подрыву мощи Красной Армии...»

— Сообщение из Петрограда, Вячеслав Рудольфович,— сказал Нифонтов, подавая очередную бумагу.— На черном рынке поднялись в цене «крылатки». Усиленно распространяются слухи, что они обеспечены золотом.

Вячеслав Рудольфович внимательно прочитал сообщение петроградских чекистов и взял приложенную к нему мягкую, побывавшую во многих руках «банкноту». На фоне огромного двуглавого орла были изображены две неясные фигуры, хитро позволявшие видеть в них то, что рисовало воображение.

— Думаю, что очередная провокационная вылазка, Павел Иванович. Юденич бит. Не будем лить воду на утопленную мышь... «Крылатки», «колоколы» и «моржовки» — макулатура. Вероятнее всего, здесь ловкая спекуляция, обман доверчивых простаков. Что нового о белополяках?

— Опять сигналы о проникновении лазутчиков. Неразбериха же на границе, банды по лесам орудуют. В такой суматохе нехитро к нам проскочить.

— Нехитро,— согласился Вячеслав Рудольфович и взъерошил волосы.

Феликс Эдмундович безусловно прав. Представление в Совнарком останется пустой бумагой, если охрана границ не будет обеспечена нужной военной силой, снаряжением, транспортом и многим другим, что потребуется людям, которые станут на тысячеверстных рубежах.

— Постерунок оффепзивы...

— Что, Вячеслав Рудольфович? — удивленно переспросил Нифонтов.

— Постерунок оффензивы... Так называется пост польской разведки на переднем крае. И постов таких возле нашей границы действует немало. Надо выявлять связи приграничных банд с белополяками и тщательно заниматься теми, кто переходит фронт. Пан Пилсудский готовит легионы отнюдь не для военных парадов.

— Это уж так, Вячеслав Рудольфович.

— В целом ясно и понятно. Но мы должны знать конкретные замыслы врагов. Крохотный факт всегда дороже массы предположений. Но его еще добыть нужно. Прошу вас подготовить секретную директиву начальникам особых отделов Юго-Западного и Западного фронтов о необходимости направить за кордон, в тыл к белополякам, опытных разведчиков. Они должны выявлять каналы, по которым к нам забрасываются шпионы и диверсанты. Обратите, прошу покорнейше, сугубое внимание на то, чтобы наших товарищей готовили самым тщательным образом. Подбирали тех, кто знает польский язык, использовали преданных нам бывших офицеров.

— Как бы не ошибиться с офицерами, Вячеслав Рудольфович. Не верю я этой братии, не могу себя переломить.

— Пора бы уже, Павел Иванович. Бдительность вещь нужная, но плохо, когда она превращается в подозрительность. Надеюсь, вы понимаете разницу?.. Кстати, как товарищ Решетов поживает?

— Осточертело ему шифровкой заниматься... Вчера в столовой вместе обедали. Буду, говорит, проситься на учебу. Ловко он тогда профессорскую грамоту раскрутил...

Вячеслав Рудольфович сделал короткую запись в блокноте.

— Хорошо, Павел Иванович, на сегодня закончим.

Когда чекист повернулся, чтобы выйти из кабинета, Менжинский остановил его.

Нифонтов не стал ждать вопроса.

— Ничего, Вячеслав Рудольфович,— тихо сказал он.— Будто в воду мой Федюшка канул.

Глава 2

Площадь была до каменной твердости утоптана тысячами ног. С утра до вечера здесь гомонил, переливался люд. Покупал, менял, торговался до пота, до остервенения, воровал, снимал последнюю рубаху, божился, закладывал душу, рассказывал правду и небылицы.

Епимах Ауров, зыркая по сторонам, пробирался в рыночной толчее. Теперь и близкие знакомые вряд ли признали бы в густобородом, угрюмом человеке, одетом в долгополый пиджак, лесозаводчика-оптовика, ворочавшего сотнями тысяч, отправлявшего за границу пароходы отборного пиловочника и мачтовой пинежской сосны.

Почти год, как Ауров жил в подмосковном селе у одинокого бобыля по прозванию Тимоха Серый, занимавшегося скупкой ворованного и подпольной тор-

говлей самогоном. Когда-то хозяин дома работал у Аурова мастером на лесозаводе, и Епимах спас его от каторги, полагавшейся за изнасилование малолетней. Тимоха Серый помнил добро, и в трудную минуту приютил Аурова, выдав его за дальнего родственника, у которого беляки разорили хозяйство. Поил самогоном, напивался и сам за компанию до зеленых чертиков в глазах.

Сидеть сиднем у Тимохи было уже невмоготу. Чекистскую грозу, похоже, удалось переждать. Теперь можно было осматриваться, разнюхивать, соображать что к чему.

В базарной сутолоке настороженный слух вдруг уловил знакомый голос. Щуплый мужчина, одетый в нарядный клетчатый пиджак и фетровую, со светлой лентой шляпу покупал часы в фигурной старинной бронзе.

— Пять фунтов!

— Это же уникальная вещь,— слабо сопротивлялась пожилая изможденная женщина.— Работа известного мастера...

— Известного мастера кусать не будешь! А хлеб теперь в цене. Пять фунтов мучицы в сей момент отсыплю... Последнее слово говорю!

Ауров пробился поближе. Покупатель повернул голову, и Епимах узнал бывшего счетовода Скрипилева.

Через полчаса они уже сидели в приземистой базарной харчевне, где, судя по хлопотам юркого хозяина, Скрипилев был частым гостем.

— Гора с горой не сходится, а вот человек с человеком,— осторожно цедил счетовод, не решив, радоваться случайной встрече или поскорее отделаться от

старого знакомого.— Два года уж, как я сюда из Питера перебрался. Место тихое и службу хорошую подыскал... Кузьмич, подкинь нам еще по чеплашечке!

Скрипилев явно свысока оглядывал потрепанный пиджак Аурова, его смазные сапоги и без нужды поправлял складку на своих куцых щегольских брюках.

— Где же служишь? — спросил Ауров.

— Бухгалтером на фабрике «Красный ситец»... Бывшая Коншинская мануфактура. Помните, небось, такую фамильицу?

Епимах кивнул, и перед глазами возникла пустая полка сейфа в Русском Торгово-промышленном банке, где должен был лежать пакет из плотной бумаги.

— Высоко залетел,— сказал Ауров, примериваясь глазами к Скрипилеву. А вдруг не случайно оказался он на рынке? Такого ведь за деньги и чека купить может.— Не боишься, что про старые дела проведают? У большевиков в этом деле порядок... Раньше сыскное на дураков работало. Приметы писали... Волосы темные, у правого уха бородавка. А теперь пошли анкеты. Чем до семнадцатого года занимались, кто были родители, в каком звании, при каких капиталах?.. Вот и соблазнительно такому, как ты, простым служащим записаться. Да еще пострадавшим от старого режима... Шутка сказать, из банковских контролеров в простые счетоводы скинули. За революционные воззрения... Так, небось, в анкете написал? Молчишь? Значит, так оно и было...

Скрипилев спрятал ноги под стул, втянул голову в плечи и просяще прижал к груди стиснутые кулачки.

— Вы кушайте, кушайте, Епимах Андреевич... Я же к вам со всей душой. Вот, думаю, встреча-то какая радостная... Может, спиртику выпьете?

— Не гоношись... Успеется и спиртик... Гляжу, при деньгах ты. Опять поддельными бумажонками промышляешь?

— По глупости было дело с вексельками. Теперь все, отрезал, как на духу вам признаюсь. Мелочишкой кое-что прирабатываю. Купи-продай. И паек при моей должности идет.

— А фабрика почему стоит? Топлива у новых хозяев нет?

— Есть топливо... И сырье на складе тоже имеется,— сказал Скрипилев, ворохнув глазами по сторонам.— Рабочие на работу просятся... А мы стоим!

— Как же так возможно?

— Инвентаризация, Епимах Андреевич... Лозунг, значит, социализм — это учет. Так вот мы добро до последнего винтика и принялись учитывать, в ведомости записывать, по графам и разделам... Полгода восемь инвентаризационных комиссий работают, а баланец у них не сходится...

Губы счетовода раздвинулись в ухмылочке, и вывалился короткий и сиплый хохоток.

— Не сходится баланец, хоть ты тресни! Каждую неделю фабком заседает, а концы с концами так и не могут свести. А я как бухгалтер полного баланса требую.

— Ловко! — похвалил Ауров, чокнулся со Скрипилевым и подумал, что собственной башкой счетовод такой штуки бы не сообразил.

— Кто же тебе такой совет дал? — напрямик спросил Епимах захмелевшего счетовода.— Не темни... Доносить не побегу, сам знаешь.

Скрипилев с минуту помедлил, неуютно поворочался на стуле, и решил довериться.

— От господина Коншина совет пришел.

 На этот раз Ауров не мог скрыть удивления.

— Как же он издаля советы дает?.. Или, может, самолично здесь обитается? Ну, выкладывай...

— Не здесь... В Париже проживают. Инструкции на словах передают через некое лицо.

— Что за лицо?

— По обличью мне только известно... В Москве встречаемся. Прибываю в условное место, а там он сам ко мне подходит... Осмотрительность большую имеет.

— Что же Коншин наказывает?

— Добро просит беречь... Чтобы фабрика на большевиков не работала, а имущество чтобы было в полной сохранности.

— Много платит?

Скрипилев помялся, подавленный прямолинейностью вопросов, и сказал, что платит хозяин хорошо. Половину оговоренной суммы кладет в заграничный банк на имя Скрипилева, а вторую пересылает сюда.

— Компанией работаете?

— Есть верные люди,— все тем же приглушенным шепотом ответил Скрипилев.

— Когда с тем московским будешь встречу иметь?

— Через неделю.

— Про меня скажешь... Так, мол, и так, встретил старого знакомого. Его Коншин знает. Скажешь, что поговорить хочу.

— Может, сами со мной в Москву поедете?

— Рано.

— Верно сказали: береженого-то и бог бережет. Я недавно в стольном граде едва в ямину не угодил. На Кузнецком мосту помог господь бог с Валентиновым разминуться.

— Кто такой?

— Бухгалтером у нас в банке работал, большевистский прихвостень. Из Питера в Москву перебрал-

ся, когда банк сюда переехал. Теперь, иуда голоштанный, у комиссаров в чести. Не припоминаете? А ведь Валентинов вам тогда кредит на два миллиона оформлял...

Ауров наморщил лоб крутыми складками, никакого Валентинова не помнил, но хорошо помнил тот чек — каллиграфически четкие буквы, которыми была прописана сумма кредита.

— Меня он как свои пять пальцев знает,— вздохнул Скрипилев.— Худо будет, если ему на зуб попадусь. Враз в чека все про мою душу обрисует. Ой, худо... Хотел я уже укатить подале, да место мне бросить не позволяют...

От мирных переговоров Польша отказалась. Получив оружие и военное снаряжение во Франции и Америке, Пилсудский двинул легионы на западные рубежи изнемогающей от голода, разрухи и войны Советской республики.

Используя четырехкратный перевес над разрозненными красноармейскими частями, белополяки захватили Киев.

Опасения насчет польских диверсантов оказались не напрасными. В майской синеве неба над подмосковным селом Хорошево однажды расползлось зловещее облако, и охряное зарево пожара прочертило полосу над крышами домов. Загорелись военные склады.

— Преступная небрежность охраны привела к огромному ущербу, товарищ Менжинский. Наше управление требует тщательного расследования и строгого наказания виновных. Сейчас, когда Красная Ар-

мия героически сражается с врагом, этот пожар — подлый удар в спину красным бойцам!..

Представитель главного артиллерийского управления Грацианов, приглашенный для беседы к заместителю начальника Особого отдела, горел благородным негодованием. Красиво зачесанные волосы его эффектно вздрагивали от энергичных движений головы.

Вячеслав Рудольфович понимал, что предубежденность может привести в его работе к трагическим ошибкам. Но Грацианов, этот новоиспеченный чинуша, все больше и больше не нравился ему.

Откуда берутся такие люди? Грацианов же носит в кармане партийный билет... Или просто не разглядели его душонку, или есть что-то иное, позволяющее таким человеческим сорнякам набирать силу в советской почве?

Руки Грацианова с ухоженными ногтями выкладывали на стол одну за другой копии рапортов, докладных записок и приказов по артиллерийскому управлению, изобличавших охрану Хорошевских военных складов в потере бдительности и преступном небрежении.

— Политическая беспечность в данном случае также явилась прямым попустительством врагу... В отряде охраны систематически нарушались сроки проведения агитбесед с красноармейцами... Вот проект резолюции, которую я лично подготовил для собрания работников нашего управления по поводу вероломной вылазки врага.

— Возьмите ваш проект обратно,— не повышая голоса, сказал Менжинский и встал.— Эта бумага не вернет взорвавшихся снарядов. Полкам, которые сейчас сражаются на Украине и в Белоруссии, нужны не резолюции, а патроны, гранаты и снаряды для ору-

дий... Противны, Грацианов, ваши попытки спрятаться за бумажками.

— Я как коммунист...

— Перестаньте! — уже не сдерживая гнева, перебил Вячеслав Рудольфович.— Где вы были во время пожара?

— У меня лично алиби, товарищ Менжинский,— торопливо ответил Грацианов.— Я находился в служебной командировке на станции Реутово... Это могут официально подтвердить.

— Мы уже получили подтверждение, Грацианов. Под видом служебной командировки вы пьянствовали в Реутове у любовницы. Ваше «алиби» свидетельствует о преступно-небрежном отношении к служебным обязанностям...

— Но позвольте...

— Не позволю, Грацианов. Вам доверили высокий пост, а вы превратили его в тепленькое местечко. Научились говорить красивые слова и изобрели себе кумир в виде докладной записки...

Грацианов побледнел.

— Допустим, я виновен в нарушении порядка служебных командировок, — силясь сохранить спокойствие, заговорил он.— Готов нести за это ответственность. Но в том, что произошло на Хорошевских складах, у вас нет оснований обвинять меня.

— Есть.

Вячеслав Рудольфович открыл папку.

— Вот график инспекторских проверок складов, который вами систематически нарушался... Заявление начальника охраны о необходимости усиления караулов, которое вы собственной резолюцией препроводили «в дело». Не удосужились даже проверить, прав или нет начальник охраны... Донесение ревизора о неправильном складировании боеприпасов

для трехдюймовых пушек, которое вами тоже оставлено без внимания...

— Я представлю объяснение... Я понимаю... Конечно, были отдельные недоработки. Чрезвычайная нагрузка. Руки не доходили.

— Пьянствовать хватало времени, а навести порядок в охране складов руки не доходили! Проявленная вами преступная небрежность способствовала диверсии... Вам предъявляется обвинение, и судить вас будет военный трибунал. Прошу сдать оружие.

— Позвольте, я ответственный работник армии! Какое вы имеете право...

Грацианов вскочил. Глаза его отчаянно метнулись к окну, к двери, ненавистно ожгли Менжинского.

— Я буду жаловаться...

— Прошу вас сдать оружие...

Прыгающими пальцами Грацианов отстегнул пояс с пистолетом и положил на стол.

Следствие по делу о диверсии на Хорошевских складах выявляло факты грубых нарушений в охране важнейшего военного объекта. Система пропусков была запутана, пароли не менялись неделями, сигнализация и связь между постами отсутствовали, в ночное время территория складов освещалась недостаточно. Караульную службу несли неподготовленные люди.

С одним из них Менжинский познакомился во время следствия, когда зашел в комнату, где молодой сотрудник Особого отдела Сыроежкин проводил допрос.

Круглолицый, косая сажень в плечах, стеснявшийся своего богатырского здоровья, чекист вскочил, намереваясь отрапортовать.

— Сидите, сидите, товарищ Сыроежкин... Я ведь, собственно, так зашел. Хочу немного послушать.

Возле стола горбился тщедушный солдат из караульной команды, которая несла наряд в тот злополучный день. На гимнастерке у допрашиваемого зияла горелая прореха. Он старательно прикрывал ее ладонью.

Сыроежкин продолжал допрос.

— Ранее в каких партиях состояли, гражданин Плешаков?

Допрашиваемый вздрогнул, и по лицу его, изрытому оспинами, пробежала мучительная судорога.

— А как же, состоял... В Боровске, значит, на родине, состоял в обществе хоругвеносцев. На Николу вешнего ходили. А в революцию записался в беспартийные... Состоял...

— С какого времени служите в караульной команде складов?

— Вот уж считай год, а может, и поболе, как к ним пристал. С госпиталя вышел и сразу пристал... Земляка встрел... Нашего, боровского, Степана Лапина из деревни Антошкино. В акурат против нас за леском эта деревня. Он мне и присоветовал. Прибивайся, говорит, к нам, Никифор. Служба не тяжелая и паек выдают.

— Почему в Боровск не уехали? Вы же говорили, что с четырнадцатого года воевали.

— С четырнадцатого... А куда ехать-то было, товарищ гражданин начальник?.. Навоевался досыта, что и говорить, а пристать места не оказалось. Старуха моя о шешнадцатом годе умерла, дочери замуж повыскакали, а Васька, сын, значит, мой, к бандитам прилепился. Он, недоумок, и с малых годов лютой был... Хозяйство все позорилось, а дом сгорел. Вот я

 и пристал к добрым людям. Кормят меня, ну я и

живу. На рождество новую гимнастерку выдали. Обутку обещали сменить...

Сыроежкин крутанул стриженой головой.

— На каком основании разрешали в склад без пропусков проходить?

— Этого не было... Пропуска завсегда спрашивали. Разве можно пропуск не спрашивать, ежели при карауле состоишь?

— Ну, а если пропуска не оказывалось?

— Тогда тоже пропущали... У нас пока энтот пропуск добьешься, семь потов сойдет... Нам и командир так наказывал. Вы, говорит, по человеку глядите. Видите, что человек хороший, пропущайте...

— Допропускались! — сердито сказал Сыроежкин и поглядел на Вячеслава Рудольфовича.— Проходной двор вместо караула устроили...

— Скажите, пожалуйста, товарищ Плешаков, где вы гимнастерку прожгли? — спросил Менжинский.

— Так на пожаре же... Как занялось, мы со Степаном из караулки выскочили и побегли к складу с шанцевым инструментом. Ломом замок сбили и стали добро вытаскивать. Да много не поспели. Крыша заполыхала, и нас от дверей оттащили... Кабы знать, что так все повернется,— сокрушенно добавил Плешаков и вытер ладонью потное лицо.— Мне, значит, иттить можно, товарищ гражданин начальник?

Сыроежкин улыбнулся наивному вопросу допрашиваемого. «Иттить!.. Считает, что в чека его пригласили шутки шутить. Ему охрану такого объекта доверили, а он губошлепством занимался. Нет, придется держать ответ по всей строгости революционного закона».

— Можете быть свободны, товарищ Плешаков,— сказал Вячеслав Рудольфович.— Спасибо вам за сообщение.

Сыроежкин удивленно заморгал.

— Оно, конечно, мало у нас порядка в караульной команде было,— растерянно переступая возле стола, заговорил Плешаков.— Мы со Степаном об том еще раньше толковали. Степан даже хотел бумагу сочинить и начальству послать, а тут к нам как раз приехал товарищ Грацианов и за хорошую службу стал хвалить. Мы и застеснялись заявление писать...

— Еще что про Грацианова можете сказать?

— Более ничего не скажу. Врать не стану. Один раз я его только видел и то издаля. Видный из себя командир. В папахе и ремни крест-накрест. Голосом басистый и сапоги со шпорами... Сказывали, что в больших начальниках ходит, а вот в каких — не упомнил... Так иттить мне можно?

— Подпишите пропуск товарищу Плешакову, Григорий Сергеевич,— распорядился Менжинский.

— Я не понимаю вашего решения.

Голос Сыроежкина дрожал от волнения. Серые глаза смотрели недоуменно и спрашивающе.

— Контрик же Плешаков!.. Конечно, несознательный он враг, но ведь из-за разгильдяйства вот таких, как Плешаков... Я не понимаю...

— Какой он враг, Григорий Сергеевич? «Хотел бумагу сочинить», «пожар гасить кинулся», «начальство за службу хвалило»... Его надо воспитывать, просвещать. Не с такими, как Плешаков, должен бороться Особый отдел, товарищ Сыроежкин. Трибунал им ничего не прибавит. Да и я не уверен, что там согласятся с вашим выводом.

— Он же признался.

— Он правду сказал. Запомните, Григорий Сергеевич, раз вы начали работать в Особом отделе,

мы должны масштабнее смотреть на вопросы. Дело Плешакова закройте. А вот другое дело вам нужно немедленно открыть... На гражданина Грацианова.

— Начальник, сапоги со шпорами?

— Да. Полчаса назад я приказал его арестовать. Как одного из виновников случившегося.

— Понятно, Вячеслав Рудольфович.

— Я был уверен, что мы поймем друг друга, товарищ Сыроежкин. Наша задача не только выявить конкретных виновников диверсии, но и установить собственные ошибки. Безжалостно выявить промахи, допущенные в охране складов и принять меры, чтобы враги больше не могли нанести нам такого удара. Для нас это урок, жестокий и трудный, Григорий Сергеевич, и скрывать мы его не будем. Я думаю, что по окончании следствия о принятых нами мерах по усилению охраны объектов мы сообщим в газетах. Все виновные в преступлении будут привлечены к строгой ответственности... А таким, как Плешаков, надо просто подыскать подходящую работу.

Глава 3

Два блокнотных листа с официальным штемпелем «Управление Делами Председателя ВЧК и Главкома труда» белели на столе.

«Дорогой Вячеслав Рудольфович!..»

Менжинский возвратился к столу и стал перечитывать письмо Дзержинского.

«Я чувствую, что с моим долгим пребыванием в Харькове между вами (ос. отделом) и Президиумом ВЧК пробегает все более черная кошка. Этому необходимо противодействовать в интересах дела...»

Изнуренное душной жарой пебо наваливалось на город, лишало воздуха. Он густел, становился вязким. Трудно было дышать.

Вячеслав Рудольфович расстегнул пуговицу на воротнике сорочки и ослабил узел галстука.

Не то думал он прочитать в письме, которого ожидал с таким нетерпением.

В памяти с отчетливостью ленты кинематографа встало недавнее заседание Президиума ВЧК.

— Я полностью принимаю упреки и критику в адрес Особого отдела. Да, мы несем ответственность за пожар на Хорошевских складах, за взрыв моста через Плиссу и за Вяземскую базу. Все это очень тяжело...

Вячеслав Рудольфович на мгновение замолчал и оглядел членов Президиума, собравшихся на очередное заседание.

Артузов, усевшись по обыкновению в углу рядом с массивным сейфом, смотрел привычно невозмутимыми глазами. Суховатый, коротко стриженный Бокий торопливо писал в блокноте. Аванесов вполголоса переговаривался с Петерсом.

Председательствовал на заседании Ксенофонтов. Феликс Эдмундович по решению Центрального Комитета еще весной был направлен начальником тыла Юго-Западного фронта.

— Ошибки мы будем исправлять,— продолжал Вячеслав Рудольфович.— Но есть другая сторона вопроса. Новые условия деятельности ВЧК, о которых говорил Владимир Ильич, требуют изменения методов нашей работы.

— Против этого никто не возражает,— кинул реплику Аванесов.

— Но логика требует продолжить эту мысль, Варлаам Александрович. Изменение методов работы в свою очередь определяет совершенствование организационных форм.

— ВЧК реорганизовать?

— Я говорю только об особых отделах. У нас есть особые отделы фронтов, армий, дивизий, бригад, укрепленных районов, флотов и флотилий. Но там, где территориально нет воинских соединений, нет и особых отделов. Образуется прореха, которую используют шпионы и диверсанты.

— Погоди, товарищ Менжинский,— перебил председательствующий.— С таким выводом я не могу согласиться. У нас есть губернские чека, и в их задачи входит борьба со шпионажем и диверсиями.

— Правильно, Иван Ксенофонтович. Но у губернских чека помимо этого забот сверх головы, и особоотдельские задачи растворяются в массе дел, тогда как они должны быть сейчас первоочередными.

— Вопрос транспорта самый первоочередной.

— Правильно! Потому и созданы специализированные Транспортные ЧК с их органами на местах. Это как раз и подтверждает мою мысль. Я считаю необходимым создание окружных особых отделов на местах.

— Категорически возражаю! — громко сказал Аванесов.— Этак мы ВЧК по частям растащим. Вы окружные отделы просите создать, Артур Христианович потребует организационной обособленности для своих оперативников, Глеб Иванович тоже собственные вопросы попросит выделить в отдельный департамент.

— Не попрошу, Варлаам Александрович,— откликнулся Бокий.— Считаю, распылять силы ВЧК не имеем права, кулаком бить крепче.

— Прошу соблюдать порядок, товарищи,— вмешался Ксенофонтов.— Дайте Вячеславу Рудольфовичу закончить выступление.

— Видимо, товарищи, я не очень четко выразил свою мысль. Я не имел в виду ослабление работы ВЧК. Я имел в виду необходимость усиления борьбы со шпионажем и диверсиями не только на фронте и в прифронтовой полосе, но в каждом уголке республики. И прошу не приписывать мне в качестве контрдоводов то, что я не говорил. Если Артузов или Бокий будут настаивать на организационном обособлении, я стану возражать. Но особые отделы имеют бо́льшую специфику работы. Не случайно наряду с ВЧК они подчиняются Реввоенсовету республики, а особые отделы фронтов и армий — соответственно одному из членов Реввоенсовета. Особому отделу ВЧК принадлежит только общее руководство и контроль. Окружные же особые отделы явятся органами непосредственно и полностью подчиненными нам.

— А в этом есть, пожалуй, резон,— задумчиво сказал Петерс.— От двойного подчинения иной раз получается бестолковщина.

— Сложную задачу вы поставили, Вячеслав Рудольфович,— заговорил Ксенофонтов.— Можно, конечно, дебаты развернуть, но, мне кажется, члены Президиума и без прений высказали свое отношение к предложению.

— Прокатим Менжинского, если голосовать придется,— сказал Аванесов.— Извини, Вячеслав Рудольфович, но тут ты не в ту сторону загибаешь.

— Я тоже так полагаю,— поддержал Аванесова Ксенофонтов.— Не убедил ты нас, Вячеслав Рудольфович.

— И все-таки я настаиваю, това́рищи члены Президиума.

— Гвардия умирает, но не сдается,— с улыбкой сказал Артузов.— Я, товарищи, думаю, что сегодня мы это не решим. У меня есть предложение передать вопрос на рассмотрение Феликса Эдмундовича. Я полагаю, что Вячеслав Рудольфович возражать не будет.

— Против такого предложения я возражать не буду... В дипломаты бы вам идти, Артур Христианович. Такой талант пропадает... Древние говорили: отложено — не значит отменено.

«Если бы необходимость существования ЧК сознавалась партией и рабочими так же, как необходимость, скажем, органов снабжения,— тогда можно было бы позволить... роскошь расчленения одного целого — ВЧК — на ведомственные органы...»

Вячеслав Рудольфович возразил строчкам письма. Он же не думал так! Он же ставил вопрос об усилении Особого отдела путем совершенствования организационных форм. На заседании Президиума он по этому вопросу четко и определенно ответил на реплику Аванесова.

Он же и в мыслях такого не держал.

Формально не держал, а по существу к такому решению хотел склонить Президиум...

Феликс Эдмундович не форму, а суть дела ухватил...

Пальцы перевернули густо исписанный листок.

«Вячеслав Рудольфович, Вы должны стать патриотом ВЧК — как единого боевого органа и не проводить линии ослабления, а принять самому участие в укреплении ВЧК и ее органов и тогда, где это понадобится в данный момент...»

Вячеслав Рудольфович распахнул окно. Дышать стало легче. Мысли понемногу выстраивались логической чередой.

Ведь обижаться-то, если разобраться, было не на что. Феликс Эдмундович никогда не позволял себе мелочных упреков. Он не соглашался с предложением заместителя по вопросу реорганизации особых отделов, доказательно и прямо писал об этом.

Или тебе еще галантное расшаркивание нужно, товарищ Менжинский?

Собственные ошибки надо уметь признавать. Конечно, дело это невкусное. Так ведь сам виноват, что Феликсу Эдмундовичу приходится такие горькие пилюльки заместителю прописывать.

«...Не нужны окружные особые отделы — как правило, органы борьбы с контрреволюцией и шпионажем должны быть едины — наши отделы это дополняющие друг друга части...»

Логика, четкость формулировок убеждали, заставляли искать уже не ошибку, а истоки ее.

И Феликс Эдмундович, словно на расстоянии ощущая это, подсказывал.

«...Тов. Лацис приходил к шпионажу, исходя из гражданской контрреволюции. Вы приходили к Нац. центру, исходя из шпионажа...»

Только исходя из шпионажа! Вот в чем суть ошибки. Узость мышления, оценка обстановки с высоты колоколенки Особого отдела. Опасно терять масштаб и перспективу, замыкаться в ведомственные рамочки. В семнадцатом году, помнится, ты втайне надеялся, что банковские чинуши реально оценят обстановку и воспримут твои доводы. Потом сообразил, что нужны не слова, не бумажное копание, а правильно намеченный план действий и последовательное его исполнение.

В семнадцатом у тебя было мало опыта. А сейчас почему ты начинаешь вязнуть в мелочах и терять ощущение перспективы?

Опыт теперь есть. Практика революции заставила пройти суровую и мудрую школу. В чем же сейчас причина твоей ошибки?

Вячеслав Рудольфович всегда старался добраться до сути явлений и фактов, до глубинного корня собственных поступков и мыслей. И то, что ясный ответ на вопрос сейчас не приходил, тревожило его.

Не начал ли он ставить превыше всего собственное дело, оценивать все вокруг с точки зрения Особого отдела и подменять общие интересы интересами ведомственными?

Опасна такая подмена. Особенно, если она возникает у человека, наделенного властью.

«Нет! — решительно и убежденно ответил себе Вячеслав Рудольфович.— Только не это... Этого нет!»

Мысль принесла облегчение.

«...Жму руку. Ваш Дз.»

И я жму руку, Феликс Эдмундович. Спасибо за урок.

Деловито пробежав глазами по знакомым строчкам, Вячеслав Рудольфович бережно сложил листки письма.

Предложение об организации окружных особых отделов являлось ошибкой.

Но в другом Вячеслав Рудольфович не ошибался — особые отделы надо было срочно укреплять кадрами, знающими специфику разведывательной и контрразведывательной работы, очищать от случайных, примазавшихся в сумятице гражданской войны людей и коренным образом пересматривать стиль работы.

Главная задача состояла не только в том, чтобы разоблачать заговоры, шпионаж и обнаруживать подпольные контрреволюционные группировки.

Важнее было предупреждать создание заговоров, исключать умной и широкой профилактикой возможность шпионажа.

Польские диверсанты нанесли несколько чувствительных ударов. Но эти удары были бы много сильнее, если бы Особый отдел не провел весной серию контрразведывательных мероприятий, не послал через фронт надежных людей, которые внедрились в логово белополяков, стали глазами чека на переднем крае борьбы.

Надо заранее, по тщательно разработанным оперативным планам проводить встречные чекистские операции, начинать с противником «игры», активно выявлять его силы, систему связей и каналы передачи информации. Нацеливаться на разгром вражеских организаций в целом, проводить работу по их разложению изнутри, парализовывать их всеми возможными способами.

Вячеслав Рудольфович подошел к карте, испещренной условными значками. Кольцо фронтов девятнадцатого, труднейшего года было уже значительно раздвинуто. Но враги еще оставались на Дальнем Востоке, в Туркестане, в Крыму, на Кавказе. Попрежнему грозно нависала опасность с запада, со стороны Польши.

За Польшей лежала Германия, придавленная капитуляцией, задыхающаяся от голода и безработицы. Торжествующая, упивающаяся лаврами Версальского договора Франция, туманный Альбион... Антанта. Сотни пышущих злобой эмигрантских гнезд, беглые российские тузы, у которых уплыл из рук жирный кус. Политики, банкиры, враги всех мастей,

объединенные ненавистью к Советам. Теперь, когда вооруженная интервенция и белогвардейские походы явно потерпели неудачу, они пойдут на все.

— Что же ты о другой части письма умалчиваешь, Вячеслав Рудольфович? — спросил вскоре после заседания Ксенофонтов.— Тут же Феликсом Эдмундовичем целая программа изложена. Поважнее, чем вопрос об окружных особых отделах... Необходимость реорганизации Президиума ВЧК... Феликс Эдмундович ничего из внимания не упустит. Ошибки поправит, но и дельным мыслям не даст пропасть без пользы.

— Жаль, что он в отъезде. Обещает через полторы-две недели в Москву возвратиться, Иван Ксенофонтович.

— Хорошо. Много у нас вопросов накопилось. Насчет Президиума тоже надо к приезду Феликса Эдмундовича все как следует обдумать. Тут возникнет масса сложностей. Суть ведь не только в том, чтобы Президиум ВЧК переименовать в Коллегию.

— Безусловно. Главное — улучшение работы ВЧК по всем направлениям. В этой связи я считаю необходимым подготовить вопрос о расширении чекистской работы непосредственно в белоэмигрантских гнездах за рубежом. Необходимо более активно заниматься этими гнойниками.

— Тут я с тобой согласен... Ладно, забирай Решетова. Жалко отдавать, но перерос он шифровальный отдел и помощников хороших подготовил...

— Разрешите, Вячеслав Рудольфович?

Решетов, как и два года назад, был тощим и угло-

ватым. Из воротника стираной гимнастерки торчала сухая шея, на лице выпирали скулы, а хрящеватый нос, казалось, стал еще длиннее.

«Да, на чекистском пайке жирком не обрастешь»,— подумал Вячеслав Рудольфович и приглашающе показал рукой на стул.

— Садитесь, пожалуйста, Виктор Анатольевич... Приношу извинения, но я должен срочно разобраться с одной докладной запиской... Полюбопытствуйте пока. Французский не забыли?

Из стопы английских, французских и немецких газет, с просмотра которых начинал Вячеслав Рудольфович рабочий день, он вытащил парижскую газету. На ее полосе красовалась отчеркнутая красным карандашом заметка.

Менжинский нарочито медленно читал докладную записку, не выпуская Решетова из поля зрения.

«Спокойный парень»,— довольно подумал он, неприметно всматриваясь в лицо чекиста, и отложил в сторону бумагу.

— Ну вот, а теперь давайте побеседуем, Виктор Анатольевич. Что вы насчет статейки думаете?

— Наверняка что-то затевают, Вячеслав Рудольфович.

— В принципе правильно. Но еще важнее нам знать, по какому конкретному поводу состоялось пышное заседание Российского торгово-промышленного и финансового союза. Там ведь собрались деловые люди. По пустякам Торгпром заседать не будет...

Вот уже с полгода в заграничных газетах все чаще и чаще появлялись сообщения о деятельности Торгпрома, основанного, как извещалось в официально зарегистрированном уставе, «для представительства ин-

тересов российской промышленности, торговли и фи-

нансов за границей, а равно для разработки и осуществления мер по восстановлению хозяйственной жизни в России».

Господа беглые промышленники, оптовики и финансисты упорно не хотели оставить своими заботами русскую землю. Да и как было оставить, когда на ней находились принадлежащие уважаемым членам Торгпрома фабрики, заводы, нефтяные промыслы, рудники и шахты, которые беззастенчиво использовали большевики, забывая переводить на счета уважаемых владельцев законные дивиденды.

— Обязаны мы знать об их намерениях, Виктор Анатольевич.

— Как же узнаешь? Они же, Вячеслав Рудольфович, не на Петровке заседают... В Париже совещаются, на Плас Пале Бурбон.

— В Париж тоже ведут дороги. Кое-кому и на Петровку далеко,— улыбнулся Вячеслав Рудольфович.— А Плас Пале Бурбон в пределах досягаемости. Как говорят, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

Решетов на мгновение прикрыл глаза, чтобы спрятать неуместно торопливое любопытство, и медленно отодвинул от себя газету.

— Дело сложное, Виктор Анатольевич. В белой эмиграции весьма непростая обстановка. Кроме Торгпрома там орудуют и отпетые авантюристы и политические проходимцы вроде Бориса Савинкова, офицерские организации, монархисты во главе с великими князьями, претендующими на российский престол. Но есть в эмиграции и люди, которых закружило вихрем гражданской войны. Они толком и сообразить не успели, а их уже забросило на европейские задворки, и не знают они теперь, как им оттуда выбраться. Мы должны не только разведать

планы враждебных эмигрантских организаций, но и откалывать от них тех, кто очутился за границей по стечению обстоятельств и собственному недомыслию.

— Понимаю, Вячеслав Рудольфович... Выходит, во Францию надо ехать?

— Разговор у нас, Виктор Анатольевич, пока предварительный. Окончательно будете решать вы сами. Работать придется в своеобразных условиях.

— Ясно... За советом в партячейку не побежишь, и начальства под рукой тоже не будет,— откликнулся Решетов.— Надумал я заявление подавать, чтобы на учебу отпустили. Всего год нужно, чтобы университет дотянуть... Выходит, повременить придется. Раз надо, я согласен, Вячеслав Рудольфович.

Решетов, похоже, умел хладнокровно и трезво оценивать обстановку. Это понравилось Вячеславу Рудольфовичу. Суетливых людей он не любил. Не нравились ему и те, кто говорил трескучими, расхожими лозунгами и заверял, что готов ради революции жизнь отдать. Вячеслав Рудольфович был убежден, что эти-то говоруны чаще всего и проваливали дело.

— Человек предполагает, а жизнь располагает,— заговорил Решетов.— Студентом, помню, я мечтал во Франции побывать. Моя мать ведь уроженка Прованса. В Россию приехала на гувернантские хлеба к просвещенному купцу первой гильдии господину Ломбергу. В его доме и с отцом познакомилась — он студентом наставлял купеческого отпрыска по математике. После окончания университета отец уехал в Сибирь на строительство железной дороги. А там, сами знаете,— климат не для уроженки города Арля. У мамы началась скоротечная чахотка... Очень хо-

телось ей перед смертью родину повидать. Не довелось... Мне в заграничном паспорте за вольнодумство отказали. Удалось поступить во французскую фирму.

— Знаю, Виктор Анатольевич... «Вало и сын», Вильненский филиал. И долго работали?

— Почти год... Был техническим консультантом.

— Весьма существенное обстоятельство. Торгпром начал поиски людей... Вы понимаете, что люди им потребовались не для развития коммерческой деятельности. Наши товарищи за кордоном занимаются этим вопросом, но им нужна помощь. Работать придется на переднем крае, и успех будет определяться тем, насколько вы будете сообразительны и внимательны. Навык чекистской работы у вас имеется.

— Ясно, Вячеслав Рудольфович.

— Все ясно, когда сидишь здесь, на Лубянке, в кабинете. За границей у вас возникнет много неясного, и подсказать, как вы правильно заметили, будет некому. И конечно, предельная осторожность.

— Задание обязан выполнить, Вячеслав Рудольфович. И в плане личном заинтересован. Дочка у меня месяц назад родилась. Оставлять сиротой не хочу.

— Покорнейше буду о том просить, Виктор Анатольевич. И еще запомните, что разведчик кончается тогда, когда он начинает стрелять и по крышам удирать от полицейских. Я ведь нелегальной работой добрых полдесятка лет занимался. Главное — строжайшая конспирация и умение оценивать обстановку. Ум должен быть главным орудием разведчика... Я прошу вас тщательно обдумать наш сегодняшний разговор. Потом мы уже будем его конкретизировать во всех деталях.

— Письмо товарища Горького,— доложил Нифонтов.— Опять Алексей Максимович ходатайствует.

«Вячеслав Рудольфович!

В Ивановском лагере сидит Надежда Аносова, 41 года, жена генерала, осуждена на пять лет. Ее муж и трое сыновей расстреляны...»

— За что? — оторвавшись от чтения, спросил Вячеслав Рудольфович.

— Вот справка... Генерал Аносов передавал шпионские сведения Деникину. Старший сын, капитан, командовал карательным отрядом на Орловщине, средний служил в контрразведке, а самый младший, Юрий, юнкер бывшего Павловского училища, был связным у мятежников «Красной горки»...

— Активная семейка... «Остались две девочки — десять и двенадцать лет. Их положение отчаянно...» — опять дети! На них тяжелее всех ложится груз ошибок взрослых! — «Не окажется ли возможным выпустить мать?..»

— Она покрывала младшего сына, Вячеслав Рудольфович...

— А что остается матери, как не покрывать сыновей, Павел Иванович!

— Контрики же они, враги!

— Мать остается матерью, чтобы там ни говорилось.

«...Это спасло бы девочек от проституции или голодной смерти... Не сомневаюсь, дорогой Вячеслав Рудольфович, что читать такие письма Вам тяжело. Но — и писать их — не легко. Думаю, что во всех тех случаях, когда мы можем предотвратить еще одну лишнюю драму — нам следует делать это. Крепко жму Вашу руку. А. Пешков».

— Немедленно пошлите в Петроградскую чека для ответа,— сказал Вячеслав Рудольфович.— Пусть

товарищи хорошенько разберутся... Возьмите на контроль и обязательно информируйте меня о результатах. Горький абсолютно прав: если можно предотвратить лишнюю драму, мы обязаны сделать это. И не только по просьбе писателей и ученых, а прежде всего по собственной инициативе.

В июне был освобожден Киев, и вскоре началось наступление в Белоруссии.

Фронт белополяков был прорван на многих участках. В прорывы устремились эскадроны буденновских конников и красноармейские полки.

Польские легионы ударились в паническое бегство. Советские войска вступили на территорию Польши и стали стремительно продвигаться вперед. Фронт приблизился к Варшаве. Тылы не поспевали за движением боевых частей.

Феликс Эдмундович возвратился с Украины усталый, возбужденный и озабоченный.

— Времени катастрофически не хватает,— признался он Вячеславу Рудольфовичу при очередной встрече.— Масса дел, а я через две недели должен выехать на Западный фронт в составе Польбюро... Рад, что вы согласовали с Ксенофонтовым все расхождения по вопросу работы особых отделов. Надо повышать личную ответственность руководителя. Но не за счет разбухания аппарата.

— Теперь мне ясно, Феликс Эдмундович.

— В этом направлении нам поможет преобразование Президиума в Коллегию ВЧК. Коллегия будет заниматься только общими принципиальными вопросами, касающимися всех отделов ВЧК. Текущие дела должны решаться непосредственно заведующими отделов и их заместителями. Предложение в отноше-

нии Решетова одобряю. Но единичные решения здесь не подходят.

Феликс Эдмундович порывисто встал, подошел к карте и положил на расчерченное бумажное полотно руку с длинными, чуткими пальцами.

— Полагаю, что основной наш фронт, Вячеслав Рудольфович, скоро переместится вот сюда.

Рука подвинулась влево и застыла там, где сетка параллелей и меридианов разлиновывала на квадраты Западную Европу.

— Я, конечно, имею в виду не военный аспект. С интервенцией в основном покончено. Сражения скоро будут вестись за дипломатическими столами. Кроме де-факто Советская республика должна утвердить себя и де-юре. Нашим товарищам, видимо, придется сменить шинели на дипломатические фраки. Вот тут-то белая эмиграция и постарается не упустить возможности напакостить.

— Разрешите, Феликс Эдмундович,— раздался у двери голос секретаря ВЧК Герсона.— Срочный пакет.

— Отлично... Кажется, в самый раз его доставили.

Дзержинский сломал сургучные печати и вынул лист бумаги с коротким текстом. Прочитал, улыбнулся и подал Менжинскому.

— Собственно говоря, бумага больше вас касается, дорогой Вячеслав Рудольфович.

Это было решение ЦК РКП(б) и правительства о назначении Менжинского председателем Особого отдела ВЧК и членом Коллегии.

— Примите мои поздравления. Думаю, что улучшению работы это будет способствовать больше, чем создание окружных особых отделов.

«...Жму вашу руку...» — вспомнилась строчка письма.

Перед отъездом на Западный фронт Феликс Эдмундович сделал еще одно распоряжение Ксенофонтову:

«Для связи с ЦК по политическим вопросам предлагаю.., назначить т. Менжинского как постоянного представителя ВЧК, не лишая, конечно, права членов Коллегии ВЧК непосредственно обращаться и сноситься с ЦК по частным вопросам,— конечно, о Вашего ведома. Тов. Менжинскому предлагаю тоже поручить делать в ЦК систематические доклады о важнейших делах, имеющих политическое, экономическое и партийное значение...»

В июле Врангель начал новое наступление из Крыма. Снова пришлось драться на два фронта. Белополякам удалось остановить наступление Красной Армии на Висле и принудить к отходу наши оторванные от баз снабжения и поредевшие в непрерывных боях части. Но сил у Пилсудского оставалось мало, и Польша предложила начать мирные переговоры.

Можно было готовиться к решающему удару по Врангелю.

Председатель Особого отдела ВЧК выехал в начале октября на Украину для руководства борьбой с националистическим подпольем, которое оживилось с продвижением врангелевских войск, а также для организации разведывательной работы в тылу «Черного барона».

Станционные здания таращились провалами выбитых окон. На исклеванных пулями и осколками

степах чернели горелые подпалины. С покосившихся столбов свисали обрывки проводов. Их раскачивали унылые осенние ветры, катившие над голой, безлюдной степью. В тупиках ржавели паровозы, а возле искореженного полотна валялись вверх колесами ободранные до последней щепки остовы вагонов.

Под Мелитополем ночную темноту продырявили сполохи выстрелов и по вагонам зацокали пули.

Пулеметными очередями охрана отогнала бандитов в степь, где по вечерам небо кровянело заревами пожаров, где вдали от дорог хоронились богатые хутора, дававшие бандам приют и пищу.

Почти сутки пришлось стоять на полустанке, пока ремонтная бригада дочинила мост через степную речушку и наладила выходную стрелку.

Наконец вагон председателя Особого отдела остановился на запасном пути в степном городке, где размещался Особый отдел Южного фронта.

Здесь Менжинского ждало сообщение, что в Риге подписан «Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира» с Польшей.

— Расколошматил Нифонтов бандочку Усача, Вячеслав Рудольфович,— оживленно сообщил Сыроежкин.— Ребята по эскадрону хвастались. Засаду в балке устроили с пулеметами и туда загнали бандитов. Половина сдалась в плен.

— Где Павел Иванович?

— У себя в купе сидит. Сумрачный он сегодня... Похоже, что-то у него стряслось.

— Вот так я и разыскал своего Федюшку, Вячеслав Рудольфович, — сказал Нифонтов, показав

 сломанный финский нож с ручкой из «рыбьего зуба»,

на которой был вырезан остромордый белый медведь, стоящий на задних лапах.— По этой вещице.

Слова тяжело падали в тишине сумеречного купе. В глазах Нифонтова была неизбывная боль.

На одинокую степную бахчу Нифонтов завернул, чтобы спросить, в каком направлении ушла банда Усача.

— С утречка тянулись верхами вон к тому угору, человек с полсотни,— ответил старик, кроливший на доске самосад обломком ножа.— А кто такие, не разумею...

Нифонтов уже не слушал деда-бахчевика. Он смотрел на обломок ножа и никак не мог сообразить, откуда взялся здесь нож, ручку которого он смастерил из моржового клыка и самолично вырезал на ней медведя, стоящего на угловатом торосе.

Болью полоснула догадка. Наверное он закричал, потому что дед-бахчевик испуганно вздрогнул.

— От хлопчика остался... Весной прибился до меня хворый хлопчик. Бездомна дитына... Помаялся недели три, да и отдал богу душу. Тифом он болел...

— А фамилия как? Как фамилия, говорил он?

— Говорил... Нифонтов его фамилия, а звали Федором. Сказывал, что от беляков убег из Архангельского города. Та шо вы так пытаете?

Старик растерянно потеребил полу драной рубахи и сообразил вдруг, почему командир красного отряда расспрашивает о безродном хлопчике.

— Уж не доводится ли он вам кем, товарищ начальник?

— Сын он мне,— сказал Нифонтов и, враз обессилев, опустился на приступок крыльца.— Сын... Три года ищу...

Потом старик показал Павлу Ивановичу небольшой холмик на краю бахчи.

— Вот здесь я его упокоил... Чуть живой он ко мне приполз. На станции его мешочники, сказывал, побили, а тут еще тиф... Горе какое по земле ходит. Сколько лет беда беду погоняет...

Подскакавший вестовой доложил Нифонтову, что банда обнаружена и в балочке уже устроили засаду.

— Сейчас... Сейчас поедем,— ответил Павел Иванович, не имея сил отвести глаз от бурого холмика сыпучей земли, под которым лежал его сын. Федюшка...

— Сказали, чтобы скорее, товарищ командир,— напомнил за спиной голос вестового.

Павел Иванович прижал к себе тщедушного деда-бахчевика. Уколовшись о жесткую щетину, поцеловал человека, давшего сыну последний приют.

— Спасибо вам. Вот... Возьмите вот...

Пошарив по карманам, Нифонтов ощутил круглую луковицу карманных часов.

— Возьмите... Приеду сюда. Как только будет время, сразу и приеду.

Вестовой нетерпеливо крутился на коне. Павел Иванович схватил обломок ножа и вскочил в седло.

В балке он сам лег за пулемет.

Вячеслав Рудольфович молчал. Он знал, что слова в такие минуты помогают мало. Он тронул Нифонтова за локоть. В бережном прикосновении были утешение, поддержка, сочувствие.

Павел Иванович поднял голову и взглянул на Менжинского сухими, блестящими, измученными глазами. В глубине их скользнуло выражение благодарности.

Вячеслав Рудольфович почувствовал, что в это мгновение они с Нифонтовым стали еще ближе друг к другу, и печально подумал, что горе сближает людей. В этом, вероятно, его единственное достоинство.

Павел Иванович глубоко вздохнул и поправил ремень с коробкой маузера.

— Слушаю вас, Вячеслав Рудольфович... Вы же по делу ко мне зашли, а я вот... Личное, одним словом.

— Не личное это, Павел Иванович. Наше это общее горе... Я иной раз думаю о тех временах, когда пушки и винтовки будут выставлять в музеях, как сейчас выставляют орудия средневековых пыток, и люди будут удивляться, что такая жестокость, как война, была возможна...

— Когда еще такое время придет, Вячеслав Рудольфович? — тоскливо спросил Нифонтов.— Когда?

Вячеслав Рудольфович возвратился к себе, так и не сказав комиссару по особым поручениям Нифонтову, что завтра ночью ему нужно идти во врангелевский тыл.

Глава 4

— Мы должны определить деятельность Торгпрома в новых условиях,— сухо говорил Густав Нобель.— Из России приходят обнадеживающие известия. В Поволжье голод, господа. Нансен заявил, что десяткам миллионов голодающих угрожает смерть... На московских рынках фунт муки стоит тысячу рублей, фунт соли — обыкновенной соли! — тысячу двести рублей. Нэп не принес большевикам существенного облегчения. Сейчас трудно представить, в каком направлении он будет развиваться...

— Позвольте,— перебил Нобеля бритоголовый, с тяжелой челюстью Третьяков, один из заправил Торг-

прома.— Большевики же громогласно заявляют о концессиях.

Палец Третьякова с крупным перстнем ткнулся в газету, которая лежала рядом.

— Вот что пишут... «Российское правительство готово сделать ряд существенных и значительных уступок...»

— К сожалению, мы уже не раз ошибались, господин Третьяков,— возразил Нобель беглому колчаковскому министру.— Если бы вы с адмиралом в свое время правильно оценили, что значит переход большевиков от продразверстки к продналогу, мы, может быть, сейчас заседали по крайней мере в Хабаровске. Сейчас большевики приложат все усилия, чтобы заставить Европу и Америку признать себя, разомкнуть кольцо торговой и финансовой блокады... Этого мы не должны допустить. Первейшей задачей в нынешних условиях является противодействие дипломатическим усилиям красных комиссаров... Они активно готовятся к тому, чтобы принять участие в Генуэзской конференции...

— Рэзать! — гулко выкрикнул бровастый, налитый нездоровым жиром нефтепромышленник Гукасов.— Рэзать надо! Комиссаров, большевиков... Всех рэзать!

— Позвольте, господа,— встал Лианозов, одетый по последней моде в светлую фланель, поправил изящный галстук-бабочку и повернулся к побагровевшему нефтепромышленнику.— Торгпром, к сожалению, не может принять к практическому осуществлению ваши искренние чувства, господин Гукасов.

— Хотелось бы услышать более конкретные предложения...— поддержал Нобель.

— Можно и конкретно... Чичерин, большевист-
 ский комиссар по иностранным делам, наверняка вы-

едет в Геную... В газетах пишут, будто сам Ленин хочет войти в состав делегации. Но в такую удачу трудно верить. Поэтому реально нужно думать о Чичерине. Вот узелок, который мы должны разрубить, и тогда остальное распадется само собой. В России мы Чичерина не достанем, но ведь советская делегация поедет в Геную через дружественные нам страны.

— Через Германию, господин Лианозов,— уточнил князь Белосельский-Белозерский.— Представляете, какой может быть эффект, если именно там произойдут непредвиденные случайности?!

— Разумное суждение, князь,— важно сказал председательствующий.— Однако вряд ли нужно сейчас входить в такие подробности. Полагаю, что все конкретные аспекты дела могут быть решены в особом порядке. Мне приятно отметить, что мои мысли встретили единодушную поддержку собравшихся... Чичерин будет только первым эпизодом. Наша задача создать немыслимые условия любому комиссару, который появится в Европе с дипломатической или любой другой миссией. Поскольку такая деятельность будет носить несколько специфический характер, я предлагаю создать секретную ячейку нашего Совета, которая решала бы все необходимые практические вопросы.

— Рэзать! — снова выкрикнул Гукасов.

Нобель досадливо поморщился. Выкрики нефтепромышленника невольно раскрывали суть того, что старался за обтекаемыми словами скрыть председатель.

— Эти действия потребуют специальных затрат. Полагаю, что в связи с важностью задач нами должен быть создан особый фонд. Более подробно об этом доложит господин Сакони.

Бывшие клиенты Государственного банка России не забыли услуг товарища управляющего. Когда в девятнадцатом году он прибыл в Париж с несколькими франками в кармане, его пристроили на службу в Торгпром, определив солидное жалованье и поручив обязанности то ли доверенного секретаря, то ли представителя по особым делам.

Леонид Юлианович раскрыл папку и достал смету будущих расходов. Строчки бухгалтерских статей предусматривали все, вплоть до оплаты повышенных чаевых гостиничной прислуге и необходимых подношений низшим полицейским чинам.

— Пока это предварительная наметка,— скромно добавил Сакони, стараясь не привлекать внимания собравшихся к тому, что итоговая цифра в смете была выведена расплывчато: полтора-два миллиона франков.

.

У комиссара Климова было обветренное до черноты, прокаленное солнцем лицо. Наверное он и сам не мог сосчитать те километры, которые одолел пешком, на тряских двуколках, на лодках, на лошадях и прополз на животе. Левая рука Климова висела на косынке, упакованная в толстый кокон бинтов, и на гимнастерке была заштопанная неловкими мужскими стежками дырка, оставленная выстрелом, грохнувшим из-за кордона, когда комиссар обходил участок границы на Карельском перешейке.

— Приказ Особого отдела на местах строго выполняется,— суховато докладывал Климов, возвратившийся из инспекционной поездки по границе.— Везде тщательно обследована пограничная полоса. Созданы участковые отделения по охране и заградительные посты...

Вячеслав Рудольфович слушал Климова и ждал, когда он начнет говорить главное.

Предложение ВЧК по усилению охраны границ было принято правительством. Охрана границ Советской республики была возложена на Особый отдел.

В связи с этим Председатель Особого отдела издал соответствующий приказ, разработал детальные инструкции. На бумаге все получалось гладко. Для фактического же обследования положения дел по охране границ выехали ответственные сотрудники ВЧК, один из которых сейчас и докладывал Менжинскому о проведенной им инспекции.

— С точки зрения организационной, новая структура охраны государственной границы не вызывает на местах возражений. Там хорошо понимают и главную задачу — политическую охрану советской границы.

— Это подлежит нашей особой заботе, товарищ Климов. Для враждебной пропаганды наша граница должна быть закрыта накрепко... И, конечно, остается борьба с экономической контрабандой и бандитизмом.

— Теоретически это понятно, Вячеслав Рудольфович,— согласился Климов, и на переносице его возникла упругая складка.— Фактически же положение с организацией охраны границы очень тяжелое. Людей на заставах не хватает, пополнение поступает разношерстное, необученное, политически слабо подготовленное и малограмотное.

— Как с оружием?

— Еще хуже, чем с людьми. Вот копия рапорта командира одного из пограничных отделений. На тридцать человек имеются винтовки пяти систем. Наши трехлинейки, германские, японские арисака, фран-

цузские Лебеля и английские Ли-Метфорд. Попробуй такой винегрет обеспечить боеприпасами. Кроме винтовок у них есть еще старый, совершенно изношенный пулемет системы Льюиса. Диск выпустят — и три дня чинят.

— Хорошо, что чинить умеют.

— Золотой народ, Вячеслав Рудольфович. Прямо надо сказать — золотой,— добавил Климов, сбившись с официального тона.

— Да, это наша главная сила. Как обстоят дела с питанием и обмундированием?

— Неважно, Вячеслав Рудольфович,— снова нахмурился Климов.— Вот еще один рапорт прихватил. Половина заставы не может нести службу... «Босость личного состава»,— так докладывает командир. В лаптях ходят, чуни из кожи мастерят. И чуть не каждый день в боях. В районе Идрицы при мне был налет банды на пограничную заставу. Командир заставы и двое красноармейцев погибли, шестеро ранены. Бандиты потеряли тринадцать человек. На восьмом участке под Нарвой банда численностью до сорока сабель пыталась прорваться за кордон. Восемнадцать человек уложили. Остальные рассеялись по округе, их вылавливают.

— Наши потери?

— Два красноармейца убиты и...— Климов замялся.— Жена командира заставы с двумя малолетками. Девочке три года, а мальчонка еще грудной. Жила в деревне неподалеку от заставы. Кто-то из местных выдал бандитам. Изнасиловали, а потом керосин на стены — и живьем сожгли всех троих...

— Звери! Почему жила в деревне?

— Негде было на заставе. Они сами чуть не в сарае живут. Крыша как решето, ветер из угла в угол гуляет...

— Мы ведь обязаны обеспечить охрану семей, мы за это в ответе.

— Материальными вопросами надо срочно заниматься, товарищ Менжинский. Строить помещения для застав, создавать условия для несения службы. У пограничников ведь она особенная. Политическая охрана границ — дело непростое.

— Тут нужно быть не только умелым воином, но и бдительным чекистом. Женщина и дети были бы живы, если бы пограничники не только несли охрану границы, но и сумели разоблачить и обезвредить в своей округе замаскировавшихся врагов... Нашли, кто выдал банде семью командира? Какая жестокость!

— Ищут пограничники, но боюсь, что найти не сумеют. Там на хуторах кулачье, круговая порука. А потом — искать тоже надо уметь.

— Да, расследованием надо знать, как заниматься,— согласился Вячеслав Рудольфович и подумал, что кроме материального обеспечения пограничной охраны, на что особенно упирает в докладе комиссар Климов, необходимо безотлагательно налаживать подготовку людей для несения пограничной службы. Ставить вопрос об организации специальных курсов для командиров пограничных застав и отрядов. Хорошо, что на местах понимают главную задачу — политическую охрану границ. Но одного понимания мало. Пожалуй, курсами в таком деле не обойдешься. Нужно создавать школу пограничной охраны...

— И контрабанда, товарищ Менжинский... Тут тоже не все просто. Кроме барышей и темных махинаций контрабанду питает наша разруха. Люди обносились, оборвались, а в магазинах нельзя купить ни мыла, ни спичек, ни ситца. Голым ходить не будешь и без спичек тоже не проживешь. Вот и тянутся... Кто к контрабандистам, а кто понастырнее, тот

и к контрабанде. В некоторых районах только она обеспечивает население всем необходимым. В Орше накрыта целая организация. Работали со «сладким товаром»... На контрабандистскую терминологию уже начинаю сбиваться — столько насмотрелся и наслушался... «Сладкий товар» — это сахарин, «цветной» — анилиновые краски.

— Еще какие «товары» есть?

— «Твердый» — камешки для зажигалок, «горький» — кофе... Чулки хорошо идут, табак, соль. Золотишко на ту сторону переправляют... Притон в Орше был. Ночлег давали, подсказывали, как лучше войти в контакт с проводниками, расписание караулов тоже можно было узнать... Лазают контрабандисты за кордон. Главное, не всегда поймешь, где контрабандист, а где диверсант...

В блокноте Менжинского появлялись все новые и новые записи.

— Решетов весточку прислал! —с порога сказал Нифонтов.

Глаза мгновенно схватили суть шифровки.

— Уже в Париже! Какой молодчина! Литва, Финляндия, Швеция, а уж только оттуда во Францию добираться. Столько рогаток пройти, проверок... Как его семейство поживает?

— Недавно наведывались, Вячеслав Рудольфович. Жене работу подходящую нашли, дров подбросили полсажени. Продуктами помогли.

— Съездите еще раз, Павел Иванович... Успокойте, скажите, что Решетов пребывает в полном здравии и семейству привет передает... Какой молодчина, какой умница Виктор Анатольевич!

Вячеслав Рудольфович откинулся на спинку кресла, довольно потер руки и положил их ребром на

стол. Но глаза за стеклами пенсне тут же построжали.

— В шифровке Решетову обязательно подчеркните важность той части задания, которая относится к Генуэзской конференции. Похоже, что она станет главным направлением его работы.

Сакони, хорошо отдохнувший в удобном купе спального вагона, уже через час после приезда в Гельсингфорс встретился с представителем Торгпрома в Финляндии Сергеем Торнау. Когда они уединились за дальним столиком полупустого кафе, Торнау достал объемистый, тисненой кожи бумажник и вынул фотокарточку. На глянцевом, потускневшем от времени прямоугольнике было изображение человека с крутыми плечами. Прилизанные, блестящие от бриллиантина волосы, крохотные усы и мясистый нос. Глубоко посаженные глаза даже на фотографии тяжело и недоверчиво глядели из-под массивных надбровий.

— Эльвенгрен... Георгий Евгеньевич, штаб-ротмистр лейб-гвардии кирасирского полка. Имеет два «Георгия», стреляет превосходно.

Найти подходящих технических исполнителей для выполнения решения Совета оказалось не просто. Подозревать боевых русских офицеров в симпатиях к большевикам было глупо. Но время и невзгоды эмигрантского жития неумолимо делали свое дело. Как тяжкое похмелье, неотвратимо наступало прозрение. В ожесточенных схватках гражданской войны перегорели белые, жовтоблакитные, великодержавные и прочие подобные идеалы.

Опустошенность души лишала сил к сопротивлению, к активным действиям. Более того — заставляла

осознавать чудовищность и бессмысленность совершенных ошибок. Выученные горьким опытом господа офицеры уже не горели желанием вступать на священный путь борьбы с оружием в руках за возврат отобранных комиссарами у Густава Нобеля, Третьякова, братьев Гукасовых и иже с ними приисков, заводов, фабрик и нефтяных промыслов.

— Как материальное положение господина штаб-ротмистра?

— Видимо, кое-что ему удалось вывезти. Живет скромно, но безбедно. По кабакам не шляется. Комиссаров ненавидит. Писанину и лозунги не уважает. Предпочитает стрелять.

— Хорошо. Давайте завтра встретимся с Эльвенгреном,— решил Сакони.— Фотокарточку я оставлю у себя.

Встреча состоялась в маленьком ресторане неподалеку от морского порта.

— Наша организация считает необходимым активизировать борьбу с большевиками,— неспешно говорил Сакони, разглядывая штаб-ротмистра.— Моих доверителей волнует судьба нашей многострадальной родины, где грубо попраны свободы, закон и порядок, уничтожено священное право собственности...

— Не надо громких слов, господин Сакони,— не очень вежливо перебил Эльвенгрен.— Я не юнкер. Болтовня о родине, свободе и законах меня не волнует. Как, впрочем, и интересы ваших доверителей. Я буду драться за себя. Большевики отняли у меня родовое поместье, чека расстреляла отца. Переведем разговор на деловые рельсы. Какую организацию вы представляете и каковы ваши полномочия?

— Я имею достаточные полномочия от Густава Нобеля по делу, которое является предметом нашей встречи.

Эльвенгрен поглядел на Торнау. Сергей Павлович кивнул, подтверждая, что Сакони именно тот человек, за которого он себя выдает.

— Господа торговцы предпочитают не стрелять, а оплачивать стрельбу,— усмехнулся Эльвенгрен.— Это и безопаснее и чище... Я слушаю вас, Сакони.

— Реально оценивая обстановку, мы считаем, что в настоящее время эффективным способом борьбы с большевиками может быть организованный и всепроникающий террор.

— Да, именно террор. В настоящем, прошлом и будущем,— согласился Эльвенгрен, и взгляд его стал колючим.— Но для того, чтобы осуществлять террор, надо перейти в Совдепию.

— Зачем идти к большевикам, когда теперь они сами идут через границу?

— Вы имеете в виду газетные сообщения о приглашении комиссаров на Генуэзскую конференцию?

— В газетах много болтовни, дорогой Георгий Евгеньевич,— ответил Сакони, решив не открывать все карты.— Мы сейчас не будем определять конкретные объекты. Вопрос стоит шире, согласны ли вы сотрудничать в том аспекте борьбы с большевиками, о котором я вам сообщил?

— Я не знаю условий.

— На покрытие организационных расходов выделен специальный фонд. Ваша личная инициатива не будет ограничиваться.

— Понятно... Будем надеяться, что на сей раз господа предприниматели не поскупились... Зачем Торгпрому потребовалось искать людей в Гельсингфорсе? Во Франции имеются вполне подготовленные для та-

ких целей боевые группы. У генерала Кутепова, например...

— К сожалению, некоторые политические убеждения генерала Кутепова неприемлемы для моих доверителей.

— Понятно... Густав Нобель и компания не желают восстанавливать в России монархию. Они хотят сами быть самодержцами.

— Я полагаю, что подобные вопросы выходят за рамки разговора,— обиженным голосом ответил Сакони и поджал губы.

— В качестве обязательного условия своего согласия я прошу, чтобы мне была предоставлена возможность привлекать к операциям савинковских боевиков. Нельзя терять время. Оно, к сожалению, работает на большевиков.

— Пока у них голод, Эльвенгрен, они вынуждены ввести нэп,— протестующе воскликнул Торнау.

— Я полагаю, что в последнем утверждении господин Эльвенгрен полностью прав. Время работает на большевиков, и наивно возлагать надежды на нэп и на голод. К сожалению, Георгий Евгеньевич, я не уполномочен сейчас решить вопрос о привлечении людей Савинкова. Ваше мнение я передам Совету Торгпрома. Я убежден, что вы трезво учитываете сложившуюся обстановку.

Эльвенгрен дал согласие и через несколько дней уехал в Париж.

Глава 5

На небе незаметно собрались тучи и пролились холодным дождем. Из водосточных труб хлынули пенные потоки, вдоль бровок тротуаров покатила мутная вода, с шумом сливаясь в темные зевы канализации.

Дождь хлестал по жестяным, наспех намалеванным вывескам, которых с каждым месяцем становилось на улицах все больше и больше.

Артель «Заготовитель»... Что заготавливают здесь при теперешней разрухе?

Журнал «Пролетарий иглы». И портных потянуло на изящную словесность. Артузов недавно рассказывал, что в Москве за год открылось чуть ли не три сотни журналов и издательств. Что пишут, какие книги печатают, что внушают читателям?

Ага, а вот уже совсем другой сорт!

«Государственный углесиндикат»! Тут бы и не грех на вывеску не поскупиться. Хотя, впрочем, такому учреждению базарная реклама не нужна.

«Гомза» — государственное объединение машиностроительных заводов...

Что за глупая любовь к нелепым сокращениям? Коверкание русского языка. «Гомза, Промбронь, шкраб, госхозтело, опредвоенкомпрод...» Язык сломаешь, голова кругом пойдет, пока в такой тарабарщине разберешься. Хоть Луначарскому челобитную строчи...

Машину тряхнуло на ухабе, и в позвоночнике вспыхнула знакомая боль. Вячеслав Рудольфович осторожно пошевелился, стараясь расположиться так, чтобы не дать ей разлиться. Но последнее время все реже удавалось спастись этой наивной уловкой.

Вдобавок стала тревожить грудная жаба. Порой грудь перепоясывали невидимые обручи, и сердце то странно замирало, то начинало колотиться бешеными толчками.

— Пожалуйста, поезжайте чуть тише,— сказал Вячеслав Рудольфович водителю и подумал, что Милочка действительно права, беспокоясь о его здоровье.

Сестры перебрались в Москву. Теперь по вечерам иной раз удавалось выкроить часок и оказаться в маленькой сводчатой комнате «кавалерского» корпуса Кремля, удобно расположиться на просторном диване. И отдохнуть.

— Посмотри, на кого ты стал похож, Вячеслав,— выговаривала позавчера Людмила Рудольфовна. В серьезных разговорах она всегда называла брата полным именем. Но строгого вида у сестры не получалось. К ее глазам просто не шла напускная строгость, они выдавали ее. Огорчение, радость, боль или гнев отражались в них с такой откровенностью, что там, как в зеркале, можно было увидеть каждое движение ее порывистой и чуткой души.

— Тебе надо лечиться, Вячеслав. И немедленно. Вера тоже тебе об этом недавно говорила.

— Прошу тебя, Милочка, не будем так категорично решать вопросы. Я себя чувствую неплохо... Уверяю тебя, весьма неплохо. Иногда случается, прихватывает, но потом быстро отпускает... Теоретически рассуждая...

— «Быстро отпускает»!..

В глазах Милочки так отчетливо всплеснулось возмущение, что Вячеслав Рудольфович невольно улыбнулся.

— Вы только поглядите на этого теоретика! Желтый стал, щеки запали, говорит едва слышно.

— Ты же знаешь, что у меня тихий голос.

— Я все знаю. Знаю и то, что теоретическими рассуждениями ни одну болезнь не излечишь! Я просто тебя не понимаю, Вячеслав. Ты же разумный человек. Тебе немедленно надо лечиться.

Вячеслав Рудольфович мягко посмотрел на сестру.

— Ты ведь тоже не выглядишь человеком избыточного здоровья. Похудела так, что просвечиваешься. Но если тебя завтра решат запереть в больницу, представляю, какой бунт ты устроишь.

— Знаешь, дорогой брат, это не метод полемики — переходить на личность критикующего. Разговор сейчас идет о тебе. Ты должен дать мне обещание, что немедленно пойдешь к врачу. Иначе я буду звонить Феликсу Эдмундовичу и жаловаться на тебя.

— Вот этого, прошу покорнейше, не делать, обожаемая сестрица. За такую штуку я ведь и в самом деле могу на тебя рассердиться. А сердиться на тебя мне, честное слово, не хочется.

Вячеслав Рудольфович встал с дивана, подошел к Людмиле, худенькой, пышноволосой, с уставшими глазами. Обнял за плечи и притянул к себе.

В волосах сестры была приметна паутинка первой седины. На виске под тонкой кожей билась голубая жилка.

С минуту они стояли молча. Потом Людмила освободилась и прошла к столу.

— С тобой совершенно невозможно разговаривать,— сказала она голосом, растратившим строгость.— Ты просто знаешь, как я к тебе отношусь, и бессовестно пользуешься этим.

В словах был укор, обида и нежность.

— Как только справимся со срочными делами, тут же пойду к врачу.

— Ты полагаешь, что скоро справишься с делами?

— Да, ты права... Работы у нас пока много... Все равно — обещаю сходить к врачу в самое ближайшее время... Ты знаешь, я не часто даю обещания, но дав — выполняю...

— Правда и честная жизнь — вот цели моих помышлений...

— Да, так говорили древние.

— Не древние, а Гораций... Забывать начинаешь великих поэтов.

— Да, с поэзией у меня сейчас туговато. Лезет проза, Людмила. Пакостная проза контрреволюционного происхождения. Эта зловонная лужа разлилась по многим местам, и сангигиеной приходится заниматься активно. Вдуматься, так я сейчас самый настоящий врачеватель. А врачам, ты знаешь, всегда не хватает времени беречь собственное здоровье... Чай мы все-таки будем пить?

— Будем,— улыбнулась Людмила.— Обязательно будем. Но сначала я тебя накормлю. Есть суп из пшенки с молодой кониной... Ты знаешь, Вячеслав, она почти совсем не отличается от говядины.

Автомобиль остановился у подъезда ВЧК.

В вестибюле Вячеслав Рудольфович увидел необычную картину. На подоконниках, на полу возле батарей центрального отопления, на ступенях лестницы расположились грязные, одетые в немыслимые отрепья беспризорники.

— Это что за команда?

— К Кирьякову его компания пожаловала, товарищ Менжинский,— объяснил дежурный.— Хотел выпроводить, да на улице видите что... Сказали, тихо будут сидеть... И верно, не шумят.

Вячеслав Рудольфович покосился на окна, за которыми хлестал дождь, и не стал делать замечания дежурному. Пусть хоть под крышей ребятишки сидят. В такую погоду собаки и те в конуры забиваются.

— За пропитанием пришли, товарищ Менжинский,— продолжал дежурный.— От себя наши ребята отрывают, а Кирьякову дают вот для этих... Жалко ведь, несмышленыши еще.

На стене вестибюля белело свежее объявление.

«Бюро ячейки РКСМ доводит до сведения всей молодежи, что согласно постановлению общего собрания будет производиться ежемесячное отчисление ежедневного пайка в пользу интерната для голодающих детей Поволжья».

«Отчисления ежедневного пайка»,— мысленно повторил Вячеслав Рудольфович.— Капля в море... это отчисление».

Дети-сироты, дети крестьян Поволжья и безработных рабочих. Шесть миллионов вот таких голодных, опухших, грязных, изможденных, угасающих на глазах.

Страна отдавала им все, что могла. Рабочие и служащие выделяли доли из своих мизерных пайков, крестьяне буквально по крохам собирали продовольствие для голодающих. В фонд ПОМГОЛа были конфискованы церковные ценности почти на двадцать миллионов рублей. На выручку пришли и прогрессивные зарубежные организации: Нансеновский комитет, Красный Крест, американские квакеры, рабочие комитеты, общества и профсоюзы.

При встрече с Луначарским Председатель ВЧК заявил, что одному Наркомпросу с беспризорностью не справиться.

— Наш аппарат — один из наиболее четко работающих,— заявил Дзержинский.— Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются. А между тем даже в таком деле, как спасение и снабжение детей, встречаются халатность и даже хищничество. Отчего бы не использовать нам боевой

аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность...

И вот «беда» молчаливо сидела в вестибюле, ожидая, пока бывший товарищ, такой же, как они, Федька Кирьяков по кличке «Сычуг», которому посчастливилось обрести кров в отряде охраны чека, принесет котелок жидкого супа, горячий чайник с морковным чаем и полдесятка вобл.

— Как звать? — спросил Вячеслав Рудольфович мальчишку с громадными синими глазами на исхудалом лице. Грязная кожа казалась серым пергаментом.

— «Калуг», гражданин начальник.

— Из каких мест?

— С Камышина... В голодуху мамка и сестры умерли, а я на баржу забрался и в Нижний уплыл... А оттуда уже в Москву... У вас хорошо... Собаки по улицам бегают.

— Собаки? — не понял Вячеслав Рудольфович.

— Раз собаки бегают — значит, жить можно... В Камышине давно собак приели. Взяли бы нас сюда... Мы что хошь будем делать.

— Учиться им надо, товарищ Менжинский... Может быть, что-нибудь такое приспособить, собрать их... Сегодня подкормим, а завтра?..

— Будем решать... Деньги нужны, продовольствие, люди, одежда.

— Мыло тоже, обутка...

— Вот именно... Скажите начальнику, что я разрешил ребятам в вестибюле находиться.

Дежурный смущенно крякнул и по-строевому вытянулся перед Менжинским, стараясь хоть этим загладить допущенное им нарушение инструкции по охране здания ВЧК.

— К вам гражданин Валентинов на прием просится,— доложил Нифонтов.— Заявляет, что вы его знаете.

Когда в кабинет вошел узкоплечий, стеснительный человек в опрятной «толстовке» с галстуком, в памяти сразу выплыли Петроград, гулкие коридоры Государственного банка, Шипов, вкрадчивая лиса Сакони и испуганное лицо бухгалтера, решившего, что комиссар Менжинский непременно упечет его в тюрьму.

Валентинов искренне обрадовался, что Вячеслав Рудольфович узнал его. Сказал, что вот уже два года, как перебрался в Москву после смерти жены и работает в Государственном банке.

— Контролем занимаюсь. С вашей легкой руки с тех пор и сижу на проверках и ревизиях, Вячеслав Рудольфович... Помните кредит Аурову? Вокруг пальца ведь нас тогда обвели. Где сейчас господин лесопромышленник изволит пребывать?

— Наверное удрал за границу. Там они теперь гнездо свивают.

— Может и унес ноги. Если здесь остался, себя объявит. Матерый зверь, в тихой лёжке не проживет.

— Так что у вас за дело ко мне?

— Операции мне стали попадаться заковыристые, товарищ Менжинский... Я тут вкратце изложил в заявлении... С бухгалтерской стороны если поглядеть, дебет с кредитом до копеечки сходится, а поглубже заглянуть — без пользы выданные деньги лежат... Вот, к примеру, ткацкая фабрика. Бывшая Коншинская мануфактура...

— Уж ни того ли самого Коншина?

— Того... На пару с братаном акции держали. Теперь фабрика называется «Красный ситец». Имечко тоже придумали! А если у них, к примеру, материал

голубого колера пойдет?.. Это я так, к слову. Второй год им кредиты даем, а отдачи ни на копеечку нет. То одна причина, то другая. А сейчас инвентаризацию затеяли. Людям душу прикрыть нечем, а они винтики-гаечки учитывают...

— Странно...

— Больше того — бухгалтером на той фабрике работает Скрипилев. Тоже из наших, банковских... Помните, вы его еще хотели главным кассиром поставить, да я тогда отсоветовал. Балаболка он и на руку нечист. Я уже было хотел сам на фабрику ехать, но подумал: увидит меня Скрипилев и сразу все кончики схоронит.

— Да, торопливость в таком деле может повредить... Пусть кто-нибудь другой на фабрику съездит.

— Есть подходящий паренек... С «Гужона» к нам послали. Сейчас я его бухгалтерии наставляю. Но решил с вами посоветоваться. Может, такие дела и не вам подчиняются, только ведь Особый отдел все равно чека. Да и знакомство, думаю, старое имеем.

— Правильно решили,— сказал Вячеслав Рудольфович.— Пусть ваш паренек по свежим следам на фабрику наведается, а потом мы снова с вами потолкуем.

— Вот и я так прикидывал, Вячеслав Рудольфович.

В папке текущих дел появилось еще одно заявление, требующее разбирательства. Вячеслав Рудольфович внимательно перечитал его и подумал, что подобных дел теперь будет много.

— Срочная телеграмма Реввоенсовета, Вячеслав Рудольфович,— перебил мысли голос вошедшего в кабинет Сыроежкина.— По данным разведки на Западной границе наблюдается сосредоточение банд. Со

 стороны Эстонии готовится к налету Богданов со сво-

ими головорезами, в Латвии — Данилов, на направлении Витебск — Смоленск снюхались Ердман и Павловский. На Украине махновцы и Тютюнник заворошились. Реввоенсовет просит немедленно принять меры боевой готовности. Я уже распорядился...

Голос Сыроежкина становился все тише и тише, словно отплывал вдаль. Вячеслав Рудольфович тряхнул головой, но перед глазами поплыли разноцветные круги. Воздух, казалось, сгустился. Перехватило горло, и острая боль всплеснулась под лопаткой. Вячеслав Рудольфович попытался глубоко вздохнуть, но она режуще отдалась в груди. Едва удерживаясь, чтобы не застонать, Вячеслав Рудольфович стал осторожно отваливаться на спинку кресла.

— В шкафу...— прерывисто сказал он Сыроежкину,— в верхнем ящике. Там... лекарство... Десять капель...

Чекист кинулся к шкафу, рванул дверцу.

«...предлагаю ЦК постановить:
обязать т. *Менжинского* взять отпуск и отдохнуть немедленно впредь до *письменного* удостоверения *врачей* о здоровье. До тех пор приезжать не больше 2—3 раз в неделю на 2—3 часа.

Ленин».

Глава 6

Предместье Бийанкур называли «Русским Парижем». На тесных уличках, мощенных седым булыжником, жили бывшие княгини, алексеевцы и дроздовцы, кафешантанные певички, вдовы действительных тайных советников, спекулянты, полковники, приват-доценты, журналисты, скороспелые поручики

из юнкеров, тенора, лакеи, оставшиеся без хозяев, и конногвардейцы, занимающиеся таксомоторным извозом.

Набитые, как копченая салака в ящики, в сырые дома с узкими подслеповатыми окнами, подвалы и мансарды, они неведомо как добывали пропитание, ругали большевиков, пьянствовали, стрелялись, философствовали, дико ссорились, сочиняли планы освобождения России и со слезными просьбами о вспомоществовании обивали пороги соотечественников, которым удалось спасти от комиссаров не только душу и тело.

Здесь повсюду слышалась русская речь. Новые люди появлялись и исчезали каждый день.

Инженер Галавас, неприметно оглядевшись по сторонам, вошел в кафе, каких в Бийанкуре было множество.

Посетители сидели здесь целыми днями за стаканом дешевого вина, обсуждая газетные и прочие новости.

Инженер Галавас сразу был атакован соседом по столику, мужчиной неопределенного возраста в потертом пальто с залоснившимся бархатным воротником.

— Это же невероятно! — громко сказал сосед, тыкая пальцем в газетный лист.— Пишут, что большевики предоставляют бесплатно жилье!.. А этот кровопиец мсье Жекамбо требует с меня немедленно сто семнадцать франков за вонючую комнатенку на мансарде. Разрешите представиться. Профессор Мисягин из Петербургского университета... Эллинская культура времен Перикла. Подумать только — дают бесплатное жилье!

Инженер Галавас назвал себя и, уловив в глазах профессора голодненький блеск, сделал заказ с учетом аппетита случайного собеседника.

— Превосходнейшие блины! — довольным голосом говорил профессор, расправляясь с румяной горкой истинно русского блюда.— Знаете, кто их печет? Беглый повар ресторана «Стрельна»... Я позволю, любезнейший Исидор Максимилианович, с вами не согласиться. Когда я думаю о нынешнем положении России, у меня напрашивается сравнение с ледоколом. Большевики одолели торосы, проложили фарватер, но караван оказался неподготовленным. А тем временем мороз грозит затянуть проложенный фарватер, и ледоколу приходится бегать взад и вперед. Как же иначе объяснить эти рывки в хозяйственной политике? Шараханье от военного коммунизма к нэпу, от продразверстки к свободной торговле хлебом?

— Если продолжить ваше сравнение, Николай Ипполитович, то надо признать, что красный ледокол подчиняется неглупому капитану. Не лезет напролом, а старается использовать каждое разводье, чтобы с меньшими затратами одолевать торосы.

— И все-таки пока караван не готов к плаванию, ледоколу не сто́ит в одиночку соваться во льды,— возразил профессор и запил блины красным вином.— Дрянное пойло... Раньше, помню, на масленицу к блинам подавали смирновскую «слезку», холодненькую, на травках настоянную. Как историк, я могу сказать, что покровительница нашей благородной науки муза Клио ошиблась, совершив революцию именно в России. Она, видимо, недостаточно хорошо изучила труды господина Маркса, который утверждает, что революция должна произойти в первую очередь в наиболее развитых странах.

— Красных, по-моему, это не очень расстраивает... У ребенка могут быть и молодые родители.

— Но эти родители не в состоянии прокормить собственных детей. То, что пишут о голоде в Поволжье,— это кошмар! Вымирают целые деревни.

— Да, я думаю, что газетные сообщения на сей раз недалеки от истины. Но давайте попробуем на этот вопрос взглянуть объективно, Николай Ипполитович. Я не симпатизирую большевикам, но русский народ остается для меня русским народом, и читать такие сообщения в газетах больно. Но еще больнее думать, что при этом где-то хранилища ломятся от хлеба. Кстати, насчет фарватера... Когда Магеллан прошел между Америкой и Огненной Землей, за ним сразу никто не последовал, но открытый путь не забыли.

— Пираты, любезнейший Исидор Максимилианович. Френсис Дрейк прошел через пролив, чтобы грабить испанские галеоны. Хотя по тем временам грабить галеоны было прогрессивно.

— Муза Клио, профессор, отличается хорошей памятью. Инквизиторы жгли на кострах людей, но так и не могли заставить их забыть открытие Коперника. Важно проложить фарватер, а все остальное сделают время и люди, которые придут.

Профессор искоса оглядел прокуренный сводчатый зал с мокрыми опилками на полу, с толстым хозяином за стойкой и вертлявым гарсоном. Невеселый приют его соотечественников — живущих впроголодь, бедно одетых посетителей окраинного французского кафе.

— Я не верю газетным крикам, что Россия погибла,— задумчиво заговорил он.— После того, что ей довелось пережить, она станет еще крепче. Все мы, сидящие здесь, только опавшие листья российского

дерева, унесенные бурей. Деревья не гибнут от того, что у них облетают листья. Корни дерева живы. И оно даст могучие побеги.

— Что же произрастет от этих корней, профессор?

— Новая российская государственность. Как бы сейчас ни ругали большевиков, но именно они восстановили могущество России и сохранили Русское государство в его исторических границах. Несмотря на громкие слова и многие миллионы ни Колчак, ни Юденич, ни Деникин не смогли это сделать... Я не уверен, что сейчас, если бы они победили, у России сохранилась бакинская нефть и архангельский лес. За единую и неделимую дрались офицеры, а достигли этого большевики... Вы еще молоды, господин Галавас, может быть, вам посчастливится видеть пышную крону российского дерева. Спасибо за угощение. Весьма рад был с вами познакомиться.

— Позвольте мне вас проводить, Николай Ипполитович... Мы увлеклись проблемами теоретического плана, а мне хотелось бы получить несколько более земных советов. Я ведь в Париж прибыл всего неделю назад. Хочу искать себе службу.

— Непросто сейчас россиянам в сем Вавилоне,— говорил профессор, вышагивая по щербатому тротуару.— Конечно, кое-кто имеет возможность и здесь вести райскую жизнь, но большинство бедствуют, хватаются за любую работу. Все эти камергеры, девицы из благородных семейств, гвардейцы и бравые ротные капитаны по существу не имеют профессии и изворотливостью для коммерческих дел тоже не наделены... Вам в этом отношении будет легче. Диплом инженера, служба во французской фирме...

— «Вало и сын» уже отказали своему бывшему сотруднику.

— Французы не возьмут вас на работу... Может быть, предложат вакансию в Марокко или, чего доброго, в Кохинхине.

— Слишком жарко для меня. Мой родитель из олонецких мещан, южнее Питера не выезжал...

— Вам надо попытать счастья у своих. Есть здесь влиятельные земляки. Если вы специализировались по ткацким станкам, то, пожалуй, я могу оказать содействие. Познакомлю вас с господином Коншиным. Он занимается текстилем и имеет пай в ткацкой фирме... Милейший человек! Мы с ним еще по Петрограду знакомство водили. Любитель раритетов. Не бескорыстно, конечно, да бог с ним. Я его всегда при покупках консультирую. У него хорошие связи с Торгпромом... Слышали про такую организацию?

«Еще бы, профессор»,— улыбнулся про себя Решетов.

— Наслышан. Уважаемая и солидная организация... Буду вам чрезвычайно обязан, если отрекомендуете господину Коншину.

— Непременно отрекомендую. Скажу, что знал вас по Питеру... По университету. Вы ведь в Петербургском университете проходили курс?

— В Петербургском, но у меня же не гуманитарный факультет.

— Чепуха! На мои лекции по эллинской культуре собирался цвет питерской интеллигенции. Александр Блок два раза приезжал... Непременно отрекомендую. Я господина Коншина два дня назад видел на Елисейских полях. К сожалению, он торопился. И вы знаете, с кем он был? Представить себе не можете. Колоритнейшая фигура! Виднейший эсер, организатор «Народного союза защиты родины и свободы». Борис Викторович Савинков собственной персоной...

«Савинков в Париже!» — подумал Решетов, и если даже не состоится знакомство с Коншиным, то такая новость с лихвой оправдает сегодняшний день.

Надо немедленно передать сообщение о появлении в Париже Бориса Савинкова.

На ближнем перекрестке инженер Галавас посмотрел на часы и сказал, что, к сожалению, он должен торопиться по делам.

— Может быть, Николай Ипполитович, вы просто разрешите сослаться на вас при разговоре с Коншиным?

— Вы находите?.. Хорошо, хорошо... Пожалуй, в самом деле так будет удобнее... А если он мне позвонит, я все подтвержу...

— Простите меня, Николай Ипполитович, в кафе вы дали понять, что вы испытываете временные финансовые затруднения... Не мог бы я вам помочь? Многим не располагаю, но двести франков ссудить имею возможность... Скажем, месяца на три.

— На месяц, Исидор Максимилианович!.. На один только месяц, любезнейший! А там, я надеюсь, выйдет перевод моей монографии об эллинской культуре... Вопрос о ней по существу почти решен. Есть солидные рецензии историков. За книгу ухватится каждый издатель... Только на месяц.

— Не случайно Савинков появился в Париже, Вячеслав Рудольфович,— сказал Сыроежкин, докладывая очередное сообщение «инженера Галаваса».

— «Случайно» этот господин нигде не появляется.

— Наверняка новую пакость затевает Борис Викторович... В Белоруссии такое натворил...

Недавний налет Булак-Балаховичей был особенно озлобленным и кровавым. Банду сопровождал Савин-

ков, надеявшийся, что с появлением его на белорусской земле крестьяне с восторгом примут лозунг «Советы без коммунистов» и начнут восстание.

Но горячие речи на сходках не принесли результата. За время похода в отряд вступило лишь семеро мужиков, из которых двое сразу удрали домой.

Взяв город Мозырь, Булак-Балаховичи учинили дикую расправу над жителями. Коммунистов и сочувствующих Советской власти вешали на балконах и фонарных столбах.

Когда из Гомеля подошли части Красной Армии, банда покатилась обратно к польской границе.

Савинковцы представляли, пожалуй, сейчас самую большую опасность среди эмигрантских организаций. Отправляя агентов на советскую землю, Борис Савинков принуждал их давать клятву бороться всеми возможными способами: «где можно — открыто с оружием в руках, где нельзя — тайно, хитростью и лукавством». Агентура Савинкова располагалась в непосредственной близости от советских границ. В Риге у него был вербовочный пункт, в Варшаве — «Информационное бюро»...

— Пока Савинков жив, он нас в покое не оставит,— сказал Сыроежкин.— И ухватить гада нельзя.

— И все-таки мы его возьмем, Григорий Сергеевич.

— Как?

— Умом возьмем... Борис Викторович ведь по натуре игрок. Вот за эту слабинку и нужно ухватиться. А пока будем разбираться, для какой надобности Савинкову потребовалось прибыть в Париж.

Совет Торгпрома принял предложение Эльвенгрена о сотрудничестве с организацией Савинкова.

В ресторане на Елисейских полях Густав Нобель встретился с Савинковым и Эльвенгреном.

— Мы, господа, люди коммерческие и смотрим на решение вопросов с деловой точки зрения,— уверенно, как человек, сознающий собственную силу, говорил председатель Совета Торгпрома.— Нам нужны реальные действия.

— Нужен товар,— прямолинейно уточнил Эльвенгрен.

— Вот именно, штаб-ротмистр,— с тонкой усмешкой подтвердил Нобель, и губы его жестковато поджались.— Мы даем вам возможность начать дело.

— С чего начинать? — подавшись вперед широкой грудью, спросил Эльвенгрен.

— Нас беспокоят дипломатические усилия большевиков. Они добиваются признания Европой красного режима. В случае успеха это вызовет крайне нежелательный резонанс...

— А более конкретно, господин Нобель?

— Чичерин... Руководитель делегации большевиков на Генуэзской конференции. Он облечен особыми полномочиями.

— Чичерин — это не просто,— задумчиво сказал Савинков.— Комиссары становятся с каждым днем все более осторожными.

— Понимаю, что Чичерин — это не просто. Но рядовые сотрудники делегации нас не интересуют. Нужны имена, сенсация. Только неожиданности, которые произойдут с главой делегации, могут привести к подобному результату. Хотя бы к оттяжке сроков... Людей найдете вы... Деньги дадим.

— Сколько?

— На первый случай тысяч пятьдесят франков. Но с обязательным условием, что они будут израсхо-

дованы только на Чичерина. Это не просьба, Савинков, это наше требование.

— Понятно,— усмехнулся Савинков, и глаза его убежали в сторону. Борис Викторович прикидывал, сколько торгпромовских денег ему удастся урвать, чтобы хоть немного подкормить своих оголодавших в Польше боевиков.

— Пятьдесят тысяч мало,— решительно заявил он.— Потребуются крупные организационные расходы. Вы же настаиваете только на Чичерине. Другая кандидатура вас не устраивает...

— Да, не устраивает,— подтвердил Нобель, поморщился и набавил еще двадцать тысяч.

— Но это предел. Я и мои коллеги должны убедиться, что наши деньги не полетят на ветер. Успех обеспечит вам кредит... Солидный кредит. Операцию желательно осуществить в тот момент, когда большевистская делегация поедет на конференцию.

— Следовательно, нужно сделать так, чтобы неожиданности возникли, например, в Берлине.

— Я не хочу сковывать вашу инициативу, господа, но подобная деталь усилила бы желательные для нас последствия.

На следующий день Эльвенгрену и Савинкову были отсчитаны семьдесят тысяч франков.

Глава 7

— За Савинкова пора браться всерьез.

Дзержинский говорил глуховато. Щеки Председателя ВЧК запали еще больше, и на них приметно легла устойчивая бледность.

Порой, когда Менжинскому работать становилось немыслимо трудно, когда на столе накапливались

 груды срочных и сверхсрочных бумаг, за каждой из

которых стояли смерть, выстрелы в спину, заговоры, голод и страдания, когда грудь стискивали невидимые обручи и голова кружилась со странным звоном, он думал, что Феликсу Эдмундовичу еще труднее. Справляется же Председатель ВЧК, руководящий одновременно Народным комиссариатом внутренних дел, Народным комиссариатом путей сообщения и Деткомиссией, со своей работой. Сжигает себя, здоровья не щадит, но дело делает.

— Отдельные схватки здесь не решат... Савинков умеет не только нападать, но и уходить из-под ударов. Нужно думать о крупной операции, Вячеслав Рудольфович. У савинковщины надо вырвать корень. Этот корень — сам Борис Викторович. Надо захватить Савинкова. У меня возникает одна идея. Что если заставить Савинкова поверить в существование у нас неизвестной ему подпольной контрреволюционной организации?

Мысль Дзержинского была так проста, что в первый момент она скользнула в сознании, не оставив впечатления. Но Вячеслав Рудольфович тут же возвратился к ней и начал подкреплять ее доводами. В самом деле. Ячейки Савинкова почти повсеместно разгромлены чекистами. Савинковские «бюро» за границей не решают тех задач, которые ставят перед Борисом Викторовичем его высокие хозяева. Тот, кто дает деньги, хочет иметь и «товар». Польский штаб требует шпионских сведений. Не отказываются от них и французы, и Интеллидженс Сервис. «Ходки» за советский кордон становятся рискованнее и сложнее, а информации они дают мало. Савинкову цена — копейка без подпольных организаций в России. Его выбросят за борт, как выбрасывают ненужный хлам. Если же внутри Советской России у Бориса Викторовича будет подпольная организация, которая начнет

поставлять шпионские сведения, готовить выступления против Советской власти, акции его круто пойдут вверх.

Такую «организацию» Савинкову нужно дать. На эту приманку, при его самолюбии, он клюнет. Если разобраться, у него нет иного выхода.

В простой, казалось, схеме угадывалась та несокрушимая логика, которая всегда обеспечивает целостность тактического замысла, надежность и реальность операции.

— Подумайте в этом направлении, Вячеслав Рудольфович. Насчет Генуэзской конференции Решетов что-нибудь конкретное сообщил?

— Пока нет. Но ход к Торгпрому он нащупал.

Коншин принял инженера Галаваса. Остро поблескивая глазами, он долго расспрашивал о Петербурге. Задавал неожиданные вопросы о фамилиях профессоров, преподававших в университете, дотошно расспрашивал о службе в филиале фирмы «Вало и сын».

Выручили добротно сработанная легенда и подлинные документы инженера Галаваса, который в самом деле был сослуживцем Решетова по фирме, а в девятнадцатом году умер в Москве от тифа и был похоронен на Ваганьковском кладбище.

— Ладно, не будем больше предаваться воспоминаниям,— сказал наконец Коншин.— Меня интересует ваша конкретная специальность, господин Галавас. К сожалению, не так уж много русских инженеров убежало за границу. Здесь больше тех, кто умеет хорошо стрелять и командовать. Позвольте полюбопытствовать, каким непосредственно ткацким оборудованием вам приходилось заниматься?

— Станки системы Норнтропа с автоматической сменой шпуль. Их поставляла тогда фирма «Вало и сын». Превосходные машины. Шпуля в них держится без шпринки, только боковым защемлением головки, и потому ее можно вдвигать сверху...

Коншин кивнул и переглянулся с тяжелолицым человеком, который на протяжении всей беседы сидел в кабинете поодаль, у окна.

Решетов проследил взгляд и накрепко засек в памяти крупный мясистый нос, длинный подбородок и костлявые крупные надбровья молчаливого незнакомца. Приметил его тяжело оттопыривавшийся карман и решил, что это, видимо, телохранитель или вышибала. Наверняка к Коншину лезут и непрошеные визитеры, и надоедливые попрошайки из беглых соотечественников.

— При этом новая шпуля с утком выдавливает уже отработанную,— продолжал рассказывать инженер Галавас.— Разрешите, я сейчас набросаю схему, чтобы вам было понятнее...

Решетов достал записную книжку и начал одну за другой вычерчивать схемы ткацких станков системы Норнтропа и многословно объяснять особенности движения ремизок, батанов, челноков и гонков.

У Коншина поскучнели глаза, и он сказал, что подумает над предложением услуг, которое сделал инженер Галавас.

Потом дня три за «инженером Галавасом» следили на улице, в кафе, в дешевых кинематографах и окраинных магазинах и во всех прочих местах, где полагалось бывать беглому русскому инженеру, располагающему скромными средствами и озабоченному поиском работы.

В гостинице кто-то тщательно осмотрел вещи постояльца.

Предосудительного, видимо, ничего не было обнаружено. Когда инженер Галавас снова позвонил Коншину, тот сразу же назначил ему встречу.

На этот раз они разговаривали вдвоем.

— Как вы смотрите на то, Исидор Максимилианович, чтобы возвратиться в Ригу? В нашей фирме открывается там вакансия технического консультанта. Солидный оклад, представительские, бесплатная квартира...

— В чем будет состоять моя работа?

— Видите ли, Исидор Максимилианович, перед отъездом в сии палестины я имел доверительную беседу с преданными сотрудниками и просил их принять все меры, чтобы сохранить принадлежащие мне предприятия, оборудование, машины, запасы сырья и материалов. Вполне понятная забота хозяина. Но события развивались так, что усилия преданных людей обратились пользой большевикам: они начинают пускать сбереженные фабрики и заводы. Надеюсь, вы понимаете, что произойдет, если, например, комиссары не только восстановят нефтяные вышки господина Нобеля и братьев Гукасовых, но и увеличат добычу нефти?

— Пока это проблематично.

— Деловые люди должны смотреть вперед, господин Галавас,— жестко отмахнул реплику Коншин.— Что бы там ни болтали наши эмигрантские газетенки, я считаю, что нэп показал не слабость большевиков, а их силу, их способность трезво учитывать обстановку и использовать ее для скорейшего восстановления хозяйства. Здесь мы должны вбивать сейчас главный клин. У комиссаров нет делового опыта, навыков хозяйственной деятельности, им не хватает технических специалистов, сырья, материалов. Как бы они ни горячились, в деле восстановления хозяйства они вы-

нуждены будут пойти на поклон к Европе. И вот тогда мы, промышленники, продиктуем условия и поставим большевиков на колени...

Виктор Анатольевич ощутил, что наступил подходящий момент прощупать почву.

— Но сообщения о предстоящей конференции в Генуе и о приглашении туда большевистской делегации...

— Вздор! Газетная писанина. Мы не позволим большевикам появиться в Генуе.

— Но если все-таки договоренность о встрече в Генуе будет достигнута?

— При чем тут договоренность? — запальчиво воскликнул Коншин.— Пусть договариваются присяжные дипломаты. Политику вершат деловые люди. И у нас есть возможности заткнуть рот любому. Прошлый раз я не познакомил вас с моим гостем. Штаб-ротмистр Эльвенгрен. За хорошие деньги он умеет стрелять без промаха...

То ли у Решетова изменилось лицо, то ли сообразив, что не в меру разговорился, Коншин замолчал и пригладил встопорщенный хохолок на голове.

— Мы отвлеклись от предмета нашей беседы... Конференция в Генуе к нему отношения не имеет... Это я сказал в порядке теоретического варианта.

«Крутит,— подумал Решетов.— Штаб-ротмистр — это не теория. Это самая что ни на есть практика... Без надобности деловые люди штаб-ротмистров пригревать не будут».

— Генуя нас не беспокоит. Если большевики и приедут на конференцию, за стол дипломатических переговоров с ними сядут отнюдь не простаки... Я опять отклоняюсь в сторону.

— Я слушаю вас... Так в чем же конкретно будет состоять моя работа в Риге?

— Вы будете давать консультации моим доверенным людям, с которыми я держу связь. Если говорить точнее — оказывать техническую помощь преданным служащим Коншинской мануфактуры, а также других ткацких фабрик, где мои коллеги из Торгпрома имеют деловые интересы.

— Не очень понимаю. Вы выразили сожаление, что усилия ваших людей оказались на руку большевикам.

— Да. И эту ошибку теперь нужно исправлять. Нашим людям приходится работать в особой обстановке, и обычными средствами они не могут защищать наши интересы. Всякие же другие методы требуют технических консультаций... Ведь новые шпули с утком могут и не выдавливать отработанные. Мало ли случается всяких неполадок...

«Так вот как они хотят дело поворачивать»,— подумал Решетов.

Предложение Коншина не согласовывалось с прямым заданием Решетова, хотя и перспектива отправиться в Ригу полномочным техническим консультантом и взять в свои руки тайные связи Торгпрома с доверенными людьми, затевавшими вредительство на восстанавливаемых предприятиях, была заманчива.

— Я надеюсь, что вы позволите подумать над вашим предложением, господин Коншин... Право, мне не приходило в голову, что инженерные знания можно использовать в таком необычном аспекте...

— А вы интеллигентское слюнтяйство бросьте, Галавас,— покривив губы, перебил Коншин.— Здесь оно вас не прокормит... Время для ответа я вам дам. Но размышления не советую затягивать. Такие возможности на дороге не валяются.

Глава 8

«Пей вино бывшего удельного ведомства, этим ты укрепляешь хозяйство республики»,— призывал аршинный плакат.

Московский союз потребительских обществ сообщал, что открыто сорок магазинов. «Колониально-гастрономические деликатесы, заграничные сигары... Четырнадцать магазинов работают до двенадцати часов ночи... Членам первичных кооперативов предоставляется скидка».

Госсельсклады предлагали большой выбор сельскохозяйственных машин. Коммерческий банк обещал кредиты. С торгов продавались подряды на строительные работы.

В Охотном ряду на прилавках лежали балыки и банки с зернистой икрой. Гроздья колбас и румяные окорока аппетитно маячили на стойках мясных магазинов. Булочники выставляли лотки с кренделями, сайками и ситным, развешивали связки бубликов и баранок. Цены обозначались астрономическими цифрами.

Со всех углов зазывали вывески артелей, паевых товариществ, кооперативов, акционерных обществ с ограниченной и солидарной ответственностью. Предлагали, обещали, гарантировали, завлекали и льстили. Покупали и продавали. Меняли гвозди на сыр, а сыр на шорные товары.

На Сретенке, на Арбате, на Страстном бульваре бородатые швейцары в ливреях, обшитых галунами, распахивали двери ресторанов, к которым подлетали лихачи на «дутиках» и подкатывали автомобили.

«Лензолото» предлагало организациям и частным лицам в аренду старательские участки.

«Вот где сейчас можно было бы развернуться»,— с тоскливой завистью подумал Епимах Ауров, вышагивая по московским улицам.

Из ухоронки Тимохи Серого пора было выбираться на вольный свет.

Скрипилевская компания, как Ауров и ожидал, оказалась нестоящей. На вечерние сборища в душную «залу» собирался, как по присказке, всякий гад на свой лад. Являлся одышливый, расползшийся, как тесто, перебродившее в квашне, технорук отбельного цеха, прибегал юркий, словно мышь, заведующий складом, приходили два-три мастера в древних картузах с высокой тульей, в касторовых жилетках и «при часах», плановик, тощий чертежник, бахвалившийся, что он является идейным эсером. Пили до одури краденый спирт, зло и бессильно перемывали косточки завкомовцам, рассказывали анекдотики про комиссаров. Играли в карты, а иной раз, наглухо закрыв окна, приглушенными сиплыми голосами, таращa от усердия и страха глаза, пели «Боже, царя храни».

«Грозят кошке мыши, да издалека,— думал Ауров, разглядывая потных, сытно рыгающих гостей Скрипилева.— Дурак Коншин. Такому дерьму деньги платит... Пустобрехи. Они и без денег пакостить будут...»

Потом на завод стал наведываться дотошный банковский инспектор. Начал копать, как используются банковские кредиты и почему фабрика до сих пор не пущена в ход. Скрипилеву удалось загородиться приказами «красного директора» и постановлением фабкома о проведении инвентаризации. На партячейке состоялся крупный разговор, директора сместили с должности, «инвентаризацию» пришлось прикрыть.

 Вот уже месяц фабрика работала.

— Что же теперь делать, Епимах Андреевич? — растерянно спрашивал Скрипилев.

— Инструкции получаешь? — усмехнулся Ауров. — Вот и делай, что велят...

«Велели» портить оборудование, гноить сырье, нарушать технологию, устраивать аварии.

— Страх господен, Епимах Андреевич! — обливался холодным потом Скрипилев. — За такое и Соловками не отделаешься.

— Да уж так. И шлепнут с конфискацией имущества... А ты хотел за красивые глаза денежки получать? Нет, они расчет любят. Я вашей вшивой компании не попутчик. Закажи, чтобы языки на привязи держали. В случае чего, я шутки шутить не буду.

Главное Скрипилев для Аурова сделал — помог встретиться с нужным человеком, с Марком Григорьевичем Горовским, жестколицым и немногословным, модно одетым работником акционерного товарищества «Шерсть». Товарищество имело основной капитал десять миллионов золотых рублей, и у умных людей здесь текли коверкотовые реки в коверкотовых берегах.

Сейчас Епимах Андреевич шел на встречу с новым знакомым.

— Да, вам надо перебираться в Москву, — одобрил Горовский намерения Аурова. — Работу и все остальное я помогу подыскать.

В разговорах Горовский упирал пока на деловые интересы.

— В революцию, Епимах Андреевич, прежде всего надо быть товароведом. Разбираться в сортах кирпича, пряжи и кожевенного товара. В суматохе инициативным людям открываются блестящие возмож-

ности. Сейчас, когда государство поощряет частную инициативу, разумный подход к делу может дать хорошие барыши. Недавно я оказал доброму знакомому маленькую услугу: сообщил, что наше объединение через неделю повысит цены на шерстяные ткани. Знакомый купил в кредит крупную партию шерсти, а через неделю продал ее с прибылью в двадцать процентов. Изумительная простота операции, абсолютная надежность и гарантированный заработок. Вот так мы стараемся действовать и во всем остальном.

В этом костлявом человеке с длинным, отлично выбритым лицом ощущалась недюжинная хватка, ум, собранность и воля. Операцию с продажей шерсти наверняка провел сам Марк Григорьевич. Верных денег такой из рук не выпустит.

Было очевидно, что Горовский пока «щупал» Аурова. Но то, что он говорил, Епимах Андреевич мимо ушей тоже не пропускал. Заветный саквояжик стал много легче. Тимоха Серый хоть и помнил давнее добро, но денежкам знал счет, и с постояльца драл столько, сколько мог.

А вывески ресторанов, товары, вываленные на витрины, модный костюм Горовского, нарядные женщины, подкатывавшие к дверям ресторанов, вызывали острое желание жить! Сбрить ненавистную бороду, скинуть пахнущие дегтем сапоги и долгополый пиджак, завалиться в Сандуны, всласть потешить телеса, нарядиться во все новое и, как бывало, поманить лихача небрежным движением руки.

— Пока присматривайтесь, Епимах Андреевич, а потом придет очередь и для серьезных дел,— сказал Горовский и написал на листке, вырванном из блокнота, номер телефона.— Позвоните в Углесиндикат. Там нужны специалисты по лесоматериалам... Вам ведь раньше приходилось заниматься лесопоставками.

Ауров понял, что Горовский знает о нем больше, чем можно было предполагать.

— Жить вам лучше под собственной фамилией. Не скрывайте, что имели капитал и занимались лесным делом. Заявите, что к Советской власти относитесь лояльно и хотите работать как специалист. Они нуждаются сейчас в опытных людях. В крайнем случае дадите письменное подтверждение лояльности.

Резолюция одиннадцатой конференции РКП(б), состоявшейся в декабре двадцать первого года, «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства» определила, что «Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована».

Декретом ВЦИК в феврале двадцать второго года ВЧК была упразднена и создано Государственное Политическое Управление — ГПУ.

— Нет, Павел Иванович, чекисты без работы не останутся,— сказал Вячеслав Рудольфович Нифонтову, взъерошенному от возбуждения.

— ВЧК же по боку! Так работали и вдруг получайте — «упразднить».

— Не горячитесь, прошу вас. Давайте попробуем во всем спокойно разобраться... ВЧК была комиссией, как говорит само название, чрезвычайной, а чрезвычайные обстоятельства революции и гражданской войны себя теперь уже исчерпали...

— Как же они исчерпали, Вячеслав Рудольфович,— запальчиво возразил Нифонтов,— если контрики по углам прячутся, шпионы в каждую щель лезут, бандиты... Вы же знаете, сколько нечисти еще осталось.

— К сожалению, Павел Иванович, с таким печальным обстоятельством вынужден полностью согласиться. И не только мы с вами это знаем. Центральный Комитет и правительство сей факт тоже учитывают. Потому и создано Государственное Политическое Управление.

— Тогда выходит, просто вывеску сменили... Так что ли понимать?

— И тут вы заблуждаетесь. В отличие от ВЧК, работавшей как особый орган в государстве, ГПУ создано уже как орган конституционный, орган политической защиты завоеваний диктатуры, естественно необходимый Советскому государству. Смею вас уверить, что дело тут вовсе не в названии. Существенно изменяется направленность работы, задачи и, конечно, методы...

Вячеслав Рудольфович говорил, а перед глазами стояла страничка с лаконичными заметками Владимира Ильича — набросок проекта постановления Политбюро ЦК РКП(б), которую ему показали в Центральном Комитете.

«1-ое: компетенцию сузить
2-ое арест еще у́же права
3-ье срок <1 месяца
4-ое суды усилить или только в суды
5-ое название
6-ое через ВЦИК провести>серьезные умягчения».

— Дела о спекуляции, о преступлениях по должности и все остальные им подобные будут теперь, Павел Иванович, решать обычные суды. Внимание чекистов будет полностью сосредоточено на политической охране государства и обеспечении внутренней безопасности.

— С одной стороны, это так, Вячеслав Рудольфович...

— Уверяю вас, что и с другой стороны — так. Подумайте спокойно, не горячитесь, и вы непременно придете к такому же выводу... Дочь у Решетова поправилась?

— Да, Вячеслав Рудольфович. Температура уже нормальная. Занятная девчушка! Беленькая, аж светится, и волосы возле ушей колечками. У Федюшки в эти годы точь в точь такие же волосы были... А жена у Виктора Анатольевича — кремешок! По глазам вижу, что все понимает, но ни одного вопроса не задает...

— Отец семейства что сообщает?

— Савинков и Эльвенгрен выехали в Берлин... Фотокарточку штаб-ротмистра раздобыть не удалось... Все архивы перерыли — не нашли. Или не сохранилось ничего, или господин штаб-ротмистр человек предусмотрительный. Решетов сообщает приметы.

— Приметы могут и подвести, а в этом деле ошибаться мы не имеем права. Выходит, все складывается так, что только «инженер Галавас» может опознать Эльвенгрена. Как поживает та компания на ткацкой фабрике?

— Пока мелкая возня.

— Малые гадюки тоже могут быть ядовиты...

— Взяли их под наблюдение товарищи из московской чека. Появлялась в той компании одна неустановленная личность, но сейчас исчезла. Скрипилев выезжал в Москву явно для встречи, но на контакт с ним никто не вышел. Или учуяли что-то или решили, что для больших дел эта компания не годится. Было предложение арестовать участников сборищ у Скрипилева, но это преждевременно. Может быть, неуста-

повленная личность еще надумает посетить старых знакомых.

— Правильно, Павел Иванович... А вы говорите, что чекистские дела кончаются. Савинков и Эльвенгрен, судя по сообщениям «инженера Галаваса», нацеливаются на нашу делегацию, которая поедет в Геную. Решетову придется сделать крутой поворот.

— А профессор Мисягин? С Коншиным же интересно вырисовывается...

— Пусть Виктор Анатольевич сам принимает решение о Коншине и Мисягине в зависимости от обстоятельств. Таких, как Решетов, не нужно на коротком поводке водить. Я в принципе всегда против мелочной опеки.

— Вы, Вячеслав Рудольфович, такую ценную мысль нашим хозяйственникам внушите. Вчера получал бумагу и карандаши — пять резолюций на заявке потребовали... Формальный бюрократизм разводят!

— Формальный не надо, а к порядку нам всем нужно приучаться. К советскому порядку и деловитости... Когда будут готовы материалы по эсерам?

— Обещают на следующей неделе.

— Попросите, чтобы ускорили следствие, Павел Иванович. Передайте от моего имени товарищам такую просьбу.

На берлинском вокзале Савинкова и Эльвенгрена встречал господин Орлов, доверенный представитель некоей влиятельной организации, предпочитающей не афишировать свою деятельность.

В уютном особнячке на неприметной улице, обсаженной липами с такой педантичностью, что они казались парадными шеренгами гренадеров, состоялся деловой разговор.

— Нужно оружие и паспорта для наших людей, которые на днях приедут в Берлин,— напрямик заявил Эльвенгрен.— Фото Чичерина, карта Берлина и сведения о советской делегации. Когда все это можно будет получить?

— Паспорта и все остальное чуть позже,— ответил хозяин квартиры.— Оружие — хоть сию минуту.

— И сколько будут стоить нам такие услуги, господин Орлов?

— Ни единого пфеннига. Ваши расходы уже оплачены.

— Хотелось бы узнать, кем?

Орлов и Савинков переглянулись.

— Если вы настаиваете, штаб-ротмистр, я могу сказать, что необходимая сумма передана мне неким Гавриловым. Но если вы возражаете против некоего Гаврилова, я могу взять деньги и с вас.

— Не будьте идиотом, Эльвенгрен,— сердито сказал Савинков.— Какая вам разница?

Через несколько дней переселились в маленький отель возле Шарлотенбургбанхоф, где к новым постояльцам относились с повышенной предупредительностью. Орлов привез оружие, документы и подробную карту Берлина.

Все участники операции уже были в сборе. Трое савинковцев — Васильев, Клементьев и Бикчентаев, прибывшие из Варшавы, и полковник Озолин, привлеченный Эльвенгреном, получили надежные документы и жили в пансионате неподалеку от Шарлотенбургбанхоф.

У Бориса Викторовича в Берлине вдруг нашлось много непонятных Эльвенгрену дел. Ему то и дело звонили по телефону. Савинков иной раз пропадал на целые сутки.

В тот вечер, когда раздался звонок Орлова, Савинкова в отеле не было.

— Где же он? — нетерпеливо спросил Орлов.

— Уехал в город, будет, вероятно, утром.

В трубке с минуту слышалось сопение, затем Орлов решился.

— Скажите Борису Викторовичу, что приехал хозяин.

— Хозяин?.. Господин Сакони пожаловал?

— Нет. Прошу передать так, как я сказал,— «приехал хозяин».

Штаб-ротмистр добросовестно выполнил просьбу.

— Сказал, что вам все будет понятно,— не без тайного злорадства добавил Эльвенгрен.

Савинков смутился и пробормотал что-то маловразумительное о кличках, которыми Орлов любит награждать его друзей.

В тот же день раздался еще один звонок, и «хозяин» приказал Савинкову и Эльвенгрену срочно приехать на квартиру Орлова.

— К сожалению, у меня сегодня несколько иные планы,— заявил штаб-ротмистр.— К вашему «хозяину» я не имею никакого отношения... Мне волен давать указания Торгпром.

— Не валяйте дурака, Эльвенгрен... Если будете воротить нос в сторону, уверяю вас, что сам Густав Нобель примчится в Берлин, чтобы научить вас хорошим манерам. Нас приглашает Рейли. Вы наверняка слышали, кто такой Сидней Джордж Рейли, капитан королевских военно-воздушных сил.

Эльвенгрен торопливо стал одеваться.

— Пока сделать удалось мало,— признался Савинков.— Не можем установить контакт с нужными

людьми в министерстве иностранных дел. Информация о составе большевистской делегации и о порядке пребывания ее в Берлине недостаточна для подготовки операции.

— Не узнаю вас, Савинков,— усмехнулся Рейли.— Я ожидал от вас бо́льшей активности. Вторую неделю живете в Берлине, и такой школярский лепет...

Савинков налился кровью и стиснул челюсти. Другому бы он не спустил подобного тона, но тот, кто сидел перед ним, вальяжно развалившись на диване, был Хозяин.

— Что скажет господин Эльвенгрен?

Рейли быстро повернулся и прицелился глазами в переносицу штаб-ротмистра.

— Простите, мистер Рейли, но я уполномочен давать отчет только тому, кто послал меня сюда... Я не убежден, обязательно ли мое присутствие на сегодняшней беседе.

— Обязательно, Эльвенгрен... Вы желаете, чтобы я предъявил полномочия?

— Хотелось бы...

— Этого не будет, штаб-ротмистр. Единственное, что я могу посоветовать,— это позвонить в Париж Сакони, Нобелю или господину Лианозову. Вам будет интересно услышать, что они ответят на такой звонок.

Эльвенгрен слушал раздраженного англичанина и думал, как ему поступить. Было ясно, что в этой комнате Рейли представляет сейчас Интеллидженс Сервис, у которой Савинков ходит по струночке. Штабротмистр предпочитал слушать единственного командира, не быть слугой у двух господ. В конце концов у Эльвенгрена одна голова.

— Помощью Орлова довольны? — спросил Рейли.

— Вполне... Все, что господин Орлов мог для нас сделать, он выполнил добросовестно. Теперь надо другое...

— Деньги,— вступил в разговор Савинков.— С оставшимися средствами нам не довести дело до конца. Затраты оказались более значительными, чем предполагалось.

— Кроме того, господин Савинков часть полученных денег переслал в Варшаву, чтобы поддержать моральный дух тамошней организации,— с тайным удовольствием добавил Эльвенгрен.

— Варшавская организация направила нам трех боевиков,— резко возразил Савинков.

— Таких можно было найти и в Берлине. Обошлись бы дешевле. Но господин Савинков говорит совершенную правду, мистер Рейли, денег у нас недостаточно для завершения операции.

«Вот так-то, уважаемый мистер,— про себя подумал Эльвенгрен, жалея, что он подвел Савинкова.— Разъезжаешь со своими нотациями, так изволь раскошеливаться».

Рейли потер рукой гладко выбритую щеку и сказал насмешливо:

— Не начав операцию, рано говорить о ее завершении... Вы, штаб-ротмистр, только что утверждали, что вопросы может задавать Торгпром. Советую туда и обратиться по поводу финансовых затруднений... Я ясно выражаю мысль?

— Да, мистер Рейли,— ответил Эльвенгрен, уже соображая, что мистер не прост. Из него не выжмешь ни одной дохлой марки, пока не дашь «товар».

Придется кланяться Торгпрому. Эти господа не упустят случая ткнуть в нос Эльвенгрену, что по его настоянию Савинков приглашен для участия в операции.

— Кроме денег нужна информация,— сказал Савинков.

— Это другой разговор.

Рейли выразительно поглядел на Орлова. Тот выпрямился под немигающим взглядом англичанина.

— По этому вопросу вступите в контакт с «Фридрихом» и его людьми. Пусть дадут все, что требуется для дела.

Эльвенгрен понял, что речь идет о каком-то человеке Рейли, имеющем отношение либо к министерству иностранных дел, либо к тайной полиции.

Еще он подумал, что его недавние потуги сохранить собственную независимость выглядят довольно неуклюжими. Рейли может и не добиваться ответов от Эльвенгрена. Все, что интересует, ему сообщат руководители Торгпрома, и все, что нужно приказать, он прикажет штаб-ротмистру через Нобеля и Сакони. Пора было уже Эльвенгрену понять, что у Торгпрома тоже был свой «хозяин». В этом мире никто не остается без «хозяина».

Газеты сообщали состав советской делегации на Генуэзской конференции. Нарком иностранных дел Чичерин, Нарком внешней торговли Красин, замнаркома по иностранным делам Литвинов составляли полномочное бюро делегации. В Геную направлялись также глава советской экономической миссии в Италии Воровский, генеральный секретарь ВЦСПС Рудзутак, представители Украинской, Армянской, Азербайджанской, Грузинской, Дальневосточной и других республик. Делегацию сопровождали эксперты, советники, переводчики. В ящики, портфели, опечатанные мешки дипломатических курьеров — вализы — упаковывались тысячи документов. Древние фолианты в

кожаных переплетах с медными застежками и рукописные грамоты с рисованными киноварью буквицами и печатями на витых шнурах, книги, набранные славянскими литерами, латинским шрифтом и арабской вязью, недавние отчеты наркоминдела и наркомвнешторга и проекты планов по восстановлению народного хозяйства.

Европа требовала, чтобы Советское правительство признало царские долги. Лишь после этого она соглашалась вести переговоры о ликвидации экономической и финансовой блокады. Советское правительство поставило вопрос о возмещении убытков, нанесенных иностранной интервенцией и блокадой. Счет таким убыткам велся давно, и руководитель делегации положил в портфель объемистый документ с итоговой цифрой и советскими контрпредложениями.

Корреспондентов, обозревателей, редакторов, дипломатов, политиков и прочих людей с повышенной профессиональной любознательностью будоражил вопрос: поедет Ленин в Геную или не поедет.

Чрезвычайная сессия ВЦИК назначила Владимира Ильича председателем советской делегации на Генуэзской конференции. Но при обсуждении этого вопроса заместитель председателя делегации Чичерин был также облечен всеми правами председателя делегации на тот случай, если обстоятельства исключат возможность поездки Ленина в Геную.

Это объяснялось тем, что здоровье Владимира Ильича за последнее время снова стало ухудшаться.

Оторванный от Родины, от товарищей, от привычной обстановки, Решетов с тревогой прочитал в газетах, что известный германский терапевт профессор Клемперер срочно приглашен Советским правительством в Москву для лечения Ленина.

Газетные версии были самые противоречивые.

Парижская «Энформасьон» сообщала, что в советских кругах в Берлине опровергают слухи о серьезном ухудшении здоровья Ленина.

Белогвардейское «Новое время» безапелляционно заявляло, что, по слухам из Москвы, Ленин находится в безнадежном состоянии, и подтверждала свое сообщение тем, что в советской газете «Известия» было опубликовано постановление Совнаркома, подписанное следующим образом — «Председатель Совета Народных Комиссаров А. Цюрупа».

Сверх того появилась еще одна сенсационная заметка: «Из осведомленных источников передают, что у швейцарского правительства запрошено согласие на проезд Советской делегации в Геную. Первым в списке стоит Ленин».

Собеседники расположились под развесистым каштаном в крохотном сквере на берегу Сены. Цокали по мостовой подковы равнодушных к городской суете извозчичьих лошадей. Под гранитными сводами мостов лениво катилась мутная вода, и упрямые рыболовы, терпеливые, как каменные изваяния на старых соборах, поджидали удачу.

— Первое — это Коншин,— скупо говорил Решетов.— Мой отказ его насторожил. Но судя по всему, человек в Риге Коншину нужен. Связи с «доверенными лицами» они будут укреплять, и наша задача, Густав Янович, взять в руки эти связи.

— Я тоже так имею убеждение считать,— с характерным акцентом прибалта откликнулся Краумииь, чекист, внедренный во вражеский стан еще при наступлении Юденича. С остатками белых Густав Янович эвакуировался в Париж и проживал здесь под видом латышского эмигранта. По распоряжению, по-

лученному шифровкой из Москвы, Решетову предписывалось срочно выехать в Берлин.

— Какое впечатление произвел на вас профессор Мисягин?

Крауминь широко улыбнулся.

— Он хорошо понимает историю, но плохо видит, что происходит под боком. У него есть серьезная близорукость...

— Верно, Густав Янович. Но в основе он честный человек. Это знакомство вы продолжите и постепенно углубите. Поможете дочери Мисягина устроиться сестрой в лазарет. Она давно уже хлопочет об этом месте.

— Для такой очаровательной девушки я буду делать самое большое старание...

— Пожалуйста, Густав Янович... Коншин и профессор — это наш ход к Торгпрому... Видимо, после берлинской операции мне в Париж уже нельзя будет возвратиться. На вас вся надежда, Густав Янович.

— Я буду производить здесь полный порядок,— сказал Крауминь и подал руку. Крупную, с витыми узлами жил на запястье руку латышского рыбака из-под Вентспилса, волею судьбы ставшего «владельцем» бакалейной лавки в парижском предместье Бийанкур.

Времени оставалось мало. Советская делегация готовилась к выезду из Москвы. Чичерин дал последнее интервью корреспондентам «Правды» и «Известий».

«Наша делегация готовится к тому, чтобы выдержать ожесточенный бой...»

Скорый поезд Париж — Берлин шел по холмистой
 долине Марны. Весна набирала силы. Зеленая дымка

окутала леса на пологих холмах, под которыми дотлевал прах сотен тысяч убитых солдат. Медленный склон просекали зигзаги окопов. На бугре кособочилась тупорылая гаубица с оторванным колесом и клепаным сошником, вонзившимся в жирную землю.

Решетов смотрел в окно и размышлял, как разыскать в Берлине штаб-ротмистра Эльвенгрена.

Невольно на ум пришла известная присказка насчет иголки, потерянной в стоге сена.

Решетов признавался себе, что из облика Эльвенгрена ему запомнился лишь мясистый нос и пронзительные глаза, утонувшие в глубоких орбитах с тяжелыми надбровьями.

— Не густо у вас примéт,— качнул головой начальник охраны генуэзской делегации, с которым Решетову по его просьбе устроили встречу сразу же после приезда в Берлин.— Для обеспечения полной безопасности делегации нужно знать, где и каким образом нам собираются нанести удар.

Темно-синий, сшитый по последней моде штатский костюм явно стеснял начальника охраны. Руки его то и дело срывались к поясу и недоуменно застывали, не найдя ремня, которым он много лет перепоясывал гимнастерку.

— В газетах пишут, что в составе делегации инкогнито находится Владимир Ильич,— помолчав, сказал Решетов.— Я не имею права задавать такие вопросы, но мне надо знать...

Начальник охраны резко повернулся и в упор уставился на спрашивающего. Глаза на худом, со впалыми щеками лице казались огромными.

Виктор Анатольевич выдержал взгляд.

— Мне это нужно знать как коммунисту,— глухо сказал он.

Начальник охраны отрицательно качнул головой. От этого едва приметного, понятного лишь двоим движения стало легче.

— Нацелятся, видимо, на Чичерина...

— Вы заметили что-нибудь подозрительное?

— Черный «опель». Вчера кинулся за одной из машин делегации, но был задержан на перекрестке... «Опель» спортивного типа, номер...

— Запомнил,— ответил Решетов.— Конечно, не случайно поехал... Ну вот, уже легче. Все-таки черных «опелей» в Берлине меньше, чем рослых тридцатипятилетних мужчин с мясистыми носами.

— Безусловно. Кроме того, Эльвенгрен наверняка будет крутиться где-то около «Эуропеише палас»... Вы отвечаете за штаб-ротмистра и должны его найти.

— Найти так найти,— вздохнул Виктор Анатольевич.— Познакомишься иной раз на свою голову...

Ветер уныло шевелил ветки на деревьях. Асфальт был забрызган липкой грязью. По каменным щелям улиц уныло текла серая, будто придавленная невидимой тяжестью толпа.

Рейхсмарка падала с каждым днем. Берлин голодал. Не было работы, не было хлеба, не было крова пад головами. Не было многого другого, что так необходимо человеку в огромном городе.

На углу безногий инвалид в затрепанной шинели продавал поштучно сигареты и самодельные конверты. У инвалида был отсутствующий взгляд, небритые щеки и заострившийся нос. В свете ближнего фонаря лучше всего были видны протянутые к прохожим жилистые руки и кожаные нашлепки на выставленных культях.

Двое суток колесил Решетов по кварталам, прилегающим к гостинице «Эуропеише палас». Прохаживался возле витрин, заходил в подъезды, в задымленные пивные, где курили эрзац-сигареты, начиненные бумагой, пропитанной никотином, и пили эрзац-пиво.

Решетов искал черный «опель». Несколько раз с замиравшим сердцем он кидался к спортивным машинам и разочарованно останавливался.

Все произошло так, что в первое мгновение Решетов растерялся.

Он шел по крохотной улице, которая выходила на Потсдаммерплац против «Эуропеише палас». Странно, что до сих пор Решетов на эту улицу не обратил внимания. Отсюда, из глубины, был хорошо виден подъезд гостиницы. Тем, кто хотел наблюдать за «Эуропеише палас», не обязательно было устраиваться на Потсдаммерплац, где прогуливались медлительные шупо и маячили по углам агенты полиции.

Как это раньше не пришло в голову? Владелец таинственного «опеля» мог не упустить такую возможность.

И тут Решетов увидел Эльвенгрена.

Штаб-ротмистр вышел из подъезда серого трехэтажного дома и, вполголоса разговаривая с плечистым попутчиком, направился в сторону Потсдаммерплац. Решетов отвернулся к витрине крохотного магазинчика, едва удерживая острое желание кинуться вслед. Ребристая рукоять браунинга ткнулась в бедро...

«Разведчик кончается тогда, когда он начинает палить из револьвера и убегать по крышам»,— вспомнились вдруг слова Менжинского.

Решетов прошелся вдоль витрины, за стеклом которой были выставлены пыльные бумажные цветы,

банки с эрзац-ваксой и несколько пар цветастых тапочек на суконной подошве, поглядел на часы, озабоченно качнул головой и заторопился.

Улица вывела на оживленную городскую магистраль. Следить стало легче. Рослый Эльвенгрен почти на голову возвышался в потоке прохожих.

На ближнем перекрестке двое повернули к вокзальной площади Потсдамербанхоф. У вокзала к Эльвенгрену подошли еще двое. Один приземистый, с одутловатым творожистым лицом, второй — черноволосый, с монгольскими крупными скулами и скошенным разрезом глаз.

Виктор Анатольевич запомнил их лица, хотя и не знал, что видит савинковских боевиков Васильева и Бикчантаева.

О чем-то коротко переговорив, трое пошли вдоль чугунной решетки перрона в ту сторону, где виднелись кирпичные пакгаузы. Между пакгаузами был проход. Черноволосый остался у прохода.

Решетов подошел к щиту расписания и принялся его изучать. Затем уселся на скамейке с видом человека, приготовившегося к томительному вокзальному ожиданию.

Эльвенгрен и его спутники от пакгаузов не возвратились. Чернявый через полчаса тоже ушел со своего поста.

Боевики в пансионе изнывали от скуки. Савинков и Эльвенгрен метались возле Потсдаммерплац.

В отели проникнуть не удавалось. Дополнительные полицейские посты и агенты тайной охраны наглухо перекрывали все подходы к «Эуропеише палас» и «Эксельциору».

— С чего это немцы преисполнились такой трогательной заботы к большевикам? — спросил Эльвенгрен, когда очередной раз два агента тайной полиции выросли на углу перед штаб-ротмистром и посоветовали «гнедиге херру» выбрать для прогулок более подходящее место.

— Вы бы на их месте тоже берегли Чичерина,— откликнулся Савинков.— Для немцев господа комиссары могут оказаться единственными союзниками на Генуэзской конференции... Свои козыри немцы берегут для настоящей игры... Надо было снять помещение поближе к гостинице.

— Если за Чичериным поехать на машине и приблизиться в пути на нужное расстояние?

— Попробуем.

На следующий день Савинков раздобыл спортивный «опель».

— Последняя модель. От него не уйдет ни одна машина.

Проследить, куда уезжают члены советской делегации, помешали непредвиденные обстоятельства.

Министерство иностранных дел Германии предоставило русским дипломатам машины из собственного гаража. Спортивный «опель» мог легко соревноваться в скорости с тяжеловесными колымагами, олицетворяющими далеко не последние достижения автомобилестроения. Но у колымаг было преимущество: они имели особые номера и право ездить по городу без соблюдения установленных правил. Приближаясь к перекрестку, машины давали певучий сигнал, и регулировщик немедленно перекрывал движение, пропуская автомобиль уважаемого министерства.

Рванувшийся было за ним «опель» сразу же наткнулся на поднятый жезл.

— Я опять разговаривал с Орловым. Он был рад помочь, но «Фридрих» тоже не может ничего толкового сделать.

— У Рейли здесь много людей. Он ведь заинтересован в нашем деле.

— Заинтересован,— скривился Савинков.— Но не настолько, чтобы раскрывать все свои возможности. Во-первых, англичане предпочитают по возможности не пачкать рук. Это вы, штаб-ротмистр, усвойте на будущее. Во-вторых, если немцы хотят использовать большевиков против союзников, то, как знать, нет ли у англичан тайного плана насчет союза с немцами. Сейчас в Европе идет крупная игра, Эльвенгрен.

— Кто играет, а кому остается только подавать шары,— угрюмо сказал штаб-ротмистр, поняв, что Савинков не будет ничего просить у Рейли.

В кафе, на узкой улице Целендорфа, где по одной стороне тянулись мрачные, серые от многолетней копоти склады экспортной компании, посетители обычно долго не задерживались. Забегали упаковщики, забредали бывшие инструментальщики с соседнего завода, на воротах которого вот уже второй год висел замок, заглядывали согреться продавцы газет и уборщики улиц.

Поэтому хозяин кафе сразу обратил внимание на двух посетителей, уединившихся за крайним столиком возле окна.

Пришли они в кафе около трех часов, а теперь стрелки уже подходили к шести.

— Еще раз пиво? — спросил хозяин, решив на сей раз самолично обслужить посетителей.

Странно, что они облюбовали его кафе. Если водятся деньги, нечего тащиться на окраинный Целендорф. Надо ехать в Шарлотенбург или Шёнеберг.

Хозяин решил не ломать голову. Посетители ведут себя прилично, хорошо заказывают и аккуратно платят. То, что они нетерпеливо посматривают в окно, кого-то поджидая, хозяина не касается. У каждого свои дела, и совершенно не обязательно, чтобы о них знали другие.

— Не понимаю, Георгий Евгеньевич, почему такая задержка... Вдруг все сорвалось,— сказал Озолин, с шумом отхлебывая пиво.— Струсили савинковские кретины!..

— Не может быть... Васильев будет стрелять... Хозяин, бутылку шнапса! Васильев не струсит.

Эльвенгрен верил тяжелолицему, неразговорчивому савинковскому боевику. Васильев с двадцати метров мог всаживать всю обойму в семерку пик. И без сомнения, при малейшей возможности пустит в ход оружие. У поручика-дроздовца была животная ненависть к большевикам, патологическая злоба, которую он не мог до конца израсходовать даже в деникинской контрразведке.

— Идет!.. Васильев идет!

Опрокинув рюмку со шнапсом, Эльвенгрен повернулся к окну. По улице шагал Васильев. Он странно сутулился и не в такт размахивал длинными, как у гориллы, руками.

— Почему он идет пешком? — тревожно спросил Озолин.— Они же на машине должны приехать. В чем дело?

— Не понимаю,— тихо ответил Эльвенгрен, потрогал локтем тяжелый парабеллум, пристроенный под пиджаком так, чтобы его можно было мгновенно выхватить, и поднялся навстречу боевику.

— Я не стрелял,— глухо сказал Васильев и залпом выпил большую рюмку шнапса.

— Почему? — с глухой яростью спросил Эльвенгрен.— Кишка тонка оказалась... Мандраж напал?

На лице Васильева мрачновато сверкнули глаза и в кривой усмешке растянулись жесткие губы.

— Поезд ушел пустым.

— Как пустым? — оторопело переспросил Эльвенгрен.— Почему пустым? Он же предназначался для делегации... Это совершенно точно.

— Точно... Делегация едет в этом поезде,— подтвердил Васильев и снова налил себе шнапса.— Я был на вокзале. Прошел на платформу к салон-вагону... Даже видел знакомого. Бывшего генерала Верховского. Черт знает, в каких чинах он теперь у большевиков обретается... Мы служили с ним в Павловском полку.

— Почему не стреляли! — багровея от бешенства, крикнул Эльвенгрен.

— Поезд ушел пустым!..

— Но вы же Верховского видели?

— Мне Чичерин был нужен, Эльвенгрен... Чичерин! А не какое-то дерьмо, променявшее генеральские погоны на комиссарскую похлебку... Чичерин у поезда не появился.

— Почему?

— Это уже вы мне должны сказать! Я готов был голыми руками хватать за глотки, а меня, как сопливого мальчишку, вокруг пальца... Почему так получилось, Эльвенгрен?.. Почему?

Стиснутыми кулаками Васильев ударил по столу, покрытому липкой клеенкой. Подпрыгнули и раскатились пивные бутылки, зазвенели рюмки и стаканы.

— Спокойно, господа! — встревоженно суетился
 Озолин. Подскакивал то к Эльвенгрену, то к Ва-

сильеву, хватал за рукава, оглядывался на дверь.— Успокойтесь, ради бога!.. На нас обращают внимание!..

Васильев растопыренной пятерней провел по потному лицу, поднял упавшую на пол пивную бутылку, запрокинув голову, допил остатки и попросил заказать покрепче.

— Кюммель,— кинул Эльвенгрен подбежавшему хозяину.— На всех, по двойной порции... Где Савинков, где остальные?

— Не знаю... Все перепуталось. Я ждал на платформе полчаса. Клементьев и Бикчантаев удрали, как только сообразили, что срывается дело...

— Провал!.. Полный провал,— сказал Эльвенгрен и ухватился за голову, словно у него вдруг разболелся затылок.

Савинков, Клементьев и Бикчантаев отыскались поздно вечером, сказали, что за ними увязался «хвост» и пришлось кружить по городу, чтобы не привести полицию в Целендорф.

Савинкову удалось по телефону связаться с Орловым.

Через «Фридриха» узнали, что вопреки дипломатическому, тщательно разработанному протоколу руководители Советской делегации задержались на обеде в министерстве иностранных дел. Оттуда дали команду на вокзал отсрочить на десять минут отправку поезда. Но через десять минут железнодорожному начальству последовал новый звонок. Состав было приказано отправить. Руководство делегации должно было догнать его на машинах министерства иностранных дел на ближайшей станции, занять положенные места и следовать в Геную.

— Вы верите в случайность такой задержки, Савинков? — спросил Эльвенгрен.

— Я думаю, что в наших интересах, штаб-ротмистр, считать, что произошла именно случайность...

Глава 9

— Меня жандармы в охранке ногами топтали! Я в этапных каталажках клопов кормил... С шестнадцати лет в подполье работал!.. С вами вместе, товарищ Менжинский, в городе Ярославле, если вам не изменяет память...

— Не изменяет, Ладыженский. Память у меня хорошая.

— Я жизнь революции отдал, а меня в тюрьму упрятали! Это дикий самосуд над революционной демократией и свободой!..

Распаляя сам себя, Ладыженский кричал, срываясь на визг и нелепо размахивая руками. В тюрьме эсера остригли, и голова у Ладыженского неожиданно оказалась похожей на задубевший, перезрелый огурец, какие остаются к концу лета на грядках.

Следствие по делу партии эсеров было закончено, но Вячеслав Рудольфович удовлетворил просьбу арестованного Ладыженского о встрече, и вот теперь ярославский знакомый сидел в кабинете.

— Суд над партией эсеров положит несмываемое пятно позора на победивший революционный народ!.. Я категорически протестую против предъявленного мне лживого обвинения!

Менжинский слушал выкрики и думал, что слишком долго терпели, долго нянчились с эсеровскими демагогами. Еще в мае семнадцатого года эсеры вошли в коалиционное Временное правительство, и не без их участия был организован расстрел мирной демон-

CAFE

страции на Невском. Затем, прикрываясь лозунгами Учредительного собрания, они старательно расчищали дорогу и Колчаку, и японцам, и англичанам, помогали Деникину, Корнилову, Врангелю, поднимали кулацкие мятежи и восстания. Когда интервенция была разгромлена, эсеры перешли к активной подпольной борьбе против Советской власти.

В записке, направленной заместителю председателя ВЧК Уншлихту, Ленин писал:

«...Сообщают про Питер худое. Эсеры-де сугубо налегли, и питерская Чека не знает-де ничего об эсерах! Они-де новые, законспирированы чудесно, имеют свою агентуру.

Как бы-де не прозевать второго Кронштадта.

Обратите побольше внимания, пожалуйста, и черкните мне *сегодня же.*

Не послать ли опытных чекистов отсюда в Питер?

Говорят, эсеровские крестьяне направляются эсерами в Питер?

Ваши сведения и Ваши планы?

С ком. приветом *Ленин».*

Хотя кронштадтская авантюра и обнаружила бессилие эсеров, их вожаки не сложили оружия. В ВЧК один за другим поступали сигналы об активизации подпольной деятельности эсеров, которые теперь решили сделать ставку на нэп и собирали под свое крылышко врагов Советской власти любого толка, всех недобитков контрреволюционных групп и объединений.

— Это линчевание верных борцов революции! Факты чудовищно извращены и подтасованы!

— Прекратите демагогию, Ладыженский!

Голос Вячеслава Рудольфовича всплеснулся гневной нотой.

— И прошу, не трогайте революцию. К пролетарской революции эсеры не имеют никакого отношения. Вы хотели устроить революцию по собственному покрою!

— Это ложь!

— Это правда, Ладыженский. Давайте бросим крикливые слова. Они ничего не доказывают, кроме той очевидной истины, что в пустой бочке больше звона. Перейдем к фактам. Вы, безусловно, знаете заявление десятого совета партии эсеров.

— Не припоминаю...

— У вас, оказывается, память слабая. Хорошо, я напомню. Ваш руководящий орган, совет партии эсеров, заявил, «что вопрос о революционном низвержении диктатуры коммунистической партии со всей силой жизненной необходимости становится в порядок дня, становится вопросом существования российской трудовой демократии...»

— Да, мы боремся за свободу!

— Для кого, за какую свободу? Когда в Самаре эсеры взяли власть, то в числе первых их свобод было установление свободной торговли водкой. Потом была объявлена свобода религии и образовано министерство вероисповеданий, чтобы заручиться поддержкой богомольных волжских купчиков. Затем ради свободы они позвали на помощь чехов и яицких богатеньких казаков и возвратили земли помещикам под тем предлогом, что озимые были засеяны до революции и, следовательно, помещики являются владельцами урожая...

— Я не отрицаю, что допускались отдельные ошибки...

— Ваши ошибки, Ладыженский, можно назвать системой, сущностью вашей партии, которая всегда

проводила политику двурушничества и подленького лицемерия.

— Это надо доказать!

— Факты доказывают весьма убедительно. Пистолет, из которого Каплан стреляла в Ленина, она получила от начальника боевых дружин партии эсеров Семенова.

— Каплан в то время уже не состояла членом нашей партии.

— Да, она вышла из вашей партии. Но вышла для того, чтобы дать вам возможность кричать на каждом перекрестке, что покушение на вождя революции она совершила на собственный риск и невиннейшие эсеровские ягнятки не имеют к нему отношения.

— В то время наша партия активно выступала против практики индивидуального террора.

— На словах. А на деле поощряла его. Ваши вожаки отлично знали о подготовке покушения на Урицкого и Володарского, но и пальцем не ударили, чтобы предотвратить подобные акты. Своей политикой умолчания вы просто поощряли террор, старательно выпячивая только подленькое условие, чтобы все террористические акты совершались не от имени партии эсеров.

— Да, не от имени партии...

— А вы попробуйте, Ладыженский, вообразить такую картину. Приходит эсер и спрашивает вас, к примеру: я знаю, что от имени партии выходить с кистенем на большую дорогу нельзя, а не от имени партии можно?

Ладыженский нервно вздернул головой и не нашелся, что ответить.

— Давайте не будем добавлять в море воды. Вы утверждаете, что большевики намерены расправить-

ся с вами как со своими идеологическими противниками...

— Насилие над свободой, попрание личности...

— Не личности, а контрреволюционеров.

— Я не позволю так называть меня.

— На воре шапка горит... Я ведь не упомянул вашей фамилии, Ладыженский. От кого вы получили пять тысяч франков, найденных при обыске?

— Это мои личные сбережения.

— Печетесь о русской революции, а сбережения делаете во франках... Уже это выглядит противоестественно. А потом эти франки — не ваши личные сбережения, Ладыженский. Вы получили их от представителя одной иностранной миссии, с которой вы имели постоянные встречи.

— Я не отрицаю, что встречался с дипломатами. Представительствовал по долгу службы...

— Не по долгу службы, а по заданиям эсеровского центра. Неужели вы полагаете, что ваша личность могла бескорыстно интересовать хоть одного дипломата? Франки вам передали за предоставление шпионских сведений о так называемом повстанческом движении на Кавказе. На суде это будет подтверждено уликами и показаниями свидетелей... А факт вашей поездки в Псков, где вы должны были получить и доставить в Москву чемодан со взрывчаткой? Вас же схватили с поличным...

Ладыженский стал бледнеть.

— Клянусь, в Пскове я оказался жертвой чудовищного обмана.

— Если даже поверить вам, то обманывали собратья по вашей, как вы утверждаете, «революционной партии», по борьбе за демократию и свободу с помощью динамита и диверсионных взрывов. Вроде

того, какой вы хотели устроить на Петроградской водокачке...

— Я прошу вас лично, Вячеслав Рудольфович,— сбивчиво и торопливо заговорил Ладыженский, подавшись вперед,— учесть мою преданность революции... Вы же знаете меня... Я обращаюсь к вам за снисхождением, как к соратнику по совместной подпольной борьбе с самодержавием.

— Мы никогда не были с вами соратниками, Ладыженский,— перебил Вячеслав Рудольфович и подумал, что ко всему прочему его давний знакомый еще просто трус.

— Я давно хотел порвать. Но мне угрожали... Меня запутали. Я писал заявление, что выхожу из партии... Поверьте, что я искренне заблуждался... Обращаюсь к вашему гуманизму и милосердию...

Ладыженский говорил торопливо. Схлестнув на груди руки, он раскачивался на стуле словно под ударами ветра.

— Вы можете меня спасти... Вытянуть из этого болота. Я обещаю вам... Я даю честное слово... Я все сделаю, что нужно...

— Суд внимательно рассмотрит предъявленное вам обвинение, Ладыженский. И адвокатов у вас тоже будет много. Социалистический интернационал, как известно, заявил в печати, что он берет под защиту «невинных» собратьев по борьбе с большевистской диктатурой. Сам господин Вандервельде собирается прикатить на процесс...

— Я обращаюсь к вам...

— Не верите в европейских адвокатов, Ладыженский?.. Что ж, в этом есть резон. Я, лично, вам снисхождения никакого сделать не могу. Во-первых, не имею для того фактических оснований, во-вторых,

мне не предоставлено права судить или миловать. Я выполняю партийный долг по защите завоеваний Октября, и моя совесть человека и коммуниста не находит оправдания вашим поступкам...

Ладыженский закрыл лицо руками, и плечи его задрожали.

Вячеслав Рудольфович приказал увести арестованного и откинулся на спинку просторного кресла.

Жалости к давнему ярославскому знакомому не было. Последнее время довелось встретиться с такими фактами заговорщической деятельности партии эсеров, что Вячеслав Рудольфович не мог думать о Ладыженском просто как о человеке недалекого ума, хвастуне и демагоге, умевшем устраивать собственное материальное благополучие под укрытием трескучих фраз.

Жизнь, многотрудная работа чекиста учили твердости и глубине, учили беспощадно проверять самого себя.

Будь два года назад особоуполномоченный Менжинский более проницательным, он наверняка лучше бы разглядел нутро непрошеного ходатая по делу шпиона Роменского. Как знать, если бы тогда было время досконально изучить все ниточки, тянущиеся от Роменского, может быть, одна из них и привела бы к Ладыженскому и его покровителям.

Сейчас, оглядываясь назад, Менжинский предъявлял себе строгий и нелицеприятный счет.

В записке Уншлихту Владимир Ильич предостерегал, как бы не прозевать второго Кронштадта.

Выступление в городе-крепости произошло двадцать восьмого февраля. А за две недели до этого в парижской газете «Матэн» была опубликована сенсационная телеграмма о «восстании в Кронштадте».
 Враги в хвастливом рвении выболтали свои планы,

а чекисты не воспользовались такой оплошностью. Вместо того чтобы тщательно проверить обстоятельства появления газетной сенсации, усмехнулись по поводу очередной газетной «утки». Недооценили опасность, и Кронштадт пришлось брать штурмом. Идти по балтийскому льду на пушки и пулеметы.

Весной в информационном сообщении местным органам ГПУ Менжинский писал о бессилии эсеров, об их оторванности от масс. Нацеливал внимание лишь на возможную опасность влияния эсеров на отдельных предприятиях и в кооперативных обществах.

Следствие же выявило факты прямого шпионажа, передачи сведений о состоянии боевой подготовленности Красной Армии, о ее численности и командном составе, выявило прямую связь Административного центра эсеровской партии с разведками иностранных государств. Пожар на Сураханских нефтяных промыслах в Баку, на телефонной станции, на канатной и фанерной фабриках в Петрограде был, как показало следствие, делом подпольных эсеровских боевиков.

Суд состоялся открытый. Европейские адвокаты во главе с господином Вандервельде, прикатившие в Москву, были допущены на судебные заседания.

Неопровержимыми фактами, уликами представители государственного обвинения убедительно доказали, что на скамье подсудимых сидят не идейные противники большевиков, как пыталась представить западная пресса, а шпионы и заговорщики.

Вандервельде с компанией укатил восвояси, не дождавшись конца процесса.

Верховный трибунал приговорил лидеров правых эсеров к высшей мере наказания.

Президиум ЦИК, рассмотрев апелляцию осужденных, заменил высшую меру наказания различными сроками тюремного заключения.

— Понесли, как говорится, заслуженную кару...

— Нет, Павел Иванович. Это не просто заслуженная кара. Это политическая смерть правых эсеров.

— А как ваш ярославский знакомый?

— Ладыженский? Он уж не такая великая фигура. Шел по отдельному производству. Приговорен к пяти годам лишения свободы. Полагаю, что это поможет ему поумнеть. Он, если разобраться, никогда еще не занимался общественно полезным трудом.

В июле двадцать второго года Вячеслав Рудольфович был назначен начальником Секретно-оперативного управления и членом Коллегии ГПУ. В связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик ГПУ было преобразовано в ОГПУ. Первым заместителем Председателя ОГПУ Дзержинского стал Вячеслав Рудольфович Менжинский.

— Прошу покорнейше извинить, Виктор Анатольевич. Я понимаю ваше желание закончить образование. Но просил бы немного повременить. Вы отлично справились с заданием. Показали настоящую чекистскую хватку. Очень ценю, что она соединяется у вас с инженерными знаниями. ОГПУ сейчас крайне нужны такие работники.

Решетов вопросительно поглядел на Менжинского.

— Я не буду призывать вас, Виктор Анатольевич,

к исполнению долга. Мы с вами оба коммунисты, и я

уверен, что вы обратились с заявлением не потому, что хотите более легкой жизни. Вы искренне считаете, что, получив образование, принесете стране и партии больше пользы, нежели гоняясь по Европе за штаб-ротмистрами...

— Конечно, Вячеслав Рудольфович. С Эльвенгреном и другие могут справиться...

— Да, с Эльвенгреном могут справиться и другие,— согласился Менжинский.— Здесь вы нужны не для Эльвенгрена, товарищ Решетов. Контрреволюция переходит к новым формам борьбы. Мы весьма внимательно отнеслись и к вашим, в том числе, сообщениям о том, что некоторые русские промышленники, эмигрировавшие за границу, имеют связи со своими бывшими доверенными служащими и выплачивают им субсидии за экономическую информацию, за то, что они задерживают восстановление фабрик и заводов, сберегают угольные пласты и нефтяные месторождения для своих хозяев...

— Не могу понять, зачем им теперь-то сберегать? Неужели так и не могут сообразить, что из сбереженного им ничего не достанется?

— Не так все просто, Виктор Анатольевич... Доверенные лица бывших промышленников тоже ведь не отличаются любовью к Советской власти. Кроме того, ведутся разговоры о концессиях. Почему бы, например, не довести наши предприятия до такого состояния, что нам не останется выхода, как сдавать их в концессии. Но это особая сторона дела... Существенный недостаток в нашей работе состоит сейчас, пожалуй, в том, что боевые чекисты, научившиеся ловить шпионов и диверсантов, к сожалению, не всегда так же хорошо справляются с делами экономического характера.

— И этому научатся, Вячеслав Рудольфович.

— Полностью с вами согласен. Однако в данном вопросе существуют некоторые частности. Во-первых, время. На учебу его у нас всегда недостает, а приобретение опыта непосредственно в ходе практической работы может дорого обойтись. Мне недавно пришлось заниматься делом о «саботаже». Чекисты привлекли к ответственности нескольких инженеров за свертывание работ по Берсеневской проходке в Донбассе. С первого взгляда тут яснее ясного: мы прилагаем все усилия, чтобы увеличить добычу угля, а саботажники свертывают работы по новой проходке. Но, как выяснилось, правы оказались инженеры, а не наши ретивые товарищи, посадившие их за решетку. Проходка-то была бесперспективной. До революции господа акционеры раструбили о Берсеневских угольных пластах, чтобы выпустить новые акции и хапануть деньги у доверчивых людей. На их языке такое жульничество деликатно называлось «разводнение основного капитала». Вот почему честные специалисты запротестовали, когда было отпущено десять миллионов рублей золотом для работ по Берсеневской проходке. А им сразу пришлепнули ярлычок — «саботаж восстановительных работ». Представьте, что произошло, если бы мы не разобрались? Честные инженеры сидели бы в тюрьме, а десять миллионов золотом, при нашей-то нужде, были закопаны в землю Берсеневки руками чекистов...

— Но это же исключительный случай...

— Не исключительный, Виктор Анатольевич... В условиях развертывания восстановительных работ в народном хозяйстве такие дела будут преобладать в практике работы ОГПУ. Или возьмите другой вопрос — концессии. К нему вы имели непосредственное отношение в Берлине.

— Помилуйте, Вячеслав Рудольфович, в Берлине были Савинков и Эльвенгрен...

— Пошире надо смотреть на вещи, товарищ Решетов. Вы активно помогали нашим наркоминдельцам, направленным в Геную. Рапалльским договором пробита брешь в дипломатической, торговой и финансовой блокаде. Германия хотя и побежденная, но одна из крупнейших капиталистических стран, возобновив с нами дипломатические и консульские отношения, признала тем самым законность и суверенность нашего государства, государства рабочих и крестьян. ...А как важно то, что мы и Германия взаимно отказываемся от возмещения долгов и военных убытков. Особенно в отношении национализированного нами имущества германских граждан. Это же признание капиталистами законности наших революционных конфискаций. Создан нужный прецедент... В вопрос о концессиях тоже внесена необходимая ясность.

— В отношении концессионных предложений мы могли бы быть более уступчивы. Недавно я разговаривал со знакомыми инженерами-путейцами. Мне сказали, нужно немедленно сто тысяч рельсов. Путейцы дошли до крайности: снимают рельсы в одном месте, чтобы уложить их в другом. За сто тысяч рельсов можно разрешить какую-нибудь концессию...

— Мы идем на разумное предоставление концессий. Более того, чекисты помогают концессионерам. Недавно Феликс Эдмундович направил мне записку, где наряду с установлением надзора ставит вопрос и о содействии ОГПУ концессионерам в пределах заключаемых договоров.

Решетов откровенно поскреб затылок.

— К вопросу о концессиях нужно подходить с точки зрения государственных интересов, дорогой

Виктор Анатольевич... Феликс Эдмундович правильно указывает, что без содействия надзор может превратиться в борьбу с концессиями. А это уже будет противоречить политике партии на данном этапе.

— И я говорю, что концессий надо больше...

— Американский министр торговли господин Гувер думает точно так же,— без тени улыбки перебил Вячеслав Рудольфович и порылся в ворохе лежащих на столе иностранных газет.— Здесь тоже пишут, что ради скорейшего восстановления народного хозяйства Россия должна пойти на самое широкое предоставление концессий. Причем концессии мыслятся своеобразно: мы должны остаться только поставщиком сырья... Иностранные займы нам дадут лишь в том случае, если мы откажемся от восстановления крупной промышленности и перейдем к земледелию. А вот такая постановка вопроса для нас уже совершенно неприемлема. Гувер отлично знает, что нам в будущем потребуется не сто тысяч рельсов, а миллионы. И за каждый из них расплачиваться концессией?

— Извините, Вячеслав Рудольфович, но меня несколько меньше беспокоят проблемы, которые могут быть у нас лет через пятьдесят.

— Тогда тоже будут нужны рельсы...

— Безусловно... Но сейчас, когда мы с вами разговариваем, где-то под открытым небом мокнет уголь, потому что без рельсов его нельзя перевезти туда, где он нужен. Без угля стоят заводы, на которых можно сделать эти рельсы. Нам нечего дать крестьянам за хлеб, потому что дефицитом стал серп, подкова, гвоздь, простая печная вьюшка... Получается что-то вроде заколдованного круга...

— Да, трудностей много. И все-таки, даже учитывая сиюминутные потребности в гвоздях, серпах и

вьюшках, восстанавливать хозяйство мы будем прежде всего собственными силами. Близорукость никому не приносила пользы. Господин Гувер готов дать нам миллионы долларов, чтобы купить наше будущее. Согласитесь, что весьма недурно задумано — сделать нас сырьевым придатком господ капиталистов. Страной без будущего, людьми без будущего... Они, возможно, не посягнут на наши социальные завоевания, не тронут нашего самолюбия и гордости. Но уберут у нас основу, и останется раскрашенная революционными лозунгами ширма, за которой не будет содержания, не будет сути социализма.

— Я, Вячеслав Рудольфович, говорю о рельсах не только в плане сегодняшнего дня. Если мы уложим сейчас в полотно сто тысяч рельсов, они реально будут работать на наше будущее.

— Спорщик вы, видно, упрямый, Виктор Анатольевич,— улыбнулся Вячеслав Рудольфович.— Разве я против ста тысяч рельсов? Я тоже за них всей душой. Просто меня не устраивает цена, которую требуют за рельсы. Во имя того, чтобы залатать дырки в настоящем, я не согласен продавать будущее. Нельзя жить в кредит. Вы, небось, свое жалованье стараетесь растянуть от получки до получки. Предпочитаете не залезать в долги. А в отношении страны мыслите, что она может сунуться в долговую петлю. Нелогично, весьма нелогично, смею вас уверить. Покорнейше прошу вас, Виктор Анатольевич, повременить с учебой.

— Где же конкретно я буду использован?

— Есть мнение назначить вас на работу в Экономическое управление.

— Экономическое управление?

— Что же вас тут удивляет? Я же сказал, что экономические проблемы становятся одной из на-

ших главных забот. Раз есть проблемы, должно быть и управление. Так у хороших бюрократов полагается...

— Как же Савинков и штаб-ротмистр Эльвенгрен?

— К сожалению, савинковы и эльвенгрены тоже на нашей заботе остаются.

Медленно, стараясь не сделать резкого движения, Менжинский поднялся за столом и подал Решетову руку.

— Оформляйте назначение. Желаю успехов в работе... Прошу заходить, Виктор Анатольевич... Да, прямо ко мне и без стеснения. В свободное время мы с вами не только о концессиях поспорим... Поэзию вы любите?

Решетов смутился от неожиданного вопроса.

— Знаете, время такое, что особенно читать некогда.

— Это плохо, товарищ Решетов. Поэзию нельзя предавать забвению. Признаюсь, в молодости я был ею чрезвычайно увлечен. Представьте себе, даже сам пытался стихи сочинять. И не стесняюсь в том признаться. Настоящие поэты — совесть человечества... Заходите.

Глава 10

Газеты вышли с траурной каймой.

«К партии. Ко всем трудящимся.

...Умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с половинчатыми, колеблющимися, с перебежчиками...»

Строчки расплывались в глазах. Душа протестовала, не могла принять случившегося.

Ленина знали и любили сотни миллионов людей всех стран света. Но особенно тяжело было смириться с мыслью о смерти Ильича тем, кто близко был знаком с ним, кто с начала века вел под его руководством подпольную борьбу, кто встречался с ним, испытал радость общения с гениальнейшим человеком эпохи, видел его в повседневности человеческого общения.

В траурной веренице людей, скорбно двигавшихся к Колонному залу, чтобы отдать последний поклон, шли Менжинские — Вячеслав, Вера, Людмила. Подавленные горем, молчаливые, близкие в общем несчастье.

«...Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина.

Ленин живет в сердце каждого честного рабочего...»

Слова обращения Центрального Комитета крепили волю. Скорбь, как резцом, отсекала суетное и обнажала главное: работать еще больше, все силы, умение, опыт отдать делу, которому беззаветно служил Ильич.

Но бритвой полосовала мысль, что Ленина уже нет в живых.

Ленинизм переживет века и поколения, но Ильич уже не сверкнет умной и прекрасной улыбкой, не будет уже новых слов. Останутся только те, что сказаны.

Загудели гудки фабрик, заводов, паровозов и судов на дальних рейдах. Сотни миллионов обнажили головы. На несколько минут остановилась, замерла жизнь в стране.

Вячеслав Рудольфович в эти дни почти не покидал кабинета на Лубянке.

Потому что где-то в темных углах сходились, злорадно шипели, строили планы, тешили себя призрачными иллюзиями, затевали недоброе.

ОГПУ дало срочное указание всем полномочным представителям на местах: сплотиться вокруг губкомов, руководствуясь их указаниями, обратить главное внимание на поведение черносотенцев, монархистов, белогвардейцев.

Но и самый лютый враг не посмел поднять голову в дни великой человеческой скорби.

Потом поэт напишет о тех днях знаменательные строки.

«Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека».

Могла. Но не имела права. Не сошла.

Дачный домик на окраине Москвы прятался за глухим забором. Возле будки, пришпиленный цепью к проволоке, лежал матерый пес с обрубленным хвостом. В мокрой пасти желтели клыки, в глазах стыл настороженный блеск.

— Я, Епимах Андреевич, тишину люблю,— улыбнулся Горовский.— Отдыхается хорошо и работается с толком.

Ауров посмотрел на хозяина дачи и мысленно согласился. Да, тишину он уважает: дело проворачивает — коготок не брякнет. Голоса не повысит, все вот так, с улыбочкой.

Иной раз аж мороз по коже от этой улыбочки.
 Словно не с человеком дело имеешь, а с хитрой ма-

шинкой, где каждый винтик смазан и все шестеренки притерты друг к другу.

Такой тебе ласково и нож под ребро всадит.

— Суд над эсерами можно было давно ожидать, Епимах Андреевич,— продолжил Горовский, смакуя из крохотной рюмки зеленоватый бенидиктин и запивая его кофе.— Грубо работали, трещали сверх меры и попались в лапы.

— Грубо ли, не грубо, а в нужде и безрогая корова бодаться может. Эсеры тоже нам в масть шли. Хоть и шестерка, а лишняя карта на руках была. Теперь поди, ищи-свищи... Когда же придет времечко, что большевиков можно будет к ногтю прижать... Всех, до единого!

— Зачем же всех, Епимах Андреевич,— усмехнулся хозяин дачи большим тонкогубым ртом.— Я полагаю, что меня вы все-таки не станете прижимать.

— А вы при чем?

— При том, что я ношу в кармане партийный билет. Взносы каждый месяц плачу. Собрания комячейки посещаю, в прениях по докладам высказываюсь...

Епимах Андреевич оторопело моргнул, растерянно и с трудом осознавая, что хозяин дачи говорит сущую правду.

— Да, Епимах Андреевич, это так... Пожалуйста, не пугайтесь. Я не тайный чекист и доносить на вас не буду. Раньше я не имел права этого сказать вам, но теперь я и мои друзья полностью вам доверяем.

— Друзья ваши тоже, что ли, в партейцах ходят?

— В партийцах,— подтвердил Горовский.— Скажу вам больше. Мои друзья представляют в партии целую группу, весьма критически относящуюся к той

линии, которую проводят сторонники Ленина. А руководители этой группы занимают ряд высоких постов в партии и государственном аппарате. Сейчас, после смерти их вождя, мы надеемся на реальные перемены. К открытой борьбе мы пока еще не готовы, пока стоит задача накопления сил.

— Ну и ну! — удивленно качнул головой Ауров, налил рюмку из пузатого графина и залпом выпил ее.— Я думал, вы по мелочам паскудите.

У Горовского недобро сузились глаза.

— Я попросил бы, Епимах Андреевич, более обдуманно выбирать выражения.

— Не в выражениях дело,— отмахнулся Ауров.— Не смотри, как говорят, на кличку, а смотри на птичку. Крупную штуковину вы затеваете. В самый раз мне такое дело подходит, Марк Григорьевич. А то ведь я уж, грешным делом, подумывать стал, что и силы никакой на комиссаров не найдется. А выходит, есть! Есть еще она, голубушка... В таком разе вы на меня как на каменную гору...

Мослатая рука бывшего лесопромышленника снова потянулась к графину.

Горовский вежливо чокнулся, и уголки его губ брезгливо опустились.

— Со спекуляциями кончайте, Епимах Андреевич. Никаких связей с нэпманами и никаких подозрительных операций.

— На жалованье жить прикажете?

Вместо ответа Горовский выложил на стол пачку денег.

— В средствах не будете стеснены.

Епимах Андреевич невесело хмыкнул. Бывало, он вот таким же небрежным движением вытаскивал из портмоне сотенные и четвертные, кидал их нужным людям.

Теперь кидали ему.

— Имейте в виду, что Скрипилев со всей компанией арестован.

Ауров отставил в сторону рюмку.

— Не сболтнет он лишнего? Вертлявый мужичонка, на такого в надежде нельзя быть.

— Его предупредили, чтобы язык насчет вас и меня держал накрепко. Я думаю, он сообразит, что за лишнее слово срок тюрьмы прибавится. Да и серьезного он ничего толком не знает. Работал по мелочам. Вам поручается ответственное дело, Епимах Андреевич. В самое ближайшее время вы отправитесь в командировку по донецким шахтам. Под видом изучения потребности в лесоматериалах восстанавливаемых и работающих шахт соберете данные об их мощности, запасах угля, техническом состоянии, обеспечении оборудованием и темпах восстановительных работ. Не брезгуйте и мелкими сведениями. Вплоть до фамилий десятников и штейгеров... Нам может потребоваться все.

— Понятно... А с другим делом как?

— Продолжайте... Теоретическое обоснование, если можно так выразиться, остается прежним... Лучше больше, чем лучше... Видите, какой очаровательный каламбур. И работа на перспективу. Тут для нас тоже открывается много возможностей... Думаю, что командировку в Донбасс вам предложат дня через три. Наша задача — держать донецкие шахты в таком состоянии, чтобы комиссарам было предпочтительно сдать их в концессию. Понятно?

— Яснее светлого дня,— усмехнулся Ауров и снова потянулся к графину.

Горовский проследил взглядом за движением руки собеседника.

— И еще одно,— жестко заговорил он.— Вы стали много пить, Епимах Андреевич.

— А вот сюда ты своими лапами не залезай! Не в коротеньких штанишках хожу,— отрезал Ауров и уставился на Горовского тяжелыми, с красниной на белках, глазами.— Ну и пью! А ежели у меня душа горит! Ежели мне иной раз зубами рвать хочется. Ежели мне не с кем душу отвести, прямое слово некому сказать. Пять годов так живу, а душа-то у меня не каменная. Ей тоже свой кусок хлеба нужен... Уж на что мы с тобой крепкой веревочкой связаны, а ведь и у нас разговоры с увертачками. Ты свое темнишь, а я собственное тоже до остатка не вываливаю. По-волчьи ведь живем, Марк Григорьевич... По-волчьи...

Глава 11

Савинкову было предоставлено последнее слово.

— Я глубоко сознавал и сознаю огромную меру моей невольной вины перед русским народом... Я сказал невольной, потому что вольной вины за мною нет...

Зал оживленно зашевелился. Кто-то остро скрипнул стулом. В задних рядах откровенно засмеялись.

Председатель Военной коллегии Ульрих предупредительно и строго треньк нул звонком.

Савинков нервно потер руки, покосился на часовых, застывших позади него, негромко откашлялся и стал продолжать.

В Колонном зале Дома Союзов заканчивалось слушание дела по обвинению Савинкова Бориса Викторовича, сорока пяти лет, сына чиновника, с незаконченным высшим образованием, при Советской

 власти не судившегося, руководителя и создателя

контрреволюционных, шпионских и бандитских организаций...

Это была победа. Чекисты выиграли труднейшую схватку с упорным врагом, которого удалось-таки выманить из надежного логова.

Вячеслав Рудольфович, сидевший возле стены поодаль от судейского стола, покрытого алым сукном, слушал подсудимого.

Началом чекистской операции можно было, пожалуй, считать тот памятный разговор с Дзержинским, в котором возникла простая, казалось бы, но логически глубоко обоснованная мысль, что Савинкова надо заставить поверить в существование в Советской России крупной нелегальной организации.

Вскоре чекисты напали на след подпольной «Монархической организации Центральной России». Крупными силами эта организация не располагала, объединяла кучку монархически настроенных недобитков, которые бессильно тявкали из подворотен на все советское, распускали провокационные слухи, пытались печатать листовки и вредили, где могли. У организации оказались кое-какие связи с заграничными центрами эмиграции.

Обезвредить «Монархическую организацию Центральной России» не представляло особого труда. Но факт существования такой организации было решено сделать стержнем оперативного плана проникновения в заграничные эмигрантские группировки и борьбы с Савинковым.

Операция получила условное наименование «Трест». Чекист Андрей Павлович Федоров под видом одного из руководителей «мощной подпольной группы «Либеральные демократы»» поехал в Париж, где в то время находился Савинков.

— Покорнейше прошу, Андрей Павлович, не переигрывать,— напоследок еще раз наставлял Менжинский Федорова.— Савинков не прост. Разведка у него налажена. Проверять вас будут тщательнейшим образом. Если проверку выдержите — это будет наш первый крупный успех. Савинков сейчас мечется в поисках денег и покровителей. Его акции падают. Он отлично понимает, что за слова и призывы к борьбе с большевиками никто денег не даст. Чтобы получить наличные, ему надо иметь базу внутри нашей страны. А слишком большие аппетиты, как вы знаете, бывают плохими советчиками. Я думаю, что Савинков после знакомства с вами будет постепенно терять осторожность и ухва́тится за «Либеральных демократов»... В общем, не забывайте, прошу вас, мудрую пословицу, что силой дуги не гнут.

Потом было беспокойство, волнения, ожидание первых шифровок. Сыроежкин чуть ли не бегом приносил их в кабинет начальника секретного оперативного управления.

— Федорову удалось вступить в контакт, Вячеслав Рудольфович,— еще от двери начинал докладывать Сыроежкин.— Савинков решил послать к нам своего эмиссара... Фомичев едет.

Эмиссару дали возможность спокойно перейти границу и встретиться с «Либеральными демократами», побывать на заседаниях их организаций, познакомиться с руководителями, роли которых артистически сыграли чекисты, привлеченные к выполнению операции. Когда эмиссарам Савинкова была устроена встреча с «руководителями боевых отрядов на Кубани», они клюнули на приманку и, возвратившись в Париж, доложили Борису Викторовичу, что в России

в самом деле существует многочисленная и разветвленная подпольная группа, накапливающая силы для борьбы.

«Либеральные демократы» не навязывались с просьбами о сотрудничестве, вели себя так, как и подобает вести солидной организации, имеющей денежные средства, связи в Красной Армии и располагающей ценной информацией. Но собственные возможности они использовали явно нерешительно. Ощущалось, что им не хватает энергичного, опытного и авторитетного вождя.

— Вот так мы и будем понемногу внушать Савинкову мысль, что вождем «Либеральных демократов» должен стать он,— сказал Вячеслав Рудольфович Артузову, который был ближайшим помощником по проведению операции «Трест».— Развитие нашего плана надо строить на том, что Савинков честолюбив. Чудовищно честолюбив. А честолюбие, Артур Христианович,— это такая бочка, куда всегда можно влить лишнее ведро. Но тут потребуется продуманная и осмотрительная работа. Надо организовать дело так, чтобы некоторые наши идеи исходили от самого Бориса Викторовича.

— Все на блюдечке подавать не будем,— улыбнулся Артузов.— Наши «Либеральные демократы» цену себе знают. Поторгуемся кое в чем, а потом и уступим, если Борис Викторович дорастет до мысли, что его приезд в Советскую Россию необходим для разворота дел.

Затем в Москве появился полковник Павловский, правая рука Савинкова, которому Борис Викторович

доверял, пожалуй, больше, чем всем остальным. Да, это был матерый зверь, лично водивший в налеты на советскую землю контрреволюционные банды, враг, имевший кровавый и страшный счет преступлений против мирных советских людей.

Много было хлопот с Сергеем Эдуардовичем Павловским, волевым, недюжинной личной храбрости человеком. И допросы, на которых он то упорно молчал, то требовал немедленного расстрела, и попытка побега из тюрьмы, и категорический отказ от сотрудничества с чекистами.

Фактами, неопровержимыми доказательствами Павловского все-таки удалось загнать в угол и заставить, наконец, на допросе безнадежно махнуть рукой.

— Ваша взяла...

В письме к Савинкову Павловский подтвердил донесения эмиссаров, что в России действует разветвленная подпольная организация.

— И Павловскому не поверил Борис Викторович,— с тревогой в голосе доложил Артузов.

— В осторожности ему не откажешь. Значит, Фомичев с новой проверкой заявился. Старый знакомый... Прошлый раз он от нас ушел спокойно. Так что подозрительность его уже ослабла.

— Но он должен встретиться с Павловским. Кто знает, как полковник поведет себя при такой встрече. Может быть, у них заранее обговорен какой-нибудь знак. Особое слово, которое будет вставлено при разговоре.

— Да, риск большой. Но Павловский отлично понимает, что ожидает его в таком случае. За свои преступления он получит высшую меру, а полковник хочет жить...

Все оказалось еще сложнее: Фомичев приехал с инструкцией Савинкова не только встретиться с Павловским, но и вернуться с ним в Париж.

Выпускать Павловского было нельзя. В план операции пришлось срочно вносить существенные изменения.

— Пожалуй, это даже лучше, Артур Христианович. Как говорит пословица, нет худа без добра,— раздумчиво сказал Вячеслав Рудольфович, когда обсуждались коррективы к плану.— В жизни всегда должно быть и немного дождливой погоды. Пусть и нам за воротник покапает. Так-то правдоподобнее получится...

Фомичев встретился с Павловским, и полковник подробно рассказал ему об активной, насыщенной борьбой и героическими схватками жизни подпольной организации, непохожей на прокисание в затхлом парижском болоте. Сообщил, что опорные ячейки «Либеральных демократов» имеются во многих областях России. Фомичева повезли на юг. С «представителями подпольщиков» он встретился в Орле, Брянске, Харькове и Ростове. Потом полномочный эмиссар увиделся и со «знаменитым руководителем партизанских отрядов Терской области неуловимым полковником Султан-Гиреем».

Поездка Фомичева была омрачена непредвиденным событием. Горячая натура Павловского, хорошо известная Фомичеву, сыграла с лихим полковником злую шутку. Пока Фомичев разъезжал с ознакомительной миссией, Павловский решил встряхнуть медлительных «Либеральных демократов» и продемонстрировать им, что́ могут делать представители боевого «Народного союза защиты родины и свободы», с ко-

торым у «ЛД» намечалось сотрудничество. Павловский добился в ЦК «Либеральных демократов» разрешения произвести «экс» — устроить налет на почтовый вагон, в котором перевозилась крупная сумма денег. Однако охрана и проводники оказали упорное сопротивление и в завязавшейся перестрелке Павловского ранили в ногу.

Фомичеву была показана телеграмма «ЛД», извещавшая о результатах «экса», и вырезка из газеты, сообщавшая о нападении бандитов на почтовый вагон.

Затем Фомичев встретился с Павловским, который с подробностями рассказал ему о налете на поезд.

Но с раненой ногой, уложенной в лубки, замотанной бинтами, на которых проступала свежая кровь... зарезанной чекистами курицы, Павловский не мог возвратиться вместе с Фомичевым в Париж.

Вместо Павловского поехал в качестве «полномочного курьера «ЛД»» Григорий Сыроежкин.

Из-за случайности, которую жизнь может подкинуть в самый тщательно разработанный план, операция «Трест» повисла буквально на волоске. Во время одной из поездок за рубеж Сыроежкина увидел на улице Вильно бывший сослуживец по Красной Армии, который дезертировал, удрал к белополякам и стал у них полицейским осведомителем. Он опознал Григория Сергеевича и тут же сообщил в дефензиву, что Сыроежкин в гражданскую войну работал в ревтрибунале.

Операцию спасли самообладание и находчивость Сыроежкина. Он не стал отрицать службы в Красной Армии, но убедил польских контрразведчиков, что служил рядовым бойцом, действительно знал заявителя Стржалковского и как-то избил его за воровство,

а тот теперь в отместку решил свести счеты. К счастью, репутация доносчика в дефензиве была такова, что поверили Сыроежкину. Тем более, что он уже несколько раз доставлял польской разведке «ценную информацию», и было глупо из-за пьяной болтовни опустившегося полицейского осведомителя лишаться такого ценного информатора.

Казалось, было сделано все. Савинков теперь имел в России доверенных представителей, систематически получал от них информацию, держал связь с руководителями «Либеральных демократов». Но выезжать для руководства «подпольной организацией» Борис Викторович так и не решался. Он попросил совета у Сиднея Рейли. Опытный агент Интеллидженс Сервис, хитрый лис чуть не испортил дело. Он убеждал Савинкова не верить ни Фомичеву, ни Федорову, ни письмам Павловского. Упрямо твердил Борису Викторовичу, что все это умно подстроенная чекистская ловушка.

Вячеслав Рудольфович перечитывал письма и сообщения, протоколы допросов и очных ставок, перебирал в памяти все мельчайшие подробности развития операции, стараясь выискать допущенную ошибку.

Одиноко стоял у окна, глядел на освещенную яркими огнями Лубянскую площадь, снова и снова анализируя мельчайшие эпизоды операции и безжалостно обвиняя себя в том, что Савинков так и продолжает сидеть в Париже.

Как преодолеть стенку, которую старательно, кирпич за кирпичом воздвигал вокруг себя Савинков, инстинктивно угадывая подступающую опасность?

Росла досада, недовольство собой, Артузовым, Сыроежкиным и остальными, кто осуществлял операцию

«Трест». Неужели провалится так тонко рассчитанная и хорошо начатая чекистская игра?

«Такого допустить не имею права»,— упрямо сказал Менжинский, возвратился к столу и снова занялся анализом материалов операции. Работа успокоила, привела в такое состояние, когда в строчках шифровок, писем, донесений, протоколов улавливаешь не только смысл и логику слов, но и их интонацию, когда за ними видишь живых людей, чувствуешь оттенки и подтекст написанного.

И пришла вдруг ясная догадка, что в развитии операции наступил кульминационный момент и чаши невидимых весов застыли, обозначив некое равновесие наступления и обороны. Что нужно сделать небольшой, но умный и безошибочный шаг, уронить точно рассчитанную каплю, которая склонит коромысло весов в нужную сторону.

— Давайте сделаем паузу в развитии событий. Пусть Борис Викторович повисит на собственных нервах,— предложил Феликс Эдмундович, выслушав очередной доклад о ходе операции.

Поток донесений и писем к Савинкову из России стал чахнуть, пересыхать, как степная речушка под дыханием суховея.

Иссякал, к сожалению, не только ручеек ценной информации из России, за которую Борису Викторовичу уже стали платить хорошие деньги. Иссякал и текущий счет организации. Когда чванливый болван из Сюрте Женераль при очередном звонке с просьбой о встрече ответил Борису Викторовичу, что, к сожалению, не располагает временем, Савинков понял, что скоро его вышвырнут на помойку за полной ненадобностью.

Оставался последний шанс, и Савинков решился использовать его.

— Кажется, лед все-таки тронулся, Вячеслав Рудольфович,— сказал Артузов.— Пришло сообщение, что Савинков выехал в Берлин... Будем надеяться, что там он не задержится.

Из Берлина Савинков выехал в Варшаву, где его встретили и снабдили соответствующими документами. В ночь на шестнадцатое августа двадцать четвертого года Борис Викторович вместе со своими спутниками перешел границу Советского Союза. Представители «подпольной организации» без лишнего шума отвезли Бориса Викторовича в Минск, где он был арестован на «явочной квартире»...

На первых допросах Савинков юлил и изворачивался, пытался выставить себя военнопленным. Потом сообразил, что никакие увертки ему не помогут.

— Советская власть — власть народа, и я готов признать эту власть,— с пафосом сказал он и дал в этом письменное признание.

Но признание не снимало ответственности за совершенные преступления.

— «...Таким образом устанавливается виновность Савинкова,— читал приговор председатель Военной коллегии,— в организации в контрреволюционных целях восстаний...

...В сношении с представителями Польши, Франции и Англии с целью организации согласованных вооруженных выступлений..

...В организации... террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства...

...В руководстве военным шпионажем в пользу Польши и Франции...»

С каждым новым пунктом обвинения Савинков ниже опускал голову, и сухие пальцы сложенных рук еще проворнее принимались плести невидимую сеть.

— «...в ведении пропаганды в письменной и устной форме...

В организации банд для нападений на советские учреждения, кооперативы...»

По каждому из первых пяти пунктов обвинения суд приговаривал Савинкова к высшей мере наказания. Лишь по последнему пункту он подлежал лишению свободы на пять лет.

Но, признав, что обвиняемый заслужил смертную казнь, Военная коллегия все-таки постановила ходатайствовать о смягчении приговора. Просила даровать осужденному жизнь, «принимая во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей и от методов контрреволюционного и антисоветского движения... и заявление... о его готовности загладить свои преступления перед трудящимися массами...»

«Так, все так,— думал Вячеслав Рудольфович, слушая приговор.— Должно быть не только осуждение, но и разоблачение врага... Полное его моральное и политическое разоружение».

ЦИК СССР удовлетворил ходатайство, отметив, в частности, что «мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетарских масс», и заменил осужденному высшую меру наказания лишением свободы на десять лет.

За успешное выполнение важной и сложной чекистской операции Вячеслав Рудольфович Менжинский

и его ближайшие помощники были награждены орденами Красного Знамени. Артуру Христиановичу Артузову и еще нескольким чекистам была объявлена благодарность Рабоче-крестьянского правительства Союза ССР.

Глава 12

Боль в груди полыхнула как всегда внезапно. Отдалась под лопаткой, жгуче стрельнула в локоть. Поползла вверх, затрудняя дыхание. Голова закружилась и стала неправдоподобно легкой.

Вячеслав Рудольфович расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил галстук и осторожно, стараясь не делать резких движений, перебрался на диван.

— Извините, Виктор Анатольевич, буду разговаривать с вами лежа. Опять эта негодная грудная жаба на меня навалилась.

— Лечиться вам нужно, Вячеслав Рудольфович.

— Вы все будто сговорились,— стыдясь накатившей слабости, стеснительно, улыбнулся Менжинский.— Нифонтов о моем здоровье уже Феликсу Эдмундовичу наклязузничал. Врачи, чуть что — сразу норовят в постель уложить. А как мне в постели лежать, когда столько дел? Феликс Эдмундович в ВСНХ очень занят. Впрочем, вы безусловно правы, здоровье у меня в самом деле подкачало. Ничего, вот немного разберемся — и пойду на поправку. Из Германии должна скоро приехать высокая врачебная комиссия. Меня тоже включили в список лиц, подлежащих обязательному осмотру светиламп-эскулапами. Тут, как вы понимаете, дорогой Виктор Анатольевич, мне уже не увернуться...

— Скорее бы эта комиссия приезжала,— сказал Решетов, с невольным беспокойством всматриваясь в побледневшее лицо Менжинского с желтизной и нездоровой рыхлостью отяжелевших щек.

— А пока она не приехала, будем заниматься делами... Докладывайте, Виктор Анатольевич,.. И прошу покорнейше, не смущайтесь моим лежачим положением.

— Может, до завтра отложим, Вячеслав Рудольфович? Разговор у меня большой, а вы...

— Ни в коем случае. Именно потому, что большой разговор.

— Да, вы правы, это не просто отдельные факты. В экономических диверсиях все более отчетливо начинает вырисовываться система.

— Впечатление такое, будто работает хорошо законспирированная организация. Прямых доказательств пока нет, но такой вывод напрашивается... Может быть, Торгпром?

— Торгпром, Виктор Анатольевич, нас своим вниманием, конечно, не оставляет,— задумчиво согласился Менжинский.— Но Торгпром и ему подобные далеко и столь широкого проникновения к нам иметь не могут. Границу мы закрываем все крепче и крепче. Создание отдельного корпуса пограничной охраны полностью себя оправдало.

— Тогда кто же, Вячеслав Рудольфович? Белогвардейское охвостье, недобитые бандиты, эсеры, меньшевики по разным щелям еще уцелели, но такой широкий размах экономических диверсий им явно не под силу. Донецкие шахты, уральские заводы, транспорт, нефтепромыслы. Кто?

— Вот это мы с вами и обязаны выяснить. Видимо, новый враждебный узел завязывается внутри

страны, смыкаясь с подрывной работой эмигрантских организаций и военных разведок иностранных государств.

— Вы имеете в виду партийную оппозицию, Вячеслав Рудольфович? — спросил Решетов, и в голосе его скользнуло неверие и удивление.— Они же с теоретических позиций выступают. Чтобы такими делами заниматься...

— «Такие дела» я в их деятельности не исключаю,— твердо ответил Менжинский.— Логика развития допускает, что оппозиция может скатиться и к прямым враждебным действиям. Вспомните меньшевиков. Однако мы не можем опираться только на предположения и умозаключения. С источником информации о состоянии донецких шахт разобрались?

— Автора перехваченной справки установили,— сказал Решетов и открыл папку.— Некто Ауров, занимается в Углесиндикате вопросами поставки леса.

— Ауров? — переспросил Вячеслав Рудольфович.— Погодите! Кажется, я должен что-то вспомнить... В семнадцатом году мне доводилось встречаться с неким Ауровым. Конечно же... Русский Торгово-промышленный банк. Конфискация личных сейфов промышленников. Большинство не явилось, а Ауров — пожаловал. Кажется, он лесом занимался?

— Ну и память у вас, Вячеслав Рудольфович... Тот самый... Епимах Андреевич Ауров... До революции имел завод в Архангельске, держал запани и лесные склады.

— Постойте, постойте, Виктор Анатольевич,— перебил Менжинский, застегнул верхнюю пуговицу и поднялся с дивана.— Вроде немного отпустило... Надо Нифонтова пригласить. Он же в Архангельске у Аурова на лесозаводе забастовки устраивал.

— Он,— подтвердил Павел Иванович, взяв фотокарточку у Решетова.— Епимах Андреевич Ауров собственной персоной. Зубастый мужик и не из трусливых. Неужели так под своей фамилией и проживает?..

— Да, под своей фамилией и стал работником Углесиндиката. Не скрыл, что занимался лесной торговлей. Но все, мол, осознал и теперь желает честно служить Советской власти как специалист. В кадровых делах имеется такое заявление.

— Нельзя ему верить, Вячеслав Рудольфович,— взволнованно заговорил Нифонтов.— Такого ничто не переделает. Прошу выдать ордер на арест. Есть у меня о чем с ним потолковать. Я его, гада, выведу на чистую воду!..

— Нет, Павел Иванович, горячиться здесь нельзя. Вопрос очень серьезный. Почему вы считаете, Виктор Анатольевич, что информация исходит от Аурова?

— Настоящую шараду пришлось решать, Вячеслав Рудольфович. Характер сведений в той справке был такой, что все руководство Углесиндиката можно было к шпионам причислить. А там ведь наши ребята. Коммунисты, из рабочих, в гражданскую в красной коннице воевали. Глупо их в шпионы зачислять.

— Конечно, абсурд.

— Вот из абсурда мы и стали исходить. Такие-то сведения могли иметь по своему должностному положению эти работники, а такие-то — другие. В целом же концы не связывались. Тут я и подумал о командировках.

— При чем здесь командировки?

— Сведения же можно было по частям непосредственно на шахтах получить. Значит, добыть их мог и тот, кто выезжал в служебные командировки.

— Резонно, Виктор Анатольевич.

— Дальше уже проще было. Выбрали маршруты командировок и стали раскладывать пасьянсы, сравнивая со сведениями в перехваченной шпионской справке. Вы меня еще в девятнадцатом году учили, Вячеслав Рудольфович, как важно найти правильный подход к вопросу.

— Рад, что наука не пропала даром, Виктор Анатольевич.

— Судя по командировкам на шахты, только Ауров мог получить сведения, которые были в справке.

— С кем он имеет связи?

— Тут хуже, Вячеслав Рудольфович. Живет один, замкнуто, с сослуживцами общается только на работе. Много пьет. Крайне обозлен и агрессивен. Не думаю, чтобы имел прямой выход на заграницу. За Ауровым, несомненно, стоят более опытные и хитрые.

— Вот видите, Павел Иванович, а вы хотите бежать Аурова арестовывать. У него, оказывается, много загадок. Нет, трогать его пока нельзя. Нужно выяснить, с кем Ауров связан. Если те Аурова на побегушках держат, значит, дело серьезное...

— В этом направлении мы уже начали работу.

— Хорошо, Виктор Анатольевич, только, прошу покорнейше, не спугните главных. Они, видимо, очень осторожны и немедленно прекратят все контакты с Ауровым, если заметят наше наблюдение... А что если господина бывшего лесопромышленника мы немного попугаем, Виктор Анатольевич? Устроим, например, нечаянную встречу бывших знакомых. Как вы к такой идее относитесь, Павел Иванович?

— Мне с Ауровым встретиться?

— Да... Например столкнуться на улице нос к носу. Так, чтобы это не походило на наблюдение, а

было самой банальной случайностью, от которой никто не гарантирован. Эта встреча наверняка испугает Аурова. Ему захочется сразу же увидеться с сообщниками и рассказать о ней. Это может ускорить развитие событий...

— Ну что ж, встретиться так встретиться,— сказал Нифонтов.— Можно и так. Поговорить с Епимахом Андреевичем мне, я вижу, возможность еще представится.

— Вот и отлично. Детали вы с Виктором Анатольевичем сами разработайте. Ауров в Углесиндикате занимается поставкой леса для шахт?

— Да, Вячеслав Рудольфович. И тут тоже начинает еще одна история обрисовываться.

Решетов достал из папки несколько листов и аккуратно разложил их.

— Вот копии директив сектора снабжения Углесиндиката. С первого взгляда все правильно. Тезис — «выполним и обеспечим». А если поглубже заглянуть — это указание гнать на шахты любой крепеж. Любой ценой, а главное — любого качества. В том числе и негодный. Но и это указание выполняется, мягко говоря, очень странно.

На столе появилось еще несколько листов.

— Вот копия письма управляющего шахты из Рутченково. Слезно молит больше лес ему не отгружать. Шахта будет введена в строй не раньше, чем через два года, а ему уже вовсю рудничную стойку гонят. Склада у них нет, хранить приходится под открытым небом. Когда шахта начнет работать, рудничная стойка сгниет. В секторе снабжения это называется «работать на перспективу». А те шахты, где уголь уже начали добывать, задыхаются от недостатка рудничной стойки.

После ухода Решетова и Нифонтова Вячеслав Рудольфович прошел к шкафу, где хранились в папках много раз читанные, с пометками и подчеркиваниями, стенограммы и материалы партийных съездов, пленумов и конференций, и не спеша стал перелистывать их.

Разногласия о роли профсоюзов. Крикливые заявления Троцкого, что профсоюзами надо командовать, «перетряхивать» их руководящие кадры для оживления деятельности... Группа «рабочей оппозиции», группа «децистов». Резолюция Десятого съезда РКП(б) о синдикалистском и анархистском уклоне... Тезисы Троцкого об установлении «диктатуры промышленности», предложения Сокольникова и Бухарина о частичной отмене монополии внешней торговли.

После смерти Владимира Ильича оппозиция распоясывалась все больше и больше. Троцкий упорно навязывал новую внутрипартийную дискуссию, выступил со статьей «Уроки Октября», где прямо клеветал на ленинизм.

Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Шляпников, Каменев, Раковский, Евдокимов... Пальцы безошибочно находили на полках нужные документы. При каждом движении поскрипывала застекленная дверца шкафа. Этот скрип острыми иголками царапал грудь. Надо сказать, чтобы навесы смазали маслом. Непременно сказать, не забыть...

Все, что раньше казалось разрозненным и единичным, с каждым истекающим месяцем все теснее и теснее связывалось в замкнутую цепочку, концентрировалось возле некоего ядра.

Коммунист Менжинский, заместитель Председателя ОГПУ, знал больше подробностей и фактов, чем было написано в официальных партийных докумен-

тах. В оперативной работе чекисты уже не раз наталкивались на конспиративные типографии, выпускающие подпольные листовки, получали сведения о передаче денег на подрывную работу, о тайном сколачивании враждебных группировок.

Размышляя о таких фактах, Вячеслав Рудольфович все отчетливее ощущал откровенно враждебные руки, которые плели хитрую сеть, старались раскинуть ее пошире, уловить в ее ячеи побольше людей.

Вырастала новая опасность для партии и государства.

За окнами было сумрачно и сыро. Весна этот год оказалась затяжной. С низкого, не по-мартовски тяжелого неба сеялась снежная крупка. Сыпалась на сугробы, прихваченные ледяной коростой, на колдобины мостовых, где то и дело оскальзывались люди.

Глава 13

— На Неглинке столкнулись. И во сне мне такое не могло привидеться, чтобы с Пашкой Нифонтовым в Москве свидание иметь. Такая война прошла! Думал, сгинул он концом и без отвороту. Людишкам с таким настырным характером, как у Пашки, всегда ведь первая пуля достается... А он, курвец, целехонький.

Увидев на Неглинке вывернувшегося из-за угла Нифонтова, Епимах ощутил леденящий страх. Перед ним вдруг, казалось, разверзлась бездна, черная и глухая.

— Почему он мне ни слова, ни полслова не сказал, Марк Григорьевич? Вот загадка. На его месте полагалось меня за ворот ухватить. Вот, мол, Епимах Ауров, буржуй недорезанный, контра! Ребра он мне при старом режиме ломал, в высылку гонял, вражи-

на... А он вызверился на меня глазами и молчком мимо прошел... Почему?

— Может, не узнал?

— Узнал. Мы с Пашкой Нифонтовым под землей друг друга угадаем, в любых потемках на ощупь разберем... Неспроста он мне встретился. Чует мое сердце — неспроста.

Теперь Ауров понимал, что дал промашку. Раз Нифонтов не крикнул, не кинулся хватать, надо было незаметно повернуть и идти вслед за ним в сутолоке многолюдной улицы. Узнать, где он жительство имеет, каким делом в Москве занимается. Выведать все тихохонько, а потом в удобном месте подстеречь и, как с Фаддеем Крохиным — все кончики спрятать.

Но страх заставил чуть не бегом нырнуть в первую же подворотню, забиться в щель между мусорным ящиком и трухлявым сараем.

Когда унялось дрожание рук и прошла слабость в коленях, Ауров кинулся к Горовскому. Услышав по телефону спотыкающийся голос, Марк Григорьевич тут же прикатил в Сокольники, и теперь они сидели на уединенной скамейке и решали, как быть дальше.

— Зря вы так паникуете, Епимах Андреевич. Какая-то дурацкая встреча, а вы подняли такой шум... И звонить мне на работу не следовало. Последнее время вы стали чересчур мнительны, Ауров. Вам надо меньше пить. Примите все-таки мой дружеский совет.

Горовский улыбался, но глаза его были холодны и отчужденны. Он смотрел на непривычно сгорбившегося Аурова и понимал, что разговаривают они последний раз.

Встреча на Неглинке, конечно, была не случайной. Самым пугающим было то, что Нифонтов прошел мимо Аурова молча. Значит, ему нужен не Ау-

ров, которого уже наверняка держат на крючке. Нужны те, кто стоит за Ауровым.

Звонок Епимаха Андреевича разозлил Горовского. Но он подумал, что такой немедленный контакт чекисты вряд ли могли предусмотреть, и решил выйти на встречу, чтобы разузнать подробнее, оценить опасность и принять решение.

Горовский ошибся. Когда Ауров, потеряв обычную осторожность, стал метаться по городу, чекисты следили за каждым его шагом, и встреча с Горовским не прошла незамеченной.

— Что же мне теперь делать? — тоскливо спросил Ауров.— Не увернуться ведь от Пашки Нифонтова.

— Вы получите надежные документы и уедете из Москвы туда, где вас не увидит ни один старый знакомый.

— В самый раз мне такое подходит... Скорей только документики выдайте, Марк Григорьевич, ради христа прошу. В Сибирь умахну сей момент, а то еще дальше. На Лену, к якутам, в старательскую артель наймусь...

— Потерпите несколько дней... В пятницу мы увидимся с вами на обычном месте.

В пятницу Горовский не пришел. По служебному телефону ответили, что Марк Григорьевич больше здесь не работает. Пригородная дача, на которой Ауров несколько раз виделся с Горовским, оказалась пустой.

— Кинул меня пес! Свою шкуру спасает, а я теперь ему не нужон... Не нужон... Никому ты теперь не нужон, Епимах Ауров.

Неделю он непробудно пил, потом, очнувшись, увидел на краю стола зеленого чертика. Чертик при-

плясывал, приставлял к острому носу растопыренные пальцы и кричал писклявым надоедливым голосом:

— Не нужон!.. Не нужон!.. Не нужон!

Епимах Андреевич прихлопнул его ладонью, но чертик пролез между пальцами и снова принялся выкрикивать:

— Не нужон!.. Не нужон!

— Ну и не нужон...— согласился Ауров.

Прошел в угол и вытащил из тайника, устроенного под расшатанной паркетиной, увесистый сверток.

Криво усмехнувшись, прочитал пожелтевшее, потертое на сгибах переводное письмо, подтверждающее, что Ауров имеет счет в некоем банке, до которого ему уже не добраться.

— А процентики-то идут! — сказал Ауров и отмахнул чертика, надоедливо скакавшего по столу.— Проценты идут, а хозяин не нужон...

Не спеша зажег спичку и смотрел оцепенелыми глазами, как горит плотная с водяными знаками бумага, которую сберегал с семнадцатого года.

Смял, растер в пыль бумажный пепел и показал кукиш вертлявому чертику.

— Накося-выкуси!

Достал из свертка холодно поблескивающий металлом браунинг, передернул затвор и медленно нажал спуск.

— Белая горячка, Вячеслав Рудольфович... Кто знал, что он так перепугается, встретившись с Нифонтовым. Казалось, мужик крепкий, и — на тебе!..

Голос у Сыроежкина был обескураженный. Тщательно разработанный план операции неожиданно развалился.

— На Горовского объявили розыск...

— Не просто будет его найти, Григорий Сергеевич. Наверняка под другой фамилией уже разгуливает... Да, допустили мы с вами ошибку. Не учли психологического состояния Аурова. Чересчур натянутая тетива ломает лук... Много мог бы нам рассказать Епимах Ауров, но голого, как говорится, раздеть невозможно. Переключайте все силы на Горовского. Найдите, выявите все связи, встречи, разговоры. На даче все еще раз внимательно осмотрите. Не может быть, чтобы он никакого следа не оставил. Криминалистика такое положение отвергает.

Писать было трудно. В груди лежала щемящая тяжесть, словно там все затвердело, спеклось в один жгучий ком и не хватает сил, чтобы его продохнуть. В корзине белели скомканные черновики. Перо цеплялось за бумагу, и крохотные фиолетовые брызги рассеивались между строками.

«Дорогие товарищи!

Дзержинский умер.

Нет больше в наших рядах нашего несменяемого, неповторимого Председателя ВЧК—ОГПУ.

Нет больше в наших рядах первого чекиста, друга-товарища, учителя-вождя.

Безмерно велика эта утрата для нашей партии, для Советского Союза, для рабоче-крестьянских масс нашей страны...»

Перо остановилось. В памяти всплыл зал заседания Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и Феликс Эдмундович на трибуне. Его скупые жесты и беспощадные слова, западающие в душу.

«...вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя... никогда... Я никогда не крив-

лю своей душой, если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...»

Он не мог говорить и делать наполовину, этот пламенный человек, который нес на своих плечах работу Председателя Высшего Совета Народного Хозяйства и Председателя ОГПУ.

«Поэтому вы видите, что именно все те данные и все те доводы, которые здесь приводила наша оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той творческой работе, которую Политбюро и пленум ведут» — закончил под аплодисменты Феликс Эдмундович выступление.

Слушавшие замечали, что Дзержинский крепко прижимает левую руку к сердцу. К концу выступления он стал прижимать к груди уже обе руки.

Со стороны это можно было принять за ораторский жест, и никому не пришло в голову, что каждое произнесенное слово отдается в груди Дзержинского физической болью, и только воля не позволяет ему прервать выступление.

Вконец перегруженное немыслимой работой, тюрьмами и ссылками сердце «железного Феликса» не выдержало напряжения.

Перо выводило скорбные слова приказа-обращения ОГПУ ко всем чекистам.

«...Но особенно тяжела эта потеря для нашей чекистской семьи.

Бесконечно велика, до физической боли ощутима наша утрата. Но не должно быть места в наших рядах унынию и упадку. Бодрости, вере в дело пролетарской революции, в дело коммунизма учил нас т. Дзержинский... Мы должны чрезвычайно беречь и укреплять тот неисчерпаемый запас доверия, тот громадный авторитет в рабочем классе, которые ВЧК—

ОГПУ приобрели в истекшие годы напряженной борьбы...»

Слова обращения наконец обрели упругость. В строчках начинало ощущаться главное, что хотел сказать Вячеслав Рудольфович.

«...Теснее же сомкнем наши ряды. Единой, непоколебимой чекистской стеной мы отразим все атаки контрреволюции...»

Тридцатого июля двадцать шестого года Вячеслав Рудольфович Менжинский был назначен Председателем ОГПУ. Преемником Дзержинского на этом посту ему было суждено оставаться до конца своей жизни.

Глава 14

— Надеюсь, хоть вы, господин Менжинский, объясните мне причину ареста.

— Задержания, Раздолин,— поправил Вячеслав Рудольфович и придвинул к себе папку.— Прошу садиться.

Темные глаза сквозь стекла очков внимательно следили, как бывший войсковой старшина, одетый в новенький английский френч, прошел к столу и нарочито свободно, закинув ногу на ногу, уселся на стул.

«Так вот ты какой, Раздолин»,— думал Менжинский, разглядывая сидевшего перед ним человека. Встретились они первый раз, но друг о друге знали давно. Еще с ноября семнадцатого года, когда Раздолин помогал дельцам из Государственного банка выкачивать народные деньги на содержание офицерского союза. В девятнадцатом году Раздолин был связным между подпольным «Национальным центром» и

деникинской разведкой. Тогда он сумел ускользнуть. Сейчас войсковой старшина снова появился на советской земле. На сей раз легально, на законных основаниях. Во всяком случае, внешне обстояло так.

— Не понимаю, чем вызвано такое внимание к моей скромной персоне. Я прибыл в Россию...

— В СССР, господин Раздолин...

— Хорошо... В Союз Советских Социалистических Республик, если вам угодно официальное наименование.

— Угодно, Раздолин, потому что оно соответствует действительному положению вещей.

— Я прибыл в СССР по официальной визе с деловым предложением. Я хочу получить у вас концессию. Дать вам деньги, машины и продовольствие. Вы ведь нуждаетесь в этом?

— Да, мы нуждаемся, Раздолин. Но мы не можем верить в ваш альтруизм. Все, что вы дадите по концессионному договору, вы и возьмете у нас с прибылью на капитал.

— Естественный деловой оборот... Вы ведете разговоры о концессиях...

— Вынуждены вести... В свое время некий войсковой старшина так погулял по казацкой земле, что там во многих местах остались пустоши и печные трубы. А сейчас он приехал в надежде получить за фунты то, что не удалось в девятнадцатом удержать винтовкой... Сменив винтовку на деловые предложения, вы не изменили цель, Раздолин.

— Не понимаю вас.

— Понимаете... Цель уничтожить Советскую власть, стереть с лица земли и прах развеять по ветру. Задержали вас для проверки. Соблаговолите объяснить, почему вам потребовалось перед приездом в Москву посетить в Ницце великого князя Кирилла

Владимировича?.. «Императора Кирилла Первого», как он себя именует. Или тоже деловые интересы?

— Разве могут меня связывать деловые интересы с Кириллом Владимировичем? — возразил Раздолин.— Не скрою, я получил от него письмо с предложением сотрудничества, но при встрече убедился, что это невозможно.

— Почему?

— Вы не поверите тому, что я скажу, господин Менжинский. Но ваш режим для России подходит больше, чем «император Кирилл Первый».

— Интересные суждения. Вы же монархист по убеждениям, Раздолин.

— Да, монархист... Считаю, что правление разумного, дальновидного и просвещенного монарха есть наилучшая форма...

— Вы полагаете, что у «императора Кирилла» отсутствуют эти качества?

— Да. Вас не должны серьезно тревожить его притязания на русский престол. Эти потуги смахивают на опереточный фарс.

— Оригинально,— улыбнулся Вячеслав Рудольфович.— Редко, признаться, доводится встречать таких самокритичных монархистов... Монархия — лучшая форма правления, но «император Кирилл» не подходит. Раньше монархисты были более покладистыми. Признавали императором России любого немецкого князька.

— Времена меняются. История, как вы знаете, не поворачивает вспять. Вашу форму власти, господин Менжинский, воспринимает народ. В сравнении с Советами монархия проигрывает. Даже в глазах таких, как я, убежденных монархистов.

— Но вы наш враг, Раздолин.

 — Да, я не могу сказать, что симпатизирую Сове-

там, господин Менжинский. Но поймите меня, когда деловой человек приезжает с предложением вложить капитал, он верит, что его партнер не окажется банкротом. Я рассматриваю вас как устойчивого и платежеспособного контрагента.

— Резонно и доказательно,— согласился Менжинский.

Он понимал, что сейчас войсковой старшина говорит правду.

— Странно, что у вас, Раздолин, так изменились отношения к великому князю. Вы же состояли в свите. Одно время даже были его адъютантом.

— Прибавьте, господин Менжинский, что я окончил Пажеский корпус и с детства воспитан в безотчетной преданности особам царствующей фамилии. В то время за великого князя я, не задумываясь, мог отдать жизнь. Потом революция... Мой кумир, великий князь Российской империи, нацепил, как гимназист, красный бант и присягнул господину Керенскому, который одно время служил у моего отца юрисконсультом конных заводов. Служил! Получал жалованье... Теперь я понимаю, что стоит пообещать миллионов пять — и Кирилл Владимирович присягнет большевикам. Только вы не будете бросать деньги на ветер... В то время мне впору было пустить пулю в лоб.

— Не пустили, Раздолин. Занялись другими делами.

У войскового старшины вздрогнул острый кадык.

— Не просто было сразу во всем разобраться... Пулю не пустил потому, что обидно было из-за такого человека себя жизни лишать... До сих пор не понимаю, как удалось мне удержаться на ногах? А знаете вы, что в эмиграции я не пошел на поклон ни к Врангелю, ни к Кутепову? Не влезал в долги, не про-

давал ни совести, ни имущества. Уехал в Англию, там встретил Эдит.

— Могу сказать, что в тогдашнем положении вы поступили умно. Выгодно определили последнее, что у вас оставалось...

— Я надеюсь, что Эдит на свободе?.. Прошу иметь в виду, что она британская подданная и у нее английский паспорт.

— Поэтому вы предусмотрительно и захватили ее с собой в деловую поездку... Чтобы в случае осложнений она могла прибежать к консулу и хлопотать об освобождении супруга из лап зверей-чекистов. Так, кажется, вы нас именуете?

— Еще похлеще.

— Невежливо... Мы Интеллидженс Сервис бранными словами не обзываем. Почему из Парижа поехали к нам через Гельсингфорс?

— Так было легче оформить визу, господин Менжинский. Кроме того, мне нужна была крупная партия картона.

По поспешности и четкости ответа Менжинский понял, что Раздолин ждал вопроса и подготовился к нему. По полученным сведениям, партия картона была им действительно закуплена в Гельсингфорсе.

— С кем вы встречались на «даче Фролова»?

Круглые с рысьей желтизной глаза Раздолина удивленно дрогнули.

— Я встречался с представителями русской эмиграции. Как вы понимаете, моя легальная поездка в СССР их весьма интересовала.

— С кем конкретно имели разговор?

— С Бунаковым.

— О чем вы договорились?

— Я ему просто-напросто дал денег... Небольшую сумму в твердой валюте.

— Тысячу фунтов, Раздолин... Мы знаем.

— Я бизнесмен. Зачем мне впутываться в авантюры? Надо смотреть на вещи реально...

Вячеслав Рудольфович слушал войскового старшину и думал, что на открытую борьбу с Советской властью Раздолин теперь не пойдет. Житье на парижских чердаках выучило его. Сейчас войсковой старшина слишком дорожит собственной шкурой и благоприобретенными вместе с Эдит фунтами, которые дают ему возможность, в отличие от эмигрантов-однокашников, носить щегольский френч, шелковое белье и жить в лучших гостиницах.

Недурен аппетит у войскового старшины: получить в концессию добрую сотню квадратных километров южной степи, устроить там конезавод и развести гурты мериносовых овец.

— Мне затруднительно сказать что-либо конкретное, господин Менжинский, но у меня сложилось впечатление, что «дача Фролова» должна вас беспокоить. Ее посещают многие эмигранты. Особенно из числа бывших офицеров...

Менжинский захлопнул папку.

— Теперь я верю, что вы действительно стали деловым человеком, Раздолин. Всем торгуете! От участия в священной борьбе против большевиков откупились тысячью фунтов. Чтобы заручиться поддержкой в отношении концессионного договора, своих нам продаете...

— Но, господин Менжинский, вы неправильно меня поняли.

— Нет, я вас абсолютно правильно понял... Пропуск можете получить у секретаря.

— А мое прошение о концессии?

— Мне кажется, вы несколько опоздали со своим предложением, Раздолин. Конечно, нам трудно, но с

конезаводами и мериносовым овцеводством мы теперь справимся сами.

Из кабинета бывший войсковой старшина уходил по-стариковски сутулясь, едва не загребая по паркету носами добротных туфель британского производства.

Когда за Раздолиным закрылась дверь, Вячеслав Рудольфович подошел к карте.

Глаза нашли в путанице линий кружочек с надписью «Гельсингфорс». Другой точки, которая интересовала Менжинского, на карте не было. Для географов «дача Фролова» была слишком мизерным объектом.

Но если смотреть с другой точки зрения...

Вячеслав Рудольфович нажал кнопку звонка и попросил принести «Гельсингфорскую папку».

В Финляндии после революции осело немало офицеров, которых не оставлял без внимания эмигрантский «Российский общевоинский союз», руководимый оголтелым врагом Советской власти генерал-лейтенантом Кутеповым.

В Гельсингфорсе орудовал его доверенный представитель Бунаков.

Для работы, которой занимался Бунаков, Финляндия представляла идеальное место. Не все беглые офицеры оказались стойкими перед жизненными испытаниями, но пока среди них находилось достаточно таких, кто умел стрелять и другим не желал заниматься. Бунаков держал их на своре умеренными подачками и знал, что за хороший кус можно в любой момент спустить этих борзых.

Финская разведка оказывала Бунакову негласную помощь. Шюцкоры еще не отказались от мечты о «Великой Финляндии». Газеты кричали, что на вос-

ток «Великая Финляндия» должна простираться до Урала.

Существенным было и то, что Финляндия имела с Советской Россией почти тысячекилометровую границу, протянувшуюся от Баренцева моря до Ленинграда. В Карелии граница проходила по дикой тайге, озерам, мхам и торфяным топям, где пограничные заставы не могли надежно заградить путь проводникам, знающим тайные тропы.

Деятельность Бунакова в Финляндии не была секретом. В левых финских газетах то и дело появлялись заметки о сборищах эмигрантских офицерских союзов и «братств». Цензура следила, чтобы нежелательные публикации не попадали в печать. Но она не могла, например, вырезать заметку в хронике происшествий о том, что загулявшие офицеры из «братства георгиевских кавалеров» заставили в ресторане оркестр играть «Боже, царя храни», а потом били бутылками зеркала и вступили в драку с подоспевшей полицией.

Советское правительство заявило несколько протестов по линии министерства иностранных дел Финляндии. Финны ответили, что о политической деятельности каких-либо враждебных эмигрантских групп официальным органам ничего не известно. Мало ли случается происшествий в ресторанах? Это дела частного порядка, к государственным интересам отношения не имеют.

Наркомату по иностранным делам нужны были такие доказательства враждебной деятельности эмигрантских групп, которые финское правительство не смогло бы опровергнуть. Все-таки государственную независимость финны получили от Советской России. И открыто ссориться с СССР финские заправилы не хотели.

Не спеша перелистывая материал в папке, Вячеслав Рудольфович задержал внимание на нескольких страничках. Это была копия давнего письма Сиднея Рейли Бунакову.

Автора письма уже не было в живых. Как и Бориса Савинкова, чекисты переиграли стреляного воробья, опытного разведчика Сиднея Рейли. В сентябре двадцать пятого года Рейли, которого убедили, что «Россия находится накануне важных и решительных событий», перешел советскую границу, был встречен представителями «Треста» и доставлен... на Лубянку.

Вячеслав Рудольфович бережно вынул листки.

«...Третий способ, вне которого, по моему глубокому убеждению, нет спасения,— это террор. Террор, направленный из центра, но осуществляемый маленькими независимыми группами или личностями против отдельных выдающихся представителей власти. Цель террора всегда двоякая: первая — менее существенная — устранение вредной личности, вторая — самая важная — всколыхнуть болото, прекратить спячку, разрушить легенду о неуязвимости власти, бросить искру. Нет террора, значит нет пафоса в движении, значит, что жизнь с такой властью еще не сделалась фактически невозможной, значит, что движение преждевременно или мертворожденно...»

— Мертворожденно,— повторил Вячеслав Рудольфович, закурил папиросу и посмотрел в окно. Было начало апреля, а весна еще не чувствовалась. Тянули сырые знобящие ветры. Они приносили надоедливые дожди. По ночам землю прихватывали заморозки.

Вячеслав Рудольфович взял следующий листок.

«...Я уверен, что крупный теракт произвел бы потрясающее впечатление и всколыхнул бы по всему миру надежду на близкое падение большевиков, а

вместе с тем — деятельный интерес к русским делам. Но такого акта еще нет, а поддержка Европы и Америки необходима уже в начальных стадиях борьбы. Я вижу только один путь приобрести ее».

Крупного теракта у этих господ так и не получалось, хотя не одна группа боевиков была послана через границу.

Чекисты брали всех террористов. Удалось изловить и Эльвенгрена, переброшенного с заданием взорвать ленинградскую водокачку. Штаб-ротмистр на поверку оказался слюнтяем и трусом. Желая спасти собственную шкуру, раскрыл все, что знал о заграничных группах, центрах и связях, источниках получения денег и о друзьях из иностранных генеральных штабов и деловых кругов. Но на совести штаб-ротмистра было много такого, чего нельзя было простить. По приговору военного трибунала Эльвенгрена поставили к стенке.

Что же сейчас в Гельсингфорсе затевается?

Очередным кутеповским эмиссаром оказалась Мария Владиславовна Захарченко-Шульц, родственница генерала, миловидная дамочка с энергичными жестами.

— От организационного этапа мы должны перейти к конкретным действиям,— безапелляционно заявила она Бупакову. Закурила тонкую папироску и покровительственно кивнула представителю «николаевцев».— Генерал доволен вашей работой...

— Польщен отзывом,— вежливо ответил Бунаков.

Ему, боевому офицеру, награжденному «Георгием», было трудно принимать в качестве начальства привлекательную темноглазую дамочку. Вместо того

чтобы выслушивать указания о таких делах, куда женщинам меньше всего требуется совать нос, Бунаков с удовольствием бы пригласил Марию Владиславовну поужинать в ресторане, а потом отвез до утра в собственную холостяцкую квартиру.

Но у госпожи Захарченко-Шульц имелись широкие полномочия Кутепова. Вольностей и ослушаний генерал не допускал, и рука у него была тяжелая.

— Я охотно присоединяюсь к оценке генерала,— сказала Мария Владиславовна и отрепетированно улыбнулась.— Где размещаются ваши люди?

— В Пакенхюле... Там мы сняли два пансионата. Рядом лес и пустыри. Трудновато с оружием. Пока удалось раздобыть несколько револьверов. Используем для тренировочных стрельб.

— Как со взрывчаткой?

— Взрывчатки нет. Кидаем для тренировки жестянку, начиненную песком.

На следующий день поехали в Пакенхюль. На кромке леса возле заброшенного карьера Бунаков собрал подготовленную группу.

Захарченко-Шульц внимательно наблюдала, как боевики швыряют начиненную песком жестянку из-под салаки и всаживают пули в трухлявый пень, к которому была прикреплена самодельная мишень.

— Все должно быть тщательно отработано, господа,— наставительно говорила Мария Владиславовна.— Во время операции у вас будет только единственная возможность... Пожалуйста, попробуйте еще раз, господин Монахов!

— Мономахов, с вашего позволения, сударыня,— хмуро поправил эмиссара человек с утюгообразным лицом и поднял увесистую жестянку, имитирующую бомбу.

Мария Владиславовна приготовила секундомер.

— Внимание!.. По счету три — кидайте. Раз... два... три!

Длиннорукий Мономахов размахнулся и тренированным движением швырнул жестянку точно в круг, очерченный на осевшем апрельском снегу.

— Превосходно! Отличный бросок, господин Мономахов! — похвалила боевика Мария Владиславовна.

Бунаков прятал подбородок в воротник и с молчаливым неодобрением смотрел, как Захарченко-Шульц выступает в роли командира-наставника.

Ощущение Бунакова передалось боевикам. Стреляли они вяло и непростительно мазали. Даже Савельев, умеющий мгновенно выхватить из кармана пистолет и почти не целясь выпустить без промаха обойму, сегодня несколько раз посылал пули «за молоком».

Мария Владиславовна вытягивала руку с секундомером, отдавала команду и первая кидалась к мишеням.

— Благодарю вас, господа! — нахваливала она расклеившихся боевиков.— Я уверена, что наши героические усилия всколыхнут истинных патриотов, и священная война вспыхнет очистительным ураганом. Заря свободы снова засверкает над нашим обновленным отечеством...

— Простите, мадам... Насчет «зари свободы» ясно,— перебил Мономахов разговорившегося эмиссара.— Когда мы пойдем на дело?

— Когда получите приказ,— жестко осадила Мария Владиславовна любопытного боевика. Прошла к автомобилю, подобрав намокшую юбку, ловко нырнула на сидепье и укатила из Пакенхюля.

Глава 15

— Получено новое сообщение, Вячеслав Рудольфович,— доложил Нифонтов.— «Тетя Минна» выехала в Гельсингфорс.

— «Тетя Минна»? Непоседливая старушка. Непонятно только, почему «тетю Минну» величают также «дядюшка Пуд»?.. Весьма вульгарные клички. Кто бы подумал, что подобные эпитеты относятся к такой личности, как Кутепов. Доверенное лицо великого князя Николая Николаевича. И вдруг — «тетя Минна». С какой же целью отправилась «тетя» в столь далекое для нее путешествие?

— Видимо, с целью инспекции, Вячеслав Рудольфович. «Тетя Минна» никак не может отрешиться от генеральских привычек. Ей захотелось окинуть командирским взором тех, кого Бунаков собирается направить к нам. Из Пакенхюля молодчики недавно убрались на «дачу Фролова». Боевики усердно занимались метанием бомб. Наверняка нацеливаются на железную дорогу, на водокачки, мосты, привокзальные склады.

— Водокачку или мост, Павел Иванович, одной бомбой не взорвешь... Мне думается, что они решили произвести массовый теракт. Вот когда пригодятся их бомбы. Распорядитесь, чтобы была усилена охрана государственных и партийных учреждений в центральных городах. Особенно в те дни, когда там происходят заседания и ответственные конференции. Надо проследить, не будет ли у «тети Минны» по пути в Гельсингфорс подозрительных контактов. Особенно с представителями иностранных разведок. Ясно, что террористические группы в Финляндии готовятся не без их одобрения. Нам нужно, наконец, добыть неопровержимые доказательства, что финские

официальные лица причастны к подготовке террористов.

— Бунаков осторожничает...

— А что ему остается делать?.. Фамилии и клички участников террористических групп известны?

— Не все... Много боевиков привлечено впервые. В этом направлении идет необходимая работа, Вячеслав Рудольфович.

— Отлично... Боевики не пойдут на железную дорогу... Взрыв водокачки на какой-нибудь станции вряд ли удовлетворит Кутепова. Для такого пустяка он не поехал бы сам в Гельсингфорс. Этих господ интересует большой шум. Раз так, то террористов нацелят на Москву, на Ленинград.

— В Ленинград, а тем более в Москву им не пройти. Если, конечно, мы сами не захотим этого.

— Не захотим,— более жестко, чем обычно, ответил Вячеслав Рудольфович.— Границу надо закрыть плотно. Особенно на Ленинград. Уверенность — дело нужное, но в нашей работе при девяноста девяти процентах надежности всегда надо теоретически предусматривать и один процент на собственные промашки. Оптимальным результатом нашей контроперации было бы задержание кутеповских боевиков с поличным при переходе границы. Тогда финнам трудно будет отрицать, что они засланы не с их территории. Но, возможно, «тетя Минна» такой вариант учитывает, и боевиков прямо на Ленинград направлять не будет.

— Сложнее, если пошлют в обход.

— Сложнее не только для нас — и для генерала Кутепова. Но такую возможность тоже предусмотрите в оперативных разработках. Каждое новое сообщение о «тете Минне» прошу покорнейше докладывать мне лично. Что еще у вас?

— Сообщение об опасном буйстве в Липнянской трудовой колонии, Вячеслав Рудольфович. Тамошние «орлы» изготовили самодельный порох, из обрезков труб сделали несколько ружей...

— Мастеровые ребята...

— Эти «мастеровые ребята» открыли такую стрельбу, что местная милиция разбежалась... Начальник трудколонии Кирьяков, по-моему, не дает в своем объяснении должной оценки происшедшего; считает это чуть ли не простым мальчишеским озорством, хотя воспитанники пытались в целях ограбления подорвать кладовую.

— Это доказано?

— Зачем же еще подрывать кладовую, Вячеслав Рудольфович?

— Ладно, Павел Иванович. Теоретизировать не будем. Оставьте материалы, я посмотрю.

Когда Нифонтов ушел из кабинета, Вячеслав Рудольфович порылся в ящике стола и извлек листок с собственноручными записями:

«1. Изучить положение, размеры и причины... правонарушений среди детей, подростков и молодежи.

2. Наши заведения для преступных детей.

3. Непременно написать статью об этом».

В калейдоскопе неотложнейших дел как-то не дошли руки до этого маленького плана. Сейчас, перечитывая его, Менжинский искренне и запоздало жалел о том.

Настольный календарь был густо усеян пометками. Вячеслав Рудольфович просмотрел их, вычеркнул несколько записей, убористым почерком написал два слова: «Липнянская трудколония» и поставил восклицательный знак.

— Обязательно съездить,— сказал он сам себе.— Без предупреждения и парада.

Милиционер, стоящий возле ворот бывшего монастыря, в котором размещалась трудовая колония ОГПУ, оторопел, сообразив, что человек в пенсне и мягкой шляпе с шелковой лентой есть Председатель ОГПУ.

— Так что приказано воспитанников в город не допускать! — отрапортовал он.— Потому беспорядки и хулиганство.

— Мне говорили, что здешняя милиция убегала...

Милиционер переступил с ноги на ногу и лицо его стало осмысленнее.

— Не будешь же в детишек из наганов палить, товарищ Менжинский... Ребятня — она ребятня и есть... Разобраться бы нашему товарищу начальнику, а он сразу их потащил в КПЗ.

Из расспросов выяснилось, что в беспорядках был виноват и горячий начальник местной милиции.

Порох воспитанниками был в самом деле изготовлен. Но без злого умысла, а из простой мальчишеской любознательности и неодолимой тяги ко всему, что гремит и взрывается. В этих же целях за монастырской пристройкой, где помещались кладовые колонии, была испытана самодельная бомба, сооруженная из дуплистого полена. Заряд ее рассчитали по принципу «чтоб бабахнуло, так бабахнуло». От взрыва вылетели окна в кладовой, и перепуганный кладовщик помчался в милицию. Кирьякова в это время в колонии не оказалось. Прибывший наряд милиционеров без долгих разговоров забрал участников эксперимента и под конвоем препроводил их под арест.

Вот тогда-то появились ружья из обрезков водопроводных труб и лихая сотня помчалась выручать попавших в беду корешей...

Молодой подтянутый человек в гимнастерке, туго перепоясанный ремнем, строевым шагом приблизился к Менжинскому.

— Товарищ Председатель ОГПУ,— взяв под козырек, четко начал он доклад.— Воспитанники трудовой колонии находятся на занятиях в соответствии с распорядком дня. Происшествий нет.

— А это, товарищ Кирьяков? — кивнул Вячеслав Рудольфович на милиционера у ворот.— Это считаете не происшествием?

У Кирьякова напряглись скулы.

— Пост выставлен милицией без всяких оснований. Он оскорбляет достоинство колонистов... Убедительно прошу снять пост, товарищ Председатель ОГПУ.

Вячеслав Рудольфович поглядел на милиционера, скучновато прохаживающегося возле ворот, и сказал ему, что тот может быть свободен.

— Ну, а теперь показывайте хозяйство, товарищ Кирьяков... И покорнейше прошу, без официальностей...

— С чего начинать, товарищ Менжинский?

— Начинать надо всегда с начала,— усмехнулся Вячеслав Рудольфович, неприметно разглядывая начальника трудовой колонии, бывшего беспризорника по кличке «Сычуг», с которым чекисты познакомились во время операции по давнему уже теперь делу «Московского национального центра». Какой парень вымахал!

— Наш приемник,— сказал Кирьяков, открыв дверь в комнату со сводчатым потолком. В комнате стоял стол и несколько стульев. Сидя на полу и забившись в угол, нелюдимо поглядывал из-под козырька рваной кепки тощий и грязный парнишка лет тринадцати.

— Сегодня доставили... Карманные кражи и попрошайничество. Сняли с поезда.

— Чего же он здесь сидит?

— Бани боится, товарищ Менжинский...

— Не хочу я в колонию,— визгливо заорал парнишка.— Тут меня коммунистом сделают!

— Не получится из тебя коммунист,— улыбнулся Кирьяков.— Мал ты еще и глуп. Сначала мы тебя в школу пошлем, на сапожника выучим, а потом уже сам посмотришь.

— Все равно убегу!

— Много раз бегал? — спросил Менжинский.

— Ага, гражданин начальник!.. Недавно из ардома связкой утекли... Мне выпало кинуться в ноги мильту и выхватить у него наган... Подкопом бегал, пропилом решеток... Все равно убегу.

— Вот чудак! Да никто здесь тебя не держит. Хочешь беги, хочешь оставайся. Воля твоя. У нас такой порядок.

— Порядок! А у ворот мильт с наганом стоит.

— Нет уже милиционера,— засмеялся Кирьяков.— Вон, погляди в окно!

Парнишка неохотно поднялся и, придерживая рукой драный ватник, выглянул в окно. На лице его появилось недоумение.

— Значит, в самом деле у вас по добровольности? — недоверчиво спросил он.

— В самом деле,— ответил за Кирьякова Вячеслав Рудольфович.

— Раз по добровольности, то нет моего согласия! — решительно заявил мальчишка и боком стал подвигаться вдоль стенки к дверям. Его глаза настороженно смотрели на взрослых. Но никто из них не сделал ни единого движения, чтобы схватить, остановить, преградить дорогу.

Это обескуражило беспризорника. Выскользнув за дверь, он через минуту заглянул в комнату.

— А шамать здесь досыта дают? — деловито осведомился он.

— От пуза! — откликнулся Кирьяков, привыкший уже к таким сценам.— Только решай скорее, а то некогда нам с тобой заниматься.

Парнишка шмыгнул носом и вошел в комнату.

— Ладно, поживу пока... Только все равно убегу... Как солнышко пригреет, так и убегу... А на сапожника долго учиться?..

В спальнях воспитанников была чистота и строгий порядок. Возле кроватей стояли нарядные тумбочки.

— Наши столяры делали, товарищ Менжинский,— похвастался Кирьяков.

Производственные мастерские, размещавшиеся в бывшей монастырской трапезной, оказались такими, какими их ожидал увидеть Вячеслав Рудольфович. В сапожной стояли ряды низеньких столиков, за которыми на табуретках, обтянутых ремнями из кожи, сидело сотни две юных сапожников. Будущие столяры фуговали за верстаками в соседней мастерской.

— Кооператив кустарей, товарищ Кирьяков... На первом этапе может быть и было хорошо, а теперь это прошедший день. Колонисты пойдут на современные предприятия, встретятся с современными машинами... Мастерские надо срочно переводить на индустриальные рельсы.

— Деньги нужны, товарищ Менжинский,— не упустил подходящего случая Кирьяков.— Просим помочь.

— Ладно... Думаю, что для такого дела деньги найдем.

Перед дверью клуба Менжинский услышал звонкий голос в сопровождении дружного треньканья балалаек и мандолин:

...Прощай, шпана родная,
В шалмане мне не жить,
Эх, фомочка стальная,
Тебя мне не носить...

— Репетиция, товарищ Менжинский...— объяснил Кирьяков.

...И шпалер и отмычки
Я с радостью спустил,
И первый стих о смычке
В газете поместил.

— выводил на сцене мальчуган с копной русых волос, курносым носом и неожиданно серьезными глазами.

— Микешин Ваня,— сказал Кирьяков, кивнув на певца.— Способный парень. Сам слова сочиняет... Хочет писателем стать.

— Писателем? — удивился Менжинский.

Когда песня была окончена, оркестр во главе с солистом встал, приветствуя начальника трудколонии и Председателя ОГПУ.

Микешин подтвердил намерение стать писателем.

— У меня вдохновение написать пятьсот книг, товарищ Председатель ОГПУ.

— Не многовато ли?

— Почему многовато? — искренне удивился Ваня Микешин.— В Средней Азии я был, на Кавказе тоже, в Киеве, в Одессе, в Соловках...

Загибая пальцы, паренек перечислял пути тяжких странствий, с полной осведомленностью называл «тихие» станции, где не было агентов ОГПУ, рассказывал о порядках на всех известных рынках и клички

«больших», «паханов», зло и жестоко эксплуатировавших вот таких малолеток.

Когда вышли из клуба, Менжинский сказал начальнику трудовой колонии:

— Пусть поют... Это хорошо, когда ребята поют... Ну а как с «изобретателями пороха»?

Кирьяков смутился.

— Погорячились ребята, товарищ Менжинский... Сами поняли. За недисциплинированность наказано двенадцать человек. Совет колонии объявил им по выговору.

— Легко отделались.

— Нет, товарищ Менжинский,— возразил Кирьяков.— Выговор от Совета колонии — это у нас очень серьезное наказание.

Прощаясь с Кирьяковым и воспитателями перед отъездом, Вячеслав Рудольфович неожиданно увидел новенького из приемника. Умытый, остриженный, переодетый и накормленный, он шел по коридору в сопровождении дежурного с красной повязкой. Вид у новоиспеченного колониста был обалделый. Дежурный, придерживая его за плечи, проводил напутственную беседу:

— Тырить ты здесь не думай... Ребята у нас бывалые. Замарают тебя, кореш, начисто, если в неположенное место залезешь... И от курева тоже отучайся. Никотин — злейший враг организма.

Глава 16

— Обстановка, господа, складывается для нас очень благоприятно,— оглядев собравшихся, сказал Кутепов, прибывший на уединенную дачу под Териоками, известную среди посвященных под названием «дача Фролова».

Подготовленные стараниями Бунакова и экипированные Захарченко-Шульц боевики слушали генерала. Боевикам предстояло повернуть вспять историю России, покончить с властью коммунистов и возвратить престол великому князю Николаю Николаевичу, другу и покровителю бывшего командира Преображенского полка Кутепова Александра Павловича, сподвижника Врангеля, получившего от барона звание генерал-лейтенанта.

Время для инспекционной поездки генерал выбрал удачно. К его радости, над большевистской Россией начинали сгущаться тучи. Нужно было лишь усилие, чтобы высечь искру. Тогда сразу полыхнет испепеляющее пламя.

В мае двадцать седьмого года советская торговая делегация заключила в Лондоне соглашение с «Мидлэнд-бэнк», по которому тот принял обязательство финансировать заказы Наркомвнешторга на сумму десять миллионов фунтов. Естественно, с выплатой соответствующих процентов. Соглашение «Мидлэнд-бэнк» подписал отнюдь не из симпатий к большевикам. Просто заправилы банка раньше других учуяли, что на мир надвигается экономический кризис и надо искать спасения собственным капиталам. Глаза их обратились на восток. В России был огромный рынок сбыта. Ей нужно все: станки, паровозы, моторы, сукно, ботинки, карандаши, трансформаторы, тракторы, лабораторное оборудование, измерительные приборы, семена, химикалии, резина. И этот рынок будет расширяться, потому что коммунисты приняли какой-то невероятный план индустриализации страны. Их план, конечно, химера, через год-два он рассыплется как карточный домик. Но на фан-

тазиях большевиков банк продержится самые трудные годы.

Соглашение, заключенное «Мидлэнд-бэнк», заставило задуматься и других банкиров. Кровные интересы бизнеса начали подтачивать непоколебимую, казалось, неприязнь к большевистскому режиму. В конце концов доллары и фунты не пахнут...

Угрожала развалиться еще одна блокада — финансовая, с помощью которой кое-кто надеялся поставить большевиков на колени. Финансовую блокаду надо было спасать. Эти тупоголовые свиньи из «Мидлэнд-бэнк» подрубают сук, на котором сидят.

На следующий день после подписания соглашения помещение смешанного акционерного общества «Аркос», созданного для расширения торговли между СССР и Англией, было захвачено полицией. Такой же налет был произведен на помещение советской торговой делегации на Мургет-стрит.

Министр иностранных дел Чемберлен в ноте, врученной советскому поверенному в делах, заявил:

«Недавний обыск, произведенный полицией в помещениях «Аркос-лимитед» и русской торговой делегации, окончательно показал, что из дома № 49 на Мургет-стрит направлялись и осуществлялись как военный шпионаж, так и разрушительная деятельность по всей территории Британской империи».

Сказано было сильно. Но эффектные слова оказалось трудно подтвердить фактами. Министр внутренних дел лорд Хикс мог лишь заявить в палате общин, что «некто, служивший в помещении Аркоса, незаконно владеет или владел одним официальным документом».

Этого «некто» оказалось достаточно, чтобы правительство Болдуина разорвало отношения с СССР.

— Из хорошо информированных кругов,— напыжившись так, что покраснели уши, продолжал генерал Кутепов,— мне сообщили, что разрыв отношений между Англией и большевиками в самое ближайшее время может перерасти в военный конфликт... В войну, господа офицеры! В военные действия... Да-с!

Восторга по поводу такого сообщения боевики не выразили. Они помнили, что правительство Великобритании десять лет назад уже входило в военный конфликт с большевиками. Кончилось это тем, что британцам пришлось уносить ноги.

— Наша святая обязанность, господа, в это историческое время обратить все силы на борьбу с большевиками. Мы должны проскакать по Русской земле как Георгий Победоносец, беспощадно поражая острыми копьями комиссаров и их змеиных выкормышей... Беспощадно, господа офицеры!

Кутепов перевел дух, вынул белоснежный батистовый платок и промокнул им вспотевший лоб.

— Вырисовываются три направления, по которым мы должны активизировать борьбу,— отбросив патетику, по-деловому заговорил генерал.— Первое — это возможные военные действия. В случае войны у нас должны быть готовы активные группы преданных людей. Они вольются в действующие союзные войска в качестве самостоятельных единиц, находящихся под нашим командованием...

Боевики оживленно и заинтересованно переглянулись друг с другом. Кажется, Кутепов сегодня скажет кое-что дельное. «Георгий Победоносец» и «острое копье» уже набили оскомину.

— Да, господа, такая договоренность имеется... На территории России эти группы с самых первых дней будут представлять не только военную, но и административную власть...

— Генерал-губернаторов? — спросил Мономахов.— Так прикажете понимать, ваше превосходительство?

Кутепов уставился на любопытного боевика. Скользнул глазами по его бульдожьей фигуре и, видимо, решил, что на генерал-губернатора Мономахов не потянет.

— Будущую законную власть государя-императора,— уклончиво ответил он.

Встал и осенил себя размашистым крестом. Все собравшиеся на «даче Фролова» последовали примеру Кутепова, выразив тем самым верноподданнические чувства будущему российскому самодержцу.

— Благодарю вас, господа,— взволнованно сказал Кутепов, откашлялся и продолжил: — Вторая задача — это организация восстаний в тылу большевиков... Да, да, восстаний. В каждом городе, в каждом селе, деревне и хуторе. У комиссаров должна гореть под ногами земля. Армии наших союзников должны встретить в России помощь и поддержку всего народа. Для подготовки восстаний надо немедленно послать самых надежных борцов.

Среди собравшихся произошло приметное движение. Бунаков смущенно крякнул и взглянул на Захарченко-Шульц, восторженно внимавшую Кутепову.

Конечно, планы генерал высказывал заманчивые. В Париже их сочинять легко, а каково здесь, в Финляндии, под носом у большевиков выполнить их? Немедленно послать в Россию людей! А где их взять, как снарядить? Как их в Россию переправить? «В каждом городе, в каждом селе...» Бунаков не мог сдержать внутренней усмешки, представив, как несколько тысяч офицеров переходят советскую границу и с наклеенными бородами, в армяках и под-

девках разъезжаются по городам и селам. Чушь какая-то!..

— Эти люди сплотят зреющие в большевистском подполье силы ненависти к комиссарскому режиму и призовут народ к свержению ненавистного ига,— рокотал генеральский бас.— Лавина гнева разольется по России очищающими потоками...

Бунаков вдруг сообразил, что Кутепов верит тому, о чем говорит, и ему стало нехорошо. Где-то в глубине души снова скользнуло желание кинуть к чертовой бабушке этот балаган и удрать подальше. В Аргентину, в Австралию... Под чужим именем, чтобы не достали руки Кутепова.

— Третье, господа, что нам предстоит,— это террор. Беспощадный, карающий террор, который должен на каждом шагу настигать комиссаров!

После генеральской речи был произведен смотр боевикам. В сопровождении Бунакова и Марии Владиславовны генерал Кутепов прошелся по просторной комнате из конца в конец, предоставив боевикам возможность построиться для инспекции.

— Смирно! Равнение нале-во!

В строю стояло девять человек. Для выполнения великих задач «по трем направлениям», о которых только что говорил генерал, преданных борцов было маловато.

Но это не смутило высокое начальство. Генерал шел вдоль строя с таким видом, будто он впрямь, как в давнее время, принимал парад лейб-гвардии Преображенского полка.

Кутепов решил, что не стоит задерживаться с напутственной речью.

— Господа, вы должны гордиться, что первыми вступите на землю нашей многострадальной родины, узурпированной большевиками. Вы кипете зерна,

чтобы заколосилась нива народного гнева. Как только иностранные державы увидят воочию наши героические успехи, со всех сторон посыплются... Я не оговариваюсь, господа офицеры!.. посыплются предложения о помощи и поддержке. Для взрыва мины под ногами комиссаров нужно только поднести огонь к запалу. И этот огонь мы доверяем поднести вам! Дерзайте, и всевышний благословит ваши десницы!

От табачного дыма запершило в горле и невольно вспомнились наставления дежурного в Липнянской колонии о вреде никотина. «Злейший враг организма...»

При грудной жабе надо бы бросить курить. Но добрая затяжка помогала в минуты трудных размышлений, и благоразумные намерения так и откладывались до лучших времен.

Выкуренная папироса оставила горечь во рту и боль в висках, ни на шаг не приблизив к разгадке труднейшего ребуса: куда и с каким заданием отправились с «дачи Фролова» кутеповские молодчики.

«Ленинград!» — снова и снова возникало в мыслях. Конечно же Ленинград, который ближе всего к финской границе. Большой город, где легко укрыться, затеряться в толчее, где можно выбрать объект для диверсии. Кутепов несомненно учитывает и такую сторону операции, как политический резонанс. Диверсия в Ленинграде, в Красном Питере, овеянном легендарной славой городе революции!.. Как об этом можно будет раструбить в газетах! «Удар в сердце большевизма!..» Название можно придумать самое хлесткое.

А вдруг диверсанты минуют Ленинград, пройдут
 в глубь страны и ударят там, где их меньше всего

можно ждать. Кутепов не дурак. Сообразит, что прежде всего чекисты подумают о Ленинграде. Вот тут он и может сманеврировать, отказаться от политического фейерверка, предпочесть ему реальную тяжесть удара. Нацелится на крупный железнодорожный мост, на электростанцию или оборонный завод.

Такой ведь вариант тоже следует предусматривать.

Вячеслав Рудольфович усмехнулся про себя. Вариантов было великое множество. Из них нужно было выбрать один — верный.

Неслышно прикрыв за собой дверь, в кабинет вошел Артузов. Вячеслав Рудольфович машинально взглянул на часы. Шел уже третий час ночи. По всем нормам, служебным и человеческим, полагалось кончить рабочий день.

Вячеслав Рудольфович обрадовался приходу Артузова. С момента первого знакомства в девятнадцатом году их так и продолжала связывать взаимная симпатия. Много раз случалось, что они появлялись друг у друга в служебных кабинетах именно в минуты особо тягостных раздумий, когда не находилось решения, не удавалось выудить и самый малый кончик в запутанном клубке фактов, догадок и предположений.

«Интуиция, что ли?» — думал Вячеслав Рудольфович.

Конечно, Артур Христианович будет сейчас говорить, что нельзя изводить себя работой, что давно надо ехать домой и вообще бессовестно так обращаться с собственным здоровьем...

— Не буду мешать самоотверженному труду,— с улыбкой сказал Артузов, усаживаясь возле сто-

ла.— Я ведь просто так заглянул, Вячеслав Рудольфович.

— Весьма рад, Артур Христианович... Похоже и мне следует сделать рабочую паузу.

Артузов снова улыбнулся и взял из стопки книг на столе первую попавшуюся.

— Мюллер... «Мировая война и германская революция»...

— Представьте себе, он утверждает, что невозможно осуществить социалистическую организацию народного хозяйства только в одной стране. Это при наличии-то Советской России!

— Все критикуете, Вячеслав Рудольфович. А сами когда начнете писать? Вы же в анкете, в графе «профессия», указали — литератор.

— Была такая промашка. Каюсь. Больше так писать не буду. Сейчас, Артур Христианович, мои интересы склоняются в сторону точных наук. Математика, химия...

— Наслышан уже. Рассказывают, что вы на даче чуть ли не химическую лабораторию взялись устраивать.

— За химией великое будущее, Артур Христианович.

— Какую же ошибку Радек допустил? — спросил Артузов, взяв со стола другую книгу.— «Пять лет Коминтерна»... Поглядим, за что же Радеку попало?

Артур Христианович принялся листать книгу.

— Ага! Вот где вы приложили руку... «Картина предстоящего поединка... указывает на хаотический характер, как на основную черту настоящей эпохи...»

— Нельзя же так писать! — воскликнул Вячеслав Рудольфович.— Получается же в таком случае, что все кошки серы... Посмотрите, как он все запутал.

В отношении национализации банков пишет, что мы, мол, опасались, что буржуазия ликвидирует свои текущие счета. Ерундистика! Не это было причиной национализации банков. Не наши опасения, а контрреволюционные действия банков, перевод ими крупных сумм генералу Краснову и компании... Или вот еще у Юлиана Борхардта в его «Экономической истории Германии»...

Наклонив голову, Артузов с мягким вниманием, как он всегда умел делать это, выслушал критику Борхардта и встал.

— Извините, Вячеслав Рудольфович... Дела ждут.

— Да, дела... Я вот над кутеповской шарадой голову ломаю.

— Не просто разгадать,— откликнулся Артузов и повернулся к карте.— Все-таки я думаю, Вячеслав Рудольфович, что — Ленинград. Дальше они пройти побоятся, да и времени у Кутепова нет на обходные пути и дальние дороги. Он понимает, что время работает на нас, и потому будет торопиться.

Когда за Артузовым закрылась дверь, Вячеслав Рудольфович понял, что не отдохнуть, а высказать свое предположение пришел к нему в кабинет Артур Христианович.

«Да, Ленинград»,— мысленно повторил Менжинский, согласившись с доводом Артузова о времени, и подумал, что идет двадцать седьмой год. Десятый год революции. Кутепов безусловно попытается омрачить юбилей Советской власти. В этих условиях логичнее предположить политическую диверсию именно в Ленинграде. В городе, который был колыбелью революции.

Видимо, Артузов прав. Из множества версий найдена одна — наиболее вероятная. Теперь следовало обеспечить ее оперативное развитие.

Глава 17

Уже несколько дней Ларионов, Соловьев и Мономахов скрывались в Левашовском лесу. В буреломной глуши удалось отыскать сухую полянку, окруженную путаным непролазным ивняком. На полянке соорудили шалаш, где укрывали снаряжение и спали по ночам.

По утрам, тщательно приведя себя в порядок, поодиночке отправлялись к дачной платформе. Садились в пригородный поезд и через полчаса оказывались в Ленинграде.

В Ленинграде спешили к газетному киоску и покупали все газеты, какие только в нем оказывались. В ближайшем сквере торопливо листали их.

Нужного сообщения не появлялось.

По первоначальному плану, одобренному генералом Кутеповым, с «дачи Фролова» должны были отправиться три группы боевиков. Но в последний момент проводники, диковатые, до глаз заросшие бородами финны-лесовики, отказались вести такую большую группу. Часть боевиков возвратилась на «дачу Фролова». Остальные пошли через границу в обход, по карельским лесам, по торфяным болотам и топким марям.

После перехода границы боевики разделились. Ларионов, Соловьев и Мономахов двинулись на Ленинград. Они имели задание поджечь какое-нибудь крупное предприятие и произвести несколько террористических актов.

Захарченко-Шульц и Вознесенский направились к Москве. Они должны были организовать взрыв общежития сотрудников ОГПУ на Малой Лубянке.

 Каждый боевик получил два пистолета — большой дальнобойный маузер и маленький семизарядный

браунинг. В заплечных мешках несли гранаты и круглые плоские бомбы.

Планом предусматривалось, что ленинградская группа начнет действовать, когда в газетах появится сообщение о взрыве в общежитии ОГПУ. Чекисты кинутся на этот взрыв, внимание их отвлечется, и вот тогда Ларионов, Соловьев и Мономахов устроят грохот в Ленинграде.

День проходил за днем, а сообщения о взрыве на Малой Лубянке так и не появилось.

— Может, провалились? — сказал Мономахов, когда очередной раз были просмотрены все газеты.

— Все может быть,— откликнулся Ларионов, который в тройке был за старшего.

— А мы тут глаза мозолим,— вступил в разговор Соловьев.— Досидимся, что сцапают... Надо начинать или уходить.

Ларионов покосился на хмурых компаньонов, сидевших на скамейке привокзального сквера, и подумал, что тянуть дальше нельзя.

— Будем действовать самостоятельно,— решил он.

Настроение у боевиков было невеселое. Радужные картинки, которые расписал генерал Кутепов перед отходом групп на задание, оказались липой. Никакие силы в большевистском подполье не зрели, и у комиссаров не горела под ногами земля. Расхаживали они по ней прочно, деловито и без малейшей опаски. Активно занимались хозяйственными делами. Фабрики и заводы работали, биржи труда закрывались. В газетах можно было прочитать объявления, что требуются инженеры, техники, опытные металлисты, путейцы и особенно — строители. Изобилия товаров в магазинах не было, но не было голода и других ужасов, о которых так красноречиво рассказывал Кутепов на «даче Фролова».

Шатаясь по Ленинграду, боевики быстро сообразили, что не только в Смольный, но и в районные советские и партийные учреждения с бомбами и гранатами не пройти. Старательные молодые милиционеры в аккуратной форме требовали пропуска и документы, удостоверяющие личность. Вежливо козыряли и объясняли, что посторонним проходить не разрешается.

Наконец повезло.

— Читайте,— сказал Мономахов, протягивая газету.

В газете сообщалось, что седьмого июня в Деловом и дискуссионном клубе (Мойка, 59) состоится очередное заседание философской секции.

Немедленно отправились на Мойку. В Деловом и дискуссионном клубе была суета и все двери нараспашку.

Трое мужчин с озабоченным видом ходили по клубу, заглядывали чуть ли не в каждую комнату, осматривали входы и выходы.

Вечером в Левашовском лесу, потягивая коньяк, составили план действий.

Минут через пять после начала лекции в вестибюль клуба вошли трое. Огляделись по сторонам и направились к столику, где регистрировались посетители.

— Простите, здесь читают лекцию? — спросил один из пришедших у сотрудницы клуба.

— Да, здесь... Прошу записаться в книге. Документы у вас имеются?

— Пожалуйста,— сказал мрачноватый мужчина с тяжелыми глазами и неподвижным, будто каменным лицом.— Вот мой партбилет.

— Почему у вас такой маленький номер партбилета? — спросила сотрудница, листая странички, чтобы проверить уплату взносов.

— Я из Москвы, у нас там маленькие номера,— с запинкой ответил посетитель.— Видите, я в книге регистрации так и записал «м/б» — «московский билет».

Отметка успокоила сотрудницу клуба. Двое других зарегистрировались в книге аккуратно, и документы их не вызвали никаких вопросов.

В небольшом зале, где читалась лекция, никто не обратил внимания на человека с портфелем, осторожно, как это делают опоздавшие, открывшего дверь. Только лектор досадливо поморщился. Он не любил, когда во время лекции начинают вот так, бочком, проскальзывать в дверь и, пружинисто припадая на носках, проходить по залу к свободным местам.

На этот раз вошедший не стал проходить к креслам. Он настороженно замер, и рука его скользнула под пиджак. Из-за полуприкрытой двери раздалась короткая команда:

— Бросай!

Мономахов выхватил из-под пиджака бомбу и тренированным движением кинул ее в зал. Резко щелкнула отлетевшая чека. Кругляк, начиненный взрывчаткой, тяжело шлепнулся на пол, заставив слушающих вскочить на ноги, кинуться в сторону от бомбы, которая наискось катилась по полу, виляя на неровностях паркета.

Один из слушателей бросился к Мономахову, все еще стоящему возле полураскрытой двери. Схватил его за рукав и занес кулак для удара.

Мономахов, ощутив тиски чужих пальцев, пришел в себя. Рванулся, уклоняясь от удара, выхватил

браунинг, выстрелил в живот тому, кто пытался задержать, и выскользнул за дверь.

В зале тяжело ахнул взрыв. Посыпались разбитые стекла, распахнулась дверь, и клубы седого дыма вывалились в коридор. В дыму стонали, кричали и ругались, что-то падало и трещало.

В вестибюле боевиков остановить было некому. Соловьев, прикрывавший террористов у входа, тоже выскочил из клуба и побежал по улице, держась на некотором расстоянии от Мономахова и Ларионова.

Те двое громко кричали:

— Скорее! Милиция! На помощь!

— Бросили бомбу!..

Из-за угла вывернулся, придерживая на бегу кобуру нагана, молоденький милиционер.

— Что случилось?

— В клуб! Бегите скорее... Там бросили бомбу! — крикнул Ларионов.

У милиционера были наивные глаза и новехонькая гимнастерка, полученная всего месяц назад при вступлении на службу. Увидев клубы дыма, валившие из окон, он выхватил наган и помчался к дому.

Трое сошлись на перекрестке квартала за два от клуба. Окликнули извозчика и поехали к вокзалу. Успели как раз к отходу пригородного поезда и через час оказались на укромной полянке возле шалаша.

— Вкатили большевичка́м горячего под хвост,— сказал Мономахов, ухватил бутылку коньяка и ловко вышиб пробку.

Не успел он сделать и глотка, как Ларионов вырвал у боевика бутылку и швырнул ее в ивняки.

— Уходить! — приблизив к Мономахову серое лицо, крикнул старший.— Немедленно уходить!.. Прямо к границе. Никаких остановок... Будем пробиваться силой!

Торопливо собрали имущество и продукты. Раскидали хрупкий шалаш, присыпали место хвоей и прошлогодними листьями.

Проверили оружие и, ступая след в след, пошли по направлению к Черной речке. В белесом свете июньской ночи неслышно скользили в кустарниках, крались по опушкам, проскакивали безлюдные по позднему времени лесные дороги и далеко обходили жилые места.

На болотистом берегу Черной речки нарвались на пограничный патруль. Открыли огонь. Один из выстрелов уложил собаку-ищейку. Это помогло, перебравшись через болото, оборвать след. Забились в какие-то непролазные дебри и отдышались под вывернутыми корнями обомшелой валежины. Прикинули по карте место, где находились, и круто повернули на север. Шли всю ночь. В предутреннем тумане удалось проскочить сквозь цепочку пограничных дозоров.

Увидев финского солдата, без сил повалились на траву.

Уже в Гельсингфорсе узнали, что взрывом бомбы в Ленинградском Деловом и дискуссионном клубе было ранено двадцать шесть человек. Из них четырнадцать — тяжело.

Бунаков сердечно жал руки, выдал по пачке марок и повез ужинать в дорогой ресторан.

От генерала Кутепова пришло личное поздравление.

Глава 18

В ночь на третье июня дежурный в доме ОГПУ на Малой Лубянке обнаружил в подсобном помещении мелинитовую бомбу весом четыре килограмма. Бомба была немедленно обезврежена.

Оперативное расследование установило, что поздно вечером в подъезде общежития были замечены мужчина и женщина с тяжелым чемоданом. Удалось получить описание их внешности.

— Немедленно начинайте розыск,— распорядился Вячеслав Рудольфович, когда ему доложили о происшествии.— Наверняка будут уходить к границе... Надо перекрыть дороги на Смоленск.

Вскоре поступило сообщение о случае на Яновском спиртозаводе. По дороге Ельшино — Смоленск через территорию спиртозавода шел неизвестный гражданин. Постовой милиционер заявил ему, что проход через территорию завода запрещен, и потребовал документы. Неизвестный выхватил браунинг и выстрелом в упор тяжело ранил милиционера. Работающие неподалеку сезонники, услышав выстрел, кинулись вдогонку за убегавшим человеком. На опушке леса тот стал отстреливаться и ранил еще двоих.

О происшествии было немедленно сообщено в областное управление ОГПУ. Когда оперативная группа прибыла на Яновский завод, неизвестный уже скрылся в лесу.

— Этот молодчик явно из тех двоих, которые нас интересуют,— сказал Менжинский, ознакомившись с оперативным донесением.— Выучка чувствуется, но нервы сдали... На стрельбу быстр. Другой бы не стал обнаруживать себя, предъявил бы какую-нибудь бумагу и выкрутился без шума. Этот напуган и идет на все... О женщине ничего не поступило?

— Пока нет, Вячеслав Рудольфович...

— Надо активно искать, Павел Иванович. Такое зверье, вооруженное пистолетами и гранатами, ни перед чем не остановится... Уже ранено три человека. Срочно усильте наблюдение на вокзалах, перекройте

все западные магистрали. Мобилизуйте милицию... Смоленским товарищам надо помочь.

— Я уже распорядился, Вячеслав Рудольфович. Четыре часа назад в Смоленскую область, в район происшествия, направились две машины с оперативниками.

— Прошу также размножить описание примет террористов и самым незамедлительным способом разослать их сельским советам с нашей просьбой... Да, именно с просьбой помочь ОГПУ в поимке диверсантов.

— Но это же расшифрует наши оперативные действия. Кто знает, кому попадет объявление?

— Советским гражданам, Павел Иванович... Разве это не ясно?

— Это ясно, Вячеслав Рудольфович... Но только ведь среди граждан тоже разные встречаются.

— Прочитав его, диверсанты догадаются, что их ловит ОГПУ,— с улыбкой перебил Менжинский.— Это они знали с той минуты, как их нога ступила на советскую землю. Бдительность и подозрительность — это разные вещи. Ради нескольких подлецов мы не имеем права, Павел Иванович, подозревать каждого советского человека.

— Оперативная работа требует секретности.

— Но я же не приказываю разглашать для всеобщего сведения наши оперативные планы. Речь идет о конкретном случае. Вы опасаетесь, что наше обращение попадет в руки врагов. А вы задумайтесь поглубже над тем, о чем только что доложили... Без нашего обращения рядовой милиционер проявляет бдительность и падает раненым. Рабочие-сезонники без указания свыше кидаются вдогонку за преступником. Знают, что он вооружен, что он будет стрелять, и все-таки организуют погоню... Я не уверен,

был ли у них хоть дробовик. Тем не менее действуют они так, что диверсант должен отстреливаться. За этими фактами стоит наша действительность. На этих фактах, на этой действительности мы и будем строить нашу работу. Да, оперативные планы не должны разглашаться, но из-за этого не доверять всем и каждому было бы грубейшим заблуждением. Наша главная сила не в оперативных работниках, а в народе, в поддержке населения, в высокой сознательности наших людей.

Вознесенский, которого от Яновского завода преследовала оперативная группа, нащупавшая его следы, был обнаружен километрах в десяти от Смоленска, отказался сложить оружие, и в перестрелке был убит. У него нашли пистолет, большой запас патронов, топографическую карту и деньги.

Захарченко-Шульц пробивалась в сторону Пскова. У нее была явка к контрабандистам, которые могли помочь перейти границу. Уже несколько дней она шла на запад. Старательно обходила деревни и села, отсиживалась в глухомани, прислушивалась к каждому шороху и снова шла прочь от Москвы, ориентируясь по компасу и карте.

Слова генерала Кутепова о таинственном антибольшевистском подполье, которые Мария Владиславовна с восторгом и верой слушала на «даче Фролова», не стоили ломаного гроша.

Чутье подсказывало ей — стоит появиться возле жилья, как ее немедленно схватят самые обычные мужики, которые, случается, поругивают власть и председателя сельсовета, ворчат по поводу нехватки

керосина, ситца и гвоздей, которые воюют со своими сыновьями, желающими закрыть церкви.

Сил оставалось мало. Чекисты шли за ней и шли быстрее, чем Захарченко-Шульц уходила к спасительной границе.

На полянке, заросшей рябинником, она упала плашмя, застыла без движения, чтобы отдышаться, успокоить стук запаленного сердца и на мгновение закрыть глаза.

Спугнул ее приближающийся рокот автомобиля. Мария Владиславовна раздвинула ветки молодого рябинника и сообразила, что отдыхать она устроилась возле шоссе.

Асфальтовая лента плавно заворачивала вправо, и там, невидимый еще за ельником, ворчал приближающийся автомобиль.

Захарченко-Шульц проверила обойму в пистолете. Стряхнула с юбки налипшие соринки и пригладила ладонями волосы. Вышла на шоссе и подняла руку.

Открытый «форд», в котором сидело двое военных, пискнул сигналом и остановился возле молодой женщины.

— Подвезти тебя, красавица? — спросил белозубый водитель и, не дожидаясь ответа, откинул дверцу.— Садись! До Рудни подкинем в момент... А хочешь, так в Смоленск прокатим.

В Смоленск Захарченко-Шульц не требовалось. Ехать ей нужно было в противоположную сторону — на Витебск.

Она улыбнулась, подошла к распахнутой дверце «форда» и выхватила пистолет.

— Поворачивай!

— Ты что, сдурела, тетка! — закричал водитель.— С ума сошла... А ну, убери оружие!

Кричал и понимал, что женщина с оцепеневшими глазами, так неожиданно возникшая на шоссе, пистолет не опустит.

Военный, сидевший позади, рванулся, чтобы выхватить у нее оружие. Из черного дула пистолета полыхнуло обжигающее пламя, и он перевесился через борт автомобиля, достав до земли ватными руками.

Водитель круто вывернул руль, но пули настигли и его. «Форд» потерял управление и беспомощно ткнулся передком в ствол дерева. Мотор заглох. Из радиатора, сбитого ударом, текла вода.

Захарченко-Шульц грубо выругалась. Раненый водитель застонал. Вскинув пистолет, она не целясь выпустила в него несколько пуль и нырнула обратно в густой рябинник.

Теперь надо было как можно скорее уходить от шоссе, где, уткнувшись в ствол сосны, стояла легковая машина и лежали двое залитых кровью людей.

Обращение, разосланное по сельсоветам, подняло на ноги тысячи людей. Члены партии, комсомольцы, активисты, вооружась кто чем мог, встали такими заслонами, что Захарченко-Шульц скоро ощутила невидимую, но прочно опоясавшую ее сеть. Она металась из стороны в сторону, уже понимая, однако, что выхода не найти.

Следы диверсантки обнаружились в районе станции Дретунь. Оперативная группа, которой активно помогали крестьяне ближних деревень, обложила Захарченко-Шульц плотным кольцом на большом поле. Ползком, припадая к вязкому суглинку, она пыталась ускользнуть в лес, но ее заметили деревенские женщины и сообщили оперативникам.

Прорваться сквозь кольцо не удалось. Сдаться родственница генерала Кутепова не пожелала. Залегла на меже и отстреливалась, пока ответная пуля не ужалила насмерть.

В августе на территории Карельской республики были задержаны еще две группы боевиков. Болмасов и Сольский были захвачены на лесной дороге и не успели оказать сопротивления. Шарипа и Соловьева, убивших лесника, настигли на берегу Онежского озера верстах в шести от Петрозаводска. Они оказали вооруженное сопротивление и были убиты в перестрелке.

На суде, где рассматривалось дело о террористах, засланных в СССР, присутствовали представители финского посольства. Прижатые к стене неопровержимыми фактами, они больше не могли отговариваться неведением.

В сентябре двадцать седьмого года финляндское правительство опубликовало официальное сообщение.

«Уже продолжительное время печать СССР вела кампанию против Финляндии за то, что русским эмигрантам в Финляндии якобы разрешается подготовлять террористические акты для осуществления их на территории СССР. В силу этого обстоятельства, а также потому, что Народный Комиссариат по Иностранным Делам обратил на это дело внимание финляндского посланника в Москве, финляндское правительство распорядилось произвести расследование. Выяснилось, что некоторые проживающие здесь русские эмигранты фактически злоупотребляли правом убежища. Вследствие этого трем эмигрантам был вручен приказ о высылке. Расследование продолжается.

О вышеупомянутом сделано в Москве сообщение Советскому правительству».

— Вот так-то лучше,— сказал Вячеслав Рудольфович и не спеша отложил в сторону газету.— Кого же они высылают?

— Ларионова, Мономахова и Шульц-Радковича.

— Шульц-Радкович?.. Значит, и муженька убитой Захарченко-Шульц не пожалели.

— Да... Бунаков пока остается.

Глава 19

— Арестованный Панков, он же Горовский, по заданию оппозиции осуществлял вредительство на шахтах, организовал похищение шрифта из типографии заводской многотиражки, чтобы печатать в подпольных условиях антисоветские листовки...

В Свердловском зале Кремлевского дворца прокатился возмущенный шум. Председательствующий на заседании Пленума Центрального Комитета и ЦКК ВКП(б) Михаил Иванович Калинин строго позвенел колокольчиком.

— Продолжайте, Вячеслав Рудольфович.

— Говорите громче, товарищ Менжинский! — попросили из дальних рядов.

Вячеслав Рудольфович поправил пенсне и откашлялся:

— Я не могу говорить громко. У меня голос такой.

Успокоив взбудораженный зал, Калинин еще раз попросил соблюдать тишину.

— Товарищ Менжинский в самом деле не может говорить громко... Продолжайте, пожалуйста.

Оппозиция пыталась сбивать выступающих истерическими выкриками, шумом и оскорблениями, мешая работе Пленума.

Но она не могла опровергнуть факты.

...Приезд Беленького в Одессу для создания нелегальной троцкистской фракции, план создания которой был разработан по всем канонам нелегальной деятельности — организованы явки, шифрованная переписка, пароли и клички...

...Встречи участников оппозиции, занимавших ответственные посты в Красной Армии, с белогвардейскими офицерами. На этих встречах обсуждались планы вооруженного переворота, который намеревались приурочить к моменту военного нападения империалистических государств на Советский Союз...

...По просьбе оппозиции Щербаков и Тверской имели встречи с врангелевским офицером...

...Попытки наладить каналы связи через границу...

С каждым новым фактом в зале нарастал негодующий шум.

— Позор!

— Предательство и измена!

Да, «новая оппозиция» представляла, по существу, прямой заговор против партии и государства.

Еще в двадцать пятом году январский Пленум ЦК РКП(б) в резолюции о выступлении Троцкого указал, что «в партии и около партии оппозиционные выступления тов. Троцкого сделали его имя знаменем для всего небольшевистского, для всех некоммунистических и антипролетарских уклонов...».

На словах Троцкий и его приспешники подчинились решению Центрального Комитета, на деле же...

Пленум ЦК и ЦКК, тщательно взвесив и оценив неопровержимые, много раз проверенные факты,

обличающие оппозицию, постановил исключить Троцкого и Зиновьева из состава ЦК партии.

Оппозиция не угомонилась. Потерпев провал в предсъездовской дискуссии, она решила открыто апеллировать к массам, и в праздник Октября попыталась организовать антисоветские уличные выступления в Москве и Ленинграде, уже откровенно обнажив свои контрреволюционные замыслы.

Четырнадцатого ноября двадцать седьмого года ЦК и ЦКК исключили Троцкого и Зиновьева из партии.

— Ну вот, Вячеслав Рудольфович, и десятилетнюю годовщину чекисты встречают,— с непонятной грустинкой в голосе сказал Артузов, тронув по давней привычке клинышек подстриженной бородки.

— Встречают, Артур Христианович. Не время проходит сквозь нас, а мы проходим по времени.

— Оставляя убедительные следы.

— Сколько раз нам в жизни сроки отмеривали. Сначала на дни считали, потом на недели перешли, на месяцы. Годовой срок Советской власти, помню, первыми питерские банкиры отвалили. Выпустили в семнадцатом кредитные боны с годичным сроком действия.

— Тут они крупно просчитались,— усмехнулся Артузов.— Банкиров в Питере нет, а жизнь идет.

— Иной раз она мне кажется похожей на океан, Артур Христианович. Один открывает в нем неведомые земли, а второй промышляет салаку.

— Десять лет в семнадцатом нам никто бы не решился отпустить.

— Сами взяли... И сто возьмем, и двести... Жаль, к тому времени нас не будет. Мы на часы жизни иной

раз смотрим как дети, Артур Христианович. Замечаем секундную стрелку и забываем, что часовая тем временем тоже передвигается. И придержать ее нельзя, чтобы успеть со всеми делами. Время! Вот чего действительно не хватает...

— Здоровья тоже, Вячеслав Рудольфович,— посерьезнев, добавил Артур Христианович.— На прошлой неделе к вам в кабинет два раза врача вызывали... Поберечься надо...

— А дела? В связи с неважным самочувствием Председателя ОГПУ временно воздержаться от расследования контрреволюционной деятельности классовых врагов?..

— Это чересчур.

— Зато предельно ясно... Нет, Артур Христианович, сделать нам предстоит еще многое. Вот что пишут в газетах.

Из пачки газет на иностранных языках, которую каждый день приносили на стол Председателя ОГПУ, Менжинский безошибочно вытянул «Берлинер тагеблатт».

— У национал-социалистской рабочей партии, возглавляемой неким Адольфом Гитлером, появились солидные «кредиторы»... Глава Стального треста Тиссен, уполномоченный «Фарбениндустри» Питш, берлинский промышленник Борзиг, генеральный директор концерна Стиннеса Мину... Эти господа деньгами сорить не будут. Год назад господин Гитлер громогласно заявил, что задача его партии — уничтожение большевиков... Придется выехать в Германию, чтобы лично во всем разобраться...

— Выехать вам?

— А что такого?.. Почему в очередной делегации не может появиться, например, скромный эксперт по финансовым вопросам по фамилии Пахомов?

Из полумрака ложи был хорошо виден зал Большого театра. Строгие ряды кресел партера, бронза, бархат, уходящие вверх ярусы.

Те, кто десять лет назад одевался в пиджаки, солдатские гимнастерки, кожаные куртки, шинели и ватники, пришли на вечер десятилетия ВЧК — ОГПУ принарядившиеся, торжественные и немного смущенные столь необычным чествованием.

Обнимались друзья, ходившие плечом к плечу под пулями, попадавшие в бандитские засады, пробиравшиеся в подпольные логова, где любой неосторожный шаг и опрометчивое слово кончались смертью.

Многих служба разбросала по всем городам и весям, и они искренне были рады тому, что выдался случай свидеться, поговорить, вспомнить, помечтать.

В связи с десятилетием ВЧК — ОГПУ за заслуги в борьбе с врагами Советского государства ЦИК СССР и Реввоенсовет наградили ОГПУ орденом Красного Знамени.

«Перед новыми боями с контрреволюцией, подстрекаемой иностранными империалистами, Коллегия ОГПУ выражает уверенность, что товарищи чекисты и впредь сумеют охранить от всех врагов рабочего класса его диктатуру по примеру бойцов-чекистов, павших за коммунизм...» — так было написано в приказе Председателя ОГПУ Менжинского.

За заслуги в строительстве и укреплении органов безопасности Коллегия ОГПУ наградила Вячеслава Рудольфовича знаком «Почетный чекист». Шахтеры Донбасса избрали его почетным забойщиком, железнодорожники — почетным машинистом-наставником,

строители Днепростроя — почетным бетонщиком, бойцы Воронежского полка — почетным красноармейцем.

— Пора начинать, Вячеслав Рудольфович,— напомнил Герсон.— Время...

— Да, да... Конечно...

Увидев Менжинского, зал взорвался аплодисментами. Звонкие, дружные, они неслись из партера, из лож, со всех ярусов театра.

Никто не обращал внимания на поднятую руку, призывающую к тишине и вниманию.

Смущенно улыбаясь, Вячеслав Рудольфович постоял под шквалом аплодисментов, растерянно развел руками и ушел в глубь сцены.

— Вячеслав Рудольфович, надо же начинать!

— Но они там аплодируют и аплодируют... Вы слышите, товарищ Герсон? Как я могу начать...

— Сейчас постараюсь утихомирить.

Но когда Вячеслав Рудольфович появился, зал опять загрохотал.

Сконфуженный, он стоял перед тысячами людей, соратниками, друзьями, близкими. Перед теми, с кем переживал трудные годы борьбы, лишений, побед и неудач. С теми, кто победил вместе с ним и сейчас откровенно радовался и праздновал эту победу. Смелые, преданные, не жалеющие сил и жизни ради того дела, которому с начала века служил большевик Менжинский.

Аплодисменты тех, кто сам был достоин аплодисментов, переполняли душу благодарностью. Разделенная радость была радостнее во сто крат.

Вячеслав Рудольфович открыл торжество и с удовлетворением слушал тех, кто выходил на празд-

нично украшенную сцену театра и говорил, складно или нескладно, но одинаково искренне о прожитых чекистских годах. Эти речи взволновали Менжинского. И Вячеслав Рудольфович снова оказался на трибуне.

— Я не в состоянии ответить на все, что здесь было сказано. Но меня выручает то, что хваля нас, вы хвалите себя... Да и учителя у нас были хорошие. Ленин — вождь, Дзержинский — организатор... И, наконец, сама задача — охрана завоеваний Октября и мирного строительства СССР...

В напряженной тишине зал внимал каждому слову Менжинского, Председателя ОГПУ, коммуниста, ленинца.

Вячеслав Рудольфович говорил, ощущая живую связь со всеми, кто сидел в зале, кто был сейчас за стенами театра на многих тысячах километров Советской страны,— с теми, кто в эти минуты нес чекистскую службу, исполнял высокий долг перед партией и народом.

Залог победы был в этом единении, которое Вячеслав Рудольфович воспринимал сейчас обостренно, глубоко и благодарно.

Оглавление

Барышев Михаил Иванович.

Б26 Особые полномочия. Повесть о Вячеславе Менжинском. М., Политиздат, 1976.

446 с. с ил. (Пламенные революционеры).

Р2 + 3КП1(092)

Заведующий редакцией *В. Г. Новохатко*
Редактор *Л. В. Родкина*
Младший редактор *А. Г. Мартынова*
Художник *Н. А. Абакумов*
Художественный редактор *В. И. Терещенко*
Технический редактор *Е. И. Каржавина*

Сдано в набор 5 сентября 1975 г. Подписано в печать 13 января 1976 г. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 20,21. Учетно-изд. л. 18,70. Тираж 200 000(100 001—200 000) экз. А00007. Заказ № 443. Цена 83 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с матриц в типографии изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.

В 1976 году
в серии «Пламенные революционеры»
выйдут следующие книги:

Николай Атаров,
Магдалина Дальцева
Опоясан мечом.
Повесть о Джузеппе Гарибальди

Владимир Гусев
Легенда о синем гусаре.
Повесть о Михаиле Лунине

Николай Кузьмин
Меч и плуг.
Повесть о Григории Котовском

Василий Лебедев
Обреченная воля.
Повесть о Кондратии Булавине

Михаил Матюшин
Преданность.
Повесть о Николае Крыленко

Еремей Парнов
Посевы бури.
Повесть о Яне Райнисе

Владимир Савченко
Тайна клеенчатой тетради.
Повесть о Николае Клеточникове

